

ВЕСТНИК НИЖНЕВАРТОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Bulletin Of Nizhnevartovsk State University

Журнал издается с 2008 года

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, утвержденный ВАК РФ

СОДЕРЖАНИЕ

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

<i>Алексеева Л. В.</i> СТАНОВЛЕНИЕ ПОЛЯРНОГО ЗЕМЛЕДЕЛИЯ В СССР (на материалах Ямала).....	3
<i>Борисова В. В.</i> ДУХОВЕНСТВО И ПРИХОДЫ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В ЗАУРАЛЬЕ В 1919–1929 гг.	10
<i>Гололобов Е. И., Мостовенко М. С.</i> СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В СФЕРЕ ИЗУЧЕНИЯ БИОРЕСУРСОВ СЕВЕРА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В 1960–80-е гг.	17
<i>Кистерев С. Н.</i> СБОР ТАМОЖЕННЫХ ПОШЛИН В ТОТЬМЕ В СЕНТЯБРЕ 1629 г. И НОРМЫ МЕСТНОЙ УСТАВНОЙ ГРАМОТЫ	25
<i>Митрофанов В. В.</i> К ИСТОРИИ ВИННОЙ ТОРГОВЛИ В БЕРЕЗОВСКОМ КРАЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.....	31
<i>Побежимов А. И.</i> ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ КАРГОПОЛЬСКОГО УЕЗДА СЕРЕДИНЫ XVI – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVII вв.....	37
<i>Степовой А. В., Гребенюков В. И.</i> ЖИЛЫЕ ПОСТРОЙКИ ПОСЕЛЕНИЯ ЮТАНОВКА-2 САЛТОВО-МАЯЦКОЙ КУЛЬТУРЫ (по материалам полевых работ Николаенко А.Г. 1973, 1976 гг.)	45
<i>Федорова М. И.</i> СОЦИАЛЬНЫЕ ГАРАНТИИ В КОЛХОЗАХ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ПЕРИОД 1953–1964 гг.	52
<i>Цысь О. П.</i> ПРАВОСЛАВНЫЕ ПРИХОДЫ ТОБОЛЬСКОГО СЕВЕРА В XIX – НАЧАЛЕ XX вв.: ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ И ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ.....	57

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

<i>Байдуж Д. В.</i> ПЕЧАТЬ В КУЛЬТУРЕ НЕМЕЦКОГО ОРДЕНА (КОНЕЦ XII – НАЧАЛО XIV ВЕКОВ).....	67
<i>Бельцер А. А.</i> МИРОВЫЕ СУДЬБЫ АНГЛО-ШОТЛАНДСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ В 1528–1536 гг.	75
<i>Гладков А. К.</i> ИРЛАНДСКИЙ ИНТЕЛЛЕКТУАЛ ВО ФРАНКСКОМ КОРОЛЕВСТВЕ IX в.: СЕДУЛИЙ СКОТ И ЕГО ТРАКТАТ «О ХРИСТИАНСКИХ ПРАВИТЕЛЯХ»	80
<i>Горбунова С. В.</i> «К ПОДНАЧАЛЬСТВУ И ПРАВОСУДИЮ НЕЧУВСТВТЕЛЬНО ПРИВЫКАТЬ БУДУТ»: УЧАСТИЕ КАЗАХОВ В РАБОТЕ ОРЕНБУРГСКОЙ ПОГРАНИЧНОЙ КОМИССИИ (1799–1869 гг.)	85
<i>Дроконова О. Н.</i> НАЦИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ НА ЭКСПОРТ: УКРАИНСКИЙ ОПЫТ	91
<i>Жолудов М. В.</i> РУСОФОБИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЛОРДА ПАЛЬМЕРСТОНА.....	100
<i>Лабутина Т. Л.</i> НАРОДНЫЕ ДВИЖЕНИЯ В АНГЛИИ В ПРАВЛЕНИЕ КАРЛА II СТЮАРТА (1660–1685 гг.).....	107
<i>Праздников А. Г.</i> СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ УЧАСТНИКОВ БИТВЫ ПРИ МОРТИМЕР КРОСС 2 ФЕВРАЛЯ 1461 ГОДА	112
<i>Савельева А. В.</i> ЖЕНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ ЗА ГРАЖДАНСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРАВА В США (вторая половина XIX – начало XX вв.)	117
<i>Синика В. С.</i> НОВЫЙ ПАМЯТНИК III–II вв. до н.э. НА ЛЕВОБЕРЕЖЬЕ НИЖНЕГО ДНЕСТРА	122
<i>Якубова Л. А., Бадалов М. Ф.</i> МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА ВЕЛИКОБРИТАНИИ В 2010–2015 гг.....	129

Главный редактор

Горлов С. И., доктор физико-математических наук, профессор
(г. Нижневартовск)

Заместитель главного редактора

Коричко А. В., кандидат педагогических наук, доцент
(г. Нижневартовск)

Ответственный редактор

Солодкин Я. Г., доктор исторических наук, профессор
(г. Нижневартовск)

Члены редакционной коллегии

Еманов А. Г., доктор исторических наук, профессор
(г. Тюмень)

Ерохин В. Н., доктор исторических наук, доцент
(г. Нижневартовск)

Ибрагимова Л. А., доктор педагогических наук, профессор
(г. Нижневартовск)

Grabowska Magdalena, доктор экономики (Ph.D)
(г. Плоцк, Польша)

Kludacz Magdalena, доктор экономики (Ph.D) (г. Плоцк, Польша)

Krzetowska Agnieszka, доктор экономики (Ph.D)

(г. Плоцк, Польша)

Кулагин А. Ю., доктор биологических наук, профессор (г. Уфа)

Нурбеков Б. Ж., доктор педагогических наук, профессор
(г. Астана, Республика Казахстан)

Михайлова О. Ю., доктор психологических наук, профессор
(г. Нижневартовск)

Медведев С. С., доктор биологических наук, профессор
(г. Санкт-Петербург)

Овечкина Е. С., кандидат биологических наук, доцент
(г. Нижневартовск)

Усманов И. Ю., доктор биологических наук, профессор
(г. Нижневартовск)

Цысь В. В., доктор исторических наук, доцент
(г. Нижневартовск)

Чорэф М. М., кандидат исторических наук (г. Нижневартовск)

Шаров О. В., доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
(г. Санкт-Петербург)

Editor-in-Chief

Gorlov S. I., Doctor of Physics and Mathematics, Professor
(Nizhnevartovsk)

Deputy Editor

Korichko A. V., Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor
(Nizhnevartovsk)

Executive editor

Solodkin Ya. G., Doctor of Historical Sciences, Professor
(Nizhnevartovsk)

Editorial Board

Emanov A. G., Doctor of Historical Sciences, Associate Professor
(Tyumen)

Erokhin V. N., Doctor of Historical Sciences, Associate Professor
(Nizhnevartovsk)

Ibragimova L. A., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor
(Nizhnevartovsk)

Grabowska Magdalena, Ph.D. in Economics
(Plock, Poland)

Kludacz Magdalena, Ph.D. in Economics (Plock, Poland)

Krzetowska Agnieszka, Ph.D. in Economics

(Plock, Poland)

Kulagin A. Yu., Doctor of Biological Sciences, Professor (Ufa)

Nurbekov B. Zh., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor
(Astana, Republic of Kazakhstan)

Mikhailova O. Yu., Doctor of Psychological Sciences, Professor
(Nizhnevartovsk)

Medvedev S. S., Doctor of Biological Sciences, Professor
(Saint Petersburg)

Ovchikina E. S., Candidate of Biological Sciences, Associate Professor
(Nizhnevartovsk)

Usmanov I. Yu., Doctor of Biological Sciences, Professor
(Nizhnevartovsk)

Tsys V. V., Doctor of Historical Sciences, Associate Professor
(Nizhnevartovsk)

Choref M. M., Candidate of Historical Sciences (Nizhnevartovsk)

Sharov O. V., Doctor of Historical Sciences, Senior Researcher
(Saint Petersburg)

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-55479 от 25 сентября 2013 г.

Журнал индексируется в следующих научных базах:

- Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)
- Научная электронная библиотека открытого доступа КиберЛенинка (CyberLeninka)
- European Reference Index for the Humanities and the Social Sciences (ERIH PLUS)
- Academic Resource Index Research Bible
- Google Академия
- Information Matrix for the Analysis of Journals (MIAR)
- Scientific Indexing Services (SIS)
- Open Academic Journals Index (OAJI)
- Polska Bibliografia Naukowa (PBN)
- Eurasian Scientific Journal Index (ESJI)

Учредитель: ФГБОУ ВО «Нижневартовский государственный университет»

Адрес редакции: Россия, 628605, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, г. Нижневартовск, ул. Ленина, 56

Изд. лиц. ЛР № 020742. Подписано в печать 20.06.2017
Формат 60×84 1/8. Бумага для множительных аппаратов
Гарнитура Times. Усл. печ. листов 12. Тираж 1000 экз.
Заказ 1852

Отпечатано в Издательстве НВГУ
Россия, 628615, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра,
г. Нижневартовск, ул. Дзержинского, 11.
Тел./факс: (3466) 43-75-73, E-mail: izdatelstvo@nvsu.ru

ISSN 2311-1402

© Нижневартовский государственный университет, 2017

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК 93/94

*Л. В. Алексеева
Нижневартовск, Россия*

СТАНОВЛЕНИЕ ПОЛЯРНОГО ЗЕМЛЕДЕЛИЯ В СССР (на материалах Ямала)

Аннотация. В статье с точки зрения актуализации значения арктических территорий в жизни современной цивилизации рассматриваются исторические условия и результаты становления полярного земледелия в СССР на материалах Ямало-Ненецкого округа в период 1930-х гг.

Автор, основываясь на различных видах исторических источников, устанавливает ведущие факторы (в том числе крестьянская ссылка) и средства реализации государственной политики по освоению северных территорий. Ведущим методологическим подходом является мультидисциплинарный, позволяющий с позиций различных наук решить поставленные научные задачи. В статье анализируются важнейшие правительственные решения по хозяйственным вопросам, способствовавшие реализации проекта «полярное земледелие», и документы окружного уровня по созданию условий для развития сельского хозяйства.

Автор приводит сведения о первоначальном опыте земледелия в регионе, о создании предприятий, занимавшихся земледелием, подтверждает динамику аграрного развития статистическими данными. В статье показана роль Главного управления Северного морского пути в экономическом развитии территории. Автор затрагивает и вопрос о научных основах полярного земледелия, игравших исключительно важную роль в организации посевов в условиях тундровых почв. В этой связи положительное значение имело создание на Ямале комплексной сельскохозяйственной станции как подразделения Института полярного земледелия, осуществлявшей большой комплекс опытной работы, снабжавшей семенами выведенных сортов культур предприятия и колхозы. Одновременно в статье подчеркивается и значение местного агронома-любителя Д.М. Чубынина в популяризации земледелия и его развития в Салехарде.

Становление полярного земледелия было обусловлено фактором крестьянской ссылки на Север в русле стратегии советского государства по освоению северных территорий с целью извлечения ресурсов. Создание национальных округов на Севере было также подчинено этой глобальной задаче. На примере Ямала прослеживается реализация государственной политики по аграрному освоению северных территорий, призванных обеспечить население овощами, чтобы если не снять, то минимизировать материальную нагрузку на государство по обеспечению этих территорий продовольствием.

Ключевые слова: Север; полярное земледелие; Ямал; округ; Главное управление Северного морского пути; правительство; постановление; тепличное и парниковое хозяйство; станция; посевная площадь.

Сведения об авторе: Любовь Васильевна Алексеева, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России.

Место работы: Нижневартовский государственный университет.

Контактная информация: 628602, г. Нижневартовск, ул. Мира 3 Б, каб. 311; тел.: 8 (3466) 27-35-10; e-mail: lvalexeeva@mail.ru.

Повышение роли арктических территорий в геополитической и экономической жизни современности делает актуальным обращение к вопросам истории их освоения. В последнее время наблюдается активизация исследований, направленных на изучение процессов экономического развития Севера, переосмысление ранее полученных результатов и на этой основе формулирование новых оценок исторической роли Арктики. В числе работ такого рода заметно выделяется статья ученого из Екатеринбурга К.И. Зубкова, рассмотревшего эволюцию концепции освоения советской Арктики в первой половине XX в. (Зубков 2016: 161–170). В статье не только анализируется влияние геостратегических факторов на формирование советских подходов к освоению Арктики в период между Первой и Второй миро-

выми войнами, но и доказывается, что пространственная организация хозяйства советской Арктики, процесс формирования ее транспортных сетей коррелировали с решением задач обеспечения безопасности СССР в указанном регионе. Автор правильно подчеркивает значение ГУСМП в хозяйственном развитии территории 1930-х гг. (Зубков 2016: 164).

Советское государство, решая стратегическую задачу освоения Севера с точки зрения извлечения имевшихся ресурсов, должно было в первую очередь обеспечить транспортную инфраструктуру и наличие рабочей силы. Основным средством для реализации стратегий хозяйственного освоения Ямальского Севера явилась крестьянская ссылка начала 1930-х гг. Переселение на Север нескольких тысяч раскулаченных кре-

стьянских семей было призвано начать развитие инновационных для российского Севера производств, в числе которых значилось и земледелие, и Ямал здесь не являлся исключением. А.С. Иваненко также считает, что решающее значение в становлении земледелия в ЯНАО имела кулацкая ссылка (Иваненко 2004: 324).

Как известно, административная реформа декабря 1930 г. привела к формированию на Севере СССР восьми национальных округов, в числе которых был и Ямало-Ненецкий (Алексеева 2002: 121–122). В 1930 г. население Ямала составляло всего 23 тыс. человек (Алексеева 2011: 50). Н.А. Михалев привел данные о населении края: по результатам переписи 1926/27 г. на Ямале проживало 13 572 человека, а на 1 января 1933 г. – 26 668 (Михалев 2010: 33–34). По нашим сведениям, к сельскохозяйственным колониям на Севере Западной Сибири было приписано 11 400 крестьян-спецпереселенцев (Алексеева 2011: 248).

До правительственных решений 1930-х гг., направленных на организацию сельского хозяйства в районах Крайнего Севера, в регионе уже имелся минимальный аграрный опыт, связанный с деятельностью Д.М. Чубынина – инженера-агрометеоролога Салехардской гидрометеорологической станции, сыгравшего большую роль в популяризации земледелия. В 1926 г. он стал начальником указанной станции. В следующем году по просьбе Д.М. Чубынина Салехардский сельсовет выделил ему небольшой участок земли (фактически это была тундра), который он и начал готовить к посеву (Иваненко 2004: 324). Следовательно, первые опыты по растениеводству в условиях Крайнего Севера можно отнести к 1927 г. Это произошло после того, как Д.М. Чубынин тщательно изучил научный архив гидрометеорологической станции, проанализировал температуры и пришел к выводу о возможности развития земледелия в районе Салехарда. Для начала опытной работы прежде всего необходим был семенной материал, который в 1927 г. удалось получить из Всесоюзного института прикладной ботаники. Это был набор семян различных сортов овощных культур, послуживших исходным материалом для его аграрных опытов весной 1927 г. Стоит заметить, что обработка участка, осуществление посева и уход за ним производились Д.М. Чубыниным и членами его семьи в свободное от службы время, без привлечения дополнительной рабочей силы. Несколько лет прошли в работе по селекции, и первый хороший урожай был получен осенью 1930 г., что не могло не привлечь внимание жителей Салехарда. Однако последние не спешили заниматься огородничеством, хотя Д.М. Чубынин ежегодно устраивал выставки выращенных на своем участке овощей для

популяризации овощеводства среди северян. Он достаточно продуктивно возделывал картофель, неприхотливые овощи, но также пытался акклиматизировать некоторые ягоды, например, клубнику, высаживал яблони, но те не прижились. А.С. Иваненко писал, что в своем огороде Д.М. Чубынин выращивал малину и смородину, а также разводил некоторые цветочные растения (Иваненко Чубынин Дмитрий Мартинович). Все расходы на сельскохозяйственные работы и селекционные опыты шли из личных средств бюджета Д.М. Чубынина, которых явно было недостаточно.

Подвижничество на уровне земледельца-любителя не могло заставить заниматься сельским хозяйством население. Определяющим условием развития полярного земледелия, по нашему мнению, являлись нормативные документы всесоюзного и всероссийского уровня. 17 декабря 1932 г. правительство приняло постановление СНК СССР № 1873, в котором сообщалось о создании при Совете народных комиссаров Союза ССР Главного управления Северного морского пути. В ведение ГУСМП передавались все существующие метеорологические станции и радиостанции, расположенные на берегу и островах Ледовитого океана. Начальником ГУСМП утвердили О.Ю. Шмидта (Вересоцкий, Гранков 2012). ГУСМП, таким образом, стал координирующей организацией по развитию арктических территорий, которой передали почти все хозяйственные работы к северу от 62 градуса северной широты. Как справедливо заметил Ю.А. Морозов, ГУСМП владело достаточно большими товарными, финансовыми и материальными ценностями. Действительно, в распоряжении этой организации находились не только транспортные средства, техника, продовольствие, приборы, но и высокопрофессиональные кадры, в числе которых было достаточно много ученых. Именно экспедициями Главного управления Северного морского пути было начато экономическое изучение территории ЯННО. С деятельностью ГУСМП в округе связано и становление, а затем и развитие общественного сельского хозяйства (Морозов 2008: 49). 20 июля 1934 г. вышло постановление ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР «О мероприятиях по развитию Северного морского пути и северного хозяйства», в котором конкретизировались функции этой организации. В числе задач Главсевморпути, которые предстояло решить, – необходимость развития баз местных продовольственных ресурсов, направленных на развитие животноводства и земледелия. Главная роль в сельскохозяйственном производстве отводилась колхозам и совхозам, а также государственным пригородным хозяйствам, с тем чтобы в минимально короткие сроки начать на Крайнем Севере производство продовольствия и отказаться от столь затратного для

государственного бюджета ежегодного процесса как «Северный завоз» (Решения: 484). О плане развития местных продовольственных баз исполнительная власть Ямальского округа должна была доложить Главсевморпути к 1 октября 1934 г.

Однако полагаем, что реализация проекта «полярное земледелие» не могла быть начата без землеустроительных работ, что позволило бы выделить земли под сельское хозяйство возникающим государственным предприятиям и колхозам. В этой связи в начале 1930-х гг. центральными органами власти был принят ряд документов, касающихся вопросов землеустройства на Севере. Например, постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 10 сентября 1930 г. «Об утверждении Положения о первоначальном земельно-водном устройстве трудового промыслового и земледельческого населения северных окраин РСФСР» содержало общие положения, основания и порядок первоначального земельно-водного устройства. В нем подчеркивалось, что документ «является сплошным и обязательным» для народов Крайнего Севера (Судьбы: 177–179). Согласно постановлению ВЦИК от 10 сентября 1930 г. вопрос первоначального землеустройства начал прорабатываться и на Ямале. Местная власть придерживалась рекомендаций, при подготовке к землеустройству учитывала, что в первую очередь угодья должны были быть предоставлены колхозам и производственным кооперативным организациям, во вторую – бедняцким и середняцким хозяйствам и в третью – всем остальным хозяйствам (КУ «ГАЮ». Ф. 16. Оп. 1. Д. 23. Л. 6 об.). Однако в 1930 г. колхозов на Ямале еще не было.

9 июня 1932 г. Государственный земельный трест принял постановление «О землеустройстве национальных районов», в котором приоритетное внимание уделено необходимости активизации работ по проведению землеустройства, повышению их качества и усилению надзора за распределением земель. В 1932 г. в аппарате Ямало-Ненецкого национального округа был сформирован земельно-промысловый отдел, на который и возлагалась работа по землеустройству. 15 сентября 1932 г. Ямальский окрисполком принял постановление «О перераспределении земельно-водных промысловых угодий в районах». В документе говорилось: «...в период октября–декабря во всех районах округа провести перераспределение тундровых земельно-водных угодий...» (ГАЯНАО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 38. Л. 7). Работы по землеустройству в Ямальском округе частично были начаты уже в 1933 г., но завершить их к началу войны не удалось (КУ «ИсАОО». Ф. 17. Оп. 1. Д. 980. Л. 4). Таким образом, Ямальский окрисполком на основе принятых решений и при поддержке структур ГУСМП в 1932 г. поставил

задачу – развернуть в производственных масштабах овощеводство, особенно в защищенном грунте.

Возникновение и развитие полярного земледелия принято рассматривать как науку о выращивании продовольственных культур в экстремальных климатических условиях выше 61-й параллели (КУ «ИсАОО». Ф. 17. Оп. 1. Д. 980. Л. 4). Полярное земледелие – это не только наука, но и практика по возделыванию картофеля, овощей, а также кормовых культур в наиболее суровых районах Крайнего Севера. Ни для кого не секрет, что область полярного земледелия расположена в зоне многолетней мерзлоты. Однако известно, что промерзший грунт летом при высоких температурах протаивает на глубину от 20 см до нескольких метров, образует так называемый деятельный слой, используемый для возделывания растений (Полярное земледелие: Большой энциклопедический словарь). Полярное земледелие в СССР начало развиваться в 1920-х гг. на Европейском Севере. Первые опыты показали, что в условиях полярного земледелия преимущественное значение имеет защищенный грунт. В открытом грунте можно вырастить лишь самые неприхотливые овощи и корма, но для этого важно прежде создать культурный слой почвы, обогатить ее перегноем, подвергнуть химической обработке, применить научно обоснованные дозы минеральных удобрений. Важное значение имели подбор скороспелых сортов, а также агротехнические приемы, ускоряющие созревание растений (Полярное земледелие 2016). Большая часть населения Ямальского округа в начале 1930-х гг., в том числе и спецпереселенцы, размещались в районе Салехарда, а там пахотнопригодных почв не имелось, поскольку самым распространенным типом почв являлись тундровые, бедные по своему химическому составу; поэтому первой задачей, вставшей перед новой отраслью, было создание плодородного слоя почвы с необходимыми для роста и развития растений физико-химическими свойствами, а второй – подбор скороспелых и морозоустойчивых сельскохозяйственных культур и их сортов, которые могли вызревать в короткий период (60–70 дней) (Иваненко 2004: 324).

Стоит заметить, что научное обеспечение развития полярного земледелия в СССР осуществляли Полярная опытная станция Всесоюзного института растениеводства, руководимая И.Г. Эйхфельдом, а с 1937 г. и Научно-исследовательский институт полярного земледелия и животноводства ГУСМП с разветвленной сетью сельскохозяйственных опытных станций и опорных пунктов (они размещались в 14 населенных пунктах Крайнего Севера). Одним из подобных учреждений являлась Ямальская опытная станция, ставшая научно-организационным центром развития земледелия в округе. Станция была ор-

ганизована в 1932 г., а в 1937 г. ее передали в систему ГУСМП. В 1938 г. ее объединили с зональной биологической станцией и переименовали в Салехардскую комплексную зональную опытную станцию Института Полярного земледелия, животноводства и промыслового хозяйства. Директором станции с 1936 г. работал Б.В. Патрикеев (Морозов 2008: 52).

Стоит признать, что развитие полярного земледелия в общественных хозяйствах на Ямале в 1930-е гг. было вынужденным делом. С учетом прибывшего контингента ссыльных потребность округа в овощах исчислялась в 3 000 т ежегодно. Выращивание овощей спецпереселенцами было начато в 1933 г. (Алексеева 2003: 197). Б.В. Патрикеевым и Д.М. Чубыниным совместно с Ямальской зональной научной сельскохозяйственной станцией были выведены, апробированы и переданы хозяйствам акклиматизированные, скоропелые урожайные сорта овощных, зерновых, кормовых и технических культур (Прибыльский 2000: 306). Между Б.В. Патрикеевым и Д.М. Чубыниным наблюдалась нешуточная конкуренция. Первые государственные посевы были осуществлены в 1932 г. и составили 7,5 га, в 1933 г. засеяли 22,8 га (Морозов 2008: 50). Когда был создан Ямало-Ненецкий национальный округ (а его организационное оформление завершилось в 1932 г.), Д.М. Чубынин направил в организационное бюро докладную записку, где обратил внимание на необходимость развития в округе земледелия (Алексеева 2011: 52). Документ был изучен и в контексте уже принятых правительственных решений оказался весьма кстати. Первый окружной съезд Советов депутатов трудящихся постановил ассигновать средства на развитие земледелия в округе (650 тыс. руб.). Эти средства предназначались главным образом на организацию в Салехарде овоще-молочного совхоза Главсевморпути (образован в 1936 г. на базе подсобного хозяйства интегральной кооперации). В 1934 г. на заседании Ямальского окружного исполкома было принято решение о рекомендации Салехардской опытной станции использовать в работе опыт, накопленный Д.М. Чубыниным в области растениеводства, рекомендовалось оказывать ему необходимую помощь (Петрищева 2016). Таким образом, это означало, что у огородника-любителя земледельческие результаты были лучше, чем в официальном аграрном учреждении. В 1935 г. в честь пятилетия округа состоялась первая выставка Д.М. Чубынина. Это заставило амбициозного Б.В. Патрикеева активизировать работу станции, что выразилось в 1936 г. в организации опытов по одиннадцати темам для изучения агротехники, испытания некоторых сортов картофеля, овощей и зерновых культур (Морозов 2008: 50).

Общие усилия, предпринятые в округе по развитию земледелия, дали свои плоды во второй половине 1930-х гг., когда парниковое и тепличное хозяйство получило достаточно большое распространение. В артели «За освоение Севера» в теплицах и на полях выращивали картофель и овощи (Тюменская правда 1988). В 1935 г. под овощами было занято 20 га, имелось 1 200 парниковых рам, площадь теплиц равнялась 1 140 кв. м. Особенно впечатляли результаты овоще-молочного совхоза, о котором писали местные и региональные газеты того времени как о невиданном достижении социалистического хозяйства. Салехардский совхоз стал своего рода первым примером советского сельского хозяйства в округе. Здесь выращивали в открытом грунте самые неприхотливые овощи: редис, турнепс, свеклу. Напомним, что Салехард находится на уровне 66 градуса с.ш. Наряду с организацией тепличного и парникового хозяйства шел процесс строительства жилья для рабочих и управленцев, иных зданий, придавалось значение и благоустройству территории, одним словом – это был самый яркий пример успешности полярного земледелия и животноводства. В 1936 г. на Ямале имелось 1 292 парниковых рамы и 1 360 кв. м теплиц. Овощами было засеяно 30 га в открытом грунте (Тарасенков 1937: 78). В 1936 г. урожай в закрытом грунте составлял: огурцов в парниках – 7–8 кг с одной рамы, в теплицах – 5–6 кг с 1 кв. м, лука – 10 кг и помидор – 4 кг с 1 кв. м (30 лет Ямало-Ненецкого округа 1960: 57). Совхоз за три года увеличил посевы в открытом грунте с 2 до 25 га (Мухина 2006: 173). Именно этот совхоз снабжал население Салехарда овощами (морковь, свекла, капуста, лук). Салехардский совхоз за полученные достижения стал дипломантом Всесоюзной сельскохозяйственной выставки 1940 г. К тому времени рабочие совхоза освоили 67 га целинной тундры.

В 1938 г. ГУСМП было упразднено, и в развитии хозяйства округа сразу же стали проявляться неблагоприятные тенденции. У местных советов катастрофически не хватало средств для развития экономики края. В конъюнктурном обзоре хозяйства Ямало-Ненецкого округа за 1939 г. указывалось, что «...сельское хозяйство до сего времени развивается еще крайне слабо. Планы посевов невыполнены (92,3%). Планировалось посеять на 189,36 га, фактически – на 174,92 га. Развитие земледелия было характерно для Шурьшкарского, частично Приуральского района и Салехарда» (Алексеева 2011: 109). На долю колхозов и совхозов приходилось 155,25 га посевных площадей или 80% всего посевного клина округа (Патрикеев 1939: 28), что свидетельствует о слабом распространении земледелия в личных подсобных хозяйствах. Несмотря на увеличение распространения картофеля, в 1939 г. своими семе-

нами округ был обеспечен только наполовину (Алексеева 2011: 109). Продолжал свои агрономические опыты Д.М. Чубынин. Особенно удачными стали работы по возделыванию картофеля. В 1939 г. он получил небывалый урожай картофеля (335 ц с га, за что Главный выставочный комитет утвердил его участником Всесоюзной сель-

скохозяйственной выставки 1939 г. и 1940 г.). Д.М. Чубынин был награжден золотой медалью и занесен в Книгу Почета ВСХВ (Иваненко 2000: 185).

Состояние парниково-тепличного хозяйства в округе накануне войны характеризовалось следующими показателями:

Таблица 1

Парниково-тепличное хозяйство в округе в 1940–1941 гг.

	1940		1941	
	Парники (рамы)	Теплицы (м. кв.)	Парники (рамы)	Теплицы (м. кв.)
Колхозы	1 120	555	837	460
Совхоз НКСХ	600	224	600	224
Всего	1 720	779	1437	684

Уменьшение числа рам и квадратуры теплиц в 1941 г. объяснялось отсутствием стекла для ремонта и сокращением строительства новых сооружений (Алексеева 2011: 108). Сведения, приведенные в таблице, также обнаруживают увеличение доли колхозов в производстве овощей.

В 1940 г. в Ямальском национальном округе было выращено 624 т картофеля и овощей (Прибыльский 2000: 306). Средняя урожайность картофеля в округе, по сведениям Б.В. Патрикеева, составляла 80–90 ц с га (Патрикеев 1940: 43). Сотрудничество с Всесоюзным институтом растениеводства позволяло получать наиболее при-

годные для возделывания сорта. Наиболее удачными по картофелю оказались следующие сорта: «Шестинедельный», «Вермонт», «Азия-5», «Снежинка-2», которые дали урожайность от 250 до 320 ц с га (Патрикеев 1939: 28). Б.В. Патрикеев осуществлял также испытания томатов, но в открытом грунте это было безнадежным делом, томаты можно было вырастить только в тепличных условиях (Патрикеев 1939: 48). В предвоенные годы наблюдалось расширение посевных площадей в округе в открытом грунте. Это был главным образом картофель.

Таблица 2

Рост посевной площади округа в 1940–1941 гг. (в га)

	1940	1941
Колхозы	101,0	134,3
Колхозники	8,3	8,6
Совхоз НКСХ	75,5	70,0
Итого	184,8	212,9

Посевная площадь по сравнению с 1940 г. увеличилась на треть (Алексеева 2011: 108). Колхозы стали основными производителями картофеля для населения.

Таким образом, в 1930-х гг. в экономике Ямало-Ненецкого округа происходит становление инновационной для края отрасли – земледелия. Становление полярного земледелия обусловлено фактором крестьянской ссылки на Север в русле стратегии советского государства по освоению северных территорий с целью извлечения ресурсов. Создание национальных округов на Севере было также подчинено этой глобальной задаче.

На примере Ямала прослеживается реализация государственной политики по аграрному освоению северных территорий, призванных обеспечить овощами население, чтобы если не снять, то минимизировать материальную нагрузку государства по обеспечению этих территорий продовольствием. Административным провайдером проекта «полярное земледелие» выступило сформированное в 1932 г. ГУСМП, располагавшее более значительными материальными, финансовыми, транспортными, кадровыми ресурсами по сравнению с местными органами советской власти для решения поставленных задач.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ГУСМП – Главное управление Северного морского пути

ЯННО – Ямало-Ненецкий национальный округ

ЯНАО – Ямало-Ненецкий автономный округ

ЛИТЕРАТУРА

- 30 лет Ямало-Ненецкого округа. 1960. Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство, 57.
Алексеева Л. В. 2002. Северо-Западная Сибирь в 1917–1941 гг.: Национально-государственное строительство и население. Нижневартовск: НГПИ.

- Алексеева Л. В. 2003. Экономическое развитие Обь-Иртышского Севера в 1917–1941 годах. Трансформация хозяйственного уклада. Екатеринбург: Институт Истории и археологии УрО РАН.
- Алексеева Л. В. 2011. О роли раскулаченных крестьян в сельскохозяйственном освоении северо-западной Сибири // История сталинизма: крестьянство и власть. Международная научная конференция Екатеринбург, 29 сентября – 2 октября 2011. Москва: РОСПЭН, 248–254.
- Алексеева Л. В. 2011. Ямало-Ненецкий округ в первое десятилетие своей истории (декабрь 1930 г. – июнь 1941 г.). Нижневартовск: НГГУ.
- Берсон Г. З., Шишов А. Д. 2002. Полярное земледелие как научный продукт XX столетия (на примере развития овощеводства защищенного грунта) // Успехи современного естествознания 2, 85–93.
- Вересоцкий Э., Гранков Л. 2012. СМП: Восемь десятилетий по одному пути // Морской флот 6. ГАЯНАО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 38. Л. 7.
- Зубков К. И. 2016. Эволюция концепции освоения советской Арктики в первой половине XX века: геостратегический аспект // Воспитание и обучение истории в школе и вузе: исторический опыт, современное состояние и перспективы развития. Ежегодник. XX Всероссийские историко-педагогические чтения. Ч. 1. Екатеринбург: УрГПУ, 161–170.
- Иваненко А. С. 2000. Д.М. Чубынин – первый агроном Приполярья // Словцовские чтения–2000. Тюмень: ТюмГУ, 185.
- Иваненко А. С. 2004. Земледелие // Ямал. Энциклопедия Ямало-Ненецкого автономного округа: в 3 т. Т. 1. Салехард; Тюмень: ТюмГУ, 324.
- Иваненко А. С. Чубынин Дмитрий Мартинианович, пионер полярного земледелия. URL: <http://gcbs.ru/pub/Personalii/Ciubinin.html> (2016. 14 дек.). КУ «ИсАОО». Ф. 17. Оп. 1. Д. 980. Л. 4.
- Михалев Н. А. 2010. Население Ямала в первой половине XX века. Историко-демографический анализ. Екатеринбург: УрО РАН, 33–34.
- Морозов Ю. А. 2008. Агро-промышленный комплекс Ямало-Ненецкого автономного округа. Тюмень: ЗАО «Сибирский издательский дом».
- Мухина Е. В. 2006. Салехард в панораме Российской истории. Очерки истории Салехарда. Екатеринбург: Банк культурной информации.
- Патрикеев Б. В. 1939. Выращивание картофеля в полярных условиях // Омская область 4, 28.
- Патрикеев Б. В. 1939. Сортоиспытания томат в Ямало-Ненецком округе // Омская область 4, 48.
- Патрикеев Б. В. 1940. Агротехника культуры картофеля на Крайнем Севере // Омская область 5, 43.
- Петрищева И. А. Пионер Северного земледелия. URL: <http://polkrug.ru/news/gorod/den-goroda/3105-pioner-severnogo-zemledeliya> (2016. 25 дек.).
- Полярное земледелие // Большой энциклопедический словарь. Сельское хозяйство. URL: <http://www.edudic.ru/she/2778/> (2016. 14 дек.).
- Полярное земледелие. URL: <http://www.booksite.ru/fulltext/1/001/008/045/870.htm> (2016. 25 дек.).
- Прибыльский Ю. П. 2000. Первостроители Ямало-Ненецкого округа // Русские старожилы. Тобольск; Омск: ОмГПУ, 306.
- Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917–1967 гг.). 1967. Т. 2. Москва: Политиздат, 481–486
- Судьбы народов Обь-Иртышского Севера (из истории национально-государственного строительства. 1822–1941 гг.). Сборник документов. 1994. Тюмень: Управление по делам архивов Администрации Тюменской области, Государственный архив Тюменской области, Тюменский областной центр документации новейшей истории, 177–179.
- Тарасенков Г. Н. 1937. Перспективы хозяйственного и культурного развития Обского Севера // Народное хозяйство Омской области 1–2, 78.
- Тюменская правда. 1988. 14 декабря.

REFERENCES

- 30 let Yamalo-Nenetskogo okruga.[30 years Yamalo-Nenets Autonomous district]. Sverdlovsk: middle Urals book publishing house, 1960. Pp. 57. (In Russian).
- Alekseeva L. V. Severo – Zapadnaya Sibir' v 1917–1941 gg.: Nacional'no – gosudarstvennoe stroitel'stvo i naselenie [North-West Siberia in 1917–1941: nation-building and population]. Nizhnevartovsk: publishing house of the NSPI, 2002. (In Russian).
- Alekseeva L. V. Ehkonomicheskoe razvitie Ob'-Irtyskogo Severa v 1917–1941 godah. Transformaciya hoz'yajstvennogo uklada [The economic development of the Ob-Irtysh North in 1917–1941 years. The transformation of the economic structure]. Ekaterinburg: Institute of History and archaeology, Ural branch, Russian Academy of Sciences, 2003. (In Russian).
- Alekseeva L. V. In: Istoriya stalinizma: krest'yanstvo i vlast'. Mezhd.nauch. konf. Ekaterinburg, 29 sentyabrya – 2 oktyabrya [History of Stalinism: peasantry and power. Int. scientific. Conf. Ekaterinburg, 29 September – 2 October]. M.: publishing house of ROSPAN, 2011. Pp. 248–254. (In Russian).

Alekseeva L. V. Yamalo-Nenetskiy okrug v pervoe desyatiletie svoej istorii (dekabr' 1930 g. – iyun' 1941 g.) [Yamalo-Nenets Autonomous district in the first decade of its history (December 1930 – June 1941)]. Nizhnevartovsk: publishing house of NGGU, 2011. (In Russian).

Berson G. Z., Shishov A. D. In: Uspekhi sovremennogo estestvoznaniya. [The Success of modern science]. Vol. 2 (2002): 85–93. (In Russian).

Veresotskiy E., Grankov L. In: Morskoj flot [Navy]. Vol. 6 (2012). Available at: <http://www.morvesti.ru/tems/detail.php?ID=53270>. (Accessed on: 30.12.2016). (In Russian).

Historical Archive of Omsk Oblast. Fund 17. Inventory 1. Case 1. Page 4. (In Russian).

Zubkov K. I. In: Vospitanie i obuchenie istorii v shkole i vuze: istoricheskij opyt, sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya. [Education and learning history in school and University: historical experience, modern state and prospects of development. Yearbook. XX all-Russian historical-pedagogical readings]. Vol. 1 (2016): 161–170. (In Russian).

Ivanenko A. S. In: Slovcovskie chteniya – 2000 [Slavovska reading – 2000]. Tyumen: publishing house of Adam. state University, 2000. Pp. 185. (In Russian).

Ivanenko A. S. In: Yamal. Ehnciklopediya Yamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga [Yamal. Encyclopedia of Yamalo-Nenets Autonomous district]. Vol. 1 (2004): 324. (In Russian).

Ivanenko A. S. Chubynin Dmitrij Martinianovich, pioner polyarnogo zemledeliya [Chubinin Dmitry Martemyanovich, a pioneer of polar agriculture]. Available at: <http://gcbs.ru/pub/Personalii/Ciubinin.html>. (Accessed on: 14.12.2016). (In Russian).

The State Archive of Yamalo-Nenets Autonomous District. Fund 3. Inventory 1. Case 38. Page 7. (In Russian).

Mikhalev N. Naselenie Yamala v pervoj polovine HKH veka. Istoriko-demograficheskij analiz. [The population of Yamal in the first half of the twentieth century. Historical-demographic analysis]. Ekaterinburg: Uro ran, 2010. Pp. 33–34. (In Russian).

Morozov Yu. A. Agro-promyshlennyj kompleks YAmalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga [Agroindustrial complex of the Yamal-Nenets Autonomous district]. Tyumen ZAO «Siberian publishing house», 2008. (In Russian).

Mukhina E. V. Salekhard v panorama Rossijskoj istorii. Ocherki istorii Salekharda [Salekhard in the panorama of Russian history. Essays on the history of Salekhard]. Ekaterinburg: Bank of cultural information, 2006. (In Russian).

Patrikeev B. V. In: Omskaya oblast'. [The Omsk region]. Vol. 4 (1939): 28. (In Russian).

Patrikeev B. V. In: Omskaya oblast'. [The Omsk region]. Vol. 4 (1939): 48. (In Russian).

Patrikeev B. V. In: Omskaya oblast'. [The Omsk region]. Vol. 5 (1940): 43. (In Russian).

Petrisheva I. A. Pioner Severnogo zemledeliya [The Pioneer of Northern agriculture] Available at: <http://polkrug.ru/news/gorod/den-goroda/3105-pioner-severnogo-zemledeliya>. (Accessed on: 25.12.2016). (In Russian).

Polyarnoe zemledelie [Polar agriculture] // Great encyclopedic dictionary. Agriculture / Available at: <http://www.edudic.ru/she/2778/>. (Accessed on: 25.12.2016). (In Russian).

Polyarnoe zemledelie [Polar agriculture]. Available at: <http://www.booksite.ru/fulltext/1/001/008/045/870.htm>. (Accessed on: 25.12.2016). (In Russian).

Prybylski Y. P. In: Russkie starozhily [Russian old-timers]. Tobolsk, Omsk: Omgpu, 2000. Pp. 306. (In Russian).

Resheniya partii i pravitel'stva po hozyajstvennym voprosam (1917–1967 gg.). [The decision of the party and government on economic issues (1917–1967)]. Moscow: Politizdat, 1967. Vol. 2, 481–486. (In Russian).

Sud'by narodov Ob'-Irtyskogo Severa (iz istorii nacional'no-gosudarstvennogo stroitel'stva. 1822–1941 gg.). [The fate of the peoples of the Ob'-Irtys North (from the history of nation-building. 1822–1941.). SB. Documents]. Tyumen: Tyumen, 1994. Pp. 177–179. (In Russian).

Tarasenkov G. N. In: Narodnoe hozyajstvo Omskoj oblasti [The economy of the Omsk region]. Vol. 1–2 (1937): 78. (In Russian).

Tyumenskaya pravda. [Tyumen Truth]. 1988. 14 Dec. (In Russian).

L. V. Alekseeva
Nizhnevartovsk, Russia

THE FORMATION OF ARCTIC AGRICULTURE IN THE USSR (Yamal)

Abstract. From the perspective of importance of Arctic territories in the life of modern civilization the article considers the historical conditions and the results of the formation of polar agriculture in the USSR based on the materials of the Yamalo-Nenets Autonomous District in the period of the 1930s.

Based on the careful study of various historical sources, the author determines major factors (including exile of peasants) and means of state policy implementation regarding exploration of the Northern territories. Interdisciplinary method was used for the purposes of this article. This approach allows exploring the topic from different scientific perspectives. The article analyzes the main state policies regarding agricultural development of the arctic region.

The paper reviews first farming experience in the region and set up of agricultural institutions. The dynamic of agricultural development is supported by the statistical data. The article also dwells on the role that the Main Administration of the Northern Sea Route played in the economical development of the region. The author discusses such issues as scientific basics of arctic agriculture that played an immense role in organization of sowing in Tundra

soil. In this context, the positive significance was the creation of the comprehensive Yamal agricultural station as a division of the Institute of polar agriculture, to carry out a large complex of experimental works to supply the seeds of varieties of cultures, businesses and farms. At the same time the article emphasizes the importance of local agronomist with a passion in promoting agriculture and development in Salekhard – D. M. Chubynina.

The establishment of arctic agriculture was due to the peasant exile to Siberia in line with the strategy of the Soviet state for development of Northern territories to extract resources; the creation of national districts in the North were also subject to this global challenge; the example of the Yamal Peninsula can be traced to the implementation of the state policy on agricultural development of Northern territories, designed to provide vegetables to the population that if not to remove, minimize financial burden from the state to provide these territories with food; the administrative resource of the project «Arctic agriculture» made formed in 1932 house, has bigger potential, compared with the Soviet authorities in solving the problems.

Key words: the North; Arctic agriculture; Yamal; the district; the Main administration of the Northern sea route; government; regulation; greenhouse and greenhouse farming; station; sown area

About the author: Lubov Vasilyevna Alekseeva, Doctor of Historical Sciences, Professor at the Department of Russian History.

Place of employment: Nizhnevartovsk State University.

Алексеева Л. В. Становление полярного земледелия в СССР (на материалах Ямала) // Вестник Нижневартковского государственного университета. 2017. № 2. С. 3–10.

Alekseeva L. V. The formation of arctic agriculture in the ussr(Yamal) // Bulletin of Nizhnevartovsk State University. 2017. No. 2. P. 3–10.

УДК 908

В. В. Борисова
Нижневартовск, Россия

ДУХОВЕНСТВО И ПРИХОДЫ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В ЗАУРАЛЬЕ В 1919–1929 гг.

Аннотация. В статье рассматривается вопрос положения православных приходов и рядового духовенства Зауралья, начиная с реализации норм Декрета советской власти «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» в 1919 г. и до принятия Президиумом ВЦИК 8 апреля 1929 г. постановления «О религиозных объединениях», которое дало старт форсированному вытеснению религии из жизни общества. Целью работы является оценка материального положения духовенства и приходов, объема финансовой и моральной поддержки церкви верующими; выявление степени влияния религии на население в Зауралье. Актуальность исследования обусловлена тем, что выявление и анализ фактов повседневной жизнедеятельности православного мира в постреволюционный период содействуют пониманию глубины веры и роли РПЦ для рядового верующего. Показано, что в период, когда государство решало «церковный вопрос» за счет усиления идеологической борьбы, административного давления, юридических и финансовых ограничений, лишения ряда гражданских прав православная церковь в регионе продолжила свое существование только благодаря усилиям прихожан. Указывается, что верующие не только полностью взяли на себя материальное обеспечение клира и епархиального руководства, но и осуществляли выплаты за пользование храмовым имуществом и оплату налогов, организовывали охрану и ремонт церковных построек. На основе широкой источниковой базы, включающей фонды архивов Тобольска, Тюмени, Кургана и Сургута, проанализированы статистические сведения о количестве прихожан, браковенчаний, крещений и отпеваний в изучаемый период. Данные свидетельствуют о стабильной положительной динамике данных обрядов, и в первую очередь крещения детей. Также были изучены результаты опросов и анкетирования, организованных в школах региона и партучреждениях, свидетельствующие о сохранении влияния религии на жизнь опрошенных и их семей.

Делается вывод, что благодаря помощи прихожан в исследуемый период в Зауралье, хоть и не в полном объеме, но сохранился епископат и епархиальное управление. Также не произошло полного разрушения приходской жизни. На местах в приходах сохранялось самоуправление, все вопросы обсуждались и решались на собраниях. Отмечается, что также имел место рост безбожия и nepотpeбнoгo пoвeдeния нacелeния в oтнoшeнии пpaвoслaвнoгo свящeннoслyжeитeлeй и вepyoщиx.

Ключевые слова: Русская православная церковь; Тобольская епархия; Зауралье; приход; православное духовенство.

Сведения об авторе: Вера Викторовна Борисова, кандидат исторических наук, доцент ка-федры истории России.

Место работы: Нижневартовский государственный университет.

Контактная информация: 628605, г. Нижневартовск, ул. Мира, д. 3 Б, каб. 311, тел. 8(3466) 27-35-10; e-mail: borisovanepi@yandex.ru.

В этом году в нашей стране отмечается столетие октябрьской революции 1917 года. Это событие явилось переломным для всей отечественной истории. Колоссальным изменениям подверглись все сферы жизни общества, в том числе и наиболее инертная и малоподвижная – религиозная. Как известно, советская власть отделила церковь от государств и школу от церкви. Практика реализации законодательства о культурах показала, что политика советов направлена в том числе и на отделение церкви от общества, т.к. в государстве победившего коммунизма не было места религиозному мировоззрению. В этой ситуации церковный организм мог продолжить своё существование только благодаря материальной и духовной помощи прихожан.

Основательное воплощение в жизнь принципов религиозной политики началось в Зауралье с осени 1919 г. после поражения белого движения и установления советской власти в крае.

Летом-осенью 1920–1921 гг. состоялись перевыборы многих благочиннических советов епархии, что можно расценить как попытку наладить нормальную жизнь и управление после установления советской власти. В это время должность благочинного сопровождалась множеством хлопот и скорее всего не оплачивалась, из-за политической ситуации в крае не было возможности реально руководить приходом. Во многом поэтому был велик процент отказов от назначения того или иного священнослужителя на должность благочинного по разным причинам. Так, священник Чуртымской церкви отказался от назначения благочинным в Тарский уезд из-за того, что после ареста и тюремного заключения ему было запрещено покидать Ишимский уезд. Особенно сложная ситуация сложилась в Ишимском уезде из-за Западно-Сибирского крестьянского восстания. Так, Г. Панаев, благочинный 6-го округа Ишимского уезда, сообщал, что «возможность какого-либо сношения с подведомыми причтами исключена вследствие партизанской войны в районе». Священник Семёновской церкви Алексей Мороз жаловался архиепископу Николаю о том, что 1-е благочиние осталось без благочиннического совета: «часть членов эвакуировалась с колчаковцами, часть умерли, убита, разбежалась во время восстания. Много приходов без причтов, во многих богослужения совершаются священниками беженцами из европейской России на незаконных основаниях. Распоряжения не можем получить по почте т.к. на имя благочинного нет доверенности» (ГБУТО ГАТ. Ф. И-694. Оп. 1. Д. 254. Л. 49, 65, 67, 77).

Декрет запретил преподавание Закона Божия в учебных заведениях, но не ограничил подобного рода действия, если они будут совершаться в частном порядке. Так, в Градо-Тюменской Знаменской церкви в 1921 г. значилось 20 мальчиков и 30 девочек. Закону Божьему их учил отец-настоятель и 2 протоиерея. Продолжался процесс назначения и перемещения священнослужителей. Протоиерей Сергей Сергеевич Виноградов в 1918 г. был утверждён в должности законоучителя Ялutorовской учительской семинарии. В 1920 г. вследствие исключения Закона Божия из предметов учебных заведений резолюцией архиепископа Тобольского Николая (Покровского) он назначается к Градо-Тюменскому Знаменскому собору на вторую священническую вакансию. В 1921 г. Тюменским Благочинническим собранием избирается благочинным Тюменских городских церквей.

Затруднительно провести анализ изменения количества прихожан в период с 1919 по 1921 гг. Хотя священнослужители продолжали исправно заполнять ежегодные клировые ведомости, чаще всего в главе «Сведения о количестве прихожан» они оставляли запись «Сведений нет». Весьма обстоятельно причину этого обрисовал священник Градо-Тюменской Знаменской церкви И.И. Страхов: «Ввиду бывшей в 1919 г. эвакуации очень многих прихожан и постепенного возвращения их в Тюмень в настоящее время с размещением по случайным квартирам, находящимся вне пределов приходов, определить точно в цифрах число прихожан с их домами или хозяйством не представляется возможным» (ГБУТО ГАТО. Ф. И-110. Оп. 2. Д. 27. Л. 3 об.; Д. 28. Л. 5 об., 8 об.). Согласно имеющимся у нас сведениям по Градо-Тюменской Спасской церкви, с 1914 по 1920 гг. численный состав прихожан не изменился и составлял в 1920 г., как и в предыдущие годы, 267 домов, 603 представителя мужского и 648 – женского пола (ГБУТО ГАТО. Ф. И-109. Оп. 1. Д. 37. Л. 1 об., 49).

Финансовое обеспечение клира зависело от прихожан. Источниками содержания могли быть: жалование от прихода; доход от братской кружки; плата за требоисправления; добровольные пожертвования. Доход зависел от состоятельности населения, которое составляло приход церкви. Соответственно, клир мог получать средства к существованию из всех перечисленных источников либо выживать на одни добровольные пожертвования. Вместе с тем нами была отмечена определённая закономерность в отношении источников финансирования. Так, если клир не получал фиксированного жалования, то размер

кружечных доходов увеличивался в разы. Наоборот, там, где жалование регулярно выплачивалось, и имели место добровольные пожертвования, кружечный доход был низким. Если прихожане не были уверены в том, что их материальное положение позволит им выполнить взятые перед клиром обязательства, и они не смогут выплатить ему фиксированное жалование, то население отказывалось от ежемесячных выплат и переходило на добровольные пожертвования, объём которых возрастал. Так, священник и псаломщик Иоанно-Богословской церкви пос. Понизовского получали в 1919 г. по 600 и 300 руб. в год, имея 900 руб. кружечного дохода. При этом в 1921 г. причт отказался от ежемесячных выплат, но увеличил пожертвования до 30 000 руб. за полгода (ГБУТО ГАТО. Ф. И-177. Оп. 1. Д. 129. Л. 88, 109).

Вычислить средний доход духовенства не представляется возможным. Данные разнятся и зависят не от количества окормляемых дворов, а исключительно от сознательности и уровня достатка жителей. Так, в церкви в честь Святой Троицы с. Тавдинское Тюменского уезда в 1920 г. числилось 535 домов, с общей численностью населения в 3 475 человек. Они платили священнику 1 000 руб. и псаломщику 500 руб. в год. При Петропавловской церкви в п. Заморозовский в 1919 г. состоял 181 двор и 1 041 житель. Но они платили священнику 2 000 руб., псаломщику 1 000 руб. в год (ГБУТО ГАТО. Ф. И-177. Оп. 1. Д. 129. Л. 122, 146). Там, где население имело возможность, оно увеличивало доходы духовенства. Так, в церкви в честь Святой Троицы с. Тавдинское Тюменского уезда уже в 1921 г. прибавка к жалованию составила 500 руб., а кружечные доходы увеличились с 12 700 руб. до 99 757 руб. Собрание религиозной общины с. Филинское в 1926 г. обязалось ежемесячно платить священнику 20 руб., псаломщику 12 руб., сторожу 5 руб. При этом требы должны были совершаться бесплатно. Уже на следующий год было решено отказаться от ежемесячных выплат причту, но зато вводилась фиксированная плата за требы: заказная литургия – 2 руб., венчание – 3 руб., отпевание – 1,5 руб. (Цысь 2006: 54).

Вместе с тем, прихожанам надлежало не только содержать причт, но и нести заботу о различных выплатах за пользование храмовым имуществом. Так, в Курганском Кафедральном соборе в 1927 г. было израсходовано на отопление 393 руб., на охрану – 472 руб., на ремонт – 154 руб., квартирное пособие причту – по 10 руб. в месяц (ГКУ ГАКО. Ф. Р-1743. Оп. 1. Д. 9. Л. 23). Ко всему прочему следовало платить налоги «на церковь» и выделять средства на содержание епархиального управления. В 1924 г. эта сумма составляла 15 руб. (ГБУТО ГАТО. Ф. И-104. Оп. 1. Д. 48. Л. 5 об.). Прихожане продолжали жерт-

вовать на нужды храма. Так, председатель Юганского сельсовета Сургутского района Кондаков при проверке имущества церкви выявил, что «согласно описи всё имущество на лицо». Кроме того, среди вновь пожертвованного оказалось следующее: 5 фонарей, 8 штор к иконам тюлевых, 8 штор кисейных (Архивный отдел администрации г. Сургута. Ф. Р-105. Оп. 1. Д. 14. Л. 113). Таким образом, материальное обеспечение причта и всего храмового хозяйства полностью лежало на плечах прихожан. Обеспечение благочинного, епархиального архиерея также зависело от верующих. В крупных и более зажиточных общинах священнослужители находились в довольно сносных условиях, в небольших – бедствовали. Священник с. Ярославское Покровской церкви Курганского уезда А. Силивестров в 1928 г., помимо того, что получал от общины 240 руб. в год и братских доходов 150 руб. в год, пользовался лесом, землёй, покосом наравне с гражданами земельного общества, имел свой дом, 14 дес. посева, 3 лошади, 4 коровы, 21 овцу и разную птицу (ГКУ ГАКО. Ф. Р-1743. Оп. 1. Д. 3. Л. 212 об.). Скорее всего, этот случай – счастливое исключение из того крайне бедственного материально-экономического положения, в котором находилась большая часть священнослужителей.

Несмотря на оказываемую помощь прихожан, духовенство оставалось в крайне бедственном положении. Семьи батюшек, как правило, были многодетны, на их содержание требовались немалые средства. К примеру, в 1921 г. диаконы Курганской Троицкой церкви И. Иващенко и П. Ракитянский в своём заявлении отмечали: «Находясь в самом критическом положении относительно продовольственного вопроса, мы решили обратиться за помощью в Приходской Совет, не найдёт ли он возможным принять какие-либо меры к изысканию средств или же выдачею продовольствия (мукою или пшеницею). Семейство наше состоит: у Диакона Ракитянского из 5 человек, а у Диакона Иващенко из 9 человек. В помощи просим нам не отказать» (Зайцева 1998: 127). К тому же, на полученные от прихода деньги было необходимо приобрести вещи и предметы, необходимые в богослужебной практике.

Священники жаловались епархиальному начальству на крайнюю дороговизну продуктов: «...всё покупается и продаётся на хлеб: свечи, ягоды и сахар для вина. Причт содержится на добровольные даяния прихожан за требы и сбор пшеницею» (ГКУ ГАКО. Ф. Р-1743. Оп. 1. Д. 9. Л. 35 об.). Средства на существование находились разными способами. В г. Тобольске протоиерей Тутолмин обменивал муку (два фунта за экземпляр) на составленный им же «Православный календарь» на 1922 год. В Ишимском округе священнослужитель одной из церквей вёл строгий

учёт не только верующих, но и избегающих его. Им были составлены списки лиц, не вносивших свой вклад на содержание церкви. Как правило, таким людям отказывали в совершении треб (Чернышов 2000: 15, 84). Не имея возможности полноценно выполнять свои обязанности и получать за это материальное вознаграждение, духовенство было лишено части гражданских прав. Согласно Конституции РСФСР, принятой 10 июля 1918 г., «монахи и духовные служители церкви и религиозных культов» (Конституция: 680) не могли выбирать и быть избранными. Их занятие приравнивалось к нетрудовым доходам.

Объявленная в 1920 г. всеобщая трудовая повинность давала право на продовольственный паёк лишь тем, кто трудился в гражданских организациях. Поэтому выходом из бедственного материального положения могла служить практика совмещения должности священника и работы в исполкомах, отделах ЗАГС в качестве счетоводов, письмоучётчиков и т.д. Зачастую время богослужения в церкви совпадало с графиком службы в советских учреждениях, что нарушало ход храмовой жизни. В результате священнослужители отказывались от церковных должностей, поскольку «перегружены работами по гражданской службе» (Серазетдинов, Мироненко 2001: 228), что и произошло с церковнослужителем г. Берёзов Тобольской губернии Владимиром Вавилиным. Он работал делопроизводителем в милиции и по этой причине не мог выполнять свои прямые обязанности как глава прихода (Коголь 2005: 79).

Статистические сведения о количестве браковенчаний, крещений и отпеваний за период с 1923 по 1925 гг. на примере 7-го Курганского благочиннического округа иллюстрируют стабильный рост крещений, иногда даже на 60 обрядов больше, чем в предыдущем году. Из 15 церквей лишь в трёх число браковенчаний за три года снизилось. Отпевать по православным канонам стали реже: в 10 церквях из 15, но это сокращение было незначительным (ГКУ ГАКО. Ф. Р-1743. Оп. 1. Д. 8. Л. 3).

Революционные и постреволюционные события не разрушили и приходской жизни. На местах сохранялось самоуправление, все вопросы, связанные с бытностью приходской общины, обсуждались и решались на собраниях. Приходские собрания могли быть очередные – в начале каждого года для заслушивания отчёта о жизни прихода, деятельности церковного старосты и приходского совета и чрезвычайные – для разрешения неотложных дел. Для решения текущих вопросов избирался и действовал приходской совет (Зайцева 1998: 123). Эти органы в течение года функционировали регулярно. В свою очередь, приходской совет из своей среды избирал правление (исполком). Правление составляло президиум

церковного совета. Члены прихода уделяли внимание всем сторонам жизни общины – от ремонта храма до увеличения платы монахиням за службу в церкви. Был учреждён особый фонд, состоящий из добровольных пожертвований от прихожан, который собирался ежемесячно в течение года. Из его средств выделялись суммы для премирования священнослужителей. Осуществляли члены прихода и охрану храмовых построек. Для наблюдения за порядком во время богослужений организовывалось дежурство. В полномочия советов входило и регулирование отношений внутри причта.

В жизни многих людей религия и церковь продолжали играть ту же роль, что и раньше, о чём содержится немало свидетельств в документах и местной прессе. В подтверждение этому приведём цитаты из рапортов священнослужителей. Так, Г. Попов, благочинный 6-го округа Ишимского уезда, сообщал, что прихожане, ожидая приезда своего пастыря, «выстроили дом ... ограду вокруг храма», создали два певческих хора (Коголь 2005: 76–77). Автор корреспонденции из с. Мужы Березовского района сожалел, что в Михайлов день жители села и оленеводы из близлежащих юрт пожертвовали церкви имущества на 700 руб. (20 оленей, олени шкуры и др.), в то время как на эту сумму можно было бы построить школу (Северянин. 1928. 22 января).

Прихожане Курганских церквей сообщали: «Что касается безбожия, то оно заметно лишь среди людей партийных» (ГКУ ГАКО. Ф. Р-1743. Оп. 1. Д. 9. Л. 1). Однако, при обследовании Сургутского Укома было обнаружено, что в квартире секретаря висела икона (Огнём 1996: 125). К 1924 г. в Тюменской окружной организации РКП(б) 3% членов, а это 34 человека из 1145, исполняли религиозные обряды, за что и получили партвызыскание (Отчёт 1925: 36). И это только выявленные случаи. В декабре 1928 г. собрание заведующих школ г. Тобольска большинством голосов отклонило предложение о проведении занятий в дни Рождества. В некоторых учебных заведениях по-прежнему устраивались ёлки, вопреки широко пропагандируемому лозунгу «долой ёлку, этот пережиток старого религиозного быта!» (Северянин 1928. 23 декабря). На совещании Курганского окружного отдела народного образования в ноябре 1928 г. было подчёркнуто, что религиозность имеет место в школах. Среди учителей встречались истинно верующие, посещавшие церковь и молившиеся богу.

Обследование школ Уральской области в 1928 г. показало, что учителя избегали серьёзных разговоров по вопросам антирелигиозного воспитания, а некоторые из них считали возможным совмещение в одном лице верующего и педагога (Козлова 1997: 144). Итоги социологического об-

следования, проведённого в 1928 г. в Тобольске, произвели на его организаторов «удручающее впечатление». Оказалось, что «учащиеся в большинстве в плену религиозного влияния семьи и попов». Так, у 70% опрошиваемых детей школы им. Луначарского дома имеются иконы, 63% семей посещают «попы», 26% молятся дома, 15% ходят в церковь, 2% носят кресты. При этом «краски смело можно сгустить, т.к. несомненно, что ребята старались представить себя менее подверженными тлетворному влиянию религии, чем это есть на самом деле» (Эристов 1933: 83).

В 1927 г. на территории Тобольского округа было зарегистрировано 122 православных общины. Из 150 тыс. русского населения округа в их состав входило 32 тыс. человек. Функционировало 156 православных церквей из 166 существовавших здесь до 1917 г. (Северянин 1928. 6 января).

Наряду с фактами возрождения церковной жизни мы встречаем свидетельства роста безбожия. Священник М. Эктов в конце 1923 г. жаловался епархиальному начальству: «Жизнь священника становится в последнее время слишком тяжела... Недавно мы призвали прихожан идти за нами, но вместо этого они оттолкнулись от нас и полилась на священника всякая напраслина и угрозы. Мне нынче прихожане заявили: “Служи для жидов, с них и получай за труды, а от нас ничего не жди”. Это ещё мало. Многие отказались от церкви и причта и мы остались почти пастыри без овец. А в церкви что творится – дров доставлено очень плохо, содержание причта и сторожа собирают очень лениво, а уж о чём другом и не стоит им упоминать. Есть в приходе переселенцы – домов 200 и вот они отказались от содержания причта и даже выражаются так, что причт обязан выполнять для них всё бесплатно. Школьное дело на деревне замирает с каждым днём. Вот и не знаю что делать с детьми, куда их определить. Так лет по 15–20, стыдно говорить, совершенно стали безбожники» (ГКУ ГАКО. Ф. 1743. Оп. 1. Д. 11. Л. 21).

Государственная идеология атеизма, характеризующаяся вседозволенностью в деле борьбы с религиозным мировоззрением, негласно позволяла и во многом поддерживала непотребное поведение в отношении представителей РПЦ. Так, священник Г. Шорец с. Усть-Ламенского Ишимского округа сообщал: «События последних лет наложили на деревню трудноизгладимый отпечаток, привели её в крайнее расстройство в религиозно-православном отношении. Деревня изменилась до неузнаваемости. Особенно это отразилось

на мужской половине... подчас открытая вражда к религии проявляется на каждом шагу. Исполнение христианских обязанностей, посещение храмов, исполнение постов, говение теперь наблюдается только среди стариков. Разводы и браки без благословения церкви стали обычным явлением, а самогон, матерщина соседствуют с богохульством» (Чернышов 2000: 61).

В 1920-х гг. осквернение храма или унижение священника являлось типичным, обыденным делом и не подвергалось открыто общественному осуждению. Хулиганство молодёжи стало бичом храмов. В д. Б.-Краснояр Тюменского округа в период пасхальных праздников подвыпившие комсомольцы заходили в часовню в шапках и, подходя к церковному старосте, продававшему свечи, спрашивали: «Почём продаёте билеты? Какую ставите сегодня пьесу?». В с. Терсюкском в Великий четверг перед Пасхой группа крестьянских парней зашла в церковную ограду с пением хулиганских песен и гармошкой. Верующие стали выгонять их из ограды, в ответ они забросали церковь кирпичами. Такая же история произошла в с. Плетнёвском, где молодёжью были выбиты стёкла в храме (Чернышов 2000: 77–78).

Таким образом, несмотря на всю сложность переживаемого времени в изучаемый период РПЦ продолжала функционировать. В епархии, хоть и разделённой на части, сохранился епископат и епархиальное управление. Разделение на тихоновцев и обновленцев (Борисова 2016: 21–31) не повлияло на решение верующих верить в бога. Население, как и прежде, посещало храмы. Религия в умах жителей региона сохраняла прочные позиции. Православные жители поддержали РПЦ в сложившейся ситуации, неся весь груз забот о приходе на своих плечах. В отношении религии и церкви среди населения края не было единодушия. Часть молодёжи восприняла атеистические лозунги новой власти. В целом же следует сказать, что верующие оказались в нелёгкой ситуации. В это время церковь становится поистине народной. Тот, кто искренне был предан православным заветам, не оставил церковь в трудную минуту. Тот же, кто и раньше сомневался в своих убеждениях либо был нравственно надломлен кровопролитными событиями революции и Гражданской войны, в результате очерствел и разочаровался в религиозной идеологии, покинул церковную ограду. Не подлежит сомнению факт отхода от церкви значительного количества населения. Это было время крайностей, когда от церкви отпали сомневающиеся и лишние элементы, глупина веры которых была небольшой.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ГБУТО ГАТ – Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске»

ГБУТО ГАТО – Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив Тюменской области»

ГКУ ГАКО – Государственное казенное учреждение «Государственный архив Курганской области».

РПЦ – Русская православная церковь.

ЛИТЕРАТУРА

Архивный отдел администрации г. Сургута. Ф. Р-105. Оп. 1. Д. 14.

Борисова В. В. 2016. Обновленческий раскол в Тобольской епархии // Православие. Наука. Образование 2, 21–31.

ГБУТО ГАТ. Ф. И-694. Оп. 1. Д. 254.

ГБУТО ГАТО. Ф. И-104. Оп. 1. Д. 48.

ГБУТО ГАТО. Ф. И-109. Оп. 1. Д. 37.

ГБУТО ГАТО. Ф. И-110. Оп. 2. Д. 27.

ГБУТО ГАТО. Ф. И-110. Оп. 2. Д. 28.

ГБУТО ГАТО. Ф. И-177. Оп. 1. Д. 129.

ГКУ ГАКО. Ф. Р-1743. Оп. 1. Д. 3.

ГКУ ГАКО. Ф. Р-1743. Оп. 1. Д. 8.

ГКУ ГАКО. Ф. Р-1743. Оп. 1. Д. 9.

ГКУ ГАКО. Ф. Р-1743. Оп. 1. Д. 11.

Зайцева Л. Ю. 1998. Приходская жизнь в Южном Зауралье в первые годы Советской власти // Культура Зауралья: прошлое и настоящее. Сборник научных трудов. Курган: КурГУ, 123–129.

Коголь Т. Н. 2005. Взаимоотношения Русской Православной Церкви и государства в первое десятилетие Советской власти (исторический анализ на материалах Западной Сибири). Томск: ТомГУ.

Козлова М. М. 1997. Учащаяся молодёжь и религия в конце 20-х г. в Зауралье // Культура Зауралья: исторический опыт и уроки развития: Материалы II научно-практической конференции Курган: КурГУ, 143–148.

Конституция (Основной Закон) РСФСР // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. № 51. ст. 582.

Огнём большевизма по русскому православию 1996 // Религия и церковь в Сибири: Сборник научных статей и документальных материалов. Вып. 9. Тюмень: МИ «РУТРА», 121–146.

Отчёт Тюменского Окружного Комитета РКП(б) за период с 28 ноября 1924 г. по 10 ноября 1925 г. Делегату 4-й Окружной Партконференции РКП(б). Тюмень, 1925.

Северянин. 1928. 6 января.

Северянин. 1928. 22 января.

Северянин. 1928. 23 декабря.

Серазетдинов Б. У., Мироненко А. В. 2001. Православные общины Сургутского района в 20-е – 30-е гг. XX века (по материалам Сургутского городского и ведомственного архива) // Северный регион: наука, образование, культура 1(3), 228–231.

Цысь В. В. 2006. Русская православная церковь на Севере Западной Сибири в годы НЭПа // Западная Сибирь: история и современность: Краеведческие записки. Вып. 8. Тюмень: Ю. Мандрика, 115–130.

Чернышов А. В. 2000. Материалы ВЧК-ОГПУ-НКВД как источник по изучению Русской православной церкви в Тюменском крае (1921–1945 гг.). Тюмень: МИ «РУТРА».

Эристов А. Г. 1933. Уральский Север: антирелигиозные очерки Тобольского края. Москва: ГИЗ.

REFERENCES

Archive Department of Surgut Administration. Fund R-105. Inventory 1. Case 14. (In Russian).

Borisova V. V. In: Provoslavie. Nauka. Obrazobanije [Orthodoxy. Science. Education]. Vol. 2 (2016): 21–31. (In Russian).

The State Archive in the city of Tobolsk. Fund I-694. Inventory 1. Case 254. (In Russian).

The State Archive of Tyumen region. Fund I-104. Inventory 1. Case 48. (In Russian).

The State Archive of Tyumen region. Fund I-109. Inventory 1. Case 37. (In Russian).

The State Archive of Tyumen region. Fund I-110. Inventory 2. Case 27. (In Russian).

The State Archive of Tyumen region. Fund I-110. Inventory 2. Case 28. (In Russian).

The State Archive of Tyumen region. Fund I-177. Inventory 1. Case 129. (In Russian).

The State Archive of Kurgan region. Fund P-1743. Inventory 1. Case 3. (In Russian).

The State Archive of Kurgan region. Fund P-1743. Inventory 1. Case 8. (In Russian).

The State Archive of Kurgan region. Fund P-1743. Inventory 1. Case 9. (In Russian).

The State Archive of Kurgan region. Fund P-1743. Inventory 1. Case 11. (In Russian).

Zaitseva L. Y. In: Kul'tura Zaural'ya: proshloe i nastoyashchee. Sbornik nauchnykh trudov [Culture of the Urals: past and present. Bulletin of Research Paper]. (1998): 123–129. (In Russian).

Cohol T. N. Vzaimootnosheniya Russkoj Pravoslavnoj Tserkvi i gosudarstva v pervoe desyatiletie Sovetskoj vlasti (istoricheskij analiz na materialakh Zapadnoj Sibiri) [The relationship of the Russian Orthodox Church and the state in the first decade of Soviet power (historical analysis on materials of Western Siberia)]. Tomsk: Publishing house of Tomsk state pedagogical University, 2005. (In Russian).

Kozlova M. M. In: Kul'tura Zaural'ya: istoricheskij opyt i uroki razvitiya: Materialy II nauchno-prakticheskoy konferentsii [Culture of the Zauralye: historical experience and lessons of development: materials of the second scientific-practical conf.]. (1997): 143–148. (In Russian).

Konstitutsiya (Osnovnoj Zakon) RSFSR // Sobranie zakononij i rasporyazhenij pravitel'stva za 1917–1918 gg [Constitution (fundamental Law) of the RSFSR. Collection of legalizations and orders of the government in 1917–1918]. No. 51. article 582. (In Russian).

In: Religiya i tserkov' v Sibiri: Sbornik nauchnykh statej i dokumental'nykh materialov [Religion and the Church in Siberia: collection of scientific articles and doc. Materials]. Vol. 9 (1996): 121–146. (In Russian).

Report of the Tyumen Regional Committee of the RCP(b) for the period from November 28, 1924 November 10, 1925, delegate of the 4th District party conference of the RCP(b). Tyumen, 1925. (In Russian).

Severyanin [Northerner]. 1928. January 6. (In Russian).

Severyanin [Northerner]. 1928. January 22. (In Russian).

Severyanin [Northerner]. 1928. December 23. (In Russian).

Serazetdinov B. U., Mironenko A. V. In: Zapadnaya Sibir': istoriya i sovremennost': Kraevedcheskie zapiski [Northern region: science, education, culture]. Vol. 1/3 (2001): 228–231. (In Russian).

Tsys V. V. In: Zapadnaya Sibir': istoriya i sovremennost': Kraevedcheskie zapiski [Western Siberia: history and modernity: local Lore notes]. Vol. 8 (2006): 115–130. (In Russian).

Chernyshov A. V. Materialy VCHK-OGPU-NKVD kak istochnik po izucheniyu Russkoj pravoslavnoj tserkvi v Tyumenskom krae (1921–1945 gg.) [The materials of the Cheka-OGPU-NKVD as a source for the study of the Russian Orthodox Church in the Tyumen region (1921–1945)]. Tyumen: MI «RUTRA», 2000. (In Russian).

Eristov A. G. Ural'skij Sever: antireligioznye ocherki Tobol'skogo kraja [North Ural: anti-religious essays of the Tobolsk region]. Moscow: GIZ, 1933. (In Russian).

V. V. Borisova
Nizhnevartovsk, Russia

THE CLERGY AND PARISHES OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH IN THE ZAURALYE IN 1919–1929

Abstract. The article discusses the question of the status of Orthodox parishes and clergy of the Zauralye since the implementation of the decree of the Soviet government «the separation of Church from state and school from Church» in 1919 and before acceptance by Presidium of the Central Executive Committee on 8 April 1929 decree «On religious associations», which gave way to the forcible ousting of religion from public life. The aim of this work is to assess the material situation of the clergy and parishes, the amount of financial and moral support of the Church believers, the identification of the degree of influence of religion on the population in the Zauralye. The relevance of the study due to the fact that the identification and analysis of the facts of everyday life of the Orthodox world in the post-revolution period, contribute to the understanding of the depth of faith and the role of the Russian Orthodox Church for an average believer. It is shown that in the period when the state decided the «Church question» by strengthening the ideological struggle, the administrative burden, legal and financial restrictions, deprivation of several civil rights of the Orthodox Church in the region continued to exist only thanks to the efforts of the parishioners. Indicates that believers not only took full responsibility for the material support of the clergy and diocesan leadership, but also made payments for the use of temple property and the payment of taxes, organized the protection and repair of Church buildings. The analysis of a wide source base, based on the archives of Tobolsk, Tyumen, Kurgan and Surgut analyzed statistical data on number of parishioners, weddings, baptisms and funerals in the study period. The data shows stable positive dynamics of these rites and the first baptisms of children. Was also studied the results of surveys in the region's schools and state institutions, indicating the preservation of the influence of religion on the lives of respondents and their families.

It is possible to draw a conclusion that thanks to the help of parishioners in the studied period, in the Zauralye, although not in full, but preserved the episcopate and diocesan administration. It is also important to note that the parish was not completely destroyed. Parishes preserved self-governance and all issues were discussed and decided at meetings. It is noted that the growth of atheism and indecent behavior of the population against Orthodox priests and believers also took place.

Key words: Russian Orthodox Church; Tobolsk diocese; Zauralye; parish; orthodox clergy.

About the author: Vera Viktorovna Borisova, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor at the Department of Russian History.

Place of employment: Nizhnevartovsk State University.

Борисова В. В. Духовенство и приходы русской православной церкви в Зауралье в 1919–1929 гг. // Вестник Нижневартковского государственного университета. 2017. № 2. С. 10–16.

Borisova V. V. The clergy and parishes of the Russian Orthodox Church in the Zauralye in 1919–1929 // Bulletin of Nizhnevartovsk State University. 2017. No. 2. P. 10–16.

УДК 338.43:94(571.122)/19/

Е. И. Гололобов, М. С. Мостовенко
Сургут, Россия

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В СФЕРЕ ИЗУЧЕНИЯ БИОРЕСУРСОВ СЕВЕРА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В 1960–80-е гг.

Аннотация. В статье представлен процесс становления и развития научных исследований по изучению основных биоресурсов традиционного промыслового северного хозяйства и рыболовной отрасли. Бурное развитие нефтегазового комплекса Западной Сибири объективно отодвигало в тень экономического развития оленеводческо-промысловое хозяйство коренных народов Севера и традиционные отрасли экономики: охоту и рыболовство. Тем не менее, в официальных документах партии и правительства, научных публикациях подчеркивалось большое народно-хозяйственное значение освоения биологических ресурсов Севера СССР. Отмечалось, что традиционные отрасли: охота, рыболовство, оленеводство имеют большое значение для развития экономики коренных народов Севера и создания местной продовольственной базы для растущего населения в связи с активной индустриализацией Севера. Проблема использования природных биологических ресурсов Севера властями страны рассматривалась в контексте коренного улучшения ведения промысловых отраслей хозяйства. В решениях съездов КПСС, других официальных документах подчеркивалась необходимость планирования народного хозяйства и руководства хозяйственными процессами на строго научных основах. Генеральным направлением в освоении биологических ресурсов Севера была признана его интенсификация. Выделяли три основных направления интенсификации: осуществление промыслов в оптимальные и сжатые сроки; осуществление комплекса биотехнических мероприятий, обеспечивающих улучшение среды обитания объектов промысла; переход от экстенсивного промысла к зоо- и аквакультуре – разведению наземных и водных животных и растений. Научные исследования развивались в этих прикладных направлениях. Делается вывод о том, что в большей степени были разработаны биологические и особенно геоботанические аспекты проблем освоения Севера. Недостаточно изученными были общие теоретические основы, технические и социально-экономические проблемы освоения биоресурсов Севера. Взаимодействие государственных органов власти и научного сообщества в сфере изучения возможностей рационального использования биоресурсов характеризуется противоречивыми тенденциями. С одной стороны, вопросы рационального освоения биоресурсов неизменно включались в «генеральные схемы» освоения Севера. С другой стороны, применительно к Северу вопросы промышленного развития, как правило, рассматривались в приоритетном порядке отдельно от вопросов сельского и промыслового хозяйства. Несмотря на декларативную важность научного подхода к освоению биоресурсов для государства, они всегда оставались в тени топливно-энергетической проблематики.

Ключевые слова: история природопользования на Севере Западной Сибири; изучение биоресурсов Севера СССР в 1960–80-е гг.; развитие охотничьих, рыболовецких и оленеводческих хозяйств Севера СССР во второй половине XX в.

Сведения об авторах: Евгений Ильич Гололобов¹, доктор исторических наук, проректор по научной работе, доцент кафедры социально-гуманитарного образования; Максим Станиславович Мостовенко², младший научный сотрудник лаборатории исторических исследований.

Место работы: ^{1,2}Сургутский государственный педагогический университет.

Контактная информация: ^{1,2}628417, г. Сургут, ул. 50 лет ВЛКСМ, д. 10/2; ¹e-mail: gololobov.eig@yandex.ru; ²e-mail: reiseleiter@mail.ru

Освоение Севера во второй половине XX в. являлось важной социально-экономической задачей. С 1960-х гг. затраты на освоение Севера удваивались каждые семь-восемь лет. Только за период 1960–1975 гг., по данным СОПСа, при Госплане СССР капиталовложения в хозяйство северных территорий значительно превысили их объем за весь предшествующий более чем соро-

калетний период (Ракита 1983: 5). В первую очередь это было связано с развитием добычи нефти и газа на Севере Западной Сибири. За период с 1965 по 1980 гг. объем капитальных вложений в развитие Западносибирского нефтегазового комплекса превысил 55 млрд рублей (Будьков 1988: 3).

Это обстоятельство объективно отодвигало в тень экономического развития оленеводческо-

промысловое хозяйство коренных народов Севера и традиционные отрасли экономики: охоту и рыболовство. Тем не менее, в официальных документах партии и правительства, научных публикациях подчеркивалось большое народно-хозяйственное значение освоения биологических ресурсов Севера СССР. Отмечалось, что традиционные отрасли: охота, рыболовство, оленеводство, «созданные в далеком историческом прошлом, до наших дней сохраняют большое значение в экономике коренных народов Севера, а также в создании местной продовольственной базы для растущего населения в связи с широкой индустриализацией Севера» (Удачин 1971: 15).

Проблема использования природных биологических ресурсов Севера рассматривалась в контексте коренного улучшения ведения промысловых отраслей хозяйства. В решениях съездов КПСС, других официальных документах подчеркивалась необходимость планирования народного хозяйства и руководства хозяйственными процессами на строго научных основах (Тюрденев 1968: 18).

Многие вопросы использования биологических ресурсов, интенсификации сельского и промыслового хозяйства Севера в рассматриваемый период были слабо или вовсе не изучены. Недостаточно исследованы были общие теоретические основы сельскохозяйственного и промыслового освоения Крайнего Севера. Несколько лучше были разработаны биологические и особенно геоботанические аспекты этих проблем, и совсем слабо – технические, экономические. Отставала также разработка социально-экономических проблем.

Генеральным направлением в освоении биологических ресурсов Севера была признана его интенсификация. Выделяли три основных направления интенсификации: проведение промысла в оптимальные и сжатые сроки; осуществление комплекса биотехнических мероприятий, обеспечивающих улучшение среды обитания объектов промысла; переход от экстенсивного промысла к зоо- и аквакультуре – разведению наземных и водных животных и растений (Костяев 1986: 82).

В охотоведческой науке сложились два основных подхода, авторами которых были П.А. Мантейфель и В.Н. Скалон. В рамках своей концепции П.А. Мантейфель основную ставку делал на проведение биотехнических мероприятий и, в особенности, на интенсивную акклиматизацию промысловых видов из других регионов. Это позволило бы увеличить плотность пушных зверей в охотничьих угодьях и тем самым получить дополнительную прибыль, большую, чем с обычных угодий.

Его оппонент В.Н. Скалон придерживался противоположной точки зрения. Он утверждал, что «охотоведение должно опираться на экономи-

ку, а попытки диктовать природе заведомо обречены на провал. Охотустройство не есть точная наука, оно реально, только если опирается на местный опыт» (Штильмарк 2006: 162). В.Н. Скалон настаивал на том, что охотничье хозяйство может быть прибыльным и способно перейти от кустарного промысла к мощному колхозному хозяйству, в особенности в Сибири, где существует значительное количество промысловых видов (Скалон 1957: 12).

Ключевой точкой противоречий представителей биотехнического направления П.А. Мантейфеля и сторонников охотохозяйственного производства В.Н. Скалона стал спор о том, в каком направлении должно развиваться охотничье дело в СССР. Если последний придерживался точки зрения о том, что природа самодостаточна, и основная задача промысловиков – сохранять её и бережно осваивать, то П.А. Мантейфель настаивал на своего рода «реконструкции промысловой фауны» (Мантейфель 1954: 10). То есть речь шла об активном, целенаправленном воздействии человека на дикую природу с целью увеличения емкости угодий (главным образом их кормовых и защитных свойств) для охотничьих зверей и птиц, находящихся в состоянии естественной свободы. Эти действия по улучшению «качества жизни» диких животных были направлены на выполнение главной задачи – поддержания и повышения биологической и хозяйственной продуктивности угодий (Львов 1984: 3).

В конечном счете, на государственном уровне победила точка зрения П.А. Мантейфеля. По свидетельству Ф.Р. Штильмарка, «по всей стране шли акклиматизационные работы, на глазах менялся состав и облик охотничьей фауны» (Штильмарк 2006: 74). Причин победы биотехнической точки зрения было несколько.

Во-первых, «балашихская» школа охотоведения, сторонником которой являлся П.А. Мантейфель, была первой школой охотоведения в СССР, созданной ещё Б.М. Житковым, имевшей давние традиции. Во-вторых, немалую роль в этом споре сыграло то, что концепция П.А. Мантейфеля по биотехнии и акклиматизации во многом отвечала «существовавшему преобразовательскому духу времени, пафосу коренного изменения не только социального строя, но и всего мироздания» (Штильмарк 2006: 74). В-третьих, имел место и личностный фактор, заключавшийся в том, что Петр Александрович Мантейфель долгое время работал в Балашихе, им была создана кафедра биотехнии. Он смог сплотить вокруг себя учеников и последователей, которые в дальнейшем продвигали идеи биотехнии в науке и на практике.

Однако победившая концепция акклиматизации и биотехнии оказалась в реальности не

столь эффективна, как это предполагалось. В этом плане показателен пример, приводимый Ф.Р. Штильмарком в своих воспоминаниях: «Еще более наглядный пример авантюризма в обращении с живой природой и её объектами дал так называемый “уссурийский енот” или, точнее, енотовидная собака, тоже обитатель Дальнего Востока, которого в тридцатых годах стали выпускать в Европейской части СССР. <...> Тем не менее, у вольера с этими енотами на ВДНХ я, как полагалось, толковал про успехи в его расселении. Обычно слушали молча, но как-то раз худощавый мужичок-охотник взял меня, что называется, в оборот. Он кричал, перебивая мои объяснения: “Да ведь этих самых собак енотных окаянный Мантейфель, человек-черт, подложил нам, они всю дичь вытравили, а ему ещё за это награды дают! Этого профессора надо всех званий лишить и под суд отдать!”» (Штильмарк 2006: 75).

Активное промышленное освоение территории Севера Западной Сибири, начиная с 1960-х гг., оказывало большое влияние на традиционные отрасли экономики региона, базирующиеся на использовании биоресурсов, в том числе на охотничье хозяйство. В связи с этим остро встал вопрос о рациональном размещении и перспективах развития этих отраслей в новых условиях массивированного индустриального освоения.

По поручению Госплана РСФСР Всесоюзный научно-исследовательский институт охотничье хозяйство и звероводства (ВНИИОЗ) провел в 1971 г. исследования по выяснению современного состояния, возможностей развития и рационального размещения охотничье хозяйство и звероводства ЯННО и ХМНО до 1980 г. (ГБУТО ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 5220. Л. 23–29).

В начале 1970-х гг. состояние охотничье хозяйство в северных округах Тюменской области характеризовалось хроническим уменьшением объемов добываемой продукции, что отразилось на снижении заготовок промысловой пушнины. За период с 1965 по 1970 гг. объем заготовок сократился более чем в 2 раза. Причины такого состояния охотничье хозяйство следующие: уменьшение численности охотников, снижение численности основных промысловых видов пушных зверей, «многоведомственная расчлененность» охотничье отрасли, развитие «черного рынка» и промышленное освоение территории (ГБУТО ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 5220. Л. 24).

Научные сотрудники ВНИИОЗ выделили прямое и косвенное влияние промышленного освоения территории на охотничье хозяйство. Прямое влияние проявлялось в уменьшении площадей охотугодий в результате вырубок лесов, размещения нефте- и газопромыслов, загрязнения земли и вод нефтью, роста фактора беспокойства. Косвенное влияние выражалось в росте воздей-

ствия на природу увеличившегося индустриального населения: рост браконьерства, хищническое использование дичных, ягодных, рыбных и др. ресурсов (ГБУТО ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 5220. Л. 24).

Нейтрализовать отрицательные стороны влияния процесса индустриализации Севера Западной Сибири на охотничье хозяйство предполагалось проведением ряда мероприятий по упорядочиванию использования охотничье фауны и усилению охраны природы (ГБУТО ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 5220. Л. 26–27).

Меры по повышению финансовой ответственности предприятий за нарушение природоохранного законодательства, упорядочению деятельности охотничье хозяйства, расширению сети особо охраняемых природных территорий, учет интересов коренного населения ставились и обосновывались учеными и специалистами неоднократно, но так и не были реализованы на практике.

Еще одной важной отраслью хозяйства, основанного на использовании биоресурсов, было рыболовство. Эта исконная отрасль хозяйства коренного населения была для них одним из основных источников питания и денежных доходов, особенно в районах морского побережья, крупных рек и озер.

Для научного контроля за деятельностью нефтедобывающих предприятий, а также с целью помощи развитию рыбной промышленности был создан Сибирский научно-исследовательский институт рыбного хозяйства (СибНИИРХ). Он включал в себя пять региональных отделений: Обь-Тазовское в Ханты-Мансийке, Новосибирское – в Новосибирске, Красноярское – в Красноярске, Уральское – в Свердловске и Якутское – в Якутске (КУ «Государственный Архив Югры». Ф. 297. Оп. 1. Д. 29. Л. 146).

К основным задачам данной организации относились, кроме экономических исследований рыбного хозяйства Сибири, и изучение состояния сырьевых запасов, и определение оптимальных размеров добычи рыбы, и разработка мероприятий по воспроизводству ценных видов рыб, а также охрана рыбохозяйственных водоёмов Сибири от загрязнения (КУ «Государственный Архив Югры». Ф. 297. Оп. 1. Д. 29. Л. 146).

Вплоть до конца 1960-х гг. рыбные ресурсы, особенно внутренних водоемов, были изучены слабо, не были разработаны научные основы использования сырьевой базы. Отмечалось, что будущее рыбного и морского зверобойного промысла связано с рациональной эксплуатацией рыбных ресурсов (Карпович 1968: 146). Сырьевую базу предполагалось укреплять за счет организации воспроизводства промысловых пород и обогащения водоемов новыми ценными породами

рыбы. Это было тем более важно, поскольку к этому времени промысловые запасы высокоценных (осетровых и сиговых) пород в реках Печоре, Оби, Енисее сократились и нуждались в охране и воспроизводстве.

Одним из крупнейших рыбопромысловых районов в системе внутренних водоемов РСФСР был Ханты-Мансийский национальный округ (с 1977 г. автономный). Основные рыбопромысловые водоемы округа – пойменно-речные. Обилие рыбы в этих водоемах по сравнению с другими бассейнами сибирских рек объясняется наличием обширной и высокопродуктивной поймы. Вылов рыбы в Оби в отдельные годы значительно колебался. Это было обусловлено величиной весеннего паводка Оби и Иртыша, определявшего степень затопления поймы, а также длительностью полойного периода. В годы низкого уровня воды, когда полые воды заливают не все площади соров (особенно при быстром спаде воды), рыба из соров уходит рано, сроки нагула ее сокращаются на один-два месяца. Отсюда плохой рост и упитанность промысловых рыб и их молоди, резкие колебания добычи рыбы.

Специалисты выделяли следующие негативные факторы, влиявшие на продуктивность рыбного хозяйства Севера Западной Сибири. Низкий уровень воды и краткосрочность залития поймы Оби резко нарушали воспроизводительные циклы рыбы. Особенно неблагоприятным в этом отношении было десятилетие 1960-х гг. (Петкевич 1971: 48). Еще одним мощным негативным фактором, постоянно действующим с середины 1960-х гг., стало загрязнение водоемов нефтью и нефтепродуктами.

Учеными предлагались следующие меры по нейтрализации вышеуказанных негативных факторов развития рыбного хозяйства.

Проблему гидрологического режима в бассейне Оби стремились решать путем его «улучшения», т.е. поддержания наиболее благоприятного для хозяйственной деятельности человека гидрологического режима реки. Предлагалось изменение способов эксплуатации наиболее ценных соров, чтобы независимо от режима уровня Оби и Иртыша обеспечивать удлинение сроков нагула промысловых рыб и их молоди. В очередной раз требовалось преобразовать природу, сделать ее «лучше». Этому предлагали добиваться путем регулирования стока воды из соров и осуществления рыбоводных работ в зарегулированных сорах (Карпович 1968: 146).

Для разработки перспектив развития рыболовства на таежных озерах в 1962–1963 гг. в ХМНО работала экспедиция института Гидрорыбпроекта. Основное внимание было сосредоточено на инвентаризации озерного фонда и разработке мероприятий по его освоению. В результате

инвентаризации в округе было выявлено 25 тыс. озер площадью 1,7 млн га (Карпович 1968: 151). Большая часть озерного фонда не имела перспектив промыслового освоения. Небольшие бессточные озера площадью от 10 до 100 га, являвшиеся как бы «окнами» открытой воды среди обширных массивов непроходимых болот, составили по количеству 84% и по площади 32% всего озерного фонда. Многие озера были сильно удалены от рыбопромышленных предприятий и населенных пунктов, малодоступны в транспортном отношении. В результате из огромного озерного фонда к первоначальному рыбохозяйственному освоению было намечено всего 351 озеро общей площадью 211 230 га с возможным выловом 38 580 ц рыбы.

Как уже подчеркивалось, кроме проведения изыскательных работ, одной из задач было проведение мероприятий по искусственному рыбоприведению, что в свою очередь позволило бы снизить промысловую нагрузку на уже используемые водоемы. Так, к началу 1970-х гг. Министерством рыбной промышленности должны были быть введены в строй Войкарский, Ханты-Мансийский, Тобольский, Томский и Новосибирский рыбоводные заводы (КУ «Государственный Архив Югры». Ф. 297. Оп. 1. Д. 99. Л. 122).

Согласно исследованиям Обь-Тазовского отделения СибНИИРХа, для многолетнего выращивания ценных рыб можно было использовать 17 озер общей площадью 6 790 га, а их продуктивность могла достигать 1 150 ц (КУ «Государственный Архив Югры». Ф. 297. Оп. 1. Д. 99. Л. 7). По предварительным расчетам, полное освоение исследованных работниками СибНИИРХа водоемов к 1975 г. могло ежегодно давать дополнительно порядка «4 120 центнеров рыбы (в том числе 4 тыс. центнеров сиговых рыб)» (КУ «Государственный Архив Югры». Ф. 297. Оп. 1. Д. 99. Л. 7).

В качестве ещё одного примера можно привести обследование озер Надымского района Ханты-Мансийского автономного округа, проведенное сотрудниками СибНИИРХа (так с 1971 г. стал называться СибНИИРХ) во второй половине 1970-х гг. В общей сложности было обследовано 26 озер Надымского района суммарной площадью 4 664 га, при этом было установлено, что «шесть озер, имеющих связь с рекой Надым, могут быть использованы для промыслового лова, основанного на перемещении рыб из реки в озеро и обратно. Ежегодный вылов рыбы с них 100–150 центнеров» (КУ «Государственный Архив Югры». Ф. 297. Оп. 1. Д. 122. Л. 17).

В рамках перехода к интенсивному пути развития исследовательскими группами Обь-Тазовского отделения СибНИИРХа на период с 1970 по 1985 гг. был разработан блок научных тем, связанных с перспективами развития рыбной

промышленности региона (КУ «Государственный Архив Югры». Ф. 297. Оп. 1. Д. 122. Л. 16). К сожалению, многие научные разработки не внедрялись в практику. Один из немногих примеров успешного внедрения – результаты внедрения рекомендаций Обь-Тазовского отделения СибНИИ-проекта по вылову рыбы, которые оказались существенными. По данным Сибирского управления рыбной промышленности (Сибупрыбпром. – прим. автора), за 1976 г. предприятиями рыбной промышленности Тюменской области было выловлено 18 883 т рыбы, в то время как пятью годами ранее общий объем был меньше на 25%. С точки зрения деятельности рыбзаводов ситуация выглядела достаточно успешно. О результативности предложенных Обь-Тазовским отделением рекомендаций на Ямале можно судить по возросшему по отношению к началу 1970-х гг. уровню вылова.

Эти успехи способствовали развитию системы специализированных питомников. В 1976 г. началось строительство сиговых питомников на реках Обь, Иртыш, Северная Сосьва, которые могли обеспечить промысловый возврат рыбной продукции в размере 60–70 тыс. ц (Рыбное хозяйство 1979: 16). Кроме того, наряду с данными питомниками было запланировано строительство осетрово-нельмово-сигового рыбозавода на Оби в пределах Томской области.

Важность и результативность проведенных мероприятий Обь-Тазовским отделением СибНИИ-проекта, а также его взаимодействие с предприятиями рыбной промышленности региона была отмечена и на государственном уровне. В постановлении ЦК КПСС «Об организаторской работе Тюменского обкома партии по мобилизации производственных коллективов, ученых и специалистов рыбного хозяйства на увеличение в водоемах области запасов промысловых рыб и лучшее их использование» от 30 мая 1976 г. отмечалось, что «за годы девятой пятилетки улов рыбы увеличился в 1,7 раза <...> Средняя рыбопродуктивность в рыбхозах в расчете на гектар водного фонда возросла примерно в 10 раз.<...>

ЦК КПСС одобрил опыт работы Тюменской областной партийной организации по <...> более полному использованию внутренних водоемов для увеличения производства рыбной продукции и намеченные обкомом партии меры по доведению уловов рыбы в 1980 г. до 500–550 тыс. ц» (Решение партии и правительства 1977: 330–331).

Однако, как ранее отмечалось, даже с учетом мероприятий по рыбозаводству выполнить плановые показатели было невозможно, так как они формировались «от достигнутого» и постоянно увеличивались. Все это парадоксальным образом натывалось, с одной стороны, на не-

удержимое стремление руководящих органов к постоянному расширению производства, с другой – на ограниченность кормовой базы водоемов.

Как уже отмечалось, с середины 1960-х гг. ученым приходилось решать проблему негативного влияния нефтегазового комплекса на рыбное хозяйство. Средняя Обь в пределах Тюменской и Томской областей была очень сильно загрязнена нефтью и нефтепродуктами. Они попадали в водоемы из фонтанирующих скважин, энергоустановок, при прорыве нефтепроводов, при загрузке танкеров, причалов, смыва замазанных территорий скважин. Тяжелые фракции нефти оседали на дно водоемов и выводили из строя нерестилища осетра, нельмы, сиговых, «пронизывая толщу воды, губя зоопланктон и бентос» (Петкевич 1971: 51).

Предприятиям нефтяной и газовой промышленности предлагалось повысить культуру природопользования: обваловывать буровые скважины, своевременно сжигать разлитую нефть, ликвидировать потери нефтепродуктов на заправочных базах, оборудовать суда установками по сбору подсланевых вод и передаче их на береговые станции (Петкевич 1971: 59–60).

Еще одной важной отраслью хозяйства, основанного на использовании биоресурсов, было оленеводство. Оно являлось одной из главных отраслей сельского хозяйства на Крайнем Севере СССР. Подчеркивалось социально-политическое значение оленеводства как основы для роста материального благосостояния малых народов советского Севера. Ежегодно прибыль от оленеводства составляла 20–25 млн рублей (Крючков 1979: 1989).

Его изучением занимался Научно-исследовательский институт сельского хозяйства Крайнего Севера. Ученые этого института разрабатывали комплекс мер по рациональному ведению оленеводства: улучшение кормовой базы, механизация процессов производства, племенная работа и мероприятия по рациональному кормлению оленей (Дьяченко 1968: 40–52).

Во второй половине XX в. оленеводство коренным образом перестраивали. Создавались условия для превращения его в одну из форм отгонного животноводства с переводом оленеводов на оседлый образ жизни. Перевод на оседлость рассматривался как большая комплексная проблема, решение которой требовало не только изменения бытовых условий вторых членов семьи, их трудоустройства, но и коренного улучшения условий труда пастухов. «Преобразование оленеводства из примитивной формы кочевого хозяйства в отрасль отгонного животноводства связана также с перестройкой методов ведения оленеводства на основе интенсификации» (Гюрденев 1968: 22).

Однако к середине 1980-х гг. специалисты стали отмечать, что проблема перевода кочевого населения на оседлость во многом противоречива как в социальном, так и в экономическом отношении. Несмотря на систематически проводимые мероприятия, удельный вес кочующего населения в общей численности народностей Севера оставался достаточно высоким (по оценке различных специалистов – 15–20%) (Костяев 1986: 99).

Решение проблемы требовало комплексного подхода, привлечения этнографов и историков, специалистов, знакомых с традиционным бытом и жизнедеятельностью коренного населения Севера. Упрощенный, а порой даже формальный подход к данной сложной проблеме приводил к негативным последствиям. Проблема перевода кочующего населения на оседлость решалась просто: для каждой кочующей семьи строили дом на центральной усадьбе совхоза (колхоза) или в другом населенном пункте (базе оседлости). В результате в одних районах возникал острый дефицит пастушеских кадров, а в других – нерациональное использование капитальных вложений, так как оленеводы в предоставленных квартирах практически не жили. Дома стояли заколоченными и постепенно приходили в негодность (Гемуев 1983: 37).

Еще одной наиболее острой проблемой была охрана оленьих пастбищ. Основной урон оленьим пастбищам наносился допуском в колхозах и совхозах бессистемным выпасом оленей, превышением существующей оленеемкости пастбищ и т.п.

Пути решения проблемы охраны пастбищ предполагалось определять на стадии предплановых разработок, перспективного и текущего планирования. Это схемы землеустройства оленьих пастбищ, проекты внутрихозяйственного землеустройства колхозов, совхозов, промхозов, схемы развития и размещения сельскохозяйственных и промысловых предприятий, зональные системы ведения сельского и промыслового хозяйства, планы организационно-хозяйственного устройства колхозов, совхозов, промхозов и др. (Костяев 1986: 110).

Развитие геологоразведочных работ, интенсивное промышленное развитие территории Севера Западной Сибири также оказывало отрицательное влияние на функционирование оленеводческих хозяйств. Происходило перераспределение земель, менялись исторически сложившиеся маршруты кочевий и порядок использования угодий, увеличивалось количество пожаров, возрастала площадь использованной и нерекультивированной земли (Социально-экономические проблемы Севера 1985: 36).

Растительный покров пастбищ нарушался гусеничным транспортом, геологоразведочными

и строительными организациями. Для территорий Крайнего Севера за рассматриваемый период так и не было разработано удовлетворительных методов проведения горно-технической, а особенно биологической рекультивации. Стандартные приемы, дающие хороший эффект в средней полосе, на Севере не работали, наоборот, они приводили к негативным последствиям (образованию термокарстовых форм рельефа, оврагов, провалов) (Социально-экономические проблемы Севера 1985: 38).

Таким образом, характеризуя весь спектр научных исследований биоресурсов Севера Западной Сибири, необходимо отметить, что недостаточно изученными были общие теоретические основы, технические и социально-экономические проблемы промыслового освоения Севера. В большей степени были разработаны биологические и особенно геоботанические аспекты этих проблем.

Взаимодействие государственных органов власти и научного сообщества в сфере изучения возможностей рационального использования биоресурсов характеризуется противоречивыми тенденциями. С одной стороны, значимость биоресурсов и основанных на их использовании отраслей сельского и промыслового хозяйства на официальном государственном уровне всегда подчеркивалась; существовала отраслевая наука со своими организационными структурами, профессиональными кадрами и системой их подготовки; отмечалась необходимость комплексного анализа проблем освоения природных ресурсов северных территорий. Вопросы рационального освоения биоресурсов неизменно включались в «генеральные схемы» освоения Севера.

С другой стороны, применительно к Северу вопросы промышленного развития, как правило, рассматривались в приоритетном порядке отдельно от вопросов сельского и промыслового хозяйства. В.В. Крючков справедливо отмечал, что «без совместного рассмотрения минеральных, энергетических и биологических ресурсов трудно составить взаимосвязанные планы действительно комплексного использования природных ресурсов конкретных районов» (Крючков 1973: 35). Все возможности для такого подхода были, но на практике редко реализовывались. Нарботки ученых не учитывались, если они мешали выполнению и перевыполнению производственных планов. Они имели значение для государственной политики освоения ресурсов Севера только в контексте увеличения плановых показателей добычи биоресурсов. Изучение топливно-энергетических ресурсов было в абсолютном приоритете. За весь рассматриваемый период изучение биоресурсов так и не попало в круг «узловых научных проблем эффективного освоения Севера» (Павленко 1986: 8–20).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ГБУТО ГАТО – Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив Тюменской области»

КУ «Государственный Архив Югры» – Казенное учреждение «Государственный Архив Югры»

ЛИТЕРАТУРА

Будьков С. Т. 1988. Социально-экономические аспекты формирования Западносибирского территориально-производственного комплекса // Человек на Севере: Тезисы областной научно-практической конференции. Ч. 1. Тюмень: [б.и.], 3–4.

Гемуев И. Н. 1983. Традиционный образ жизни и проблема перевода на оседлость кочевого населения таежной зоны // Бойко В.И. (ред.-сост.). Народности Севера: Проблемы и перспективы экономического и социального развития. Тезисы докладов и сообщений Всесоюзной научной конференции, Новосибирск, 4–6 октября 1983 г. Новосибирск: [б.и.], 36–39.

Дьяченко Н. О., Кузаков П. К. 1968. Пути развития и повышения экономической эффективности северного оленеводства // Проблемы Севера 13, 40–52.

Карпович И. Ю. 1968. Вопросы развития рыбного хозяйства в Ханты-Мансийском национальном округе // Проблемы Севера 13, 146–158.

Костяев А. И. 1986. Агропромышленные хозяйства Севера. Ленинград: Наука.

Крючков В. В. 1973. Крайний Север: проблемы рационального использования природных ресурсов. Москва: Мысль.

Крючков В. В. 1979. Север: природа и человек. Москва: Наука.

Львов И. А. 1984. Дикая природа: грани управления. Очерки биотехнии. Москва: Мысль.

Мантейфель П. А. 1954. Спутник Промыслового охотника. Москва: Заготиздат.

Павленко В. И. 1986. Узловые научные проблемы эффективного освоения Севера // Проблемы Севера 22, 8–20.

Петкевич А. Н. 1971. Биологические основы рационального рыбного хозяйства в Обь-Иртышском бассейне // Проблемы рыбного хозяйства водоемов Сибири. Тюмень: СибНИИРХ.

Ракита С. А. 1983. Природа и хозяйственное освоение Севера. Москва: МГУ, 51–62.

Решение партии и правительства по хозяйственным вопросам (1975–1979). 1977. Т. 11. Москва: Политиздат.

Рыбное хозяйство и итоги биологических рыбохозяйственных исследований в Западной Сибири за 1971–1975 гг. 1979. Томск: Томский университет.

Скалон В. Н. 1957. Организация охотничьего хозяйства Сибири. Иркутск: Книжное издательство.

Социально-экономические проблемы Севера. Научный доклад. 1985. Свердловск: УНЦ АН СССР.

Тюрденев А. П., Андреев В. Н. 1968. Основные направления в развитии сельского и промыслового хозяйства Севера СССР // Проблемы Севера 13, 7–40.

Удачин Д., Смирняков Ю. 1971. Вклад государственных промхозов // Охота и охотничье хозяйство 10, 15–17.

Штильмарк Ф. Р. 2006. Отчет о пережитом. Москва: Логата.

REFERECES

Bud'kov S. T. In: Chelovek na Severe: Tez. obl. nauch.-prakt. konf [People in the North: Preceedings of the regional conference]. Vol. 1 (1988): 2. (In Russian).

Gemuiev I. N. In: Narodnosti Severa: Problemy i perspektivy jekonomicheskogo i social'nogo razvitija [Peoples of the North: Issues and Prospects of economical and Social Development: Abstracts and Reports of the National Research Conference]. Novosibirsk, 1983. Pp. 36–39. (In Russian).

D'jachenko N. O., Kuzakov P. K. In: Problemy Severa [Issues of the North]. Vol. 13 (1968): 40–52. (In Russian).

Karpovich I. Ju. In: Problemy Severa [Issues of the North]. Vol. 13 (1968): 146–158. (In Russian).

Kostjaev A. I. Agropromyslovye hozjajstva Severa [Agriculture and crafts farms of North]. Leningrad: Nauka, 1986. (In Russian).

Krjuchkov V. V. Krajnij Sever: problemy racional'nogo ispol'zovanija prirodnih resursov [The Far North: the problem of rational using nature resources]. Moscow: Mysl', 1973. (In Russian).

Krjuchkov V. V. Sever: priroda i chelovek [The North: nature and people]. Moscow: Nauka, 1979. (In Russian).

L'vov I. A. Dikaja priroda: grani upravlenija. Oчерki biotehnii [The Wild Nature: limits of management. Note of biotehnii]. Moscow: Mysl', 1984. (In Russian).

Mantejfel' P. A. Sputnik Promyslovogo ohotnika.[The satellite of craft hunter]. Moscow: Zagotizdat, 1954. (In Russian).

Pavlenko V. I. In: Problemy Severa [Issues of the North]. Vol. 22 (1986): 8–20. (In Russian).

Petkevich A. N. In: Problemy rybnogo hozjajstva vodoemov Sibiri [Issues of fish farming in Siberian waters]. Tjumen': SibNIIRH, 1971. (In Russian).

Rakita S. A. Priroda i hozjajstvennoe osvoenie Severa [The nature and economical developing of North]. Moscow: Moscow State University Publ. House, 1983. (In Russian).

Reshenie partii i pravitel'stva po hozjajstvennym voprosam (1975–1979). T.11. [The key documents of Party and Government in economical question (1975–1979). Volume 11]. Moscow: Politizdat, 1977. (In Russian).

Rybnoe hozjajstvo i itogi biologicheskikh rybohozjajstvennykh issledovanij v Zapadnoj Sibiri za 1971–1975 gg. [The fish farm and results of biological and fishing studies in Western Siberia from 1971 to 1975 years]. Tomsk: Tomsk University Publishing House, 1979. (In Russian).

Skalon V. N. Organizacija ohotnich'ego hozjajstva Sibiri [The structure of hunting farms of Siberia]. Irkutsk: Knizhnoe Izdatel'stvo Publ. House, 1957. (In Russian).

Social'no-jekonomicheskie problemy Severa. Nauchnyj doklad [The social and economic problems of North. Research report]. Sverdlovsk: UNC AN SSSR, 1985. (In Russian).

Tjurdenev A. P., Andreev V. N. In: Problemy Severa [Issues of the North]. Vol. 13 (1968): 7–40. (In Russian).

Udachin D., Smirnjakov Ju. In: Ohta i ohotnich'e hozjajstvo [Huntinf and Hunting Trade]. Vol. 10 (1971): 15–17. (In Russian).

Shtil'mark F. R. Otchet o perezhitom [The Memories]. Moskva.: Logata, 2006. (In Russian).

E. I. Gololobov, M. S. Mostovenko

Surgut, Russia

ESTABLISHMENT AND DEVELOPMENT OF SCIENTIFIC RESEARCH OF BIORESOURCES OF THE NORTHERN PART OF WESTERN SIBERIA IN 1960s – 1980s

Abstract. The article reviews the process of establishment and development of scientific research of main bioresources of traditional trades of Siberian people and fishery. Rapid development of oil and gas exploration in Western Siberia overshadowed economical development of indigenous Siberian peoples' trades – deer farming, hunting and fishing. However, state and Party official documents and research emphasize importance of the development of biological resources of Northern USSR. It was noted that such traditional trades as hunting, fishing, and deer hunting play an important role in economical development of indigenous peoples of the North and establishment of food economy necessary for the growing population of the North due to active industrialization. The issue of the use of biological resources of the North was viewed through the framework of radical improvement of the ways traditional economies were managed. Communist Party Congress degrees and other official documents emphasized importance of scientific research in economical and agricultural planning and management in the North development process. It was decided to intensify the development of Northern bioresources. Three main directions were determined: establishing tight timeframe for local trades; conducting biotechnical activities aimed at improvement of the environment; transitioning from extensive trading to zoo and water culture – breeding of land and water species. Scientific research was aligned with these priorities. It is possible to make a conclusion that biological and geobotanical aspects of North development were studied to a greater extent. Theoretical basics, technical and social and economical issues of North development were underresearched. Cooperation of the state authorities and scientists in the area of rational environmental management in the north was controversial. On the one hand, issues of rational exploration of bioresources were included in the “general schemes” of the North development. On the other hand, issues concerning the development of the North were prioritized and were not tackled in the same way as issues of rural economics. Despite declarative importance of scientific approach to the development of bioresources in the North, it was always overshadowed by fuel and energy issues.

Key words: history of environmental management in the North of Western Siberia; study of bioresources in the North of USSR in 1960–80s; development of hunting, fishing and deer farming in the North of USSR in the second half of the XXth century.

About the authors: Yevgeniy Ilyich Gololobov¹, Doctor of Historical Sciences, Vice-rector for Science, Associate Professor of the Department for Social and Human Studies; Maksim Stanislavovich Mostovenko², junior researcher of the Laboratory for Historical Studies.

Place of employment: ^{1,2}Surgut State Pedagogical University.

Гололобов Е. И., Мостовенко М. С. Становление и развитие научных исследований в сфере изучения биоресурсов севера Западной Сибири в 1960–80-е гг. // Вестник Нижневартковского государственного университета. 2017. № 2. С. 17–24.

Gololobov E. I., Mostovenko M. S. Establishment and development of scientific research of bioresources of the – northern part of Western Siberia in 1960s – 1980s // Bulletin of Nizhnevartovsk State University. 2017. No. 2. P. 17–24.

СБОР ТАМОЖЕННЫХ ПОШЛИН В ТОТЬМЕ В СЕНТЯБРЕ 1629 г. И НОРМЫ МЕСТНОЙ УСТАВНОЙ ГРАМОТЫ

Аннотация. В статье, написанной почти исключительно по архивным источникам, показывается, что в конце первой четверти XVII в. в Тотьме сборы многообразных таможенных пошлин осуществлялись целовальниками в строгом соответствии с нормами местной таможенной уставной грамоты, вступившей в силу с 1 сентября 1622 г. Об этом свидетельствует сопоставление ее предписаний с десятками записей о взимании таких пошлин, в частности, проплавных и явочных сборов, с жителей Тотьмы и других городов. Автором выясняется, что уставная грамота определяла масштаб платежа, его верхний для каждого случая предел, тогда как на практике следовало исходить из реальных размеров торговых судов, допуская отклонения в ту или иную сторону. При этом с лодки торговца собирали такие же пошлины, что и с большого судна, перевозившего товары; учитывалось также, принадлежали ли грузы владельцу судна либо другому лицу; льготами пользовались тарханчики. Рублевые пошлины в соответствующей таможенной книге не фиксировались. Сборы с людей, не занимавшихся торговлей, оказывались меньшими, чем с торговых людей, в том числе иногородних. Тем самым значительно конкретизируются утвердившиеся в историографии представления о таможенной политике русского правительства в первые «послесмутные» годы и механизмах ее осуществления.

Ключевые слова: Тотьма; уставная таможенная грамота; таможенные пошлины; номенклатура таможенных сборов; торговые суда; величина торговых судов; тарханчики.

Сведения об авторе: Сергей Николаевич Кистерев, независимый исследователь, генеральный директор издательства «Альянс-Архео».

Место работы: издательство «Альянс-Архео».

Контактная информация: 105275, г. Москва, пр. Будденного, д. 47а, кв. 8; тел. 8-916-42-37-862, e-mail: otcherKi@yandex.ru.

Сбор пошлин таможенниками Тотьмы должен был осуществляться на основании норм, прописанных в уставной таможенной грамоте, данной голове Михаилу Лабозново и носившей характер действующего акта с 1 сентября 1622 г. (Кистерев 2003: 150–156). В самом начале текста документа была обозначена номенклатура сборов: выбранные посадскими людьми и волостными крестьянами целовальники обязаны взимать «таможенную и замытную, и весчую, и с судов посаженную, и с людей головщину, и с саней и с верховных людей проезжую, и всякую пошлину». Поскольку таможенные книги последующих лет отражали деятельность должностных лиц, руководствовавшихся, как явствует из первых же строк каждой книги, уставной грамотой за приписью дьяка Михаила Смывалова, т.е. именно документом 1622 г., немалый интерес представляет степень соответствия практики сборов нормам, заложенным в уставе. Естественно, что проверить точность таможенных служителей в следовании определению законодателя можно лишь, сверяя сведения таможенных книг с предписаниями устава.

Рассмотрим данные книги сбора пошлин в Тотьме в сентябре 1629 г. с проходивших мимо города речных судов и проезжавших через город всякого рода путешественников, включая, разумеется, торговых людей.

Первая же запись книги сообщает, что 2 сентября «плыл лоткою ...[Бо]гдан Левашев, пла-

тил с лотки 15 алтын, гостиново 2 алтына, с носника 2 алтына, с ярыжных со 6 человек по 5 денег, всего 24 алтына» (РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Тотьма. Кн. 6. Л. 1–1 об.). Уставная грамота предписывала взимать пошлину с проходивших мимо Тотьмы товарных лодок, к числу которых, несомненно, относилась и использовавшаяся Богданом Левашевым, соразмеряясь с нормой, определенной для каюков. Последние же делились на три категории – большие, средние и «невеликие» – со сбором по 30, 25 и 20 алтын соответственно. Ни одно из положений грамоты не называет размер пошлины в 15 алтын. В документе имеется норма, допускавшая пошлину ниже предела, установленного для каюков: «А с малых с непокрытых лодок с товарных имати по десяти алтын и по полуполтине, и по две гривны, и смотря по товару и по лотке. А с порожжих лодок з больших по пяти алтын, а с средних по гривне, а с малых по два алтына». Однако с Левашева была взята несколько большая сумма, из чего следует, что по отношению к его плавсредству применялась не эта статья.

Обращает на себя внимание пункт уставной грамоты, толкующий о размере пошлин, собиравшихся с жителей Тотемского уезда: «А с тотмян с посацких и с уездных людей судовая пошлина и с людей головщина перед иногородным человеком имати всякие пошлины вполы, будет у него судно свое и товар на судне ево же» (РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Тотьма. Кн. 6. Л. 15 об.). Если

бы к явке Богдана Левашева было применено данное положение устава, то сумма в 15 алтын говорила бы о плавании торговца на большой товарной, имевшей покрытие лодке. Правда, такое толкование записи в книге не может быть принято, поскольку Богдан Левашев не был жителем Тотьмы и ее окрестностей, а являлся, видимо, уроженцем Великого Устюга, откуда происходили многие носители этой фамилии¹. В октябре 1626 г. он уже считался жителем Москвы и в этом качестве отмечен в Тотемской таможене (ТК 2015: 50).

Возможность адекватного понимания записи пошлинной книги не открывается и при обращении к положению уставной грамоты, предусматривающему направление движения торговых судов. После пунктов, определяющих размеры пошлин для каюков и крытых торговых лодок, в уставе читается: «А как те же суды назаде пойдут, и с тех судов имати пошлины вполы, а с людей и с ярыжных имати то ж, что и передние пошлины». Половинная относительно большого каюка пошлина с лодки Левашева находит объяснение, если полагать, что в данном случае судно возвращалось, некогда уже проследовав мимо города. Однако в книге предыдущего – 7137 – года летнее плавание Богдана Левашева мимо Тотьмы на собственной лодке не отмечено. Под именем москвича Богдана Алексея Левашев дважды записан в книге 7136 г.: 13 ноября, когда в компании с Никифором Петровым прошел с обозом из восьми саней, и 27 июля как пассажир на дощанике вологжанина Родиона Сахарова (ТК 2015: 60, 129). Дощаник прибыл в Тотьму, руководимый кормщиком, а из Тотьмы отправился, приняв на борт носника Богдана Севрюкова (ТК 2015: 169). Необходимость в специалисте этого профиля говорит о движении судна вниз по реке, т.е. в сторону Устюга.

Говорить о возможности возвращения Богдана Левашева на лодке из путешествия к Устюгу, таким образом, не приходится. Вместе с тем, стоит обратить внимание на оговорку уставной грамоты, допускавшую уменьшение размера пошлины относительно продекларированной для малых непокрытых товарных лодок – «смотря по товару и по лотке». Вероятно, именно этой норме соответствуют записи об уплате с лодок устюжанина дьякона Митрофана Кирилова 7 сентября и жителя Соли Вычегодской Ивана Конанова 9 сентября по пяти алтын (РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Тотьма. Кн. 6. Л. 4, 4 об.). Судно устюжанина прямо названо в книге лодкой «малой», каковая подразумевается в приведенной статье уставной грамоты. Еще меньшими, очевидно, были лодки,

на которых 7 сентября прибыли Малафей Саблин и Аникей Трефилов, заплатившие за обе всего шесть алтын и четыре деньги, т.е. еще меньше, чем дьякон Митрофан. Следовательно, уставная грамота, называя конкретные суммы, подлежащие уплате с малых лодок, определяет только масштаб платежа, его верхний для каждого случая предел, тогда как на практике следовало исходить из реальных размеров лодок, допуская отклонения в большую или меньшую сторону от прописанного в уставе. Пример такого пересчета наблюдается в записи 19 сентября: «Того ж дни пошли в лотке тотмянина Незговор Овдеев, Ермола Пашин, платил с лотки 14 алтын...» (РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Тотьма. Кн. 6. Л. 4, 4 об., 13 об.). Указанная сумма в 14 алтын не предусмотрена прямо в уставной грамоте и могла появиться только в результате пересчета нормы сбора применительно к конкретной лодке.

Если сказанное о допустимости и даже обязательности пересчета размера пошлин справедливо в отношении малых лодок, то нельзя отрицать, что это правило распространялось на все типы судов, включая каюки, барки и товарные лодки. В таком случае в эпизоде с Богданом Левашевым можно видеть следствие применения именно данной нормы к судну, отличавшемуся меньшими размерами, чем самый малый из «невеликих» каюков, о которых упоминает уставная грамота. Стоит заметить, что и другие москвичи пользовались такими же лодками, как о том говорят записи о прибытии в Тотьму 14 сентября Афанасия Левашева, Богдана Филатьева и Матвея Мартынова, хотя это не было общим для всех столичных жителей.

Уменьшение размера сбора предусматривалось только относительно самой лодки, тогда как с использовавшего ее торговца сохранялась пошлина в том же виде, как и в случае плавания на большом судне, что предписывалось другой статьей, устанавливавшей взимание двух алтынов с хозяина и пяти денег с ярыжного. Именно это нашло отражение в рассматриваемой записи таможенной книги о расходах Богдана Левашева. Размер пошлины с самого Богдана, в свою очередь, подчеркивает, что он не был жителем Тотемского уезда, для которого нормальным был бы платеж в половину, т.е. в шесть денег.

В ином, более простом виде, предстает следующая далее в пошлинной книге запись о передвижении на лодке вологжанина Ивана Никитина с другом, уплативших «с лотки 25 алтын, гостиново 4 алтына, с носника 2 алтына, с ярыжных с 3 человек по 5 денег, всего рубль 1 деньгу». Видимо, их лодка соответствовала по своим параметрам среднему каюку, поэтому ее транзит мимо Тотьмы обошелся в названные два с половиной десятка алтын. Все остальные платежи Ивана и

¹ В частности, Никита и Афанасий Иванович Левашев. См.: Устюг Великий 1883: 11; Тимошина 2007: 279.

его товарища не отличались от аналогичных у Богдана Левашева.

С больших каюков тотемские таможенники в 1629 г. брали именно 30 алтын, как и предписывалось уставной грамотой. Об этом говорят, в частности, записи о прохождении 2 сентября судов вологжан Стефана Иванова и Федора Онцыфорова.

Запись в пошлинной книге о прибытии 4 сентября барки, руководимой вологжанином Жданом Яковлевым, за которую было заплачено 30 алтын, заставляет считать, что этот тип судов приравнивался к большим каюкам и таким же товарным лодкам. С употребленного в дело тем же Жданом Яковлевым павозка пришлось заплатить 15 алтын (РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Тотьма. Кн. 6. Л. 1 об., 2, 3, 8–9). Уставная грамота предписывала производить расчет пошлины с такого судна как посаженной по аналогии с дощаниками: «А с павосков, которые приходят к Тотьме и мимо Тотьму с солью или с каким товаром ни буди, и с них имати посаженную пошлину и с людей головщину по тому ж, что и з дощаников». Норма сбора посаженного с дощаников различалась в зависимости от величины судна: с большого дощаника надлежало взять пять алтын две деньги с сажени, а с малого («невеликого») – по два алтына и четыре деньги, т.е. вдвое меньше. Вряд ли правильно думать, что павозок Ждана Яковлева отличался размерами в большую сторону. В таком случае оказывается возможным высчитать число сажений в этом павозке, исходя из обычая употребления таможенниками в качестве меры наряду с целой саженью ее дробных долей – четверти и осьмины. При уплате с сажени двух алтын и четырех денег, т.е. 16 денег, ее четверть обходилась бы судовладельцу в четыре деньги, а осьмина – в две. Отсюда уплата Яковлевым означенной в пошлинной книге суммы означала, что обмеры таможенников показали размер павозка в 5,625 сажени. Допущение, что Ждан платил с павозка по норме большого дощаника, наталкивается на необходимость использования в расчетах более мелкой величины – половины осьмины, каковая употреблялась таможенниками лишь при определении льготных платежей, вносимых обладателями тарханских грамот. Примером может служить запись в книге сбора проплавных пошлин в Тотьме в 1628/29 г. под 6 октября: «Того ж дни шел дощаником Галанские земли Юрья Клинки прикащик Фабин Фабьянов самдруг, в мере дощаник 11 сажен 2 чети с осминою, платил по государеве жаловальной грамоте с половины дощаника с 5 сажен с 3-х чети с полуосминою с сажени по 2 алтына по 4 деньги, гостиново 8 алтын 2 деньги, с носника и с кормщика 2 алтына, с ярыжных с 28 человек по пол-3 деньги с человека, всего рубль 4 алтына 1 деньгу». Во всей отчетной документации 1628/29 г. (возглавлявшейся

головой Десятым Куклиным) тотемской таможи это единственный случай использования полуосьмины как меры. Естественно, что и в книге, отражающей льготы тарханщиков, отмечен тот же эпизод: «Октября в 6 день шел дощаником Галанские земли Юрья Клинки прикащик Фабин Фабьянов самдруг, в мере дощаник 11 сажен 2 чети с осминою, пошлин не платил по государеве жаловальной грамоте с половины дощаника с 5 сажен с 3-х чети с полуосминою. Довелось пошлин взяти с сажени по 2 алтына по 4 деньги, гостиново 8 алтын 2 деньги, с носника и с кормщика 2 алтына, с ярыжных с 28 человек по пол-3 деньги с человека, всего рубль 4 алтына 1 деньгу». Половина осьмины как мера длины тотемскими целовальниками при фиксации обмеров судов, насколько позволяют судить книги сбора пошлин, не использовалась. Следовательно, проведенный применительно к павозку Ждана Яковлева расчет верен.

Пример использования пункта уставной грамоты о расчете посаженной пошлины находится в записи 7 сентября: «Того ж дни шел двумя дощаники тотмянин Максим Кубасов, Семен Корепов с чюжею кладью, в мере дощаник 12 сажен, другой 12 сажен 2 чети. Платил с сажени по 5 алтын по 2 деньги, гостиново 2 алтына, с 2-х носников да с 2-х кормщиков 8 алтын, с ярыжных с 28 человек по 5 денег с человека, всего 4 рубля 30 алтын 4 деньги». Запись полностью отвечает всем названным прежде требованиям устава, а норма в уставе позволяет видеть в судах Кубасова и Корепова именно большие дощаники. В данном случае следует обратить особое внимание и на оговорку таможенного целовальника, отметившего, что предметом транспортировки являлась «чужая кладь». Дело в том, что в уставной грамоте содержится специальный пункт о перевозке не принадлежащих владельцу судна грузов: «А с тотмян с посацких и с уездных людей судовая пошлина и с людей головщина перед иногородным человеком имати всякие пошлины вполы, будет у него судно свое и товар на судне ево же. А будет у него судно не ево и товар на том судне не ево ж, и с тово судна и с товару имати пошлина, что с приезжих же с иногородных людей, только головщины с него взяти перед приезжим вполы». Кубасов и Корепов заплатили гостиново всего два алтына, т.е. по алтыну с каждого или вдвое меньше, чем если бы они были иногородними торговцами, зато посаженную пошлину внесли в полном объеме, поскольку перевозимый груз им не принадлежал.

Проезжавшие через Тотьму, но не имевшие собственных транспортных средств иногородние торговые люди обязаны были уплачивать по два алтына «головщины», и запись 2 сентября о вологжанине Иване Фокине и торопчанине Афана-

сии Обросимове с попутчиками полностью отвечает данному условию. Необходимо учитывать, что в данном случае торговцы выступили как пассажиры каюка вологжанина Стефана Иванова. Уставная грамота предусматривала приход к тотемской пристани судна, хозяева которого намеревались торговать именно в этом городе и успешно осуществили свое намерение: «А которые люди иногородцы приедут к Тотьме в судах с товаром, и товар свой испродадут, и с них имати с товару рублевая пошлина да с людей головщина, а с судна пошлины не имати». Вероятно, такую ситуацию скрывает запись пошлинной книги 7 сентября: «Того ж дни Еренского городка Онкудин Ондреев самдруг платили по 2 алтына, всего 4 алтына» (РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Тотьма. Кн. 6. Л. 2, 3 об. – 4 об., 23–23 об., 572 об. – 573). Здесь говорится об уплате головщины и нет указания на использование чужого транспортного средства, почему появляются основания допускать передвижение на собственном. Особенность самой книги, предметом которой не была фиксация сборов рублевой пошлины, дает повод думать, что о внесении таковой Анкудином Андреевым сведения содержались в другом документе.

Передвижение людей, не намеревавшихся заниматься торговлей от своего имени, облагалось пошлиной в меньшем размере. Это касалось не только личности проезжающего, но и его транспорта. Уставная грамота предписывала: «А с порожжих лодок з больших по пяти алтын, а с середних по гривне, а с малых по два алтына, а с людей имати по тому ж, как в сей уставной грамоте написано». Пятиалтынный платеж за лодку указан в записи пошлинной книги 7 сентября: «Того ж дни шел в малой лотке устюжанин дякон Митрофан Кирилов самдруг, платили по 5 денег с человека, с лотки 5 алтын, всего 6 алтын 4 деньги». Нельзя не заметить, что процитированные тексты относятся к судам, отличающимся друг от друга величиной, что говорит о необходимости видеть в отметке о лодке Митрофана применение некоей иной нормы уставной грамоты. Лодка в исчислении пошлин приравнивалась к каюку, а для такового, расцениваемого как «невеликого», предусматривался платеж в 20 алтын, что опять же не соответствует данным записи в книге. Зато такое соответствие наблюдается в пункте о непокрытых лодках: «А с малых с непокрытых лодок с товарных имати по десяти алтын и по полуполтине, и по две гривны, и смотря по товару и по лотке». Таким образом, либо лодка дякона была меньше, чем самая малая из упомянутых в статье уставной грамоты, почему для нее пришлось произвести пересчет в меньшую сторону, либо дякон Митрофан возвращался из поездки, почему с его лодки взято вдвое меньше, чем с такой непокрытой лодки, прохождение которой

требовало уплаты десяти алтын. Аналогичное толкование допустимо и для записи о прибытии 9 сентября лодки жителя Соли Вычегодской Ивана Конанова.

Пример взимания с лодки полуполтины находится в записи 13 сентября: «Того ж дни пошел в лотке тотмянин Микита Федоров, платил с лотки 8 алтын 2 деньги, гостиново 6 денег, с ярыжных с 2-х человек по 5 денег с человека, всего 11 алтын». Как тотмянин, Микита заплатил с себя половину гостиново, а уплата 50 денег за лодку может свидетельствовать о том, что она относилась к разряду непокрытых товарных лодок не первой величины. Допущение, что в данном случае отразилось применение нормы, предписывающей уменьшение вдвое пошлины с тотмянина относительно иногородних торговцев, невозможно, поскольку ни одно из положений уставной грамоты не назначает взимания с лодки любого типа пошлины в размере в полтину.

Все же толкование затраченных Никитой Федоровым пятидесяти денег как платежа, положенного со средней непокрытой лодки, требует дополнительного обоснования, поскольку одна из статей уставной грамоты утверждает: «А кто поедет тотмянин посажкой человек или Тотемского уезду крестьянин с Тотьмы к Вологде, или в которой город ни буди, ... с каким товаром ни буди в судах ..., и с тех судов имати отъезда ... с каюка и с лодки по десяти алтын». Если понимать данное место устава буквально, то окажется, что при отправлении от причала Тотьмы Микита Федоров, как и всякий его земляк, обязан был заплатить отдельный сбор, именованный «отъезд» и установленный для лодок в сумме десяти алтын. Микита Федоров внес в таможенную кассу меньше указанной в этой статье суммы на десять денег, почему необходимо заключить, что он уплачивал иную пошлину. Свидетельств оплаты им «отъезда» не обнаруживается, причины чего следует доискиваться дополнительно. Применение в случае с лодкой Никиты нормы, относящейся и к иногородним торговцам тоже, свидетельствует о перевозке им чужого товара, тогда как «отъезд» должен был взиматься с собственности самого тотмянина.

Размером платежа за свою персону отличались жители Тотьмы. Если им оказывался торговый человек, то он, как уже отмечалось выше, платил вполтину меньше, нежели его иногородние коллеги, если же он был наемным работником, то должен был платить как все равные ему по положению – 5 денег. Примером первого служит запись 3-го сентября об отъезде Михаила Иванова, а второго – 5-го сентября о взносах тотмянина Василия Леонтьева, Матвея Устинова, прибывшего из Соли Галицкие, и унжанина Василия Андреева.

Приведенные выборочные данные, на наш взгляд, однозначно свидетельствуют о строгом соответствии осуществлявшихся таможенными целовальниками сборов проезжих и явочных пошлин нормам тотемской уставной таможенной грамоты 1622 г.

Не меньший интерес представляют и данные книги сбора рублевой, амбарной и соляной пошлин с иногородних торговцев. Первая ее запись, датированная 1 сентября, отмечает уплату вологжанином Филиппом Перфирьевым с оцененной в 40 алтын партии лука и чеснока и кадки огурцов «с рубля по 5 денег, гостиново 2 алтына, всего 3 алтына», к которым присовокуплена амбарщина «за неделю 7 денег» (РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Тотьма. Кн. 6. Л. 2 об. – 4, 5, 7, 225 об.).

Доставленные и реализованные Филиппом Перфирьевым товары не относились к разряду «весчих», т.е. подлежащих процедуре взвешивания, и в отношении их действовала норма статьи, содержащей длинный перечень видов предлагаемых на продажу продуктов, среди которых, правда, лук, чеснок или огурцы особо не упоминались, скрываясь под некими «иными всякими» товарами. «А хто на Тотьму приедет торговати, – читается в нормативном акте, – и привезет товар камень, яхонты и алмазы, и лалы, и изумруды, и всякое дорогое камень, и запаны, и перстни золотые и серебряные, золотые порпугальские и угорские, золото и серебро в слитках, и суды золотые и серебряные, и жемчуг, и ефимки, и золото и серебро пряденое, и канитель, и полузолотье, и полусереберье, и мишуру, бархаты и отласы, и камки золотные, бархаты и отласы гладкие, камки и тафты бейбереки и грубины, дороги и киндяки, миткали и кисеи, мели и бязи, и кушаки шолковые и бумажные, и кары, и зеньдени, мухояры турецкие и немецкие, и изуфи, шолк шермарханской и бурской, аряшской и анцырной, соболи и куницы, и лисицы черные и красные, шубы собольи и пупчетые, и куньи, и лисьи, бобры и ярцы, и выдры, и росомаки, и песцы, шубы бобровые и песцовые, и заечьи мехи, белку и норки, волки и горносталя, и зачины, кожи лосиные и оленье, и яловичьи, и овчинные, сафьяны и замши, и юфты красные, и подошвенные кожи, сукна скорлоты и скарлаты багрецы, и лундыши аглинские, и кострыши, брюкиши и настрашили, и сальники еренки и муравские, и гловские, и инбарские, и синогорки, и шебединские, и рославские, и жеганские, шубы бораньи и епанчи, и сермяги, и сукна сермяжные, полотна и холсты, и лен, бумагу писчую, лимоны и питья заморские всякие, ножи угорские и немецкие, иглы и булавки, мыло костромское и простое, и иные всякие товары, и таможенником у них те товары пересматривати тотчас, сколько которого товару, и оценя, писати в таможенные книги подлинно, какой товар и что

которому товару цена, и с тое товарные цены имати пошлины с рубля по четыре деньги да замыт по деньге с рубля, да гостиное и с людей головщину, и онбарщину, и тепловое имати, как в сей уставной грамоте указано». Список, как нетрудно заметить, упоминает, главным образом, импортные, доставляемые, скорее всего, из Архангельска товары и различные виды пушнины и кож, и все это, учитываемое поштучно или числом используемой тары, подлежало обложению рублевой пошлиной в размере четырех денег и особым сбором замытного по деньге с рубля цены в каждом случае. В тексте таможенной книги замыт отдельно не фигурирует, выступая в единстве с рублевой пошлиной, просто составляя с нею одну сумму.

Стоит обратить внимание на точность исчисления суммы пошлины. Если представленный товар оценивался в целом в 40 алтын или в 1,2 рубля, а пошлина исчислялась фактически по пяти денег с рубля или, что то же, по деньге с сорока денег товарной стоимости, то и начислена она в случае с Филиппом в той же пропорции.

О гостином трактовала иная статья уставной грамоты, предписывавшая целовальникам с завершившего реализацию товара торгового человека «имати гостиново 3 гостя или с торговово человека по два алтына с человека, а с людей их и с работных людей по пяти денег с человека». Именно два алтына Филипп и заплатил в качестве гостиного с себя лично, не имея под рукой дополнительной рабочей силы «своих людей» или привлеченных по найму.

Уплата приезжими товаровладельцами амбарщины нормировалась пунктом уставной грамоты: «Да сколько станет на Тотьме торговати, и с них имати онбарщины на неделю по алтыну да тепловово на неделю по деньге». Следовательно, под амбарщиной в пошлинной книге скрываются два сбора – собственно амбарщины в объеме шести денег за неделю и тепловово по одной деньге за тот же срок.

Сентябрь 1629 г. оказался удивительно бедным в отношении фиксации товарных сделок, осуществленных иногородними купцами на тотемском рынке. Лишь под 17 числом этого месяца записано, что «вологжанин Семен Меринов купил 23 кожи сырых, цена 9 рублей, платил с рубля по 5 денег, всего 7 алтын 3 деньги». В этой записи не отражена уплата Семеном явки и гостиного, что легко объясняется наличием соответствующей записи в книге сбора проплавных и явочных пошлин: «Того ж дни шел дощаником вологжанин Семен Меринов, в мере дощаник 10 сажен 2 чети. Платил с сажени по 5 алтын по 2 деньги, гостиново 2 алтына, с носника и с кормщика 4 алтына, с ярыжных с 15 человек по 5 денег с человека, всего 2 рубля 7 алтын 5 денег». Следовательно, едва

прибывший в Тотьму вологжанин успел дважды отмериться в течение дня в таможене, сначала как приведший дощаник, затем как покупатель товара. При этом можно утверждать, что он не продавал никакого собственного товара, поскольку в этом случае он был бы освобожден от уплаты пошлины при покупке чужого. Это правило содержится в уставной грамоте: «А которые торговые люди иногородцы и тотменя, приехав на Тотьму с товаром, испродав товар свой, и на те деньги купят иной товар какой ни буди, и с тех пошлины не имати, потому что он платил пошлину с товаров».

Уставная грамота не содержит специального пункта, трактующего о сборе пошлин с явленных на покупку товара денег. О пошлине с таких денег применительно к иногородним торговым людям говорится в статье, посвященной приобретению соли, видимо, главного экспортного тотемского товара: «А хто купит соль на Тотьме приезжей человек иногородец, и с иногородцов имати з денег пошлина рублевая по пяти денег с рубля да с пуда соли по деньге, да припуска по две деньги с рогожи, да с ызвощиков з дуги по две денги». Сбор с приобретателей иных товаров осуществлялся, очевидно, по аналогии за исключением дополнительных платежей с пуда соли, припуска и с привлекаемых для транспортировки извощиков. Семен Меринов как раз и заплатил такую рублевую пошлину с затраченных на покупку кож денег.

Собственный товар, насколько можно понять, Семен Меринов реализовал несколько позже. 31 октября сделана запись об уплате им очередных двух алтынов без объяснения цели платежа. Означенное количество денег соответствует требованию о сборе гостиного, а отметка в пошлинной книге без дополнительных пояснений

свидетельствует, что Семен продал своего товара на затраченную ранее сумму, почему не потребовалось специальной оговорки о рублевой пошлине.

Еще одна товарная сделка в книге сбора пошлин с иногородних торговых людей была заключена 13 сентября, когда «кокшары Осип Галифонов, Кореп Екимов продали 4 коровы, цена 4 рубля. Платил с рубля по 5 денег, всего 3 алтына 2 деньги» (РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Тотьма. Кн. 6. Л. 9, 12, 49, 226 об., 227 об. – 228). Торговле скотиной была посвящена одна из статей уставной грамоты, в частности, гласившая: «А которой посацкой человек или волостной, или иногородец ис которого города ни буди, или из уезда, или из волости пригонит ... коровы, ... и таможенником имати ... с коров ... рублевая пошлина по пяти денег с рубля». Именно в таком размере подчиненные головы Десятого Куклина определили сумму сбора с проданных двумя кокшарами коров. Покупателями, вероятно, выступали местные жители, записи об уплате которыми пошлины с затраченных денег должны были содержаться в несохранившейся книге сборов с тотемских горожан.

Проведенные наблюдения о пошлинных сборах таможенными целовальниками Тотьмы в сентябре 1629 г. показывают, что они осуществлялись в строгом соответствии с нормами, прописанными в уставной грамоте 1622 г. По меньшей мере, об этом свидетельствуют записи, сделанные на страницах книг проплавных и явочных сборов, и фиксации пошлин с операций иногородних торговых людей. При этом необходимо заметить, что сами записи часто нуждаются в специальном анализе с целью определения конкретных положений устава, применяемых в отдельных случаях. Этот анализ, в свою очередь, позволяет более точно представлять реальность, скрывающуюся за лапидарными заметками таможенников.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

РГАДА – Российский государственный архив древних актов
ТК – Таможенные книги Сухоно-Двинского пути XVII в.

ЛИТЕРАТУРА

Кустерев С. Н. 2003. Нормативные документы таможенных учреждений городов Устюжской четверти конца XVI – начала XVII в. Москва: Древлехранилище.

Устюг Великий. Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. 1883. Москва: Типография М. Н. Лаврова и К^о.

Тимошина Л. А. 2007. Завещание гостя Афанасия Гусельникова и некоторые вопросы общественно-экономического положения гостей в Русском государстве XVII века// Великий Устюг. Краеведческий альманах. Вып. 4. Вологда: Русь, 259–307.

ТК. 2015. Вып. 3. Санкт-Петербург: Контраст.

REFERENCES

Kisterev S. N. Normativnye dokumenty tamozhennykh uchrezhdenii gorodov Ustyuzhskoi chetverti kontsa XVI – nachala XVII v. [Regulating documents of customs offices of the cities of the Ustyug quarter of the end of XVI – the beginning of the 17th century]. Moscow: Drevlekhranilishche, 2003. (In Russian).

Velikiy Ustyug. [Materials for city history XVII and XVIII centuries]. Moscow: M. N. Lavrov's typography and Ko, 1883. (In Russian).

Timoshina L. A. In: Velikiy Ustyug. Kraevedcheskii al'manakh [Velikiy Ustyug. Local history almanac]. Vol. 4 (2007): 259–307. (In Russian).

TK. Issue 3. St. Petersburg: Contrast, 2015. (In Russian).

S. N. Kisterev
Moscow, Russia

COLLECTION OF CUSTOMS DUTIES IN TOTMA IN SEPTEMBER OF 1629 AND NORMS OF AUTHORIZED CUSTOMS LETTER

Abstract. The article was written with the help of archive sources. It shows that various customs duties collections were performed by tselovalniki. This process strictly followed norms of the local authorized customs letter that came into effect on the 1st of September, 1622. This fact is supported by the comparison between the orders in the letter and numerous entries of custom duties collection, in particular shipping and general taxes collected from Totma citizens and other cities. The research shows that authorized customs letter determined the payment and its limits for each case whereas in practice the payment was determined by vessels' real size allowing for price digressions. This was a small boat of a merchant was charged the same amount of money as big ships. Whether the goods belonged to those transporting them or not was also taken into consideration. Tarkhanshchiks could use fringe benefits. Duties paid in rubles were not taken note of in the book. People who were not merchants were charged less than those working in the trade, including people from other cities. All this supports and elaborates on the practices of Russian customs and customs policies in the post-troubled times.

Key words: Totma; authorized customs letter; customs duties; nomenclature of customs fees; merchant shipping size; the value of merchant vessels; tarkhanshchik.

About the author: Sergey Nikolaevich Kisterev, independent researcher, CEO of Alyans-Arkheo publishing house.

Place of employment: Alyans-Arkheo publishing house.

Кистерев С. Н. Сбор таможенных пошлин в Тотме в сентябре 1629 г. и нормы местной уставной грамоты // Вестник Нижневартковского государственного университета. 2017. № 2. С. 25–31.

Kisterev S. N. Collection of customs duties in Totma in september of 1629 and norms of authorized customs letter // Bulletin of Nizhnevartovsk State University. 2017. No. 2. P. 25–31.

УДК 94 (07).04

В. В. Митрофанов
Нижневартовск, Россия

К ИСТОРИИ ВИННОЙ ТОРГОВЛИ В БЕРЕЗОВСКОМ КРАЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Аннотация. В статье анализируются изменения в законодательстве Российской империи в области акцизов на торговлю вином в Западной Сибири и порядок реализации этой политики в Березовском уезде. С привлечением новых архивных материалов выясняются объемы и ценовая политика правительства. Особое внимание уделено торговле вином среди инородцев.

Гражданские губернаторы Тобольской губернии во время обревизования Березовского уезда высказывали разные предложения в этой сфере: продажу вина делали свободной, затем отменяли, потом снова вводили, запрещали торговлю вином на стойбищах и во время ярмарок. Принимались решения о расчете за вино деньгами, запрещая производить обмен вина на продукты промысла, прежде всего пушнину. Организовывали стационарные магазины, продавали вино в розницу и оптом. Отмечается, что поиск вариантов оптимального управления торговлей вином и сбором акцизов продолжался весь XIX век.

Делается вывод, что хотя вопрос о торговле вином и на уровне губернии, и во всей Западной Сибири оставался злободневным, решить его не представлялось возможным в силу как объективных (огромная территория, отсутствие возможностей для контроля), так и субъективных причин (приверженность аборигенов к выпивке, стяжательство торговцев, которые специально приобщали к выпивке инородцев, отсутствие конкуренции в силу невыгодности казенной торговли, злоупотребления власти).

Ключевые слова: Западная Сибирь; Березовский уезд; торговля вином; акцизы; законодательство; винопромышленники; магазины.

Сведения об авторе: Виктор Владимирович Митрофанов, доктор исторических наук, профессор кафедры гуманитарных и естественнонаучных дисциплин.

Место работы: филиал ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет (НИУ)» в г. Нижневартовске.

Контактная информация. 628616, г. Нижневартовск, ул. Мира, д. 9, тел.: 8-912-53-15-188; e-mail: viktor-n19621@mail.ru.

Проблемы снабжения отдаленных населенных пунктов Тобольского Севера в XIX в. продуктами питания, прежде всего, хлебом (Митрофанов 2010: 36–55; Митрофанов 2013: 58–61) и солью (Митрофанов 2013: 48–53) были предметом отдельных исследований. Но эта тема обширная и требует дальнейшего изучения, прежде всего, с привлечением архивных материалов. Не меньший интерес вызывает и организация казенной торговли в этих местах вином, хотя тема не нова. О системе управления питейными сборами в России (1463–1917 гг.) и их месте в доходной части государственного бюджета России (1819–1913 гг.) имеются интересные работы (Жиров, Петрова 1998: 129, 134–136; Быкова 2006: 72–79; 80–96; Рожкова 2007). Вызывает интерес у исследователей и акцизная реформа в России в 1860-е гг., напрямую связанная с водочной торговлей (Пинчук 2002: 58–75; Пинчук 2004: 56–65).

В период великих реформ быстрыми темпами менялось законодательство, в том числе и регулирующее винную торговлю (Сборник правительственных 1862–1875). К этому вопросу возвращались не раз и Тобольский гражданский губернатор, и Тобольский губернский совет, и совет при генерал-губернаторе. Об этом свидетельствует, например, журнал совета от 12 и 13 февраля 1864 г. После обсуждения участники заседания пришли к важному и новому варианту решения проблемы – «распространению в Березовском крае свободной торговли вином на общих основаниях с тем, чтобы продажа вина, во всяком случае, производилась непременно на наличные деньги, а не меною на предметы промысла инородцев, соединенные с обменом и влекущие за собою расстройство кочевого хозяйства» (ИАОО: 17). Необходима была организация «правильной оптовой торговли» в Березовском крае, где из-за его удаленности от крупных торговых баз и городов присутствовали один-два торговца, поэтому отсутствовали «необходимые условия для конкуренции», что приводило к «удерживанию высоких цен на вино».

Следовательно, эту монополию нужно было нарушить путем «заготовления для этого края казенного вина», для чего предполагалось «учредить казенные склады в Обдорске, Березове, Самарове и Сургуте», а «заведывание оными вместо винных приставов» поручить «надсмотрщикам» (ИАОО: 117 об.).

Высказанные Тобольским губернатором предложения были переданы на заключение Управляющему питейно-акцизным сбором. Вскоре был получен ответ, подготовленный коллежским советником Дела-Гарди (занимавшим эту

должность. – В.М.), направленный в 3-е отделение Главного управления Западной Сибири 5-го марта 1864 г. за № 438. В нем отмечалось: «при допущении свободной торговли вином в Березовском крае, не предоставляется ни малейшей возможности по громадным там расстояниям устроить какой-либо надзор, чтобы вино продавалось там на деньги, а не на вещи и вообще за правильностью действий винопромышленников и когда в Березовском крае по продаже вина, существующие ныне злоупотребления, клонящиеся к вреду инородцев, то устранением ограничений по этой продаже и с дозволения свободной торговли вином по всему пространству кочевых инородцев злоупотребления эти, при невозможности иметь за такую торговлю надзор, могут принять большие размеры» (ИАОО: 117 об. – 118). Следовательно, опасения, что контролировать торговлю вином будет невозможно, признавались официальными властями.

Заметим, что казенная торговля вином в Березовском крае ранее существовала, но затем была упразднена и вновь ее восстанавливать, по мнению Дела-Гарди, не было «необходимости». Инициатива же ликвидации такой торговли исходила от правительства, которое, «допустив торговлю вином на началах свободной промышленности, отказалось от всякого участия в этом деле, в котором оно, как показал опыт, не может конкурировать с частными промышленниками, так и потому, что частная винопромышленность в Березовском крае достаточно ныне развита». О масштабах торговли можно судить по некоторым цифрам, приводимым в документе. В Березовском крае действовали 5 частных оптовых склада, куда было завезено и хранилось до 28 тыс. ведер вина, открыто 12 питейных заведений «раздробительной продажи вина». После закрытия казенных складов «вино продается в оптовой продаже», цена оптом находилась в диапазоне от 4 рублей 50 копеек до 4 рублей 80 копеек, а в «раздробительной торговле» от 5 до 6 рублей ведро (ИАОО: 118).

Копия с журнала губернского совета была направлена в Омск, и этот вопрос был вскоре поставлен на повестку дня. Заседание Совета при генерал-губернаторе проходило 14 марта 1864 г. и рассмотрело вопрос «Относительно дозволения свободной торговли вином в Березовском крае». Собравшиеся констатировали, что «в Березовском крае открыта дозволенная продажа вином в Березове, Кондинском и Сургуте» (ИАОО: 115). Эта торговля велась в соответствии с принятыми постановлениями и другими нормативными актами, например, «Мнением Государственного совета»

от 8 января 1862 г. Этот документ «строжайше запрещал» «продажу крепких напитков в стойбищах и на ярмарках сибирских кочевых и бродячих инородцев». Заметим, что Устав предполагал деление коренных жителей Сибири на разряды. По мнению Л.М. Светличной, «главным критерием деления на разряды выступала степень развития земледелия – его полное или частичное отсутствие» (Светличная 1952: 11).

Но при этом на Совете отмечалось, что «самим инородцам не запрещено покупать вино в местах дозволенной продажи и привозить иное к своим семействам для домашнего потребления и сверх сего в Березовском округе с тремя отделениями и Тогурском отделении Томской губернии, позволяется инородцам и перепродавать вино между собою».

В очередной раз инспектируя губернию, Тобольский губернатор А.И. Деспот-Зенович (занимал должность в 1862–1867 гг.), посетив Березовский округ, «нашел, что немногие инородцы пользуются предоставленным им правом покупать и продавать между своими родовичами вино». Но торговля все равно велась, и активная роль в этой торговле принадлежала «мелким русским торговцам» из местных казаков, мещан и «киногородних промышленников». Это было всем известно, как и то, что вино завозилось и реализовывалось «дурного качества» и притом «по непомерно высоким ценам». К тому же в качестве платы за спиртные напитки продавцы брали «рухлядь» и другие продукты их промыслов. «Порочную торговлю вином» контролировать властными структурами было невозможно, да порой и не было желания. Но были и объективные причины – разбросанность инородческих селений на «огромных пространствах». Эта проблема особенно явно существовала в Обдорском участке. В самом селении Обдорское, преимущественно русском по составу населения, подобная торговля была вовсе запрещена, как и в других местностях, например, по рекам Ваху, Сосьве, Ляпин и Лозье.

На материалах журнала Совета 16 марта генерал-губернатор Западной Сибири А.О. Дюгамель (занимал должность в 1861–1866 гг.) написал резолюцию: «Исполнить по большинству голосов с тем, чтобы придать копию сего журнального постановления в акцизное управление для руководства» (ИАОО: 116).

Необходимо заметить, что губернские власти проявляли определенную заботу о местных народах Березовского края, вводя запреты на торговлю спиртными напитками. Эти меры необходимы были для «охранения благосостояния инородцев, склонных к пьянству и готовых за вино отдать все, что они имеют». Но при этом существовавшее положение оценивалось реалистично.

Запреты на винную торговлю «не достигали своей цели» и «порождали только корчемство вином», что, в свою очередь, еще больше сказывалось на «разорении потребителей» (ИАОО: 116 об.).

Поиск вариантов оптимального управления торговлей вином и сбором акцизов продолжался весь XIX в. (О содержании 1830: 21–37; О питейном сборе 1863: 39–70; О применении 1865: 204–205).

О пристрастии инородцев к спиртному упоминают многие, побывавшие в местах их расселения и оставившие воспоминания, путевые заметки, дневники, описания. Например, Зябловский записал, что остяки «... выменивают у русских вино» (Новейшее 1807: 156), а И.С. Поляков, командированный Академией Наук в 1876 г. в Западную Сибирь, заметил: «Питье остяка – водка» (Поляков 1877: 49). Ссылаясь на его сведения, немецкие ученые О. Финш, почетный член Германского географического общества, и А. Брэм, совершившие «с научной целью путешествие» в 1876 г. по Югорским просторам, указывают, что в одном Березове, который именуется «главным центром торговли водкой», было «5 водочных складов и в каждом из них ежегодный оборот равняется 50–70 000 руб.». Описывая город, путешественники отметили: «мы побывали во всех лавках, трактирах и харчевнях, которыми Березов изобилует, как главный центр торговли водкой и туземцы не чувствуют в ней недостатка».

Анализируя бедственное материальное положение и развращенные нравы, немецкие путешественники вновь ссылаются на И.С. Полякова и соглашаются с ним: «у них, как у всех нецивилизованных народов, водка – главная причина материального разорения и физического вырождения, и г. Поляков, без сомнения, прав, обвиняя своих соотечественников в том, что они привозят водку и причают к ней туземцев» (Финш, Брэм 1882).

О пьянстве в период проведения ярмарок свидетельствует А. Павлов: «Одна из ярмарок бывает в Сургуте в декабре месяце; одна в селе Ларьятском в мае и одна в селе Юганском в июне. Ярмарки в двух названных селах происходят под наблюдением местного начальства, не позволяющего русским торговцам при мене или торге спаивать остяков вином. К сожалению, это запрещение редко достигает цели. Остяка и так нетрудно обмануть, а пьяного положительно обирают. Дорогой зверь тогда идет за бесценнок. Еще большим обманам в торговле остяки подвергаются в своих становищах, по которым разъезжают скупщики, находящиеся тогда совершенно вне всякого надзора начальства. Остяк и не пьяный сбивается в счете денег, в особенности он не дает толку в переводе ассигнаций на серебро» (Павлов 1878: 106, 107–109, 111–117, 118).

И такая ситуация продолжалась многие десятилетия, в любой сфере общественной жизни. Например, М.А. Кастрен – финский ученый, в течение 1838–1844 и 1845–1849 гг. по поручению Академии наук осуществлявший ряд научных лингвистических и этнографических экспедиций на европейский и сибирский Север России, пишет: «как на русских свадьбах, так и на остяцких и самоедских количество выпитой водки служит мерилем богатства и веселья». Знаменитый лингвист замечает, что «в языке самоедов не существует слово “благодарю”, но дайте самоеду глоток водки, и он пойдет за вас на смерть» (Кастрен 1860: 215–223).

Таким образом, как на уровне губернии, так и всей Западной Сибири вопрос о торговле вином оставался злободневным, решить же его не представлялось возможным в силу, прежде всего, объективных причин (огромная территория, отсутствие возможностей для контроля) и субъективных (приверженность аборигенов к этому злу, стяжательство торговцев, которые специально приобщали к выпивке инородцев, отсутствие конкуренции в силу невыгодности казенной торговли, злоупотребления власти). Вариантов же, кроме регу-

лирования торговли путем ее открытия или упразднения, не было.

Обратим внимание на довольно совершенную нормативную базу разных уровней, регламентирующую торговлю вином. Губернское руководство активно применяло общеимперское законодательство (Устав 1839: 1036). После принятия Устава об управлении инородцами 1822 г. гражданские губернаторы обязывались совершать объезды подконтрольных территорий, о которых упомянуто выше. По крайней мере, они знакомились с ситуацией не из уст чиновников, а своими глазами могли видеть настоящее положение, хотя это и не приносило практически никаких изменений, как и постоянно менявшееся законодательство.

Оставалось одно средство – нравственное усовершенствование всех сторон жизни инородцев, но этого не происходило. Ряд просветителей инородцев России большое значение в деле искоренения испорченных нравов связывали именно с просвещением и распространением христианства. Но даже такой сильный мотив не смог победить пьяное зло.

ЛИТЕРАТУРА

- Быкова А. Г. 2006. Губернские и окружные Акцизные управления (1861–1914 гг.) // Вестник Омского университета. Серия «Право» 1(6), 72–79.
- Быкова А. Г. 2006. Раздробительная торговля спиртными напитками в России в 1800–1846 гг.: некоторые аспекты проблемы // Вестник Омского университета. Серия «Право» 1(6), 80–96.
- Жиров Н. П., Петрова Ф. Н. 1998. Антиалкогольное законодательство Российской империи: исторический опыт формирования. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет.
- Исторический архив Омской области (ИАОО). Ф. 3. Оп. 4. Д. 6044.
- Кастрен М. А. 1860. Путешествие Александра Кастрена по Лапландии, северной России и Сибири (1838–1844, 1845–1849) // Магазин землеведения и путешествий: географический сборник. Т. VI: Собрание старых и новых путешествий. Ч. II. Москва: Издатель Николай Фролов; Типография Александра Семена.
- Митрофанов В. В. 2010. Архивные материалы о социально-экономической жизни города Сургута в XIX в. // Солодкин Я.Г. (ред.). Источниковедческие и историографические аспекты сибирской истории: Коллективная монография. Нижневартовск: НГГУ.
- Митрофанов В. В. 2013а. О снабжении солью отдельных городов Тобольской губернии в 1864 году // Прищепа А.И. (ред.). ХМАО-Югра: исторические вызовы: материалы Всероссийской научной конференции. Сургут: СурГУ, 58–61.
- Митрофанов В. В. 2013б. Проблемы хлебозаготовок в сургутском комисариате в XIX в. // Соколов С.Н. (отв. ред.) Социально-экономические проблемы региона в условиях инновационного развития территорий: Материалы III международной научно-практической конференции. Новосибирск: Сибпринт, 48–53.
- Новейшее землеописание Российской империи, сочиненное Зябловским, Санкт-Петербургского педагогического института экстраординарным профессором. 1807. Санкт-Петербург: Типография И. Глазунова.
- О питейном сборе: высочайше утвержденное положение от 4 июля 1861 г. № 37197. 1863 // ПСЗ РИ: В 55 т. Собр. 2. Т. XXXVI. Отд. II. Санкт-Петербург: Типография II Отделения Собственной Е.И.В. канцелярии, 39–70.
- О применении к Западной и Восточной Сибири Положения об акцизном управлении питейными сборами: высочайше утвержденное положение сибирского комитета от 15 марта 1862 г. № 38063. 1865 // ПСЗ РИ: В 55 т. Собр. 2. Т. XXXVII. Отд. I. Санкт-Петербург: Типография II Отделения Собственной Е.И.В. канцелярии, 204–205.
- О содержании питейных сборов в Сибирских губерниях: Иркутской, Енисейской, Тобольской и Томской с 1839 по 1843 год: высочайше утвержденные условия от 28 июня 1838 г. № 11373. 1839 // ПСЗ РИ: В 55 т. Собр. 2. Т. XIII. Отд. I. Санкт-Петербург: Типография II Отделения Собственной Е.И.В. канцелярии, 1036.
- О содержании питейных сборов в трех сибирских губерниях, с 1 января 1819 по 1823 год: высочайше утвержденные условия от 1 января 1818 г. № 27211. 1830 // ПСЗ РИ: В 45 т. Собр. 1. Т. XXXV. Санкт-Петербург: Типография II Отделения Собственной Е.И.В. канцелярии, 21–37.

Павлов А. 1878. 3000 верст по рекам Западной Сибири. Очерки и заметки из скитаний по берегам Туры, Тобола, Иртыша и Оби А. Павлова. Тюмень: Типография Высоцкого в Тюмени.

Пинчук В. Н. 2002. Акцизное налогообложение населения Западной Сибири в 60–70 гг. XIX в. // Вопросы социальной и экономической истории Сибири XVII–начало XX вв.: Сборник научных статей. Омск: ОмГПУ.

Пинчук В. Н. 2004. Акцизная система в Западной Сибири в 60–70 гг. XIX в. // Социально-экономические и гуманитарные аспекты модернизации общества: Сборник научных трудов. Омск: Прогресс.

Поляков И. С. 1877. Письма и отчеты о путешествии в долину р. Оби, исполненном по поручению Императорской Академии наук, И.С. Полякова // Записки Императорской Академии наук. Т. 30. Кн. 1. Приложение № 2. Санкт-Петербург: Типография императорской Академии Наук.

Рожкова О. А. 2007. История питейных сборов в Российской империи: Автореф. ... канд. изд. наук. Пятигорск: Пятигорский государственный технологический университет.

Сборник правительственных распоряжений по управлению питейно-акцизными сборами. 1862. Вып. I. Санкт-Петербург: Типография товарищества «Общественная польза».

Сборник правительственных распоряжений по управлению питейно-акцизными сборами. 1863. Вып. II. Санкт-Петербург: Типография товарищества «Общественная польза».

Сборник правительственных распоряжений по управлению питейно-акцизными сборами. 1864. Вып. IV. Санкт-Петербург: Типография товарищества «Общественная польза».

Сборник правительственных распоряжений по управлению питейно-акцизными сборами. 1864. Вып. V. Санкт-Петербург: Типография товарищества «Общественная польза».

Светличная Л. М. 1952. Преобразовательные планы и административная деятельность М.М. Сперанского в Сибири (1819–1822 гг.): Дис. ... канд. изд. наук. Москва.

Устав о вине. ПСЗ РИ. Собр. I. № 15231. Т. 21. Санкт-Петербург: Типография II Отделения Собственной Е.И.В. канцелярии, 61–62.

Фини О., Брэм А. 1882. Путешествие в Западную Сибирь д-ра О. Финша и А. Брэма. Москва: Типография М.Н. Лаврова и К^о.

REFERENCES

Bykova A. G. In: Vestnik Omskogo universiteta [Bulletin of Omsk University]. Vol. 1 (6) (2006): 72–79. (In Russian).

Bykova A. G. In: Vestnik Omskogo universiteta. Serija «Pravo». [Bulletin of Omsk University]. Vol. 1 (6) (2006): 80–96. (In Russian).

Zhirov N. P., Petrova F. N. Antialkohol'noe zakonodatel'stvo Rossijskoj imperii: istoricheskij opyt formirovaniya [Antialcoholic legislation of the Russian empire: historical experience of formation]. Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskij universitet. 1998. (In Russian).

Istoricheskij arhiv Omskoj oblasti [Historical Archive of Omsk Region]. (IAOO). F. 3. Op. 4 D. 6044. (In Russian).

Kastren M. A. In: Magazin zemlevedenija i puteshestvij: geograficheskij sbornik [Journal of geography and travel: geographical collection]. Vol. 6 (2) (1860). (In Russian).

Mitrofanov V. V. Arhivnye materialy o social'no-jekonomicheskoj zhizni goroda Surguta v XIX v. // Istochniko-vedcheskie i istoriograficheskie aspekty sibirskoj istorii: Kollektivnaja monografija/Pod obshh. red. Ja.G. Solodkina. [Source study and historiographical aspects of the anthrax story: Collective monograph / Pod Society. Ed. Y.G. Solodkina]. Nizhnevartovsk: Iz-vo Nizhnevart. gumanit. un-ta, 2010. (In Russian).

Mitrofanov V. V. In: HMAO-Jugra: istoricheskie vyzovy: mat-ly Vseros. nauch. konferencii [Khanty-Mansiysk Autonomous District-Ugra: historical challenges: Materials of All-Russia. scientific. Conference]. Surgut: Surgut State University Publ. House, 2013a. (In Russian).

Mitrofanov V. V. In: Social'no-jekonomicheskie problemy regiona v uslovijah innovacionnogo razvitija territorij: Mat-ly III mezhdunar. nauch.-praktich. konferencii. [Social and Economical issues of the region from the perspective of innovative development: Proceedings of the 3rd international conference]. Novosibirsk, Sibprint Publ. House, 2013b. (In Russian).

Novejshee zemleopisanie Rossijskoj imperii, sochinennoe Zjablovskim, Sankt-Peterburgskogo pedagogicheskogo instituta jekstraordinarnym professorom [The latest zemleopisanie Russian Empire composed by Zyablovskim, St. Petersburg extraordinary professor at the Pedagogical Institute]. Saint-Petersbutg: I. Glazunov Publ. House, 1807. (In Russian).

Complete Collection of Laws of Russian Empire. Volume 55. Collection 2. Number 37197. Pp. 39–70. (In Russian).

Complete Collection of Laws of Russian Empire. Volume 55. Collection 2. Number 38063. Pp. 204–205. (In Russian).

Complete Collection of Laws of Russian Empire. Volume 55. Collection 2. Number 11373. Pp. 1036. (In Russian).

Complete Collection of Laws of Russian Empire. Volume 45. Collection 1. Number 27211. Pp. 21–37 (In Russian).

Pavlov A. 3000 verst po rekam Zapadnoj Sibiri. Oчерки i zametki iz skitanij po beregam Tury, Tobola, Irtysha i Obi A. Pavlova. [3000 miles along the rivers of Western Siberia. Sketches and notes from wandering along the banks of Tours, Tobol, Irtysh and Ob Pavlova]. Tjumen': Tipografija Vysockogo v Tjumeni, 1878. (In Russian).

Pinchuk V. N. In: Voprosy social'noj i jekonomicheskoy istorii Sibiri XVII – nachalo XX vv.: Sbornik nauchnyh statej. [Issues of social and economic history of Siberia HVII-beginning of XX centuries: Collection of articles]. Omsk: Izd-vo OmGPU, 2002. (In Russian).

Pinchuk V. N. In: Social'no-jekonomicheskie i gumanitarnye aspekty modernizacii obshhestva: Sbornik nauchnyh trudov. Omskij institut predprinimatel'stva i prava. [Socio-economic and humanitarian aspects of the modernization of society: Proceedings. Omsk Institute of Business and Law]. Omsk: Progress, 2004. (In Russian).

Poljakov I. S. In: Zapiski Imperatorskoj Akademii nauk [Notes of the Imperial Academy of Sciences]. Vol. 30 (1) (1877). (In Russian).

Rozhkova O. A. Istorija pitejnyh sborov v Rossijskoj imperii. Avtoreferat dis. ... kand. ist. nauk [History of drinking charges in the Russian Empire. Abstract ... cand. hist. sciences]. Pjatigorsk: Pyatigorsk Technological State University, 2007. (In Russian).

Sbornik pravitel'stvennyh rasporjazhenij po upravleniju pitejno-akciznymi sborami. 1862. Vypusk I. [Collection of government regulations on drinking-excise duties Management. 1862. Issue I]. Saint Petersburg: Publishing House Common Good. (In Russian).

Sbornik pravitel'stvennyh rasporjazhenij po upravleniju pitejno-akciznymi sborami. 1863. Vypusk II. [Collection of government regulations on drinking-excise duties Management. 1863. Issue II]. Saint Petersburg: Publishing House Common Good. (In Russian).

Sbornik pravitel'stvennyh rasporjazhenij po upravleniju pitejno-akciznymi sborami. 1864. Vypusk IV. [Collection of government regulations on drinking-excise duties Management. 1864. Issue IV]. Saint Petersburg: Publishing House Common Good. (In Russian).

Sbornik pravitel'stvennyh rasporjazhenij po upravleniju pitejno-akciznymi sborami. 1864. Vypusk V. [Collection of government regulations on drinking-excise duties Management. 1864. Issue V]. Saint Petersburg: Publishing House Common Good. (In Russian).

Svetlichnaja L. M. Preobrazovatel'nye plany i administrativnaja dejatel'nost' M.M. Speranskogo v Sibiri (1819–1822 gg.). Avtoreferat dis. ... kand. ist. nauk [Converting plans and administrative activities M. M Speransky in Siberia (1819–1822 gg.). Abstract ... cand. hist. sciences]. Moscow, 1952. (In Russian).

Complete Collection of Laws of Russian Empire. Fund 1. Number 15231. Volume 21. (In Russian).

Finsh O., Brjem A. Puteshestvie v Zapadnuju Sibir' d-ra O. Finsha i A. Brjema. [Travel to Western Siberia Dr. O. Finsch and A. Time]. Moscow: Tipografija M.H. Lavrova i Ko, 1882. (In Russian).

V. V. Mitrofanov
Nizhnevartovsk, Russia

ON HISTORY OF WINE TRADE IN BERYOZOVSKY KRAI IN THE SECOND HALF OF XIX CENTURY

Abstract. The article analyzes changes in the law of Russian empire regarding excise tax on wine in Western Siberia and the implementation of these policies in Beryozovsky krai. New archive materials help to determine the amounts and price policies established by the government. Wine traders from other cities are of primary interest.

During the audit of Beryozovsky uezd civil governors of Tobolsk County offered different observations: first, wine sale was forbidden, then allowed, then forbidden again, then, it was only forbidden at deer farms and fairs. It was decided to pay for wine with money only and not with animal skins. Liquor stores were established and one could buy wine both at retail and wholesale. It is noted that the search for optimal wine trade management systems continued throughout the whole XIXth century.

It is possible to draw a conclusion that it was practically impossible to solve the issue of wine trade on the level of counties and Western Siberia as a whole due to multiple reasons. Among those reasons are both objective (vast territory, lack of control) and subjective (interest that indigenous people took in alcohol, acquisitiveness of tradespeople, who got indigenous people addicted to alcohol, lack of competition due to power abuse and unattractiveness of trade).

Key words: Western Siberia; Beryozovsky uezd; wine trade; excise taxes; law; wine producers; stores.

About the author: Viktor Vladimirovich Mitrofanov, Doctor of Historical Sciences, Professor at the Department of Social Sciences and Humanities.

Place of employment: Nizhnevartovsk branch of South Ural State University.

Митрофанов В. В. К истории винной торговли в Березовском крае во второй половине XIX в. // Вестник Нижневартковского государственного университета. 2017. № 2. С. 31–36.

Mitrofanov V. V. On history of wine trade in Beryozovsky krai in the second half of XIX century // Bulletin of Nizhnevartovsk State University. 2017. No. 2. P. 31–36.

**ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ КАРГОПОЛЬСКОГО УЕЗДА
СЕРЕДИНЫ XVI – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVII вв.**

Аннотация. Статья посвящена исторической географии Каргопольского уезда середины XVI – первой четверти XVII вв. Каргопольский уезд сформировался в бассейне р. Онеги, простирался с юга, от оз. Лаче, на север до берегов Онежской губы Белого моря. На западе уезд граничил с Заонежскими погостами; на востоке и северо-востоке – с Двинским уездом; на юго-востоке – с Важским уездом; на юге – с Чарондской округой и Белозерским уездом.

Историческая география изучает районы в их историческом развитии: как связаны географические условия с процессами колонизации земель; причины, влиявшие на освоение территории в различные периоды истории, что позволяет прогнозировать дальнейшее развитие региона в хозяйственном и историко-культурном отношении. Этим определяется актуальность исследования. Научная новизна состоит в том, что систематизируется фактический материал и вводятся в научный оборот новые сведения из письменных источников, связанные с исторической географией Каргопольского уезда.

В российской историографии были определены территория, границы, внутренняя структура и система управления уездом; исследовалось заселение и хозяйственное освоение отдельных областей Поонежья. Остались не до конца изученными вопросы, связанные с определением внутренних границ, особенностей хозяйственного освоения отдельных территорий уезда и развития поселений; локализацией путей сообщения, изучением их роли в колонизации земель.

В результате проведенного исследования были выявлены новые факты и предположения. Изучение географии волостей и волосток позволило установить район наиболее интенсивного и предположительно раннего освоения, так называемый «онежский массив». Показана связь «онежского массива» с проходившими через него водно-волоковыми путями, тем самым подчёркивается их значение в заселение уезда.

К середине XVI в. в Каргопольском уезде, в основном, в районе Каргополя уже формируется сеть дорог. В северной части уезда сухопутные пути ещё длительное время назывались волоками. Определена вероятная граница (рубеж) между половинами Каргопольского уезда: Турчасовской и Каргопольской. Предпринята попытка реконструкции истории освоения Каргопольского уезда в новгородский период: боярщины (земли, принадлежащие новгородским боярам) также могли быть владениями крестьян-своеземцев (крестьяне землевладельцы); названия поселений село или сельцо (небольшое село) – бывшие административные центры или владельческие поселения; локализация новгородского погоста у порога связывается с Беричевскими порогами в низовье Онеги и волостью Ордомский погост в Турчасовском стане.

Ключевые слова: Поонежье; уезд; стан; половина; волость; волостка; рубеж; волок; село; погост.

Сведения об авторе: Андрей Иванович Побежимов, кандидат исторических наук, генеральный директор.

Место работы: ООО «Ионик».

Контактная информация: 198334, г. Санкт Петербург, ул. Партизана Германа, д. 35, корп. 2, тел.: 89819601624; e-mail: andrey-pi@mail.ru.

Историческая география Каргопольского уезда середины XVI – середины XVII в. впервые представлена Н.А. Рожковым. Историком было высказано предположение о колонизации территории уезда колонистами с юга и запада (Рожков 1899: 3–29). М.М. Богословским была определена территория, границы, внутренняя структура и система управления уездом (Богословский 1910: 14–15). Административно-территориальное положение уезда, поселения, занятия, численность, состав, средняя плотность населения, землевладение исследовались Ю.С. Васильевым (Васильев 1978: 39–46). Необходимо также отметить исследования последних лет, целью которых было изучение заселения и хозяйственного освоения различных областей Поонежья. В результате показан процесс образования и развития волостной системы Кенозерья и Каргополя (Критский 2005: 1–208; Тормосов, Тормосова 2011: 297–302; Тормо-

сова 2011: 1–711); проведена локализация водно-волоковых путей, ранее неизвестных науке; уточнены северо-восточная и южная граница Каргопольского уезда; определены внутренние границы Турчасовского, Мехреньского станов и относительная хронология освоения Северного Поонежья (Побежимов 2010: 63–71; Побежимов 2012: 59–71; Побежимов 2012: 68–71; Побежимов 2015: 110–116; Побежимов 2016: 41–48). Можно сказать, что в общих чертах историческая география уезда середины XVI – первой четверти XVII в. получила достаточное освещение в отечественной историографии. Остались не до конца изученными вопросы, связанные с определением внутренних границ, локализацией путей сообщения и установлением их роли в колонизации земель, выявлением особенностей хозяйственного освоения отдельных территорий уезда и развития поселений. Для этих целей используются сведения из

письменных источников (платёжные книги и сотные середины XVI в.; писцовые книги начала XVII в.; переписные книги середины XVII и начала XVIII в.).

Каргопольский уезд сформировался в бассейне р. Онеги, простирался с юга – от оз. Лаче на север до берегов Онежской губы Белого моря, охватывал притоки Онеги – левые (реки Кена, Коже) и правые (реки Моша, Шелекса, Тевза, Мудюга, Вонгуда); озёра: Кенозеро, Лекшмозеро, Кожеозеро, и Мошенское. На западе уезд соприкасался с Заонежскими погостами, граница проходила по Водлозеру. Одна половина составляла Водлозерскую волость Каргопольского уезда, вторая относилась к Заонежским погостам. Линия границы уходила на север – до Онежской губы, включая р. Кушу. На востоке в верховье Емцы (левый приток Северной Двины) и по р. Мехреньге (правый приток Емцы) Каргопольский уезд соприкасался с Двинским уездом, земли которого начинались в низовье Емцы (Васильев 1978: 39). На юго-востоке уезд охватывал территорию единой водной системы, вытянутой с севера на юг: верховья р. Моши (правый приток р. Онеги), низовье р. Шожмы (левый приток р. Моши), низовье р. Лима (правый приток р. Моши), низовье р. Икса (с запада впадает в Мошенское озеро), Мошенское (Никольское) озеро, р. Воезерка, оз. Воезеро, устье р. Конакши и реки Волошка и Охтомица (Васильев 1978: 39–46; РГАДА. Ф. 350. Оп. 1. Ед. хр. 168. Л. 1–882). Вероятно, здесь и проходила граница с соседним Важским уездом. На северо-востоке к Каргопольскому уезду относилось всё побережье Онежской губы, включая Золотицу. Уезд граничил с Двинским уездом по «Двинскому рубежу», «за Орловым ручьём» (Побежимов 2012: 59–71). На юге уезд соприкасался с Чарондской округой (Богословский 1910: 14–15) и Белозерским уездом, с последним – по «Белозерскому рубежу», где находились пашенные земли крестьян Тихманьской волости (Побежимов 1910: 59–71).

В середине XVI в. Каргопольский уезд делился на четыре стана: Каргопольский, Устьмошский, Турчасовский и Мехреньгский (Платёжная книга Каргопольского уезда 1555–1556 1972: 268–289; Сотные на волости Каргопольского уезда 1561–1562 1972: 370–484). По «Платёжной книге Каргопольского уезда» за 1555–1556 гг. в Каргопольском стане числилось 9 волостей, 16 волосток, Каргопольский посад, село и слобода; в Устьмошском стане – 5 волостей и 6 волосток; в Турчасовском стане – 1 волость, 31 волостка, посад Турчасово и Золотицкий погост; в Мехреньгском стане – 2 волости и 1 волостка; упоминаются также стороны по берегам Онежской губы: Корельская и Двинская (Платёжная книга Каргопольского уезда 1555–1556 1972: 268–289).

Основными единицами внутреннего деления станов Каргопольского уезда были волости и волостки. Имели ли они различия или являлись результатом прихоти писцов: записывать группу поселений либо волостью, либо волосткой? В документе часто можно встретить примеры такого рода, когда одна и та же волостка одновременно называлась волостью: «волостка на Лядинах в Егоревском приходе... в той же волости на Лядинах...», «волостка Лекшмоозерская и Долгозерская в Петровском приходе... в Лекшмоозерской и Долгоозерской волости... (Платёжная книга Каргопольского уезда 1555–1556 1972: 276–277, 264–265). И в этом случае наблюдается особенность: волостка пишется волостью при упоминании о приходе, но при отсутствии погоста писцы, как правило, не ошибались: «волостка Большая Шалга... в той же волостке в Большой Шалге...; «волостка Личкова Шалга... в той же волостке в Личкове Шалге» (Платёжная книга Каргопольского уезда 1555–1556 1972: 258–259). В Устьмошском и Мехреньгском стане все приходские центры писались волостями, безцерковные поселения – волостками, и только единственная волостка на Лепше озере Устьмошского стана имела погост (Платёжная книга Каргопольского уезда 1555–1556 1972: 279–283, 284–285). В Турчасовском стане, при его огромных размерах (32 волостки и волости), насчитывалось всего 4 прихода: Турчасовский, Владычинский (37 деревень), Прилуцкий (8 деревень) и Усть-онежский (4 деревни). Волостью считался только Ордомский погост на Владычине, она же была самой крупной по количеству деревень. Остальные приходы писались волостками (Платёжная книга Каргопольского уезда 1555–1556 1972: 268–289).

В Каргопольском стане 7 из 16 волосток имели погосты. Вероятной причиной было их географическое положение. Волостки: Охтомица (18 деревень), Рягово (14 деревень), Нименгская (27 деревень), Лекшмоозерская (18 деревень), Лядины (6 деревень) находились в стороне от р. Онеги, вдали от крупных приходских центров, и строительство собственных церквей было здесь просто необходимостью. Погост в волостке Ольга (14 деревень) на северо-восточном побережье оз. Лаче, не смотря на близость к Каргополю, служил религиозным центром всего восточного побережья озера (Платёжная книга Каргопольского уезда 1555–1556 1972: 268–289).

Волостей было почти в два раза меньше, чем волосток. Погосты были в 7 волостях. Две волости: Тихманьгская (55 деревень) и Ловзунгская (37 деревень) были безцерковными, находились рядом с приходом в Каргопольском посаде. Деревни, расположенные в верховье Тихманьги, были отдалены от посада, но в устье Ягремы (левый приток Тихманьги) был погост, который од-

новременно служил религиозным центром для жителей Ягремской волости и Тихманьской волости. Судя по размерам сошной пашни (2 обжи), в церковной деревне погост был довольно крупным.

Вероятно, первое обстоятельство (размеры волости) позволило писцам определить их как волости, несмотря на отсутствие церквей, второе – некоторое время сдерживало образование здесь самостоятельных погостов. В волосте в Тихменге погост упоминается в документах второй половины XVI в. (Сотные на волости Каргопольского уезда 1561–1562 1972: 361). В Ловзунгской волости погост появился только к середине XVII в. (Богословский 1910: Приложение. С. 11).

«Платёжная книга Каргопольского уезда» за 1555–1556 гг. является ценным источником с точки зрения понимания того, как проходило освоение территории Каргопольского уезда. Главным достоинством документа, не считая того, что он был первым сохранившимся описанием, является то, что в нём перечисляются все волости, волостки, приходские центры Каргопольского уезда. География волостей и волосток, размеры, наличие или отсутствие в них погостов, безусловно, можно считать признаками раннего или более позднего освоения (Побежимов 2010: 68–71). Спустя шесть лет, в следующем описании уезда – «Сотных на волости Каргопольского уезда» 1561–1562 гг. наблюдается существенный скачок в строительстве новых погостов. В Турчасовском стане появляются погосты в волостях: Рагонима, Порог, Чекуево, Пияла, Шелекса, Пурнема, Таймица; в Устьмошском стане – в Ундозерской волости; в Каргопольском стане – в Лекшмоозерской, Тихманьской, Большая Шалга; исчезло деление на волости и волостки (Сотные на волости Каргопольского уезда 1561–1562 1972: 370–484).

По «Платёжной книге Каргопольского уезда» за 1555–1556 гг. волости с погостами образуют сплошной массив, от Каргополя (верховье Онеги) до Ордомского погоста (низовье Онеги). Этот массив включал наиболее крупные волости Каргопольского, Устьмошского и Турчасовского станов по р. Онеге: село Надпорожское (74 деревни), Усть-Воложскую (33 деревни), Волосовскую (50 деревень), Верхний Бор (40 деревень), Нижний Бор (49 деревень), Троицкий приход на Нижней Чюрюге (29 деревень), Нижний Борок на Плесе (29 деревень), Устьмошскую (106 деревень), Дуброва (30 деревень), Пабережскую (29 деревень), Ордомский погост (37 деревень). К западу от «онежского массива» находилась Кенозерская волость (74 деревни), к востоку – волости на Моше озере в Никольском приходе (74 деревни) и на Воезере в Спасском приходе (39 деревень) (Платёжная книга Каргопольского уезда

1555–1556 1972: 268–289). Кенозерская и Мошенские волости соединялись с онежскими по рекам Кена и Моша, таким образом, являлись его западной и восточной окраиной.

В «Платёжной книге Каргопольского уезда» за 1555–1556 гг. содержатся немногочисленные сведения по новгородскому периоду Каргопольского уезда. В Каргопольском стане упоминаются «окологородные» волостки: Волковская и Павловская. По существу это были пригороды Каргопольского посада: «в Окологороде волостка Волковская, что была в разных боярщинах, а в ней тяглых 36 деревень»; «в Окологороде ж волостка Павловская, что была в разных ж боярщинах, а в ней тяглых 60 деревень и трет деревни» (Платёжная книга Каргопольского уезда 1555–1556 1972: 254–264). На севере в Турчасовском стане «волость Ордомский погост на Владычне и в разных боярщинах, тяглых 37 деревень с полудеревнею» (Платёжная книга Каргопольского уезда 1555–1556 1972: 277). Выражение «разные боярщины» указывает на принадлежность земель нескольким владельцам. По последней записи можно предположить, что число «боярщин» соответствовало количеству деревень. Кроме того, под словом боярщина могла подразумеваться не только боярская вотчина. Возможно, здесь идёт речь не о крупных боярских, а о небольших владениях крестьян-своеземцев. Случайно или нет, они замыкали «онежский массив» на юге и севере.

Описание Каргопольского стана Каргопольского уезда в «Платёжной книге Каргопольского уезда» за 1555–1556 гг. начинается с села Надпорожского. Село располагалось примерно в 7 км от посада. В документе говорится: «на реке на Онеге село Надпорожское, а было село дворцовое» (Платёжная книга Каргопольского уезда 1555–1556 1972: 277). Ранее уже высказывалась мысль, что село середины XVI в. имело иное значение, чем в более позднее время (Побежимов 2015: 110–116): истоки названия села уходят в историю Киевской и Северо-Восточной Руси, когда оно являлось административно-хозяйственным центром княжеского или боярского владения, окружённого деревнями (Веселовский 1936: 12–13). В данном случае к селу Надпорожскому примыкали 75 деревень. Село и деревни писались отдельно, «а сошные пашни в селе и в деревнях» (Платёжная книга Каргопольского уезда 1555–1556 1972: 277).

В Каргопольском уезде было несколько поселений с названием «село» или «сельцо». В Мехреньгском стане в волостке Сельцо располагался двор наместничьего тиуна (Сотные на волости Каргопольского уезда 1561–1562 1972: 392). В Мошенских волостях, на р. Лима (левый приток р. Моша), где предположительно начинался Мошенский волок: «на волоце в Моше»,

что упоминается в Уставе Новгородского князя Святослава Ольговича 1137 г. (Устав Новгородского князя Святослава Ольговича 1137 1951: 92), в документах начала XVIII в. числится деревня Сельская (РГАДА. Ф. 350. Оп. 1. Ед. хр. 168. Л. 241 об.). В Устьмошской волости Устьмошского стана говорится о деревне «что было сельцо Богданово». В той же волости, в д. Антоновской находился бывший наместничий двор: «место дворовое что было в стари наместнич двор» (Писцовые книги Устьмошского стана Каргопольского уезда 1622 1972: 128). Возможно, поселения с названием «село» или «сельцо» являлись отголоском домосковской системы управления «Онегой и Каргополем». Под таким названием Каргопольский уезд упоминается в «Духовной грамоте» – завещании Ивана III 1504 г.: «да сыну же своему Василию даю Заволотцкую землю всю, Онего и Каргополь...» (Духовная грамота 1504 2004: 442–444).

К середине XVI в. в Каргопольском уезде, главным образом в районе Каргополя, формируется дорожная сеть. При описании села Надпорожского упоминается дорога: «от реки от Онеги от дороги от большей» (Сотные на волости Каргопольского уезда 1561–1562 1972: 306). Вероятно, речь идёт о дороге, идущей вдоль Онеги, через Каргополь, далее на север. В «Сотных на волости Каргопольского уезда» 1561–1562 гг. говорится о «Долгом наволоке у Лядинского пути у старого» (Сотные на волости Каргопольского уезда 1561–1562 1972: 334–346). Дорога проходила через Лядины и, вероятнее всего, шла дальше на запад, в Карелию. Дорог было две: «старая» и новая, что свидетельствует о возрасте данного пути. В документе также содержатся сведения о дороге в районе западного берега оз. Лаче (Тихманьская волость): «сена окол пол да у Лаче озера под маткою...» (Сотные на волости Каргопольского уезда 1561–1562 1972: 334–346). Речь идёт о дороге, идущей либо по западному побережью озера, либо от устья до верховья р. Тихманья. Ранее уже приводилось описание сухопутного пути в Турчасовском стане под названием «Щукозерская дорога». Дорога соединяла верховья Шелексы с Онегой. Она являлась частью древнего водно-волокового пути (Побежимов 2010: 63–71).

В более поздних источниках сухопутные пути именовались волоками, а не дорогами. Один из них проходил вдоль восточного побережья Онежской губы: «в Дуракове на волоке...» (РГАДА. Ф. 350. Оп. 1. Ед. хр. 168. Л. 468–471). При описании Кожеозерского монастыря упоминается ещё один волок, вдоль р. Коже: «за монастырём на злобине, на волоке» (РГАДА. Ф. 350. Оп. 1. Ед. хр. 168. Л. 631). В переписной книге Каргопольского уезда 1712 г. также содержится под-

робное описание «Мошенского волочка», точнее, того, что на нём находилось (11 заброшенных деревень, починков, дворов и «изба бездворная крестьянина Елгомской пустыни») (РГАДА. Ф. 350. Оп. 1. Ед. хр. 168. Л. 294 об. – 295).

Ранее уже предпринимались попытки определения внутренних границ Каргопольского уезда. В документах не было обнаружено ни одного письменного указания на существование границ – рубежей между станами. Рубежи упоминаются только при разграничении уездов или сторон отдельных территорий (Побежимов 2012: 59–71). Границы между станами определялись по предполагаемым географическим объектам. Граница Устьмошского и Турчасовского станов проходила по Беричевским порогам (протяжённость – 30 км) (Побежимов 2010: 63–71). В «Платёжной книге Каргопольского уезда» за 1555–1556 гг. были обнаружены сведения, косвенно подтверждающие тот факт, что Беричевские пороги выполняли роль границы между станами. В документе, при определении местоположения самой северной из волостей Устьмошского стана – Побережской говорится: «на Побережи по реке по Онеге снизу от порога от Ы/ремы по обе стороны вверх Онеги реки» (Платёжная книга Каргопольского уезда 1555–1556 1972: 279–280). В более позднем источнике – «Писцовой книге Устьмошского стана» 1622 г. есть сведения о волоковом пути (зимнике) в обход Беричевских порогов. Также содержится информация о том, как обслуживался данный волок. В д. Новая роспашь против Вахновские деревни повыше Макромуса, на реке Игрима отмечено «3 двора пустых, а пашни у тех дворов нет, а поставлены те дворы для проезжих людей зимнею порою» и платят с тех дворов оброк (Писцовые книги Устьмошского стана Каргопольского уезда 1622 1869: 171).

В «Сотной на волости Каргопольского уезда» 1561–1562 гг. при описании Кенорецкой волости в числе названий сенокосных полей встречаются два указания на границы. В первом случае говорится о «меже с Нижегородскими пожнями» (волость Нижний Бор на Плесе), что проходила «по речке по Сондоле» (Сотные на волости Каргопольского уезда 1561–1562 1972: 333). Второе название – Рубежной ручей (ручей, судя по описанию, расположен вниз по реке Кене от Чернцова ручья) – вполне могло означать границу двух станов: Каргопольского и Устьмошского (Сотные на волости Каргопольского уезда 1561–1562 1972: 333). Но более вероятно, что по р. Кена проходил рубеж между «полуземлями» или половинами Каргопольского уезда: Верхней и Нижней. Деление это, по словам М.М. Богословского, часто встречается в челобитных местных крестьян середины XVII в. (Богословский 1910: 14–15). Верхняя половина включала Каргопольский стан,

Нижняя – Устьмошский, Турчасовский и Мехреньгский (Богословский 2010: 14–15).

В середине XVI в. население Каргопольского уезда насчитывало около 26 000 человек. При площади уезда около 70 000 кв. км плотность населения составляла в среднем 0,37 человека на 1 кв. км (Васильев 1978: 36–46), но она не везде была одинаковой. К примеру, количество деревень на Машеозере (74 деревени) в середине XVI в. в 4,5 раза превышало число поселений на Лекшмоозере (18 деревень) (Платёжная книга Каргопольского уезда 1555–1556 1972: 279–283), при этом озёра были примерно одинаковыми по размерам и находились в сходных климатических условиях.

Наиболее высокая плотность населения в середине XVI – первой четверти XVII в. была в волостях «онежского массива». В 16 волостях насчитывалось примерно 11 500 человек (для определения примерной численности населения применяется коэффициент средней численности жителей двора Каргопольского уезда в середине XVI – середины XVII в. – 5,75) (Водарский 1966: 127–128). Самыми крупными по числу населения были: Нижний Бор (1 700 человек), Устьмошская волость (1 500 человек), волость на Кенозере (1 500 человек), волости на Машеозере и Воезере (1 600 человек). Все перечисленные волости пересекались или примыкали к водно-волоковым путям: Кено-Емецкому и Мошенскому, имевшим важное значение на ранних этапах колонизации Поонежья. Кроме того, р. Онега соединяла плотно населённые земли в районе Каргополя с Устьмошским и Турчасовским станом. Возможно, в результате двух путей движения населения: с запада (по Кене) и юга (по Онеге) в устье Кены образовалась диалектная граница. По документам середины XVI в. сенокосы в Кенорецкой волости пишутся пожнями: «на Матфеевской пожне», «от Нижеборские пожни вверх по Чюрюге речке»; на Онеге – «сено», «сено место», «полянка» (Сотные на волости Каргопольского уезда 1561–1562 1972: 331–334). Можно предположить, что на Кене слово «пожня» могло появиться вместе с переселенцами с Карелии. Река Кена являлась частью водно-волокового пути с запада на восток. Возможно, этим же можно объяснить и присутствие здесь некоторых прозвищ, похожих на карело-вепские: Кухта, Кычаков (Сотные на волости Каргопольского уезда 1561–1562 1972: 332).

Кенский водно-волоковой путь или «волочок Кемской», так он назывался в «Писцовых книгах Обонежской пятины», ниже по Онеге соединялся с р. Емцой и далее путь шёл в Северную Двину (Насонов 1951: 91). В документе говорится: «в гости тою дорогой ныне не ездят – ездят новою дорогой» (Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 1930: 177). К этому времени

рядом с верховьем Емцы уже существовали две волостки: Даниславль и Шелеховская. В прежние времена, писал Е. Огородников, товары из Каргополя следовали в Макромусы и оттуда переволакивались в Емцу и по ней в Двину (Огородников 1879: 34–37). Казалось бы, одно только это обстоятельство должно было обеспечить экономическое процветание волосток, но, вероятно, по причине того, что путь перестал использоваться, этого не произошло. В середине XVI в. в волостке Дениславле было 16 тяглых деревень (Платёжная книга Каргопольского уезда 1555–1556 1972: 281); к первой четверти XVII в. образовавшийся ранее погост успел запустеть. Да и сама волость находилась в жалком состоянии, из 16 деревень 8 стали пустошами (Писцовые книги Устьмошского стана Каргопольского уезда 1622 1869: 156). В волостке Шелекса к середине XVI в. наблюдалась активность колонизационных процессов, возникло 5 починков, которые через короткое время неожиданно стали пустыми (Побежимов 2013: 102–114).

Вернёмся к Беричевским порогам и волости Ордомский погост, замыкавшей на севере «онежский массив». В Уставе Новгородского князя Святослава Ольговича 1137 г. говорится о погосте, что «у Порога пустьць берут полсорочка» (Устав Новгородского князя Святослава Ольговича 1137 1951: 92). По мнению А.Н. Насонова, погост находился на месте населённого пункта с похожим названием – Порог, в 25 км от города Онега (Насонов 1951: 1–114). Существует точка зрения, согласно которой локализация всех погостов, указанных в документе, связывается со средним течением Онеги, Подвиньем и водоразделом Северной Двины и Онеги (Спиридонов 1989: 1–128). Расположение погоста «у Порогопустеце» определяется либо на Сухоне, либо на Онеге (Едовин 2001).

В пользу того, что погост находился на территории волости Ордомский погост можно привести несколько аргументов. В тексте под словом «порог» подразумевается не населённый пункт, а географический объект. Беричевские пороги – самые большие по протяжённости на Онеге, и по этой причине как значительный географический объект фигурируют в документе без всякого названия. Они, безусловно, являлись серьёзным препятствием при продвижении вниз по реке (Побежимов 2010: 63–71). Преодоление порогов и создание здесь опорного пункта являлось стратегической необходимостью для новгородцев. За порогами открывалась всё низовье Онеги, вплоть до Белого моря. Волость Ордомский погост была единственным местом в низовье Онеги, где по документам середины XVI в. упоминаются «боярщины» или владения своеземцев. Первоначально, как пункты сбора дани с местно-

го населения, погосты в первую очередь должны были обживаться русскими переселенцами, как более понятные и подконтрольные власти территории.

В результате проведённого исследования отметим новые факты и предположения в исторической географии Каргопольского уезда середины XVI – первой четверти XVII в. Анализ географии волостей и волосток позволил установить район наиболее интенсивного и предположительно раннего освоения, так называемый «онежский массив». Показана связь «онежского массива» с проходившими через него водно-волоковыми путями, тем самым подчёркивается их значение в заселении.

По документальным сведениям середины XVI – начала XVIII в. можно сделать вывод, что в

Каргопольском уезде, в основном в районе Каргополя, к середине XVI в. уже формируется сеть дорог. В северной части сухопутные пути назывались волоками. Определяется вероятная граница (рубёж) между половинами Каргопольского уезда: Турчасовской и Каргопольской.

Выдвигается ряд предположений по истории домосковского периода Каргопольского уезда: боярщины – владения крестьян-своеземцев; названия поселений «село» или «сельцо» – бывшие административные центры или владельческие поселения; локализация новгородского погоста «у Порогопустеце» связывается с Беричевскими порогами в низовье Онеги и волостью Ордомский погост в Турчасовском.

ЛИТЕРАТУРА

«Духовная грамота» – завещание Ивана III 1504 г. 2004 // Кузьмин А.Г., Перевезенцев С.В. (ред). Хрестоматия по истории России с древнейших времен до 1618 г.: учебное пособие для студентов высших учебных заведений. Москва: Владос, 442–444.

Богословский М. М. 1910. Земское самоуправление на русском севере в XVII в. // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей при Московском университете. Кн. I. Москва: Университетская типография.

Васильев Ю. С. 1978. Каргопольский уезд // Аграрная история северо-запада России XVI века. Ленинград: ЛГУ, 39–46.

Веселовский С. Б. 1936. Село и деревня в северо-восточной Руси XIV–XVI вв. Известия ГАИМК. Вып. 139. Москва; Ленинград: ГАИМК.

Водарский Я. Е. 1966. Численность и размещение посадского населения в России во второй половине XVII в. // Города феодальной России. Москва: Наука, 271–294.

Едовин А. Г. 2001. Заволочье в средневековой русской истории (X–XII вв.): Автореф. дис ... канд. ист. наук. Архангельск.

Критский Ю. М. 2005. Кенозерье: История и культура. Очерки, материалы, исследования. Архангельск: Правда Севера.

Насонов А. Н. 1951. Русская земля и образование территории Древнерусского государства. Москва: Наука.

Огородников Е. 1879. Олонецкая губерния: Список населенных мест по сведениям 1873 года. Санкт-Петербург: Центральный статистический комитет Министерства внутренних дел.

Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. 1930 / Покровский М. Н. (ред.). Ленинград: АН СССР.

Писцовые книги Устьмошского стана Каргопольского уезда за 1622 г. 1869 // Памятная книжка Олонецкой губернии за 1868–1869 годы. Петрозаводск: Губернская типография, 120–189.

Платёжная книга Каргопольского уезда, составленная около 1560 г. по книгам письма Якова Сабурова и Ивана Кутузова 1555–1556 гг. 1972 // Материалы по истории Европейского Севера СССР: Северный археографический сборник. Вып. 2. Вологда: [б.и.], 268–289.

Побежимов А. И. 2010. К вопросу об определении колонизационных путей // Учёные записки Петрозаводского университета 3, 63–71.

Побежимов А. И. 2012. Географические объекты и их названия в истории освоения Северного Поонежья // Преподавание истории в школе: Научно-теоретический и методический журнал 8, 68–71.

Побежимов А. И. 2012. Формирование границ в Северном Поонежье // Научный аспект. № 4. Саратов: ООО «Аспект», 59–71.

Побежимов А. И. 2013. Шелековская волость Турчасовского стана Каргопольского уезда в середине XVI – начале XVIII вв. // Научный аспект. № 3. Саратов: ООО «Аспект», 102–114.

Побежимов А. И. 2016. Освоение Мошенского стана Каргопольского уезда к середине XV века. // Вестник Сургутского государственного педагогического университета 3(42), 41–48.

Побежимов А. И. 2015. Заселение и хозяйственное освоение Мехреньгского стана к середине XVII в. // Вестник Самарского университета 7(129), 110–116.

РГАДА. Ф. 350. Оп. 1. Ед. хр. 168. Каргопольский уезд. 1712. Книга переписная посадских людей Турчасовского посада, церковнослужителей, монахов, дворцовых и монастырских крестьян Устьмошского, Мошинского, Турчасовского станов Каргопольского уезда. 882 л.

Рожков Н. А. 1899. Сельское хозяйство Московской. Руси в XVI в. Москва: Университетская типография.

Сотные на волости Каргопольского уезда с книг письма Никиты Григорьевича Яхонтова 1561–1562 гг. 1972 // Материалы по истории Европейского Севера СССР: Северный археографический сборник. Вып. 2. Вологда: [б.и.], 370–484.

Спиридонов А. М. 1989. Локализация пунктов Устава Святослава Ольговича 1136/37 г. и становление погостов в Прионежье и Заволочье // КСИА. Вып. 198. Средневековая Археология. Москва: Наука, 16–21.

Тормосов Д. В., Тормосова Н. И. 2011. Водораздельный ландшафт как историко-географическая составляющая территории Каргополя // Культура Поонежья X–XXI веков. Общерусские черты и региональные особенности: материалы XI Каргопольской научной конференции (18–22 августа 2010 г.). Каргополь: Каргопольский государственный историко-архитектурный и художественный музей, 297–302.

Тормосова Н. 2011. Каргополье. История исчезнувших волостей. Каргополь: Правда Севера.

Уставная грамота Святослава Ольговича 1137 года 1951 // Насонов А. Н. (ред.). Русская земля и образование территории Древнерусского государства: Наука.

REFERENCES

In: Hrestomatiya po istorii Rossii s drevneyshih vremen do 1618 g.: uchebnoe posobie dlya studentov vysshih uchebnykh zavedeniy [Encyclopedia of Russian History from the ancient times till 1618: study guide for higher educational institutions]. Ed. by A.G. Kuzmin, S.V. Perevezentsev. Moscow: Vlados Publ. House, 2004. Pp. 442–444. (In Russian).

Bogoslovskij M. M. Zemskoe samoupravlenie na russkom severe v XVII v Chteniya v Imperatorskom Obshchestve istorii i drevnostej pri Moskovskom universitete. Kn. I [A territorial self-government in the Russian North in the XVII century: Readings at the Moscow university. Book I]. Moscow: University Publishing house, 1910. (In Russian).

Vasilyev Yu. S. In: Agrarnaya istoriya severo-zapada Rossii XVI veka [Agrarian history of the northwest of Russia of the XVI century]. Leningrad: Leningrad State University Publishing House, 1978. Pp. 39–46. (In Russian).

Veselovsky S. B. Selo i derevnya v severo-vostochnoj Rusi XIV–XVI vv [The village and the village in northeast Russia the XIV–XVI centuries]. Leningrad: GAIMK news, 1936. (In Russian)

Vodarsky Ya. E. Chislennost i razmeshchenie posadskogo naseleniya v Rossii vo vtoroj polovine XVII v [Complement and placement of tradespeople in Russia in the second half of the XVII century]. Moscow: Nauka, 1966. (In Russian).

Edovin A. G. Zavoloch'e v srednevekovoj russkoj istorii (X–XII vv.): Avtoref. dis ... kand. ist. nauk. [Zavolochye in medieval Russian history (the X–XII centuries): synopsis of a thesis. candidate of historical sciences]. Arkhangelsk, 2001. (In Russian).

Kritsky Yu.M. Kenozer'e: Istoriya i kul'tura. Ocherki, materialy, issledovaniya [Kenozerye: History and culture. Sketches, materials, researches]. Arkhangelsk: Pravda Severa, 2005. (In Russian).

Nasonov A. N. Russkaya zemlya i obrazovanie territorii Drevnerusskogo gosudarstva [Russian land and formation of the territory of the Old Russian state]. Moscow: Nauka, 1951. (In Russian)

Ogorodnikov E. Olonetskaya guberniya: Spisok naselennykh mest po svedeniyam 1873 goda [Olonets province: The list of the occupied places according to 1873]. St. Petersburg: Publ. House of the Central statistical committee Ministry of Home Affairs, 1879. (In Russian).

Pistsovye knigi Obonezhskoj pyatiny 1496 i 1563 gg. [Cadastrs of Obonezhsky pyatina 1496 and 1563]. Edited by. M.N. Pokrovsky. Leningrad: AS USSR, 1930. (In Russian).

Pistsovye knigi Ust'moshskogo stana Kargopol'skogo uезда za 1622 g. [Cadastrs of the Ustmoshsky camp of the Kargopolsky district for 1622]. Petrozavodsk: Gubernskaja Publ. House, 1869. Pp. 120–189. (In Russian).

Materialy po istorii Evropejskogo Severa SSSR: Severnyj arkhеографический сборник [Materials on history of the European North of the USSR: Northern archeographic collection]. Vol. 2 (1972). Pp. 268–289. (In Russian).

Pobezhimov A. I. In: Uchyonye zapiski Petrozavodskogo universiteta [Scientific notes of Petrozavodsk university]. Vol. 3 (2010): 63–71. (In Russian).

Pobezhimov A. I. In: Prepodavanie istorii v shkole: Nauchno-teoreticheskij i metodicheskij zhurnal [Scientific-theoretical and methodical Journal: Teaching history at school]. Vol. 8 (2012): 68–71. (In Russian).

Pobezhimov A. I. In: Nauchny aspect [Scientific aspect]. Vol. 4 (2012): 59–71. (In Russian).

Pobezhimov A. I. In: Nauchny aspect [Scientific aspect]. Vol. 3 (2013): 102–114. (In Russian).

Pobezhimov A. I. In: Vestnik Surgut'skogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta [Bulletin of the Surgut state pedagogical university]. Vol. 3 (42) (2016): 41–48 (In Russian).

Pobezhimov A.I. In: Vestnik Samarskogo universiteta [Bulletin of the Samara university]. Vol. 7 (129) (2015): 110–116. (In Russian).

Russian State Archive of ancient Acts. Fund 350. Inventory 1. Case. 168. Page 882. (In Russian).

Rozhkov N. A. Sel'skoe khozyajstvo Moskovskoj. Rusi v XVI v. [Agriculture Moscow. Russia in the XVI century]. Moscow: University printing house, 1899. (In Russian).

Materialy po istorii Evropejskogo Severa SSSR: Severnyj arkhograficheskij sbornik [Materials on history of the European North of the USSR: Northern arkhograficheskij collection]. Vol. 2 (1972): 370–484. (In Russian).

Spiridonov A. M. In: Kratkiye soobsheniya Instituta arkhologii AN SSSR [Short report of the Institute of Archaeology, USSR Academy of Sciences]. Vol. 198 (1989): 16–21. (In Russian).

Tormosov D.V., Thermoses N.I. In: Kul'tura Poonezh'ya X–XXI vekov. Obschcherusskie cherty i regional'nye osobennosti: materialy XI Kargopol'skoj nauchnoj konferentsii (18–22 avgusta 2010 g.) [Culture of Poonezhje X–XXI All-Russian lines and regional features: materials XI of Kargopolsky scientific conference (on August 18–22, 2010)]. Kargopol: Kargopol State Historical and Architectural Museum, 2011. Pp. 297–302. (In Russian).

Tormosova N. Kargopol'e. Istoriya ischeznuvshikh volostej [Kargopolye. History of the disappeared volosts]. Kargopol: JSC IPP Severa Pravda publishing house, 2011. (In Russian).

Nasonov A. N. Russkaya zemlya i obrazovanie territorii drevnerusskogo gosudarstva [Russian land and establishment of Russian State]. Moscow: AN USSR, 1951. (In Russian).

A.I. Pobezhimov
St.Petersburg, Russia

HISTORICAL GEOGRAPHY OF THE KARGOPOLSKY DISTRICT, MIDDLE OF THE XVI, FIRST QUARTER OF THE XVII CENTURIES

Abstract. Article is devoted to historical geography of the Kargopolsky district of the middle of the XVI first quarter of the XVII centuries the Kargopolsky district was created in the basin of the river of Onega, stretched from the South – from the Lake Lacha for the North to coast of Onega Bay of the White Sea. In the West the district bordered on Zaonezhsky country churchyards; in the east – with the Dwin district; in the southeast – with the Vazhsky district; in the northeast – with the Dwin district; in the south – from Charondskaya okrugy and the Belozersky district.

The historical geography studies areas in their historical development: as geographical conditions are connected with processes of colonization of lands; the reasons influencing development of the territory during various periods of history that allows to predict further development of the region in the economic and historical and cultural relation. Relevance of research is defined by it. Scientific novelty locates that the actual material is systematized and to be introduced into scientific circulation the new data from written sources connected with historical geography of the Kargopolsky district.

In the Russian historiography the territory, borders, internal structure and a control system of the district were defined, settling and economic development of separate areas of Poonezhya was investigated. There were not up to the end studied questions connected with definition of internal borders, features of economic development of certain territories of the district and development of settlements, localization of means of communication and their roles in colonization of lands.

As a result of the conducted research the new facts and assumptions were elicited. And a volostok allowed to establish to geography of volosts the area of the most intensive and possibly early development, so-called «the Onega massif». Connection of «the Onega massif» with the ways passing through it water snaking trail is shown, their value in settling of the district thereby is emphasized.

To the middle of the XVI century in the Kargopolsky district, generally around Kargopol the network of roads is already formed. In northern part of the district overland ways still a long time were called as snaking trail. The probable border (boundary) between half of the Kargopolsky district was defined: Turchasovskoy and Kargopolskoy. An attempt of reconstruction of history of development of the Kargopolsky district during the Novgorod period is made: boyarshchina – possession of peasants-svoyezemtsev; names of settlements the village or seltso – the former administrative centers or possessory settlements; localization of the Novgorod Pogost at a threshold contacts Berichevsky thresholds in the lower reach of Onega and the volost the Ordonsky country churchyard in the Turchasovsky camp.

Key words: Poonezhye; district; camp; half; volost; volostka; boundary; dragged; village; country churchyard.

About the authors: Andrey Ivanovich Pobezhimov, Candidate of Historical Sciences, CEO.

Place of employment: JSC Ionik.

Побежимов А. И. Историческая география Каргопольского уезда середины XVI – первой четверти XVII вв. // Вестник Нижневартковского государственного университета. 2017. № 2. С. 37–44.

Pobezhimov A.I. Historical geography of the Kargopolsky district, middle of the XVI, first quarter of the XVII centuries // Bulletin of Nizhnevartovsk State University. 2017. No. 2. P. 37–44.

**ЖИЛЫЕ ПОСТРОЙКИ ПОСЕЛЕНИЯ ЮТАНОВКА-2 САЛТОВО-МАЯЦКОЙ
КУЛЬТУРЫ (по материалам полевых работ Николаенко А.Г. 1973, 1976 гг.)**

Аннотация. В статье излагается материал о четырех жилых постройках, исследованных Николаенко А.Г. в 1973, 1976 годах на поселении Ютановка-2 салтово-маяцкой культуры VIII–X вв. н.э. Поселение алан лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры находится на территории села Ютановка Волоконовского района Белгородской области, на правом берегу реки Оскол. Постройки 1, 2 и 4 сохранились наполовину, постройка 3 исследована полностью. Внутри помещений есть очаг как отопительное устройство и как устройство для приготовления пищи, что позволяет считать постройки жилыми. Основное отопительное устройство представлено размещенным почти в центре открытым очагом. В постройках 1 и 2 очаг устроен в круглом углублении, но в сочетании с угловым углубленным очажком. В постройке 3 очаг в форме углубления, округлой ямки с различной глубиной. В постройке 4 очаг открытый, без ограждения и специального углубления, но в сочетании с пристенным не углубленным очажком, возможно, огражденным несколькими камнями или в сочетании с печкой-каменкой. Центральный очаг в жилищах 1 и 2 дополнялся угловым, а в жилище 4 – пристенным устройством, служившими дополнительными источниками тепла. Вполне возможно, что на место расположения углового (пристенного) очажка, как дополнительного источника обогрева, ссыпалась горячая зола и древесный уголь. Данные очажки, особенно угловые, могли быть и особым местом, где на определенное время складывалась горячая зола как предмет почитания и поклонения.

Из этнографических материалов известно, что у народов Северного Кавказа очаг, надочажная цепь, котел, зола и уголь из очага считались семейной святыней, от которой зависело благополучие и изобилие в доме. В традиционном жилище Северного Кавказа срединный очаг никогда не устраивали строго в центре помещения и напротив входа, но всегда несколько в стороне, чтобы ветер из раскрытой двери не задувал огонь очага и чтобы увеличить площадь хозяйственной половины. Очаг делил жилую площадь на две функционально разные половины: от входа перед очагом – переднюю, хозяйственную и вторую, за очагом, более теплую и укромную, считавшуюся почетной. В прошлом осетины верили в то, что бог-охранитель домашнего очага обитал в правом внутреннем, т.е. наиболее удаленном от входа, углу жилища.

Центральный и пристенный очаги устраивались в жилищах Маяцкого городища и реже на Маяцком селище. На поселении Ютановка-1, на Дмитриевском комплексе, на поселении Верхний Салтов жилые постройки с сочетанием центрального и углового (пристенного) очагов не выявлены.

Материал, дающий нам определенные знания о жилых постройках поселения, не был введен в научный оборот, хотя представляет интерес как единственные на данный момент археологические объекты жилого характера, исследованные на поселении Ютановка-2.

Ключевые слова: салтово-маяцкая культура; аланы; поселение; жилище; очаг.

Сведения об авторах: Александр Васильевич Степовой¹, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории историографии и полевых методов археологии; Виктор Иванович Гребенюков², кандидат исторических наук, проректор по учебной работе.

Место работы: Нижевартовский государственный университет^{1,2}.

Контактная информация: ^{1,2}628625, г. Нижевартовск, ул. Ленина, д. 56; тел. 89040969243, ¹e-mail: avstepovoy@yandex.ru; ²e-mail: grebenukov@nvsu.ru.

Поселение Ютановка-2 аланского населения лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры VIII–X вв. н.э. находится на территории села Ютановка Волоконовского района Белгородской области, на надпойменной террасе правого берега реки Оскол к северо-западу от Ютановского городища, расположенного на площадке мыса. Поселение Ютановка-1 непосредственно примыкало к системе обороны городища с напольной стороны. На южной оконечности села Ютановка через поселение Ютановка-2, прорезая материк, проходит дорога, на которой в 1973 г. А.Г. Николаенко и краеведческая группа «Алан» сосредоточили охраняемые работы. В результате работ, проведенных в 1973 г., были выявлены гончарная

печь с сектором полуземлянки (Афанасьев 1987: 83–84), комплекс хозяйственных ям, уцелевшие части полуземлянок 1 и 2, полуземлянка 3 (Николаенко 1973). Сохранившаяся часть полуземлянки раскопана и в 1976 г. (Николаенко 1976). В результате проведенных спасательных археологических работ на поселении Ютановка-2 было исследовано пять жилищ полуземлянок (Николаенко 1977: 64), одна из них с гончарным горном. Анатолий Григорьевич в статье «Жилища Оскольской Хазарии» пишет о семи вскрытых и изученных полуземлянках (Николаенко 1991: 43), но две из них сильно разрушены, уцелевшие части без отопительного устройства. Почти полностью разрушенной была и полуземлянка, непосредственно

связанная с гончарным горном, от которой осталась только сторона размерами 4x1,5 м без источника тепла. Материалы о постройках автором исследования не были опубликованы, хотя постройки представляют интерес как единственные на данный момент археологические объекты жилого характера, исследованные на поселении Ютановка-2. Так как площадь поселения практически полностью занята территорией современного села Ютановка, то и возможность фиксации археологических объектов может появиться только при проведении строительных работ.

Жилище № 1, обнаруженное при обследовании среза грунтовой дороги и сохранившееся частично, углублено в глинистый материк на 0,68 м до плотного мелового слоя, который и явился горизонтом ровного пола (рис. 1:1). В связи с тем, что постройка расположена на пологом склоне холма, юго-западная сторона отражает большую углубленность в материк, чем северо-восточная. Стенки котлована при переходе к полу закруглены. На основании плана уцелевшей части, размеры которой 1,5–2x3,1–4 м, можно говорить, что постройка имела трапециевидную форму площадью ≈ 12 кв. м. Заполнявший котлован гумус содержал массу фрагментов салтовской керамики (особенно тарной), разбитых костей домашних животных. Перед полом залегал глинисто-меловой слой в 0,15–0,2 м с большим содержанием древесного угля. Полуразрушенный почти центрально расположенный тарелкообразный очаг, содержащий золу, кусочек железистого шлака и фрагмент керамики, углублен в материковый пол на 0,2 м. Диаметр верхней его части 0,63 м. Вокруг очага размещены пять ямок диаметром 4–6 см (глубиной 6–7 см), заполненных древесным углём. Как предполагал Николаенко А.Г., в этих углублениях были колышки, имевшие непосредственное отношение к очагу. В юго-западном углу котлована находился ямочный очаг фасолеобразной формы, доверху наполненный древесным углём. Глубина углового очага 0,13 м. В очаге на углях лежали фрагменты керамики тарной посуды и раздавленный железный серп. В этом же углу открыты круглая и подквадратная в плане ямки глубиной по 0,4 м. Остаточная часть пола имела многочисленные ямки, расположенные по определённой системе. Часть из них диаметром 5–6 см (глубиной 5–10 см) окружали угловой источник тепла. Ямки диаметром 4–8 см (глубиной 5–10 см), идущие с западного угла в юго-восточном направлении, отделяли юго-западный угол полуземлянки от всего жилья. Наблюдающееся древесно-угольное заполнение этих ямок показывало, по мнению исследователя, наличие деревянной (плетнёвой) основы. Столбовая ямка юго-западной стенки и столбовая ямка у западного

угла углублены на 0,2 м. Уцелевшая часть жилья может представлять тип салтовских жилищ с центральным и угловым ямочными очагами.

Жилище № 2, зафиксированное при обследовании трассы водопровода, также оказалось частично разрушенным (рис. 1:2). В слое около 0,8 м гумуса уцелевшей части котлована были: масса фрагментов салтовской керамики (среди керамики есть донная часть сосуда с рельефно выступающим клеймом в виде равностороннего креста), около 8 кг металлургического шлака, много разбитых костей домашних животных, куски обожжённой глины со следами обмазки, половинка пряслица. Постройка имела, возможно, прямоугольную форму (размер сохранившейся части 3,1x4,5 м) с минимальной площадью ≈ 18 кв. м; ориентирована сторонами с северо-востока на юго-запад. Котлован полуземлянки углублен в материковую предмеловую глину на 0,3–0,37 м. На полу много тарной керамики, древесный уголь, остатки формованного прямоугольного сырца-кирпича толщиной в 6 см, камни лилового и серого цвета, расположенные в беспорядке. В центре сохранившейся части котлована находился ямочный очаг круглой формы с внешним диаметром 1,47 м при глубине около 0,3 м. В отчёте исследователь отмечает наличие большого по диаметру центрального очага, размеры которого и дают нам основание говорить о прямоугольной форме котлована полуземлянки. Вокруг очага, заполненного золой, размещена зона из 80 ямок (из них около 10 кротовин) диаметром 3–7 см и глубиной 0,15–0,2 м. В некоторых из них был древесный уголь, остатки костей. Второй очаг, глубиной 0,18–0,2 м, с подбоем, занимал восточный угол котлована. Он окружен двойным рядом ямок глубиной 5–10 см. Некоторые из них заполнены древесным углём, а в некоторых были кости. У юго-восточной стены располагалась яма глубиной 0,15 м, с подбоем. В заполнении – кусок мела, большие фрагменты керамики, сырая зелёная глина и частично сохранившаяся часть формы для выплавки железа, напоминавшая широкое блюдо с ножкой, наполненное шлаком, внешняя поверхность которого состояла из огнеупорного материала. Ямка у северо-восточной стенки углублена в материковый пол на 0,1–0,12 м. Столбовая ямка северо-восточной стенки и столбовые ямки северо-западной стенки углублены на 0,1–0,2 м. Археологический объект (жилище или жилище-мастерская по производству кирпича-сырца, по мнению Николаенко А.Г.) также может представлять тип салтовских жилищ с центральным и угловым ямочными очагами.

Жилище № 3. Котлован полуземляночного жилья сооружён на северо-западе от городища в 200–300 м на склоне балки (с уклоном к северо-

востоку) (рис. 1:3). Полуземлянка, котлован которой был насыщен керамикой, шлаком, древесным углём, костями домашних животных, в плане имела почти квадратную форму с закругленными углами и ориентирована своими сторонами по сторонам света с отклонениями. Южная сторона с небольшим подбоем. Размер котлована 2х3,5 м, площадь ≈ 7 кв. м. Пол, покрытый сплошным слоем древесного угля в 2-3 см, неровный с общим понижением к северо-востоку. Наибольшее углубление в материк – 0,7 м, наименьшее – 0,25 м. Почти в центре размещался очаг в форме углубления округлой (0,84х0,86 м) ямки с различной глубиной, полностью заполненный древесным углём, золой и фрагментами кухонной керамики. Стенки и дно обожжены до малинового цвета. В южной стороне очаг был больше углублен, и здесь же он, по мнению Николаенко А.Г., в более раннее время своего существования имел более широкие границы, что прослеживалось по малиновой окантовке. По закругленным углам и в пристенках котлована находились столбовые ямки круглой и овальной в плане формы, диаметром 0,25–0,35 м, глубиной 0,15–0,45 м, заполненные древесным углём. В юго-западной части полуземлянки располагались три хозяйственные ямы глубиной 0,1–0,4 м с фрагментами керамики. Западная сторона котлована имела расширение и остатки материковой ступени 0,3 м. Предположить, что здесь находился выход, как считал Николаенко А.Г., нельзя, в связи с заполнением этой стороны хозяйственными ямами (хотя и в различное время). Поэтому материковому выступу могла отводиться роль полки. Следов явного выхода из полуземлянки не обнаружено. Полуземлянка представляет тип салтовских жилищ с центральным ямочным очагом.

В 1 м к северо-востоку от котлована жилища № 3 прямоугольной (0,75х1,7 м) насыпью лежал чернометаллургический шлак весом 110 кг. Шлак был отобран, правильно сложен и хранился с какой-то целью. К насыпи шлака с северо-востока примыкало угольно-золистое пятно круглой формы (1,25х1,25 м) толщиной 4–6 см с кусочками материковой обожжённой глины. Между этим пятном и материком была небольшая по толщине (2–4 см) подушка из гумуса с содержанием костей домашних животных и керамики. Площадка у шлака и пятна содержала древесный уголь, кости домашних животных и фрагменты керамики. Вполне вероятно, по мнению Николаенко А.Г., что пятно являлось в определенный период местом выброса хозяйственных отходов.

Жилище № 4 обнаружено при прокладке придорожной траншеи в 1976 г. (рис. 1:4). Уцелевшая часть составляла 2/3 жилища размерами 3х2 м. Вероятно, полуземлянка была подквадрат-

ной формы, площадью $\approx 9,6$ кв. м. Пол жилища ровный, находился на глубине 1,4 м от современной поверхности. Котлован, заполненный гумусом, углублен в материк на 0,2 м. «При расчистке обнаружена масса керамических остатков гончарной посуды, железистые шлаки, два железных ножа, зубило, железные стержни, пряслице и заготовка к нему». В заполнении полуземлянки много костей домашних животных, «задымленные» камни, древесный уголь, линзовидные прослойки пепла с кусочками железистого шлака. На глинобитном полу был слой древесного угля и обгорелые головни, пряслице. В центре котлована размещен очаг в виде прокалённого красного пятна (0,66х0,76 м), содержащий пепел, камень и фрагмент керамики. К востоку от очага, у материкового останца, находилось прокалённое пятно пола с развалом задымленных камней, древесным углём. Так как «еще раньше отсюда же выброшено много камней при прокладке траншеи, не вызывает сомнений наличие в этом жилище и печикаменки». При этом, по мнению Николаенко А.Г., кладка камней для печей-каменок производилась «насухо», так как камни не имели следов обмазки или раствора (Николаенко 1991: 45). Углы уцелевшей части котлована закруглены и не имеют столбовых ямок. Столбовые ямки глубиной 0,1–0,2 м отрыты в пристенках. Южнее северо-западной стенки расположено клиновидное углубление (4х4 см, глубина – 15 см). Размещение в материковом останце столбовой ямки, по мнению Николаенко А.Г., вероятно, связано с близко расположенной печью. С хозяйственными ямами исследователь связывал яму 0,4х0,45 м (глубина 0,3 м), сооруженную в юго-западной стене, и яму 0,43х0,48 м (глубина 0,22 м) юго-западнее очага. Древесный уголь обнаружен в заполнении всех углублений.

Исследованные однокамерные постройки отнесены к жилищам – в них есть очаг как отопительное устройство и как устройство для приготовления пищи. Основное отопительное устройство представлено открытым очагом, размещённым почти в центре. В постройках 1 и 2 очаг устроен в круглом углублении, но в сочетании с угловым углубленным очажком. В постройке 3 очаг в форме углубления округлой ямки с различной глубиной. В постройке 4 очаг открытый, плоский, без ограждения и специального углубления, но в сочетании с пристенным не углубленным очагом, возможно, огражденным несколькими камнями, или, по мнению Николаенко А.Г., в сочетании с печкой-каменкой. Таким образом, центральный очаг в жилищах 1–2 дополнялся угловым, а в жилище 4 пристенным очажком, служившими дополнительными источниками тепла. Вполне возможно, что на место расположения углового

(пристенного) очажка, как дополнительного источника обогрева, ссыпалась горячая зола и древесный уголь. Данные очажки, особенно угловые, могли быть и особым местом, где на определённое время складывалась горячая зола, как предмет почитания и поклонения. Заметим, что автор исследования жилых построек в отчётах не отмечает наличие следов обжига материковых стенок котлованов и следов обожжённой глиняной обмазки в местах расположения угловых (пристенного) очажков.

Из этнографических материалов известно, что у народов Северного Кавказа очаг, надочажная цепь, котёл, зола и уголь из очага считались семейной святыней, от которой зависело благополучие и изобилие в доме (Кобычев 1982: 130). Исходя из функционального подразделения интерьера в традиционном жилище Северного Кавказа, срединный очаг никогда не устраивали строго в центре помещения и напротив входа, но всегда несколько в стороне, чтобы ветер из раскрытой двери не задувал огонь очага и чтобы увеличить площадь хозяйственной половины (Кобычев 1982: 141). Очаг делил жилую площадь на две функционально разные половины: переднюю, хозяйственную, и заднюю, более тёплую и укромную, считавшуюся почётной. Осетины верили в прошлом в то, что бог – охранитель домашнего очага обитал в правом внутреннем, т.е. наиболее удалённом от входа, углу жилища, в то время как самым почитаемым местом считался столб, стоявший у очага первой половины жилища (Кобычев 1982: 140, 142). Заметим, что покровителем – богом металлургии у осетин, по мнению Магомедова А.Х., оказался небесный кузнец Курдалаго-ни, а железо в религиозных представлениях осетин железо наделено магическими свойствами (Магомедов 2011: 121, 122). Домашний покровитель Сафа заведует очагом и надочажной цепью, но сам очажный огонь был под контролем особого божества *Æртхурон*, который имел связь с огнём и солнцем (Чибириков 2008: 66).

На поселении Ютановка-1, примыкающем к Ютановскому городищу, не известны жилища с сочетанием углового (пристенного) и центрального очагов. Центральный и пристенный очаги устраивались в жилищах Маяцкого городища и реже на Маяцком селище (Афанасьев 1987: 63). Площадь однокамерных жилищ на поселении Ютановка-1 варьирует от 6 до 21,5 кв. м, что, вероятно, связано как с численностью семей, обитавших в каждой конкретной постройке, так и с проявлением социальной дифференциации в обществе (Афанасьев 1987: 50). Группа жилых строений (3, 5, 7, 11) поселения Ютановка-1 объединяется «в группу почти наземных сооружений с небрежно

выкопанными котлованами и входами и столь же небрежно поставленными каркасами стен, составленных из круглых разной толщины столбов» (Винников, Плетнёва 1998: 163). «Учитывая очевидную, казалось бы, поспешность при установке данной группы жилищ и при этом смешение нескольких строительных приемов, на других поселениях редко совмещающихся, можно сказать, что эта группа представляет собой единое целое, возможно, возникшее на данном полузащищённом участке мыса в период неожиданно надвинувшейся опасности» (Винников, Плетнёва 1998: 163).

В одной из балок, непосредственно примыкающих к поселению Ютановка-2 с юго-запада, расположен катакомбный могильник. В 1974 г. Николаенко А.Г. исследовал на катакомбном могильнике ямное погребение, в котором погребённый головой находился в подбое ямы (Николаенко 1974). Аналогию практики ямных захоронений на территории катакомбных могильников лесостепной зоны бассейна Среднего Дона Афанасьев Г.Е. усматривает в аланских памятниках Северного Кавказа в предсалтовское время (Афанасьев 1987: 149), таким образом, не видя различий в этнической принадлежности людей, погребённых в пределах одного некрополя как в катакомбах, так и в простых грунтовых ямах, и в ямах с подбоем (Аксёнов, Лаптев 2014: 28).

В непосредственной близости к поселению Ютановка-2, к северу, но на левом берегу Оскола в котловане между песчаными дюнами находится салтовское Заломенское селище. Оставившее его население, в силу геологических условий, не могло применять катакомбный обряд погребения в песчаном грунте, определяя тем самым захоронения в ямах. В раскопанной Николаенко А.Г. у селища полуземлянке, кроме основного углубленного очага, в её южной части располагалось прямоугольное, с округлой восточной стороной, обожжённое пятно (угловой очажок) без золы и пепла. Чёткий, не расплывшийся оранжевый цвет пятна свидетельствовал о наличии ограничительных стенок, придавших данную форму пятну. У обожжённого пятна лежала половинная часть формы стенки железоплавильного тигля, имевшая очертания глубокого блюдца со следами металла с серебристым оттенком (Степовой 2016: 36–38).

В центре полуразрушенного полуземляночного «жилища» (1,3x2,8 м) салтовского поселения Столбище-1 (правый берег р. Оскол, село Столбище Волоконовского района Белгородской области) был устроен не углубленный открытый очаг круглой формы (диаметр 0,5–0,52 м) (Николаенко 1975). Данная постройка находилась в 5–6 м от разрушенного гончарного горна (Афанасьев 1987: 84). При исследовании несохранившейся

полуземлянки салтовского поселения Столбище-2 Николаенко А.Г. отмечает наличие печи-каменки из разбитых жерновов в развале, очевидно, в плане имевшей прямоугольную форму. Здесь же встречены камни и кирпич-сырец. Под камнями, не имевшими следов обмазки и раствора, было

углубление, заполненное золой (Николаенко 1975). Жилые постройки с сочетанием центрального и углового (пристенного) очагов не выявлены как на Дмитриевском комплексе (Плетнёва 1992: 26–43), так и на поселении Верхний Салтов Харьковской области (Колода 2000: 40–54).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

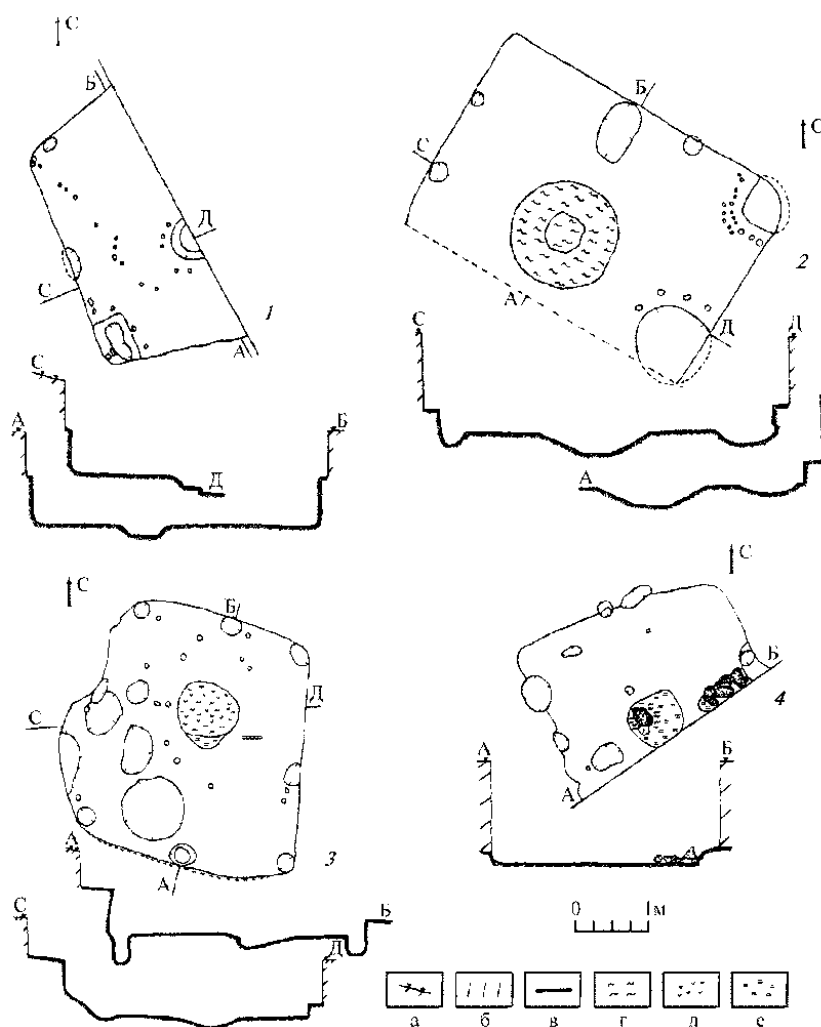
ВНВГУ – Вестник Нижневартовского государственного университета

ДонНУ – Донецкий национальный университет

ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук

ЛИТЕРАТУРА

- Аксёнов В. С., Лаптев А. А.* 2014. Освоение лесостепного Подонцовья в хазарское время: взгляд на проблему // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 12. Донецк: ДонНУ, 25–50.
- Афанасьев Г. Е.* 1987. Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона в VIII–X вв.: (Аланский вариант салтово-маяцкой культуры). Москва: Наука. (Археологические открытия на новостройках. Вып. 2).
- Винников А. З., Плетнёва С. А.* 1998. На северных рубежах Хазарского каганата. Маяцкое поселение. Воронеж: ВГУ.
- Кобычев В. П.* 1982. Поселение и жилище народов Северного Кавказа в XIX–XX вв. Москва: Наука.
- Колода В. В.* 2000. Житларанньогосередньовіччя у Верхньому Салтові // Археологія 4, 40–54.
- Магомедов А.Х.* 2011. Культура и быт осетинского народа: историко-этнографич. исслед. – изд. 2-е. Владикавказ: Ир.
- Николаенко А. Г.* 1991. Северо-западная Хазария или Донская Русь? Волоконовка: Волоконская типография.
- Николаенко А. Г.* 1974. Отчёт об археологической разведке и охранных работах в Волоконовском районе Белгородской области в 1974 г. // Архив ИА РАН. Р. 1. № 5724.
- Николаенко А. Г.* 1975. Отчёт об археологических исследованиях в Волоконовском районе Белгородской области в 1975 году // Архив ИА РАН. Р. 1. № 5440.
- Николаенко А. Г.* 1977. Охранные раскопки в лесостепном Поосколье // Археологические открытия 1976 года. Москва: Наука, 63–64.
- Николаенко А. Г.* 1976. Отчёт об археологических исследованиях в Волоконовском районе Белгородской области в 1976 г. // Архив ИА РАН. Р. 1. № 6042.
- Николаенко А. Г.* 1973. Отчёт об охранных работах в Волоконовском районе Белгородской области в 1973 г. // Архив ИА РАН. Р. 1. № 4982.
- Плетнёва С. А.* 1989. На славяно-хазарском пограничье: (Дмитриевский археологический комплекс). Москва: Наука.
- Степовой А. В.* 2016. Постройка салтово-маяцкой культуры у села Заломное Белгородской области // ВНВГУ 3, 36–42.
- Чибиров Л. А.* 2008. Традиционная духовная культура осетин. Москва: Российская политическая энциклопедия.

Рис. 1. Планы и разрезы жилых построек поселения Ютановка-2:
 1 – сохранившаяся часть жилища № 1; 2 – сохранившаяся часть жилища № 2;
 3 – жилище № 3 (1973 г.); 4 – сохранившаяся часть жилища № 4 (1976 г.)
 Условные знаки: а – дерн, б – гумус, в – материк, г – зола, д – древесный уголь,
 е – обожжённый участок

REFERENCES

- Aksyonov V. S., Laptev A. A. In: Stepi Evropy v epokhu srednevekovya [European Plains in the Middle Ages]. Vol. 12 (2014): 25–50. (In Russian).
- Afanasjev G. E. Naselenie lesostepnoj zony bassejna Srednego Dona v VIII–X vv (Alanskij variant saltovo-mayatskoj kultury) [People of the plains in the region of Middle Don river (Alansk variant of Saltovo-Mayaki Culture)]. Moscow: Nauka, 1987. (In Russian).
- Vinnikov A. Z. Plentjova S. A. Na severnykh rubezhakh KHazarского kaganata. Mayatskoe poselenie [In the northern frontiers of Khazar Khanate. Mayaki settlement]. Voronezh: Voronezh State University, 1998. (In Russian).
- Kobychev V. P. Poselenie i zhilishche narodov Severnogo Kavkaza v XIX–XX vv. [Settlements and dwellings of the Northern Caucasians in XIX–XX]. Moscow: Nauka, 1982. (In Russian).
- Koloda V. V. In: Arkheologiya [Archeology]. Vol. 4 (200): 40–54. (In Ukrainian).
- Magometov A. H. Kultura i byt osetinskogo naroda istoriko-etnografich issled [Culture and habitat of the Ossetian People: historical and ethnographical study]. Vladikavkaz: Ir, 2011. (In Russian).
- Nikolaenko A. G. Severo-zapadnaya KHazariya ili Donskaya Rus [North-Western Khazar or Don Rus]. Volokonovka: Volokonovka Publishing House, 1991. (In Russian).
- Nikolaenko A. G. In: Archive of the Institute of Archeology, Russian Academy of Science. Section 1. No. 5724, 1974. (In Russian).
- Nikolaenko A. G. In: Archive of the Institute of Archeology, Russian Academy of Science. Section 1. No. 5440, 1975. (In Russian).

Nikolaenko A. G. Okhrannye raskopki v lesostepnom Pooskole. Arkheologicheskie otkrytiya 1976 goda [Rescue excavations in Pooskolje. Archeological Discoveries of 1976]. Moscow: Nauka, 1977. Pp. 63–64. (In Russian).

Nikolaenko A. G. In: Archive of the Institute of Archeology, Russian Academy of Science. Section 1. No. 6024, 1976. (In Russian).

Nikolaenko A. G. In: Archive of the Institute of Archeology, Russian Academy of Science. Section 1. No. 4982, 1973. (In Russian).

Pletnjova S. A. Na slavyano-khazarском pograniche (Dmitrievskij arkheologicheskij kompleks) [On the border between Slavs and Khazars (Dmitriev Archeological Complex)]. Moscow: Nauka, 1989. (In Russian).

Stepovoy A. V. In: Vestnik Nizhneartovskogo Gosudarstvennogo Universiteta [Bulletin of Nizhneartovsk State University]. Vol. 3 (1989): 36–42. (In Russian).

Tchibirov L. A. Traditsionnaya dukhovnaya kultura osetin [Traditional spiritual culture of Ossetians]. Moscow: Russian political encyclopedia, 2008. (In Russian).

A. V. Stepovoy, V. I. Grebenjukov
Nizhneartovsk, Russia

RESIDENTIAL BUILDINGS THE SETTLEMENTS YTANOVKA-2 OF THE SALTVOVO-MAYATSKAYA CULTURE (according to the materials of Nikolaenko A. G. field works 1973, 1976)

Abstract. In this article the material from all four residential buildings investigated by Nikolaenko A. G., 1973, 1976 at the settlement Yutanovka-2 of Saltovo-Mayatskaya culture of VIII-X centuries is represented. The Settlement of Alan forest-steppe variant of the Saltovo-Mayatskaya culture is located on the territory of the village Yutanovka-Volokonovka district Belgorod region, on the right Bank of the river Oskol. Buildings 1, 2 and 4 were half preserved, the construction of the 3 building was investigated fully. Inside there is a fireplace as a heating device and as a device for cooking, which makes the construction residential. The main heating appliance is presented almost in the center as an open hearth. In buildings 1 and 2, the hearth is arranged in the circular recess, but in combination with angular-depth hearth. At construction 3 – hearth is in the shape of the recesses rounded pits with different depths. In the building 4 hearth is outdoor, fence without or special grooves, but in combination with near-wall not depth hearth may be enclosed by few stones or in combination with a stove-heater. The Central hearth in the homes of 1 and 2 were supplemented by a corner device, and in the housing 4 it was supplemented by wall device, which served as additional sources of heat. It is possible that on the location of the corner (wall) hearth as an additional source of heating, hot ash and charcoal were strode down. These hearths, especially the corner hearths, could be the privileged place for some time the hot ash was put, as the object of reverence and worship.

From ethnographic materials it is known that the peoples of the North Caucasus considered hearth, natochina circuit, the boiler, ash and coal from the hearth a family Shrine, from which depended the prosperity and abundance in the house. In the traditional home of the North Caucasus, the middle hearth was never arranged strictly in the center of the room and opposite the entrance, but it was always some way that the wind from the open door didn't blow the fire and to increase the area of the economic half of the home. The hearth divided the living area into two functionally different parts: from the entrance before the fire – front, the economic and the second, behind the hearth, warm and secluded, which was considered honorable. In the past Ossetians believed that God, the guardian of the hearth, lived in the right inside corner, i.e. the most remote from the entrance of the home.

Central and wall hearths were held in the homes of the Mayatskoye citadel and rarely in the Mayatskoye settlement. At the settlement Yutanovka-1, Demetrius complex, at the settlement VerkhniySaltov residential buildings with a combination of nodal (wall) hearths were not revealed.

Material that gives us some knowledge about the residential buildings of the settlement were not introduced into scientific circulation, although they represent the interest as the only currently archaeological sites of residential character, studied at the settlement Yutanovka-2.

Key words: Saltovo-Mayatskaya culture; Alans; settlement; dwelling; hearth.

About the authors: Alexander Vasiljevich Stepovoy¹, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of the Laboratory for Historiography and Field Archeology Research; Vladimir Ivanovich Grebenjukov², Candidate of Historical Sciences, Vice-rector for Academic Affairs.

Place of employment: ^{1,2}Nizhneartovsk State University.

Степовой А. В., Гребенюков В. И. Жилые постройки поселения Ютановка-2 салтово-маяцкой культуры (по материалам полевых работ Николаенко А.Г. 1973, 1976 гг.) // Вестник Нижнеартвовского государственного университета. 2017. № 2. С. 45–51.

Stepovoy A. V., Grebenjukov V. I. Residential buildings the settlements Ytanovka-2 of the saltovo-mayatskaya culture (according to the materials of Nikolaenko A. G. field works 1973, 1976) // Bulletin of Nizhneartovsk State University. 2017. No. 2. P. 45–51.

СОЦИАЛЬНЫЕ ГАРАНТИИ В КОЛХОЗАХ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ПЕРИОД 1953–1964 гг.

Аннотация. В статье рассматриваются социальные гарантии колхозов для колхозников в Западной Сибири в период 1953–1964 гг. Целью исследования является установление характерных форм социальной защиты колхозников в рамках колхозной системы в указанный период. В работе использовались методы: идеографический, историко-генетический, ретроспективный. Социальные гарантии определялись по нескольким позициям: оплата трудодней, денежная и материальная поддержка на личные нужды, денежная оплата и стимулирование труда.

На основании анализа архивных документов показывается, что правление колхоза и общие собрания колхозников решали насущные проблемы и вопросы, носившие для трудоспособного и нетрудоспособного населения жизненно важный характер. Обобщенно характеризуется, какие вопросы решались незамедлительно, а какие игнорировались.

Правление колхоза и общие собрания колхозников разбирали вопросы и принимали решения, касающиеся важных сторон жизнедеятельности колхозников, обеспечивали на коллективном уровне материальную и финансовую поддержку функционирования колхозной семьи и личного подсобного хозяйства в деревне. Детализация организационных и житейских вопросов, принятие решения по каждому из них на общем собрании членов артели свидетельствовали о реальном воплощении принципа коллективизма в практике организации и руководства внутриколхозной жизнью. Формами расчета за внутриколхозную хозяйственную деятельность, кроме трудодня, были социальные гарантии: материальная и финансовая поддержка, стимулирование труда, корректировка оплаты трудодня, поддержка личного подсобного хозяйства кормами и животными. В исследуемый период труд членов колхоза не был бескорыстным настолько, чтобы он оплачивался только трудоднями. Существовала достаточно гибкая стимулирующая оплата труда. В этом смысле колхозное хозяйство в исследуемый период было жизнеобеспечивающим, личное подсобное хозяйство не конкурировало с коллективным, а являлось его составной частью.

Полученные результаты имеют значение для реконструкции процесса функционирования колхозного строя в рамках социалистической индустриальной модели в его региональных проявлениях.

Ключевые слова: правление колхоза; общее собрание колхозников; материальная помощь; оплата труда; материальное пособие; трудодни.

Сведения об авторе: Марина Ивановна Федорова, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории.

Место работы: Омский государственный технический университет.

Контактная информация: 644031, г. Омск, ул. Омская, д. 162, кв. 69; тел. 89069915371; e-mail: fmi_2005@mail.ru.

В постсталинской советской историографии утвердилось представление о колхозной системе как явлении, имеющем высокий внутренний потенциал при необходимом партийно-государственном руководстве (Окладников 1969: 345). В конце 1980-х – начале 1990-х гг. колхозная система рассматривалась как деградирующая, не способная противостоять командно-административной системе (Козлов В.А. 1995: 229–230). С 1990-х гг. помимо обозначенных направлений исследования хрущевской оттепели появляется проблема раскрестьянивания российской деревни (Иванов Н.С. 1996: 416–433). Еще в начале XX в., как отмечает М. Левин, сельскохозяйственный труд можно было характеризовать как «биологический», потому что жизнь людей напрямую зависела от собранного урожая, от погодных и природных условий. Деревенская жизнь регламентировалась «сельскохозяйственным календарем»: к середине апреля необходимо сеять яровые, в мае надо валить лес под ранний пар, в начале июня

пора думать о позднем паре, к концу июня поспевают рожь, в июле время убирать пшеницу, необходимо найти время для прополки, сенокоса и т.д. Интенсивность работ велика. Труд, семья как производственный коллектив и самодостаточность этого коллектива являлись главными характеристиками деревенской жизни начала XX в. Советская система внесла изменения в жизнь крестьянства, лишив его самообеспеченности в хозяйственном отношении, подчинив хозяйственную деятельность государственными интересам. (Левин М. 1997: 87–89). В рамках сравнительно-исторического подхода названные научные направления вполне оправданы, а сами исследования позволили дать целостную характеристику влияния командно-административной системы на развитие аграрного сектора.

Исследование советской эпохи с точки зрения формирования индустриальной модели общественного развития позволяет по-прежнему рассматривать колхозный строй как один из внут-

ренных источников накопления, но в русле социальной истории. А также дает возможность проследить внутренние процессы адаптации и выживания крестьянства, тех, кто оказался в рамочных условиях жизнедеятельности. Социально-хозяйственная сущность крестьянина в исследуемый период определялась общественно-полезным трудом в колхозе либо в совхозе с одной стороны и необходимостью содержать личное подсобное хозяйство – с другой.

Рассмотрим социальные гарантии колхозной системы в период хрущевской «оттепели».

Социальные гарантии колхозникам в хрущевский период определялись по нескольким позициям: оплата трудодней, денежная и материальная поддержка на личные нужды, денежная оплата и стимулирование труда.

Трудодни. Оплата труда колхозникам продолжала осуществляться через начисление трудодней. Минимальное количество выработки трудодней в год, а также стоимость в денежном эквиваленте одного трудодня определялись на общем собрании колхозников. Так, например, стоимость трудодня в 1957 г. составляла 3 рубля 30 копеек (ГБУТО ГАТО. Ф. 2196. Оп. 1. Д. 35, Л. 2). Трудодни начислялись в книге учета трудодней колхозников, где пофамильно указывалось количество выработанных трудодней по бригадам ежемесячно. В целом на одного колхозника в год приходилось от 100 до 400 трудодней. Только за обработку закрепленных за бригадами сельскохозяйственных культур выработка трудодней варьировала от 11–25 до 35–36 трудодней в месяц (ГБУТО ГАТ. Ф. 1708. Оп. 2. Д. 35. Л. 1–35), (ГБУТО ГАТО. Ф. 2196. Оп. 1. Д. 33. Л. 7–9).

Частыми были случаи, когда трудодни колхознику не начислялись. Большинство их связано со слабой организацией учета, но при наличии заявления по этому поводу решение принималось в пользу работника. Так, при рассмотрении заявления колхозницы Морозовой, где она просила начислить ей трудодни, заработанные в декабре на подвозке кормов к ферме: «Решили: Председателю ревизионной комиссии тов. Белослудцеву И.Д. проверить документально по начислению Морозовой трудодней, если факты неначисления подтвердятся, то Морозовой начислить трудодни за счет виновного в этом» (ГБУТО ГАТО. Ф. 2196. Оп. 1. Д. 33. Л. 12).

Обычно по истечении календарного года и к началу следующего правление колхоза и общее собрание колхозников рассматривало кандидатуры работников, официально не выработавших своих трудодней, коллективным списком его уточняли и вносили изменения. Трудодни зачислялись в случае, если имелась уважительная причина невыхода на работу ввиду болезни маленьких детей. В случае, если правление колхоза при-

знавало трудодни (необходимый минимум) за истекший год невыполненными, выносилось решение: колхозника или колхозницу облагать налогом как единоличников (ГБУТО ГАТО. Ф. 2196. Оп. 1. Д. 33. Л. 7–9).

Для тех колхозников, которые вырабатывали трудодни, правление колхоза устанавливало бесплатную выдачу животноводческих кормов для личного хозяйства, для не выработавших – платно (1 ц сена стоил 50 руб., соломы – 20 руб.) (ГБУТО ГАТО. Ф. 2196. Оп. 1. Д. 33. Л. 9).

Кроме того, правление колхоза и общие собрания колхозников, опираясь на поступающие заявления колхозников, **решали насущные проблемы и вопросы**, носившие для обыкновенного человека жизненно важный характер. Оказывали помощь продуктами, если член артели болен и не может какое-то время трудиться. Предоставляли помощь строительными материалами в постройке дома, в выдаче государственного кредита под строительство, разбирали заявления об отправке на курсы трактористов и шоферов (ГБУТО ГАТО. Ф. 2196. Оп. 1. Д. 34. Л. 3, 6).

На общих собраниях членов колхоза и собраниях правлений колхоза обычно **положительно** решались вопросы, связанные с определенным улучшением жизненного уровня и достатка колхозников. К таким мероприятиям относились: нарезка земли под огород и приусадебный участок, покупка дома или выдача ссуды на его покупку, продажа (или обмен) животного из колхоза для нужд личного хозяйства, утверждение ежегодного отпуска (обычно по окончании сева), выдача ссуды на покупку обуви (валенки, сапоги), на похороны, предоставление отпуска без содержания на несколько дней для личных и хозяйственных нужд (например, заготовка леса, поездка в город, в гости в другую деревню), предоставление денег на лечение при наличии подтверждающих документов, предоставление трактора для вывоза леса. Рассматривали заявления о приеме в члены колхоза. Просьбы об исключении из колхоза удовлетворялись в исключительных случаях: по старости, поездка на учебу в город, выход замуж и необходимость переезда в другую местность.

Колхоз оказывал всем членам артели помощь при вывозке дров для домашнего хозяйства. Контроль за обеспечением всех этих мероприятий осуществляли председатель колхоза и бригадиры (ГБУТО ГАТ. Ф. 1125. Оп. 1. Д. 12. Л. 7).

Оказание помощи деньгами для личных нужд осуществлялось через кассу взаимопомощи, которая оплачивала часть расходов на отдых (иногда до 75% стоимости путевки и стоимость дороги в один конец). Получить такую материальную поддержку мог каждый колхозник (ГБУТО ГАТО. Ф. 2196. Оп. 1. Д. 34. Л. 9).

Чаще *не удовлетворялись* такие просьбы колхозников, как увеличение оплаты труда, разрешение бесплатной рубки дров в лесу, исключение из членов колхоза по собственному желанию, предоставление очередного отпуска весной или летом, начисление пайка или трудодней за время, когда мать водится с детьми своих дочерей и не может выйти на работу, снятие с должности бригадира по собственному желанию (ГБУТО ГАТО. Ф. 2196. Оп. 1. Д. 34. Л. 35–37), выдача документов на получение паспорта, списание денег, поставленных в счет за плохое отношение к своей группе коров (ГБУТО ГАТ. Ф. 1125. Оп. 1. Д. 11. Л. 6), восстановление денег за павших колхозных животных по недосмотру (ГБУТО ГАТ. Ф. 1125. Оп. 1. Д. 12. Л. 8).

Празднование советских праздников также подразумевало организационные и финансовые мероприятия. Так, в мероприятия по подготовке празднования 1 мая входила очистка животноводческих помещений от мусора и соломы, установка средств сигнализации и емкостей с водой в случае пожара, выделение средств на приобретение подарков для школьников, ценных подарков и премий механизаторам и передовикам животноводства (например, сохранившим скот к началу пастбищного периода) (ГБУТО ГАТ. Ф. 1125. Оп. 1. Д. 13. Л. 5).

Колхоз полностью **поддерживал нетрудоспособных, престарелых и инвалидов войны** в бытовых вопросах, не имеющих трудоспособных близких родственников, способных оказать повседневную помощь (ГБУТО ГАТО. Ф. 2196. Оп. 1. Д. 33. Л. 4). Им полагалась выдача хлеба от 15 до 20 кг муки ежемесячно безвозвратно (ГБУТО ГАТО. Ф. 2196. Оп. 1. Д. 34. Л. 1–2).

Общее собрание колхозников и правление колхоза ежегодно (т.к. списки колхозников в связи с уточнением возраста, периода пребывания их в колхозе составлялись ежегодно) принимали решение об установлении **материального пособия** колхозникам в возрасте от 60 лет и старше и колхозницам от 55 лет и старше, а также инвалидам войны и труда. На пособие могли рассчитывать только те колхозники, которые не получали государственных пенсий, а также те, кто прожили и проработали в колхозе не менее 15 лет. В целом материальное пособие составляло от 8 до 12 кг муки в месяц. Кроме того, каждому внесенному в список льготнику полагалось по 0,51 л молока в день и до 250 рублей в год деньгами (ГБУТО ГАТО. Ф. 2196. Оп. 1. Д. 34. Л. 79–80). Достигшие пенсионного возраста колхозники и колхозницы, претендовавшие на вспомоществование, делились на несколько групп:

1 группа: мужчины от 60 лет и женщины от 55 лет, которые оказывали померную помощь колхозу или работали дома – воспитывали детей,

высвобождая на колхозную работу трудоспособных членов семьи (учёт велся ежемесячно, при неучастии в работе пособие не выдавалось) – 8 кг пшеничной муки в месяц;

2 группа: мужчины от 70 лет и старше, женщины от 60 лет и старше, имевшие детей, способных оказывать материальную помощь престарелым родителям, – 12 кг пшеничной муки в месяц;

3 группа: тот же возраст колхозников, но не имеющих трудоспособных детей – 16 кг пшеничной муки в месяц;

4 группа: инвалиды войны и труда 1–4-й групп; при выдаче пособия учитывалась получаемая государственная пенсия;

5 группа: престарелые колхозники, отнесенные к первым трём группам, с учетом получаемой государственной пенсии (ГБУТО ГАТО. Ф. 2196. Оп. 1. Д. 34. Л. 79–80).

Общее собрание колхозников и правление колхоза решали **вопросы оплаты труда** членов артели, определяли норму выработки, критерии качества и сумму оплаты труда. Так, оплата труда трактористов зависела от качества проделанной работы. На общих собраниях артелей выносили решение, какая работа будет считаться качественной. Считалось, что тракторист выполнял работу качественно, и ему не снижалась оплата, если он не портил техникой проезжие дороги, не нарушал агротехнических стандартов при вспашке и севе. В случае нарушений оплата сокращалась. Так, например:

- при порче дорог трактором оплату уменьшали на 10%;
- при сдаче поля с невспаханнкими участками – на 20%;
- при вспашке поля без борон – на 20%;
- при вспашке поля глубиной меньше 20 см без указания агронома – на 50%;
- при посеве технически неисправными сеялками – на 30%.

Оплата трактористу за посев производилась до появления всходов на 70%, после появления всходов на 100% (ГБУТО ГАТ. Ф. 1125. Оп. 1. Д. 11. Л. 10).

Стимулирование в работе. Трудодни были не единственной формой расчета внутриколхозной хозяйственной деятельности. Не делая открытия в постановке вопроса, конкретизируем некоторые виды работ, которые выполнялись жителями колхоза и оплачивались из колхозного бюджета: пастухам дойного гурта во время бескормицы начисляли по 2 трудодня в день, сеяльщикам начисляли по 40 копеек на трудодень при хорошем качестве сева, трактористы получали ежеквартальные денежные премии (ГБУТО ГАТ. Ф. 1125. Оп. 1. Д. 13. Л. 9), колхозники, работавшие добросовестно, без нареканий в свой адрес, по личным заявлениям получали по 2 ц сена из

общего фонда для нужд личного хозяйства (ГБУТО ГАТО. Ф. 1645. Оп. 1. Д. 5. Л. 2).

Кроме того, стимулирование в трудовой деятельности относилось и к начисляемому трудовому. Правление колхоза и общее собрание колхозников выносили решения об увеличении оплаты трудодня при определенных результатах труда. (Так, например: «Решение. Дополнить в ранее утвержденные нормы выработки пр. № 3 от 7.02.56 г. следующие дополнения: при перевыполнении норм выработки на 15% оплата трудодней увеличивается на 20%, если норма перевыполнена на 30%, то оплата трудодней увеличивается на столько же. Тот, кто вырабатывает полторы нормы, получает за перевыполнение нормы в полуторном размере» (ГБУТО ГАТО. Ф. 1645. Оп. 1. Д. 5. Л. 14). За перевыполнение нормы более чем на 50% труд оплачивался в двойном размере (ГБУТО ГАТО. Ф. 2196. Оп. 1. Д. 33. Л. 14–15).

Вывод. Общие собрания колхозников и правление колхоза разбирали вопросы и принимали решения, касающиеся важных сторон жизнедеятельности колхозников, обеспечивали на коллективном уровне материальную и финансовую поддержку функционирования колхозной семьи и личного подсобного хозяйства в деревне.

Детализация организационных и житейских вопросов, принятие решений по каждому из них на общем собрании членов артели свидетельствовало о реальном воплощении принципа коллективизма в практике организации внутриколхозного строя и руководства им. Поддержкой были обеспечены как трудоспособные, так и нетрудоспособные члены колхоза. Формами расчета за внутриколхозную хозяйственную деятельность, кроме трудодня, были социальные гарантии: материальная и финансовая поддержка, стимулирование труда, корректировка оплаты трудодня, поддержка личного подсобного хозяйства кормами и животными. В исследуемый период труд членов колхоза не был бескорыстным настолько, чтобы он оплачивался только трудоднями. Существовала достаточно гибкая стимулирующая оплата труда, даже заготовка 1 веника для подкормки животных в зимний период школьниками оценивалась в 10 копеек и оплачивалась (ГБУТО ГАТ. Ф. 1125. Оп. 1. Д. 11. Л. 18). В этом смысле колхозное хозяйство в исследуемый период было жизнеобеспечивающим, личное подсобное хозяйство не конкурировало с коллективным, а являлось его составной частью.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ГБУТО ГАТО – Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив Тюменской области»

ГБУТО ГАТ – Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске»

ЛИТЕРАТУРА

ГБУТО ГАТ. Ф. 1125. Оп.1. Д. 11. Колхоз им. Калинина Бегишевского сельсовета, Дубровинского района, Тюменской области. Книга протоколов общих собраний колхозников и заседаний правления колхоза 1960 г.

ГБУТО ГАТ. Ф. 1125. Оп.1. Д. 12. Колхоз им. Калинина Бегишевского сельсовета, Дубровинского района, Тюменской области. Книга протоколов общих собраний колхозников и заседаний правления колхоза 1961 г.

ГБУТО ГАТ. Ф. 1125. Оп.1. Д. 13. Колхоз им. Калинина Бегишевского сельсовета, Дубровинского района, Тюменской области. Книга протоколов общих собраний колхозников и заседаний правления колхоза 1963 г.

ГБУТО ГАТ. Ф. 1708. Оп. 2. Д. 35. Книга учета трудодней колхозников д. Ермакова. 1959 год.

ГБУТО ГАТО. Ф. 1645. Оп. 1. Д. 5. Колхоз «Победа», Омутинского района, Тюменской области. Книга протоколов общих собраний колхозников и заседаний правления колхоза 1953 г.

ГБУТО ГАТО. Ф. 2196. Оп. 1. Д. 33. Колхоз Ворошилова, Красновского сельсовета, Исетского района, Тюменской области. Книга протоколов общих собраний колхозников и заседаний правления колхоза за 1956 год. Начато 5 января, окончено 6 февраля 1956 г.

ГБУТО ГАТО. Ф. 2196. Оп. 1. Д. 34. Заседания правлений колхоза им. Ворошилова Красновского сельского совета, Исетского района, Тюменской области, 1957 г.

ГБУТО ГАТО. Ф. 2196. Оп. 1. Д. 35. Приходно-расходная смета 1957 г. Колхоз им. Ворошилова, Исетского района, Тюменской области.

Иванов Н. С. 1996. Раскрестьянивание деревни (середина 40-х годов – 50-е годы) // Афанасьев Ю.Н. (отв. ред.). Судьбы российского крестьянства. Москва: Российский государственный гуманитарный университет, 416–433.

Козлов В. А. 1995. Россия после Великой отечественной войны (1946–1960 гг.) // Личман Б. В. (отв. ред.). История России: Вторая половина XIX–XX вв. Курс лекций. Изд. 3-е, доп. Екатеринбург: Уральский государственный технический университет, 229–230.

Левин М. 1997. Деревенское бытие: нравы, верования, обычаи // Данилов В., Шанин Т. (отв. ред.). Крестьяноведение. Теория, история, современность. Ежегодник. Москва: Московская высшая школа социально-экономических наук, 84–127.

Окладников А. П. 1969. История Сибири с древнейших времен до наших дней. Т. 5. Ленинград: Наука.

REFERENCES

- The State Archive in the city of Tobolsk. Fund. 1125. Inventory. 1. Case. 11. (In Russian).
 The State Archive in the city of Tobolsk. Fund. 1125. Inventory. 1. Case. 12. (In Russian).
 The State Archive in the city of Tobolsk. Fund. 1125. Inventory. 1. Case. 13. (In Russian).
 The State Archive in the city of Tobolsk. Fund. 1708. Inventory. 2. Case. 35. (In Russian).
 The State Archive in the city of Tyumen. Fund. 1645. Inventory. 1. Case. 5. (In Russian).
 The State Archive in the city of Tyumen. Fund. 2196. Inventory. 1. Case. 33. (In Russian).
 The State Archive in the city of Tyumen. Fund. 2196. Inventory. 1. Case. 34. (In Russian).
 The State Archive in the city of Tyumen. Fund. 2196. Inventory. 1. Case. 35. (In Russian).
 Ivanov N. S. Raskrestyanivanie derevni seredina 40-kh godov 50-e gody. Afanasev YU. N. отв. red. Sudby rossijskogo krestyanstva [Village defarming (middle 40–50-years) // Afanasyev Yu. I. (executive editor). Russian peasants fates]. Moscow: Russian State humanitarian University, 1996. Pp. 416–433. (In Russian).
 Kozlov V. A. Rossiya posle Velikoj otechestvennoj vojny 1946–1960 gg. Lichman B. V. отв. red. Istoriya Rossii Vtoraya polovina XIX XX vv. [Russia after the Great Patriotic War (1946–1960 years) // Lichman B. V. (executive editor). Russian history: latter half of XIX–XX centurys]. Yekaterinburg: Ural State Technological University, 1995. Pp. 229–230. (In Russian).
 Levin M. Derevenskoe bytie navy verovaniya obychai. Krestyanovedenie Teoriya istoriya sovremennost [Village existence, morals, beliefs, customs Peasant studies. Theory, history, today]. Moscow: Moscow School of Social and Economic Sciences, 1997. Pp. 84–127. (In Russian).
 Okladnikov A. P. Istoriya Sibiri s drevnejshikh времен do nashikh dnei T. 5 [Siberia history with the most ancient to our days. Vol. 5]. Leningrad: Nauka, 1969. (In Russian).

M. I. Fedorova
Omsk, Russia

SOCIAL GUARANTEES IN COLLECTIVE FARMS OF WESTERN SIBERIA DURING 1953–1964

Abstract. This article discusses the social guarantees of the collective farms for collective farmers in Western Siberia in the period 1953–1964. The aim of the study is to ascertain specific forms of social protection of workers in the limits of the collective farm system during that period. In work methods were used: ideographic, historical-genetic, retrospective. Social guarantees were determined for several positions: payment of labor days, monetary and material support for personal needs, cash payment and incentive wages.

Based on the analysis of archives documents shows that the Board and general meetings of the collective farmers to solve pressing problems and issues, which for able-bodied and disabled person were vital. Generally are characterize any issues can be resolved immediately, and which are ignored.

The Board of collective farm and general meetings of collective farm workers elaboration questions and make decisions concerning vital important of the moments of collective farmers, provided on a collective level material and financial support to the functioning of the collective farm of the family and a personal farm in the village. Discussions small questions and everyday matters, have decision for each of them at a general meeting of members of the agricultural cooperation testified about the real embodiment of the principle of collectivism in the practice of the organization and direction into collective farm life. Forms for calculating into collective farm of economic activity, except the workday, were social guarantees: material and financial support, incentives, correction workday, the support of a personal farm feeds and animals.

During the study of period, the work of the members of collective farm was not disinterested. There was a fairly flexible pay of work. In this sense, collective-farm economy during the study period was supporting, a personal farm does not compete with the collective, and was a part of it.

The results are relevant to the reconstruction process of collective failure function of the socialist industrial model in its regional manifestations.

Key words: board of collective farm; general meeting of collective farmers; financial support; compensation; material guarantee; workdays.

About the author: Marina Ivanovna Fedorova, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor at the Department of RussianHistory.

Place of employment: Omsk State Technical University.

УДК 93/94

О. П. Цысь
Нижневартовск, Россия**ПРАВОСЛАВНЫЕ ПРИХОДЫ ТОБОЛЬСКОГО СЕВЕРА В XIX – НАЧАЛЕ XX вв.:
ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ И ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ**

Аннотация. В статье рассматривается процесс складывания системы приходов, особенности ее развития на Тобольском Севере. Выделяются три основных этапа формирования приходов на территории края: конец XVI – середина XVII вв., первая половина XVIII в., середина XIX – начало XX вв. Отмечается, что по мере демографического роста, прежде всего за счет русских переселенцев, автоматически расширялась сфера влияния православной культуры.

Анализируется численность, национальный состав прихожан. Изучение клировых ведомостей выявило, что, хотя число прихожан в течение XIX – начала XX вв. непрерывно возрастало, тем не менее, в данном отношении показатели Тобольского Севера в два раза уступали среднестатистическим общепархиальным показателям. Делается вывод о том, что преобладание в сельских малолюдных приходах инородческого населения, в целом индифферентно относившегося к православию, создавало дополнительные трудности для духовенства, т.к. очень узким оказывался круг лиц, на который можно было бы опереться в решении стоявших перед церковью задач. Обращается внимание на меры государственной помощи, которые практиковались для поддержания материального положения священно- и церковнослужителей.

Рассматривается состав, отдельные демографические характеристики причтов Тобольского Севера. Отмечается, что изначально среди приходского духовенства преобладали представители местных династий священно- церковнослужителей, чье образование преимущественно ограничивалось домашним обучением и начальными классами духовных школ. Однако в дальнейшем наблюдается процесс постепенного размывания семейной и сословной замкнутости духовенства. Растет уровень его образования, профессиональной подготовки. Указывается на появление в регионе во второй половине XIX – начале XX вв. энергичных, целеустремленных священнослужителей, ориентированных преимущественно на миссионерское служение. Рассматриваются мотивы, по которым на Тобольский Север переводились представители духовенства: стремление продвинуться по службе, наказание за совершенные проступки.

К числу особенностей северных приходов отнесены удаленность их места расположения от административных центров, замедленные темпы модернизационных процессов, тесная связь церковных институтов с государственными. Отмечается, что религиозная политика Российской империи на севере Западной Сибири стала основной частью общего правительственного курса, направленного на интеграцию коренных народов в российское социокультурное пространство.

Ключевые слова: Тобольская и Сибирская епархия; Тобольский Север; благочинный округ; миссионерство; духовенство; инородцы; уровень образования духовенства; клировые ведомости.

Сведения об авторе: Ольга Петровна Цысь, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, научный сотрудник лаборатории региональных исторических исследований.

Место работы: Нижневартовский государственный университет.

Контактная информация: 628605, г. Нижневартовск, ул. Ленина, д. 56; тел.: 8 (3466) 27-35-10, e-mail: roshist@mail.ru.

Тобольский Север административно входил в состав Тобольской губернии. Здесь располагались Березовский и Сургутский уезды (до 1867 г. – округа), а также северная часть Тобольского, северо-восточная часть Туринского уездов.

Отдаленный «низовой край», как его называли в документах того времени, являлся специфической территорией – промысловым районом, с преобладающим кочевым и полукочевым населением (что подтверждается обращением одних и тех же лиц в приходы разных церквей), провинцией, удаленной от промышленных и культурных центров губернии, с высокой (в сравнении с дру-

гими территориями) численностью инородческого населения, для которого было характерно проживание в устойчивых ареалах этнического, культурного расселения, относительная изоляция от «русского» мира. Например, по данным на 1867 г., на территории Сургутского округа¹ на-

¹ Территория Сургутского округа занимала 220 452,4 кв. верст. Общая же численность населения края, по данным Центрального статистического комитета, составляла в 1868 г. 7191 чел. (из них 1 061 чел. – жители г. Сургута, 2 892 чел. – «бродячие инородцы») (см.: Списки 1871: 120, 126).

считывалось лишь около полутора тысяч русских, сосредоточенных преимущественно в г. Сургуте, а в «стороне же – самая ничтожная горсть оседлости русской» (Русанов 2004: 45). Коренные народы края – несколько тысяч ханты (остяков) и ненцев (самоедов) – проживали на расстоянии от 60 до 730 верст от Сургута. Местное русское население, не исключая казаков, занималось торговлей с «инородцами», извозом, традиционными промыслами, а также служило в государственных учреждениях.

Организация на далеком северо-западе Сибири православных церквей и часовен, обеспечение их кадрами и необходимыми для богослужения предметами, утверждение православных форм повседневной жизни начинается с конца XVI – первых лет XVII в. В этот период на Тобольском Севере возникает и функционирует несколько православных приходов, объединявших почти исключительно русских переселенцев в Березове, Сургуте, Обдорске, Мангазее.

Следующий этап утверждения русского присутствия в ясачных волостях связан с миссионерской деятельностью Филофея Лещинского (в схиме Федора), митрополита Сибирского и Тобольского. Подавляющее большинство сельских храмов для новокрещенных остяков и вогулов возникло в период его служения в Сибири. Исторически сложилось, что именно через институты Русской Православной церкви происходила интеграция коренного населения в общероссийское культурное, а также в определенной степени – административно-политическое, социальное, идеологическое пространство. Всего же в первой половине XVIII в. организуется 14 приходов (в границах Березовского и Сургутского уездов), предназначенных для вновь обращенного в христианство аборигенного населения.

Однако массовое крещение только формально сделало православными значительную часть ханты и манси. Ненцы же в большинстве своем остались в стороне от маршрутов миссионерских поездок «апостола земли Сибирской». Поэтому целое столетие ушло на то, чтобы христианство смогло закрепиться на «завоеванных» позициях, утвердиться в качестве постоянно существующего элемента российской цивилизации, носителя традиции, оказывавшей влияние на местное население.

С 1780 по 1840 гг. в Березовском и Сургутском церковных округах не было открыто ни одного нового прихода. Лишь с середины XIX в., с созданием православных миссий, интенсификацией экономического освоения Обского Севера, развитием путей сообщения, появлением начальных учебных заведений, притоком русского населения и, как следствие, с организацией новых приходов, происходит более активное проникно-

вление в жизнь аборигенов различных сторон российской цивилизации, включая культуру и ее неотъемлемую составляющую – религию.

Главными каналами этого воздействия являлись институты Русской Православной церкви, к числу которых могут быть отнесены в первую очередь «кирпичи» ее фундамента – приходы, а также органы церковной власти, включавшие в указанный период на местном уровне благочиния и духовные правления. В середине XIX – начале XX в. на Тобольском Севере открылось 9 приходов, возникших преимущественно вокруг вновь образованных русских и зырянских поселений². Постройка новых церквей, а также других церковных зданий производилась за счет приходских общин, «тщанием» купечества или отдельных состоятельных благотворителей (см., например, Кузнецов 1886, 259–263; Герасимов 1909: 38). В результате на Севере Западной Сибири в предреволюционный период имелось 35 приходов, в том числе в составе Березовского благочиния – 12, Сургутского – 9, 3-го Тобольского (административный центр с. Самарово или с. Реполово) – 9, 2-го Тобольского (административный центр с. Юровское) – 3, 2-го Туринского (административный центр с. Кошукское) – 2.

Как уже отмечалось, специфика региона состояла в преобладании «инородческого» населения. В начале 1840-х гг., согласно «клировой ведомости о церквях Березовского духовного правления», в подавляющем большинстве приходов доля «ясачных остяков» в общей численности прихожан превышала 85%: Обдорский (88%), Мало-Атлымский (89%), Чемашевский (92%), Юганский (94%), Ларьякский, Ваховский, Казымский, Леушинский, Сатыгинский, Кушеватский, Верхне-Лумпокольский (все – от 98 до 99%), Со-свинский, Болчаровский и Мужевской (все – 100%) (ГУТО ГА. Ф. И-156. Оп. 19. Д. 17. Л. 1–74, Д. 258. Л. 17 об., 22, 29 об. – 30), где русское православное население ограничивалось, в лучшем случае, несколькими семьями.

² В Березовском округе (уезде) в 1840 г. был открыт приход в с. Мужы (церковь во имя св. Михаила Архангела), в 1902 г. – во имя св. Николая в с. Няксимвольском Сосвинской волости (церковь построена в 1893 г.), в 1875 г. – Богоявленская церковь в с. Шекурья, в 1894 г. – во имя иконы Пресвятой Богородицы Всех Скорбящих Радость в с. Елизаровском. В Сургутском уезде (округе) в 1894 г. была построена церковь в с. Тундринском во имя вмч. Пантелеймона, в 1908 г. – в с. Вартовском (Нижне-Вартовском) во имя преподобного Сергия Радонежского, в 1913 г. в с. Покур – в честь Введения Пресвятой Богородицы. В северной части Тобольского уезда появляются приходы в с. Конево (во имя св. Пророка Ильи, 1848 г.), с. Базьяны (Петропавловский, 1908 г.) (см.: Туров 2004: 31; Справочная 1913: 10–11, 21, 39, 134; Епархиальные 1908: 359–360; Калужный 1914: 59–60).

На протяжении всего XIX в. русские в основном проживали в Сургутском (1841 г. – 71%, 1885 г. – 72,9%), Березовском (1841 г. – 53,9%, 1885 г. – 50,1%) (подсчитано по: ГУТО ГА. Ф. И-156. Оп. 19. Д. 17, 35) и Самаровском приходах, а также в низовьях Иртыша, где процент инородческого населения увеличивали приписанные из ближайших районов проживания «юртовые остяки» или вогулы. Так, в 1841 г. в Филинском приходе доля крестьян, мещан и отставных военных достигала 72,8%, в Реполовском – 34,8% (подсчитано по: ГУТО ГА. Ф. И-156. Оп. 19. Д. 258. Л. 11 об., 16). Всего же русское население в 1841 г. составляло в Березовском округе 17,9% православных прихожан. К 1885 г. оно незначительно увеличилось – до 22,8% (подсчитано по: ГУТО ГА. Ф. И-156. Оп. 19. Д. 17, 35).

Таким образом, в XIX в. в сельских малоллюдных приходах преобладали коренные жители, в целом индифферентно относившиеся к православию, что подтверждается поступавшей от священнослужителей информацией. Например, в рапорте священника Василия Тверитина о Юганском приходе за 1884 г. отмечается, что «в приходе означенной церкви обоего пола 1 900 душ, из чего числа русских, живущих в самом селе 26 душ обоего же пола с малолетними, следовательно, весь приход составляют одни инородцы; да кроме того, эта 30-я часть прихода не бывают у Исповеди и Св. причастия ежегодно, что может видеть по документам...» (ГУТО ГА. Ф. И-191. Оп. 1. Д. 15. Л. 106–106 об.).

Изучение клировых ведомостей показывает, что на Севере Западной Сибири в течение XIX в. население приходов постепенно возрастало, тем не менее, существенно уступая как епархиальным, так и общероссийским показателям. В 1841 г. в среднем в одном приходе проживали 1 053 человека, в 1885 г. – 1 215 человек (подсчитано по: ГУТО ГА. Ф. И-156. Оп. 19. Д. 17, 35), в 1897 г. – 1 245 человек (подсчитано по: Тобольский 1897: 214–223). Наименьшим был Николаевский приход Чемашевской волости (405 чел. в 1841 г.), наибольшим – Обдорский (3 918 чел. в 1897 г.). В Тобольской епархии в целом происходило уменьшение аналогичного показателя: 185 г. – 2 897 человек, 1860 г. – 2 630 человек, 1879 г. – 2 594 человека (подсчитано по: Извлечение 1851: 10–11, 28; Извлечение 1862: 14–15, 44; Извлечение 1882: 4, 16–17).

Темпы храмового строительства в крае во второй половине XIX в. не поспевали за ростом населения. Однако, вероятно, в изменении наметившейся тенденции и не было особой необходимости в связи с изначально небольшим количеством прихожан. В начале XX в. после создания нескольких новых самостоятельных приходов (Нижне-Вартовский, Покурский и др.) и строи-

тельства часовен, молитвенных домов ситуация стабилизировалась. Так, в 1913 г. на один приход в Березовском и Сургутском уездах в среднем приходилось 1 126 человек (Справочная 1913: 32–39, 121–125).

Особенностью Тобольского Севера являлась чрезвычайная удаленность местоположения большинства приходов от административных центров. Обдорский Петропавловский приход находился в 375 верстах от Березова, юганский Богоявленский – в 895, нижнелумпокольский Богородице-Рождественский – в 1225. Самый отдаленный ларьякский Знаменский приход располагался на расстоянии в 1 525 верст (ГУТО ГА. Ф. И-191. Оп. 1. Д. 10. Л. 246, 262–262 об.), из-за чего получал указы духовного правления иногда через месяц после их составления. Соответственно, причт «чинил исполнение» по всем предписаниям консистории с большими задержками.

Однако и после ликвидации духовных правлений и передачи соответствующих функций благочинным в конце 1860-х гг. ситуация мало изменилась. В большинстве случаев, чтобы добраться до благочинного, приходскому священнику приходилось преодолевать не менее ста верст. Расстояние от приходского храма до центра церковного округа колебалось от 36 (с. Базьяны) до 895 верст (с. Ларьяк) (Справочная 1913: 20–21, 123).

Многие священники тяготились поездками по приходу, причиной чего являлись не только удаленность и разбросанность селений, неразвитость путей сообщения, но и языковой барьер, культурные различия, препятствовавшие налаживанию полноценного диалога между причтом и прихожанами.

В приходах с преобладающим инородческим населением (а таких имелось большинство) очень сложно было рассчитывать на получение сколько-нибудь значительного дохода. Это, в частности, подтверждается и мнением председателя Тобольского губернского присутствия «по вопросу об улучшении быта православного духовенства» архиепископа Варлаама (Успенского), отмечавшего, что население в Березовском округе «по большей части идолопоклонническое и даже лица воспринявшие православие не вполне укрепились в религии», кроме того, жители отличаются крайней бедностью, поэтому невозможно рассчитывать на «местные средства» (т.е. прихожан) для улучшения содержания причтов путем введения специального сбора (ГАТомО. Ф. Ф-170. Оп. 4. Д. 289. Л. 7).

Это порождало и еще ряд проблем, главной из которых являлась слабая общественная активность крещеных остяков и вогулов, из-за чего на Тобольском Севере практически отсутствовали общественно-религиозные организации, включая

их основную разновидность – попечительства. Соответственно, не приходилось ожидать близкого участия инородцев-мирян в жизни прихода, «радения» об имуществе храма. Непросто оказалось подбирать кандидатуры церковных старост. Обычно занимавшие эту выборную должность лица из числа коренных жителей не принадлежали к социально значимым и активным группам населения, уступали по своим организаторским способностям, благосостоянию купцам, мещанам приходских общин с преобладающим русским населением.

«Инородцы же, – отмечалось в рапорте сургутского благочинного В. Тверитина, – не имея места жительства при селе, а круглый год находясь в улусах, где иногда найти их бывает очень трудно для того, чтобы проверить семью, окрестить младенца или отпеть умершего, о чем сам инородец мало заботится. Быть же инородцу часто в селе, особенно в зимнее время, нет возможности, потому что он, кроме собаки, от 2-х до 3-х не более арш. длины 1/3 нарты, ничего не имеет, поэтому единственный путь открывает быть в селе и храме лето, когда он приплывает с семьей и имуществом как для исполнения долга христианского, так и разных случайных треб раз в год и то на короткое время» (ГУТО ГА. Ф. И-191. Оп. 1. Д. 15. Л. 106–106 об.).

В данных условиях главная забота по материальному обеспечению северного духовенства ложилась на государство. До 1870-х гг. большинство церквей Тобольской епархии относилось к числу ружных, т.е. финансируемых за счет самих прихожан (Извлечение 1874: 16–17). В то же время на Тобольском Севере священно- и церковно-служители в силу ограниченных возможностей получения дополнительных доходов за счет пахотной и сенокосной земли или пожертвований находились на казенном содержании. Однако размер годового жалования был незначительным, причем отличался в различных приходах. Так, в 1841 г. он колебался от 300 руб. (Филинская Вознесения Господня, Березовская Богородице-Рождественская церкви) до 600 руб. (Сургутская Троицкая церковь, Березовский Воскресенский собор) ассигнациями³, с учетом того, что данная сумма распределялась на весь причт (священник, дьячок, пономарь – в сельском приходе, два священника и четыре причетника – в Сургуте и при Березовском Воскресенском соборе) (ГУТО ГА.

Ф. И-156. Оп. 19. Д. 17. Л. 24, 32, 40, 55, 56; Д. 258. Л. 8, 12 об., 18).

На основе Высочайше утвержденного положения Главного присутствия по делам православного духовенства от 16 апреля 1869 г. (ГА-ТомО. Ф. Ф-170. Оп. 4. Д. 289. Л. 2) составляется новое расписание приходских церквей и причтов с тем, чтобы оно «соответствовало материальным интересам духовенства», потребностям, а по возможности и желаниям прихожан (Извлечение 1870: 229). Происходит упразднение диаконских и сокращение причетнических вакансий при небольших сельских церквях. Штат причтов уменьшили до двух человек: священника и псаломщика, а освободившиеся средства направили на увеличение содержания остающегося духовенства. В конце 1872 г., вследствие ходатайств пресвященных о применении названной меры к сибирским епархиям, определено с 1 января 1873 г. «по Тобольской епархии – на возвышение окладов причтам Березовского округа в размерах: всем псаломщикам до 120 руб., помощнику настоятеля Христорождественской церкви с. Соининского [так в тексте. – О.Ц.] и диакону березовского Воскресенского собора до 240 р., всем настоятелям приходских церквей и священнику березовского собора до 360 р. и протоиерею сего собора до 480 р. в год...» (Извлечение 1874: 199–200).

В результате система казенных выплат причтам Тобольского Севера была приведена к единообразию. В таком виде и штаты, и принцип распределения выплат причту оставались неизменными вплоть до 1917 г.

Протоиерей П. Попов, обозревавший в 1882 г. церкви Сургутского и Березовского округов, записал в путевом журнале: «вникая в быт духовенства, в тяжелые условия жизни и недостаточность казенных средств, прихожу к тому убеждению, что духовенство Березовского округа и Сургутского по необходимости должно прибегать к торговым оборотам, иначе ему грозит крайняя бедность...» (Путевой 2007: 180).

В некоторых случаях духовенство могло получать дополнительное содержание, например, в Сургуте (до 1897 г.) и Обдорске причтам выплачивалось жалование сверх штатного от Тобольского комитета Русского Православного миссионерского общества (Цысь 2012b: 20). В начале XX в., согласно решениям епархиальных съездов духовенства, выделялись средства на трехлетний период (с возможным последующим продлением) причтам отдаленных приходов, имевшим низкий уровень доходов. К их числу были отнесены и некоторые приходы Тобольского Севера (Шеркальский, Обдорский, Чемашевский и др.) (Журналы 2010: 53–54).

³ При переводе ассигнаций в серебряные рубли применительно к данному периоду необходимо делить на 3,5. Соответственно, 114 руб. 28 коп. жалования серебром (Казымский причт) равнялось 400 руб. ассигнациями, в Белогорском, Ларьяке, Реполовском, Нахрачинском причтам выплачивалось по 142 руб. 86 коп. серебром или по 500 руб. ассигнациями, и т.п.

На основании клировых ведомостей за 1841 и 1885 гг. нами проанализированы данные по кадровому обеспечению северных приходов. Как показывают подсчеты, средний возраст настоятелей за этот период практически не изменился: 45,6 лет (1841 г.) и 45,7 лет (1885 г.). В то же время существенные сдвиги произошли в уровне их образования. Большая часть духовенства в 1841 г. нигде не обучалась, а имела лишь домашнее образование (11 из 18 чел.). Из оставшихся семи трое смогли закончить ТДС. В 1885 г. из 19 человек не проходил обучение лишь один штатный священник, достигший к тому времени возраста 79 лет, остальные получили образование опять же в ТДС – 10 (из них окончили – 6), в духовных училищах – 8 (подсчитано по: ГУТО ГА. Ф. И-156. Оп. 19. Д. 17, 35). Ситуация в данном отношении мало изменилась и к 1908 г. Так, из 19 священников Березовского и Сургутского уездов 12 обучались в духовных семинариях (окончили – 4), 6 – в других учебных заведениях (духовные и уездные училища, учительская семинария, сельское начальное училище), 1 получил «домашнее образование». Отсутствие какого-либо образования, кроме домашнего, из правила постепенно превращается в исключение. Средний возраст священников уменьшился до 42,1 лет (подсчитано по: ГУТО ГА. Ф. И-156. Оп. 19. Д. 57, 163).

Для сравнения: в Пермской епархии уже в 20-х гг. XIX в. до 2/3 священников прошло через обучение в духовных училищах (Мангилева 2015: 165), в 1840-е гг. уже до 1/3 местных уроженцев имело семинарское образование. Как отмечает А.В. Мангилева, «образование в эти годы начинает рассматриваться как ценность, независимо от того, дает ли оно возможность остаться в сословии или, напротив, выйти из него...» (Мангилева 2015: 167). Ничего подобного на Тобольском Севере в данный период мы не наблюдаем. Здесь, как и XVIII в., по-прежнему преобладало духовенство, не закончившее полного курса духовной школы.

В целом по Тобольской епархии в 1896 г. из 365 протоиереев и священников окончило семинарию или духовную академию 280 (76,7%), в 1908 г. из 465 – 46,7% (РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1646, 2120). В Томской епархии в 1914 г. полное богословское образование (семинария или духовная академия) имели 31,7% протоиереев и священников (РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2674). Общее снижение уровня образования духовенства в Западной Сибири в начале XX в. связано с массовым открытием переселенческих приходов, нуждавшихся в кадрах священников.

Успешное окончание семинарии давало возможность быть сразу рукоположенным в священники. Как правило, таких лиц распределяли в наиболее устроенные, богатые приходы Тоболь-

ского Севера, в состав которых входили прихожане состоятельных купеческих и мещанских семей, что приносило внушительные пожертвования и увеличение размера церковного капитала. В 1841 г. все три выпускника ТДС являлись настоятелями храмов Березова и Сургута, в 1885 г. по двое служили в Березове и Сургуте, по одному – в Обдорске и Полновате; в 1908 г. – по двое в Березове и Обдорске.

Тем, кто не обладал необходимым уровнем знаний для назначения на причетническую должность, предоставлялась возможность получить штатное место после определенного срока послушничества в монастыре либо после пребывания в должности сверхштатного причетника Березовского Воскресенского собора с последующим посвящением в стихарь (ГУТО ГА. Ф. И-156. Оп. 19. Д. 35. Л. 35 об. – 36; 42 об. – 43; 47 об. – 48; 87 об. – 88).

В других случаях духовное служение начиналось с должностей дьякона, пономаря (с 1869 г. также и псаломщика) и лишь после длительного времени (от 12 до 29 лет, по данным на 1841 г., от 7 до 29 лет в 1885 г.), не омраченного проступками, проявив «усердие по службе», можно было рассчитывать на рукоположение в священники отдаленного и труднодоступного селения Тобольского Севера.

Для дьяконов и церковнослужителей вполне достаточным считалось обучение в духовных училищах. Однако на 1841 г. из 30 человек 17 нигде не обучались, а из оставшихся 13 ни один не закончил полного курса какого-либо учебного заведения. В 1885 г. из 21 человека 15 проходили обучение в уездных духовных училищах, 4 – в других учебных заведениях (учительские семинарии, городское училище, Соловецкий монастырь).

Перемещение из одного прихода в другой проводилось, в основном, в пределах территории уезда. Однако встречаются исключения, когда церковнослужителя из Нижне-Лумпокольского переводили в Кушеват, из Сургута – в Обдорск, из Ларьяка – в Сосвинское.

Абсолютное большинство священно- и церковнослужителей происходило из духовного сословия (100% в 1841 г.). В 1885 г. среди священников появились представители березовского мещанства и «военных чинов», а в числе дьяконов и псаломщиков – выходцев из военных, мещан, крестьян, «инородцев» (все – по 1 чел.).

Приведенные данные свидетельствуют о том, что на протяжении большей части XIX в. продолжала сохраняться корпоративная замкнутость северного духовенства, очень медленно размывавшаяся лицами, происходившими из другой социальной среды. Одновременно наблюдается значительный рост образовательного уровня священнослужителей. Начиная с архиепископа

Варлаама (Успенского), главной своей задачей правящие архиереи считали обновление местного пастырского «корпуса» для повышения качества служения священников в хантыйских и мансийских приходах, усиления миссионерской и проповеднической деятельности (знание ими языка прихожан позволяло бы переводить священные тексты, делать проповеди более понятными).

Специфика местного духовенства состояла в том, что оно включало две основные группы. Первая – это представители фамилий Кайдаловых, Вергуновых, Тверитиных, Карповых, Поповых и др., принадлежавших к старинным священническим родам, на протяжении двух столетий окормлявших верующих в отдаленных уголках Севера Западной Сибири. В дальнейшем их потомки занимали священнические и причетнические должности во многих приходах края. В XVIII – первой четверти XIX в. представителей фамилии Карповых было много среди духовенства Березовского края, что зафиксировано ревизскими сказками. Выходец из сургутского казачества Кайдалов помогал митрополиту Филофею в деле христианизации Тобольского Севера. Вергуновы занимали различные должности в окружении тобольского архипастыря еще в середине XVII в. На протяжении многих десятилетий в приходах западной части Березовского уезда служил род Бешкильцевых. Надо отметить, что епархиальное начальство поощряло семейную преемственность в церквях северных округов и настаивало на отправке священно- и церковнослужителями своих детей в духовные учебные заведения Тобольска. В начале 40-х гг. XIX в. местные уроженцы составляли основную массу духовного сословия. Всего в клировых ведомостях упоминаются 13 фамилий, в том числе Кайдаловы (7 чел.), Вергуновы (5 чел.), Тверитины (7 чел.), Карповы (6 чел.) (подсчитано по: ГУТО ГА. Ф. И-156. Оп. 19. Д. 17). Эти люди хорошо знали инородческие языки, местную специфику, были готовы провести здесь всю свою жизнь, их не пугали жизненно-бытовые трудности.

В 1880-х гг. номенклатура фамилий отличается значительно большим разнообразием. На Тобольский Север приехали уроженцы епархий Европейской России: Владимирской, Тамбовской, Ярославской. Среди псаломщиков появляется «самоед» В. Собрин. Его сын А.В. Собрин впоследствии становится первым священником вновь образованного Нижне-Вартовского прихода.

Все чаще отмечается появление в крае образованных, энергичных, целеустремленных людей, одна из причин которого связана с попытками активизации деятельности Обдорской миссии. Многие из них имели соответствующую подготовку, приезжали, имея желание начать активное миссионерское служение. Но это намерение раз-

бивалось о суровые условия Тобольского Севера. Спустя непродолжительное время часто наступало разочарование, апатия. Лишь в случае, когда совпадали эти два обстоятельства – «базовое» образование и готовность (реализованная на практике) приспособиться к местным условиям – мог быть достигнут результат.

Хорошо известны основные вехи жизненного пути игумена Иринарха (Шемановского) – уроженца Польши, основателя первого на Тобольском Севере музея, организатора Обдорского миссионерского братства св. Гурия (подробнее см.: Липатова 2011; Карзанова 2013). Меньше мы знаем о биографиях ряда других деятелей местной христианской миссии. В частности, следует упомянуть В.М. Гижицкого, служившего в Обдорске с 1884 г. Он происходил из потомственных дворян, окончил курс юридических наук в Московском Александринском сиротском институте, затем на протяжении 15 лет работал в департаменте Московской гражданской палаты, за усердную службу был награжден орденом Св. Анны 3-й степени. Неизвестны причины, резко изменившие судьбу московского чиновника. В 1877 г. он, согласно прошению, увольняется (в чине титулярного советника), рукополагается в священники и принимается на миссионерское служение епископом Можайским Игнатием. После шестилетней работы в Тугнуйском стане Забайкальской области в 1883 г. В.М. Гижицкий был переведен на Тобольский Север (ГУТО ГА. Ф. И-156. Оп. 19. Д. 17. Л. 14 об. – 15).

Должность настоятеля Обдорской миссии в начале 1880-х гг. занимал краевед, автор ряда трудов по истории церкви М.П. Путинцев (подробнее см.: Цысь 2012а). В Березове в это же время служил священник И.С. Голошубин (РГИА. Ф. 796. Оп. 173. Д. 2431. Л. 1–22; Церкви Обдорска 2007: 275) – фольклорист, автор «Справочной книги Омской епархии» (Омск, 1914).

Подобного рода неординарные личности на Тобольском Севере ранее встречались крайне редко. Однако, разумеется, не они составляли основную массу местного духовенства. Одна из причин перевода на Север Западной Сибири – различного рода проступки. Этот способ применялся, вероятно, когда возникали трудности с заполнением вакантного места. В клировых ведомостях за 1885 г. можно найти пять подобных случаев (ГУТО ГА. Ф. И-156. Оп. 19. Д. 35. Л. 50 об. – 51 об.).

Из приезжих можно выделить и тех, кто оказался на Тобольском Севере в расчете на скорейшее продвижение по службе. Встречались случаи, когда назначение в «низовую край» являлось условием рукоположения в священники. Например, сохранился составленный в 1884 г. рапорт настоятеля Ларьякской Знаменской церкви

Е. Словцова с просьбой о переводе на юг Тобольской епархии. В ответ последовала резолюция преосвященного, где просителю был дан следующий ответ: «Словцов рукоположен во священники, только потому, что пожелал служить в Ларьякском приходе. Почему другого места в епархии ему не будет дано» (ГУТО ГА. Ф. И-191. Оп. 1. Д. 15. Л. 144).

В путевом журнале епископа Тобольского и Сибирского Антония (Каржавина) по обозрению Березовского, Сургутского, Тобольского округов в 1898 г. сообщается, что «многие из священников низового края смотрят на свои приходы как на временные, переходные станции к получению приходов с русским населением, почему и не стараются изучить язык инородцев, ни ознакомиться ближе с их бытом, верованиями. Известно, например, что многие из клира, не получившие достаточного образования и не надеющиеся достичь священного сана, с посылкою их в приходы центральной местности епархии, видя затруднения Епархиального начальства, изъявляют желание служить священниками в низовом крае, получают желаемое, и затем, прослужив год-два, под разными благовидными, часто вымышленными предлогами, стараются перепроситься в другие округа» (ГУТО ГА. Ф. И-191. Оп. 1. Д. 22. Л. 138 об.).

Подводя итог, следует выделить три основных этапа в организации православных приходов на Тобольском Севере. *Первый* (конец XVI – середина XVII в.) связан с вхождением региона в состав России, начальным этапом его освоения, созданием храмов, предназначенных преимущественно для пришлого русского населения. *Второй* (первая половина XVIII в.) знаменуется массовой христианизацией коренных жителей и организацией значительного числа сельских приходов, занимавшихся окормлением новообращенных. *Третий* (середина XIX – начало XX в.) обусловлен развитием путей сообщения, активизацией русской колонизации, что привело к расширению сети сельских приходов.

Положение северных благочинных округов Тобольской епархии было особым, т.к. и церков-

ная, и светская власть понимали важность распространения государственной религии на северо-западе Сибири как инструмента закрепления этих территорий за Россией. Поэтому многое делалось для того, чтобы сохранить и поддержать северные приходы, прежде всего, посредством выделения казенного жалования причтам. Большинство приходов объединяли аборигенное православное население вокруг более или менее многочисленного русского «ядра», что создавало дополнительные трудности для священно- и церковнослужителей. Существовать исключительно за счет пожертвований прихожан и оплаты за требы основная масса духовенства была не в состоянии, что означало еще большую его зависимость от власти, включенность в систему административного управления в качестве государственных служащих.

Для «инородцев» храмы по-прежнему оставались частью чужой культуры. Прежде обращенные в православие вновь отпадали в язычество и считались христианами лишь по документам церковного учета. Как отмечает тюменский исследователь В.Я. Темплинг, решение епархиальных властей активизировать со второй половины XIX в. миссионерскую деятельность, перевести ее «из категории “между прочим” и “по возможности” в категорию предписания» (Темплинг 2003: 17) заставляло ТДК предъявлять к кандидатам на должности настоятелей ряд новых требований, в том числе и обязательного духовного образования, личностных качеств для решения поставленных просветительских задач. Поэтому нужны были люди, которые могли бы способствовать интеграции ханты, манси, ненцев в «русский мир». Однако имевшиеся в северных приходах кадры эту задачу могли решать лишь отчасти.

Происходившие в регионе модернизационные процессы, связанные в русле изучаемых нами сюжетов с разрушением сословной замкнутости духовенства, распространением образования, шли замедленными темпами, с отставанием на несколько десятилетий от более развитых регионов страны.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ГАТомО** – Государственный архив Томской области
ГУТО ГА – Государственное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске»
ПСЗРИ – Полное собрание законов Российской империи
РГИА – Российский государственный исторический архив
ТДК – Тобольская духовная консистория
ТЕВ – Тобольские епархиальные ведомости

ЛИТЕРАТУРА

- ГАТомО. Ф. Ф-170. Оп. 4. Д. 289.
 Герасимов В. Н. 1909. Обдорск (исторический очерк). Тюмень: Типография «Сибирской торговой газет» (А.А. Крылова).
 ГУТО ГА. Ф. И-156. Оп. 19. Д. 163.

- ГУТО ГА. Ф. И-156. Оп. 19. Д. 17.
 ГУТО ГА. Ф. И-156. Оп. 19. Д. 258.
 ГУТО ГА. Ф. И-156. Оп. 19. Д. 35.
 ГУТО ГА. Ф. И-156. Оп. 19. Д. 57.
 ГУТО ГА. Ф. И-191. Оп. 1. Д. 15.
 ГУТО ГА. Ф. И-191. Оп. 1. Д. 22.
 Епархиальные известия. 1908. // ТЕВ. Отдел офиц. 18, 359–360.
 Журналы епархиального съезда депутатов от духовенства и церковных старост Тобольской епархии 1910 года. 1911. Тобольск: Типография епархии Братства.
 Извлечение из всеподданнейшего отчета обер-прокурора Святейшего Синода графа Д. Толстого по ведомству православного исповедания за 1873 год. 1874. Санкт-Петербург: Синодальная типография.
 Извлечение из всеподданнейшего отчета обер-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1880 г. 1882. Санкт-Петербург: Синодальная типография.
 Извлечение из отчета обер-прокурора Святейшего Синода графа Д. Толстого по ведомству православного исповедания за 1870 год. 1871. Санкт-Петербург: Синодальная типография.
 Извлечение из отчета обер-прокурора Святейшего Синода за 1850 год. 1851. Санкт-Петербург: Синодальная типография.
 Извлечение из отчета по ведомству православного исповедания за 1860 год. 1862. Санкт-Петербург: Синодальная типография.
Калюжный А. 1914. Освящение нового храма в с. Покур, Сургутского уезда // ТЕВ. Отдел неофиц. 3, 59–60.
Карзанова Г. А. 2013. И.С. Шемановский: миссионер и просветитель Тобольского Севера // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры и искусств. 1(14) март, 28–33.
Кузнецов И. 1886. Из села Шеркальского, Березовского округа // ТЕВ. Отдел неофиц. 13–14, 259–263.
Липатова Л. Ф. 2011. Об Иване Семеновиче Шемановском // Шемановский И.С. Избранные труды: в 2 т. / сост. и авт. вступ. ст. Л.Ф. Липатова. Т. 1. Москва: Советский спорт, 4–10.
Мангилева А. В. 2015. Влияние модернизационных процессов на кадровую политику епархиальных властей в XIX в. // Элерт А.Х. (отв. ред.). Религиозные и политические идеи в произведениях деятелей русской культуры XVI–XXI вв. Новосибирск: СО РАН, 164–171.
 Путевой журнал протоиерея П. Попова по обозрению церкви Сургутского и Березовского округов. 2007 // Степанова Л.В., Лазарева С.В., Турова С.В. (ред.). Православие на Обь-Иртышском Севере: материалы к историко-культурному атласу. Екатеринбург: ООО «Баско», 163–184.
 РГИА. Ф. 796. Оп. 173. Д. 2431.
 РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1646.
 РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2120.
 РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2674.
Русанов И. 2004. Этнографический очерк Сургутского отделения Березовского округа Тобольской губернии // Белобородов В.К. (ред.-сост.). Подорожник: Краеведческий альманах. Вып. 4. Тюмень: Мандр и К^а.
 Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. 1871. Т. LX. Тобольская губерния. Список населенных мест по сведениям 1868–1869 годов. Санкт-Петербург: Центральный статистический комитет Министерства внутренних дел.
 Справочная книга Тобольской епархии на 1913 г. 1913. Тобольск: Типография Епархиального Братства.
Темплинг В. Я. 2006. Предисловие // Темплинг В.Я. (ред.-сост.). Сургутский уезд в документальных памятниках XVIII – XIX вв.: источники. Вып. 7. Тюмень: Мандр и К^а, 12–21.
 Тобольский епархиальный адрес-календарь на 1897 г. 1897 / Богословский Н. (сост.). Тобольск: Тобольское епархиальное Братство.
Туров С. В. 2004. Предисловие // Турова С.В. (сост.). Православные приходы Березовского края в XIX – начале XX века (материалы по истории местных сообществ азиатской России). Тюмень: Вектор Бук, 24–42.
 Церкви Обдорска: летопись в документах. 2007. Вып. II. Петропавловская церковь (1824–1894). Ч. I / Темплинг В.Я. (ред.-сост.). Тюмень: Мандр и К^а.
Цысь О. П. 2012а. Научная и общественная деятельность протоиерея М.П. Путинцева // Вестник Сургутского государственного педагогического университета 3, 87–96.
Цысь О. П. 2012б. Сургутская православная миссия 1867–1898 гг.: возникновение, состав, основные направления и результаты деятельности // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви 3, 16–29.

REFERENCES

- State Archives in Tomsk region. Found F-170. Inv. 4. Case 289 (in Russian).
Gerasimov V. N. Obdorsk (istoricheskij ocherk) [Obdorsk (historical overview)]. Tjumen: Tipografija «Sibirskoj torgovoj gazety», 1909. (In Russian).

- State Archives in Tobolsk a state institution of Tyumen region. Found I-156. Inv. 19. Case 163 (In Russian).
- State Archives in Tobolsk a state institution of Tyumen region. Found I-156. Inv. 19. Case 17 (In Russian).
- State Archives in Tobolsk a state institution of Tyumen region. Found I-156. Inv. 19. Case 258 (In Russian).
- State Archives in Tobolsk a state institution of Tyumen region. Found I-156. Inv. 19. Case 35 (In Russian).
- State Archives in Tobolsk a state institution of Tyumen region. Found I-156. Inv. 19. Case 57 (In Russian).
- State Archives in Tobolsk a state institution of Tyumen region. Found I-191. Inv. 1. Case 15 (In Russian).
- State Archives in Tobolsk a state institution of Tyumen region. Found I-191. Inv. 1. Case 22 (In Russian).
- Tobolskiye eparkhialnye vedomosti. Otdel of itserov [Tobolsk Diocesan News. Officers]. Vol. 18 (1908): 359–360. (In Russian).
- Zhurnaly eparhial'nogo sjezda deputatov ot duhovenstva i cerkovnyh starost Tobol'skoj eparhii 1910 goda [Journals of diocesan congress of deputies from the clergy and churchwardens Tobolsk diocese in 1910]. Tobol'sk: Tip. eparh. Bratstva, 1911 (In Russian).
- Iz vlechenie iz vsepoddannejshego otcheta ober-prokurora svjatejshego sinoda grafa D. Tolstogo po vedomstvu pravoslavnogo ispovedanija za 1873 god [Extract from the report most humbly Procurator of the Holy Synod of Count D. Tolstoy on department of orthodox confession for 1873]. Saint-Petersbutg: Diocese Publ. House, 1874. (In Russian).
- Iz vlechenie iz vsepoddannejshego otcheta ober-prokurora svjatejshego sinoda K. Pobedonosceva po vedomstvu pravoslavnogo ispovedanija za 1880 g. [Extract from the report most humbly Procurator of the Holy Synod K. Pobedonostsev on department of orthodox confession for 1880]. Saint-Petersbutg: Diocese Publ. House, 1882. (In Russian).
- Iz vlechenie iz otcheta ober-prokurora svjatejshego sinoda grafa D. Tolstogo po vedomstvu pravoslavnogo ispovedanija za 1870 god [Extract from the report of the chief prosecutor of the Holy Synod of Count D. Tolstoy on department of orthodox confession of 1870]. Saint-Petersbutg: Diocese Publ. House, 1871. (In Russian).
- Iz vlechenie iz otcheta ober-prokurora Svjatejshego Sinoda za 1850 god [Extract from the report of the chief prosecutor of the Holy Synod in 1850 year]. Saint-Petersbutg: Diocese Publ. House, 1851. (In Russian).
- Iz vlechenie iz otcheta po vedomstvu pravoslavnogo ispovedanija za 1860 god [Extract from the report by the Office of the Orthodox faith in 1860]. Saint-Petersbutg: Diocese Publ. House, 1862. (In Russian).
- Kaljuzhnyj A. In: Tobolskiye eparkhialnye vedomosti [Tobolsk diocesan journal]. Vol. 3 (1914): 59–60. (In Russian).
- Karzanova G. A. In: Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury i iskusstv [Bulletin of Saint Petersburg State University]. Vol. 1(14) (2013): 28–33. (In Russian).
- Kuznecov I. In: Tobolskiye eparkhialnye vedomosti [Tobolsk diocesan journal]. Vol. 13–14 (1886): 259–263. (In Russian).
- Lipatova L. F. Ob Ivane Semenoviche Shemanovskom [About Ivan Shemanovsky]. Moscow: Soviet Sports, 2011. Pp. 4–10. (In Russian).
- Mangileva A. V. In: Religioznye i politicheskie idei v proizvedenijah dejatelej russkoj kul'tury XVI–XXI vv. [Religious and Political ideas in Russian Culture of XVI–XXI]. Novosibirsk: SO RAN Publ House, 2015. Pp. 164–171. (In Russian).
- Pravoslavie na Ob'-Irtyshskom Severe: materialy k istoriko-kul'turnomu atlasu [Orthodoxy in the North: supplementary materials for historical and cultural atlas]. Ekaterinburg: LLC Basko, 2007. Pp. 163–184. (In Russian).
- Russian State Historical Archive. Found 796. Inv. 442. Case 2431 (In Russian).
- Russian State Historical Archive. Found 796. Inv. 442. Case 1646 (In Russian).
- Russian State Historical Archive. Found 796. Inv. 442. Case 2120 (In Russian).
- Russian State Historical Archive. Found 796. Inv. 442. Case 2674 (In Russian).
- Rusanov I. In: Podorozhnik: Kraevedcheskij al'manah [Podorozhnik: Almanack of regional studies]. Tjumen': Mandr i Ka, 2004. (In Russian).
- Spiski naseleennyh mest Rossijskoj imperii, sostavlennye i izdavaemye Centralnym statisticheskim komitetom Ministerstva vnutrennih del. LX. Tobol'skaja gubernija. Spisok naseleennyh mest po svedenijam 1868–1869 godov [Lists of settlements of the Russian Empire, compiled and published by the Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs. LX. Tobolsk Province. List of localities according to the 1868–1869 period]. Saint Petersburg: Central Commetee for Statistics, 1871. (In Russian).
- Spravochnaja kniga Tobol'skoj eparhii na 1913 g. [Handbook Tobolsk diocese in 1913]. Tobol'sk: Diocese Borthershood Publ. House, 1913. (In Russian).
- Templing V. Ja. In: Surgutskij uezd v dokumental'nyh pamjatnikah XVIII–XIX vv.: istochniki [Surgut county in monuments XVIII–XIX: sources]. Tjumen': Mandr i K, 2006. Pp. 12–21. (In Russian).
- Tobol'skij eparhial'nyj adres-kalendar' na 1897 g. [Tobolsk Diocesan address calendar 1897]. Tobol'sk: Diocese Borthershood Publ. House, 1897. (In Russian).
- Turov S. V. In: Pravoslavnye prihody Berezovskogo kraja v XIX – nachale XX veka [Orthodoxy In Berezovsky Region in XIX – beginning of XX] Tjumen': Izdatel'stvo «Vektor Buk», 2004. Pp. 24–42. (In Russian).
- Cerkvi Obdorska: letopis' v dokumentah. Vyp. II. Petropavlovskaja cerkov (1824–1894) [Church Obdorsk: chronicle of the documents. Vol. II. Peter and Paul Church (1824–1894)]. Tjumen: Mandr i Ko, 2007. (In Russian).

Tsys' O. P. In: Vestnik Surgutskogo gos. ped. universiteta [Bulletin of Surgut State Pedagogical University]. Vol. 3 (2012a): 87–96. (In Russian).

Tsys' O. P. In: Vestnik Pravoslavnogo Svjato-Tihonovskogo gumanitarnogo universiteta [Bulletin of Orthodox Svjato-Tikhonovsky University of Humanities]. Vol.3 (2012b): 16–29. (In Russian).

O. P. Tsys'

Nizhnevartovsk, Russia

ORTHODOX PARISH IN TOBOLSK NORTH XIX – EARLY XX CENTURIES: MILESTONES, FEATURES OF DEVELOPMENT

Abstract. The article deals with the process of formation of the system of parishes and the way it developed in Tobolsk North. There are three main stages of how the parishes formed in that area: the end of the XVIth – middle of the XVIIth centuries, the first half of the XVIIIth century, the middle of the XIXth – beginning of the XXth centuries. It should be stressed that due to Russian migrants the demographic growth significantly affected the expansion of the orthodox culture.

The number and the nationality of parishioners are analyzed. The study of the clergy lists showed that although the amount of the parishioners grew, the Tobolsk North data was far behind the average diocesan statistics. Conclusions are drawn that as there was predominance of non-Russians in the rural poorly populated parishes who in general were indifferent to orthodoxy, the clergy had difficulty accomplishing their goals because there were few people they could rely on. The research also mentions the measures that the government used to take to support the clergy financially.

Furthermore the article considers the structure and some demographic characteristics of the clergy of the Tobolsk North parish. Originally most clergy were represented by the local dynasties whose education was limited mainly to home schooling and primary religious schools. However, later on the clergy became less and less reticent or closed within its class and families. Their education and professional training were also on the rise. The study shows that there appeared energetic and ambitious clergymen who were focused mostly on missionary ministration. The reasons why some groups of clergy were moved to Tobolsk North varied including striving for promotion as well as punishment for offences.

Some characteristic features of the northern parishes are remoteness from administrative centers, slow modernization processes, close connections of church and governmental institutions. The article suggests that the religious policy of the Russian empire in the north of Western Siberia became the major part of the government course of action which was aimed at the integration of aboriginals into the Russian socio-cultural environment.

Key words: Tobolsk and Siberian diocese; Tobolsk North; rural deanary; missionary; clergy; non-Russian population; level of education among the clergy; clergy data.

About the author: Olga Petrovna Tsys', Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Research Scientist of the Regional Historical Research Laboratory.

Place of employment: Nizhnevartovsk State University.

Цысь О. П. Православные приходы Тобольского Севера в XIX – начале XX вв.: основные этапы и особенности развития // Вестник Нижневартовского государственного университета. 2017. № 2. С. 57–66.

Tsys' O. P. Orthodox parish in Tobolsk North xix – early xx centuries: milestones, features of development // Bulletin of Nizhnevartovsk State University. 2017. No. 2. P. 57–66.

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

УДК 929.713

Д. В. Байдуз
Тюмень, РоссияПЕЧАТЬ В КУЛЬТУРЕ НЕМЕЦКОГО ОРДЕНА
(КОНЕЦ XII – НАЧАЛО XIV ВЕКОВ)

Аннотация. В статье рассматривается использование печатей в Тевтонском ордене в широком историко-культурном контексте: от появления их в канцелярском обиходе в различных владениях корпорации до перевода центральной администрации в Мариенбург (1309 г.) и последовавших административных трансформаций. Анализируется широкий круг проблем, связанных с возникновением, использованием и восприятием памятников сфрагистики. Появление печатей было вызвано практической необходимостью аутентификации документов в связи с ростом орденских владений. Установлено, что Статутами корпорации регламентировались лишь некоторые правовые аспекты их применения: обозначение круга лиц, имевших на это право, а также особое значение, придававшееся печатям верховного магистра и конвента как носителей высшей власти. Высказана гипотеза о возможном влиянии на выбор изображений должностных печатей заведовавших канцеляриями орденских капелланов. Краткий сравнительный анализ внешних характеристик печатей в различных регионах орденской активности с другими духовно-рыцарскими орденами, прежде всего, иоаннитам, показал, в частности, преобладание восковых и анонимных печатей. Продемонстрирован информативный потенциал сфрагистических памятников как важного и многогранного исторического источника. В первую очередь, это касается роли печатей как важнейшего средства официальной саморепрезентации официалов Тевтонского ордена в XIII в., эмблематической системы, о чем свидетельствует число сохранившихся памятников и богатство их иконографии.

Ключевые слова: сфрагистика; Немецкий орден; история права; дипломатика; саморепрезентация; идентичность.

Сведения об авторе: Дмитрий Валерьевич Байдуз, кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии, истории древнего мира и средних веков.

Место работы: Тюменский государственный университет.

Контактная информация: 625003, г. Тюмень, ул. Семакова, д. 10; тел. 8 (3452) 59-74-29, e-mail: bayduzh@yandex.ru.

Согласно классическому определению сциллографии, печать была инструментом правовых отношений, репрезентативным знаком (Stieldorf 2004: 13). Её использование являлось свидетельством права принимать решения в рамках определенной компетенции. Наличие оттиска печати при грамоте призвано было служить подтверждением ее подлинности и правовой силы, возникновения и ввода в действие по воле лица или учреждения, названного в качестве эмитента. Печать представляет его в правовом акте, фиксируемом или регулируемом этим документом. Подписи на средневековых документах не относились к числу общепринятых явлений, и со временем решающая аутентификационная роль перешла к печатям. Поэтому печать отделялась от документа, уже не имеющего правовой силы. Она демонстрировала, что эмитент отождествлял себя с содержанием документа, поэтому наделялась соответствующим внешним оформлением. Как правило, сфрагистические памятники называют имя владельца печати, его титул и обозначение должности (Schöntag 1999). Большинство печатей также изображают владельца, что нередко указы-

валось в корроборации конечного протокола грамот формулой «грамота подкрепляется оттиском моего изображения» (Kahsnitz 1990a: 368). Духовные учреждения, как правило, несли изображения своего патрона или монастыря, и только в сравнительно редких случаях отображалась группа монахов или иные сюжеты. Немецкий орден в этом плане, пожалуй, представляет исключение.

Сложно установить точное время изготовления первых матриц в Немецком ордене, поскольку наиболее ранние из сохранившихся экземпляров печатей датируются началом 1220-х гг.¹ И. Фойгт, ссылаясь на «Прусскую хронику» Лу-

¹ Х.-Г. Бём датирует некоторые печати ордена в Германии и более ранним временем (исходя из времени возникновения должности), что, однако, представляется сомнительным (Böhm 2002). Б. Шмид утверждал, что изготовление печати великого магистра Германа фон Зальца (1209–1239) следует отнести к ближайшим годам после его вступления в должность (Schmid 1937: 180). Р. Кахсниц более осторожно подходит к проблеме датировки; основываясь на данных искусствоведческого анализа иконографии печатей, он указывает первую четверть XIII в. (Kahsnitz 1990b: 69).

каса Давида (XVI в.), указывает, что печатью с легендой *Sigillum officii Magistralitatis domus Theutonice* пользовался уже великий магистр Отто фон Керпен (1200–1208) (Voigt 1827: 57). Б. Якубовска полагает, что это была первая орденская печать (Jakubowska 1992: 184). По мнению Р. Кахсница, многие орденские печати могли быть утеряны вместе с грамотами при падении в 1291 г. Акры, последней резиденции ордена в Святой земле (Kahsnitz 1990a: 370). Вероятно, наиболее ранней из сохранившихся является печать замещающего великого магистра в европейских владениях ордена официала (*Magister citra mare*) при грамоте от 1221 г.² Немногим более может помочь и актовый материал, поскольку в ранний период истории корпорации наличие печати далеко не всегда отмечалось в текстах орденских грамот³. Видимо, одним из первых таких случаев является упоминание печатей (*bullarum nostrarum*) великого магистра Германа фон Зальца и ландмейстера Пруссии Германа Бальке в corroborационной части Кульмской грамоты 1233 г.⁴

Представляется очевидным, что появление печатей следует связывать с налаживанием правового оформления социально-экономической деятельности ордена, становление которой началось с получением им первых земельных и иных пожалований, вызвавшим необходимость их правовой аутентификации. Первые такие приобретения подтверждаются актовым материалом вскоре после образования госпитального братства в 1190 г. и увеличиваются после трансформации корпорации в духовно-рыцарский орден⁵. Вероятно, возникновение практики использования печатей в корпорации следует отнести ко времени после 1199 г., т.е. официального признания свершившегося преобразования папским престолом по аналогии с возникшими ранее в Святой Земле орденами тамплиеров и иоаннитов. Несмотря на отсутствие упоминания печати в булле Иннокентия III, сам факт признания ордена свидетельствует о праве ее использования (Hennes 1845: 5)⁶.

² К. Милицер полагает его непосредственным предшественником должности дойчмейстера (Militzer 1970: 40; Kahsnitz 1990a: 372–373).

³ По-видимому, собственно орденские грамоты, т.е. выпущенные от имени конкретного официала корпорации, появляются не ранее середины 1220-х гг. и связаны с именем Германа фон Зальца.

⁴ Archiwum Państwowe w Toruniu. Kat. I. Listy i dokumenty. № 1. Грамота сгорела при пожаре 1244 г. Ее положения были возобновлены во второй редакции 1251 г., однако печати были указаны в *corroboratio* уже как “*sigilli nostri*” (Philippi, Wölky 1882: 81. № 105; 192. № 252). О печатях в редакции грамоты 1251 г. см. (Рогачевский 2002: 224–226).

⁵ Рост орденских владений связан с активной политикой великого магистра Германа фон Зальца.

⁶ Процесс правового становления ордена протекал достаточно длительное время и нашел свое отражение в

Характерной чертой сфрагистики Немецкого ордена, отличавшей его как от институционально близких ему организаций – иных духовно-рыцарских орденов, прежде всего, тамплиеров (Saint-Hilaire 1991) и иоаннитов (de Visser 1942)⁷, так и от большинства епископов и светских иерархов латинских государств в Святой Земле (Schlumberger, Chaladon, Blanchet 1943; Mayer 1978; Kahsnitz 1990b: 69), было использование в дипломатическом обиходе только вислых воскомастичных печатей. В историографии этот факт не получил достаточно внятного объяснения и относится к числу загадок, поскольку сами климатические условия Святой Земли предполагали использование в качестве пластичной массы для изготовления печатного оттиска более стойкого к воздействию солнца материала. Сюда же следует отнести сильное влияние традиций канцелярской практики Византии⁸ на сфрагистику государств латинского Востока. Для обозначения правовой аутентичности выпущенных документов орден использовал в большинстве случаев односторонние печати, хотя следует отметить также отдельные случаи⁹ употребления сравнительно редкого типа – воскомастичных булл конвента ордена¹⁰.

Печати прикреплялись к документам преимущественно посредством пергаменных полос, примерно с 1300 г. увеличивается употребление шнурков различного цвета (Armgarth 1995: 115), главным образом, шелковых. Нередко они сплетались из разноцветных нитей. Наличие взаимосвязи между их цветом и положением лица, от которого исходила грамота, неизвестно¹¹. По-видимому, в ряде случаев имела определенная зависимость цвета воска печати от занимаемого официальным места в орденской иерархии, хотя

значительном количестве папских грамот. Так, только Гонорий III адресовал ему 113 булл, уравнивающих корпорацию в полноте прав с названными орденами (Favreau 1972: 81).

⁷ Имеются в виду свинцовые буллы орденов в Средиземноморском регионе. Для канцелярской практики официалов владений иоаннитов, расположенных в Бранденбурге, польских землях и Венгрии, характерны воскомастичные печати (Starnawska 1998: 104; Strózyk 2006: 197–217).

⁸ Н.П. Лихачёв назвал это явление «византийскими отражениями» (Лихачёв 1991: 27).

⁹ От XIII в. сохранились всего две такие печати при грамотах от 1262 и 1289 гг. (Schlumberger, Chaladon, Blanchet 1943: 251). Булла конвента появляется вновь лишь в 1454 г. в Пруссии, что связывается Р. Кахсницем с усилением его роли относительно великого магистра (Kahsnitz 1990b: 70; Idem 1990a: 375).

¹⁰ *Bulla capituli nostri*, обозначенная в грамоте от 14 августа 1289 г. (Schmid 1937: 181). В. Эвальд указывает, что обозначение восковой печати буллой в средние века было достаточно частым явлением (Ewald 1914: 114).

¹¹ Отсутствие серебряных и золотых булл не позволяет выявить возможные связи с положением адресата или правовой значимостью документа.

имелись и исключения¹². Абсолютное большинство печатей черного воска принадлежали великим магистрам¹³, дойчмейстеры (*preceptor in Alemannia*, магистры Немецкого ордена в Германии) пользовались, в основном, красновосковыми¹⁴. Они встречаются также у иных орденских официалов, главным образом, в Пруссии и Ливонии, свидетельствуя, видимо, уже не столько о положении должностного лица в общеорденской структуре власти, сколько об играемой им роли во властной организации конкретного баллея¹⁵. Наиболее распространены в орденской сфрагистике были печати, изготовленные из воска естественного и зеленого цветов. Как отмечала М. Старнавска, характерной чертой сфрагистики духовно-рыцарских орденов, отличавшей их от иных духовных официалов и корпораций, являлось использование печатей круглой формы, куда более распространенной у светских эмитентов (Starnawska 1998: 97)¹⁶. Лишь около 1/5 печатей Немецкого ордена рассматриваемого периода имели остроовальную форму¹⁷, единожды встречается треугольная.

Практика использования печатей была воспринята духовно-рыцарскими орденами вместе с уставами у корпораций монахов и каноников¹⁸. Между монашескими аббатствами и административно-территориальными единицами орденов было отличие: первые были автономны, вторые – более централизованы, что накладывало отпечаток на специфику саморепрезентации возглавлявших их официалов. Печать не относилась к элементам повседневности, частота ее применения снижалась в соответствии с рангом иерарха. Следует помнить, что далеко не все официалы, особенно высшие, скрепляли документы непосредственно сами, для этого существовали специ-

альные должностные лица. Правовые аспекты использования печатей орденскими официалами регламентировались рядом положений Статутов ордена. Несмотря на то, что в основу положений устава ордена о военно-административной деятельности лег устав тамплиеров (de Curzon 1886), соответствующих параллелей о сугиллярной практике обнаружить не удалось.

Следует отметить сравнительно небольшое число положений (относительно устава тамплиеров), затрагивающих употребление печатей, что, однако, не является свидетельством придаваемого им в ордене малого значения (Pillich 1952: 363). В наиболее ранней сохранившейся версии Статутов 1264 г. название печатей встречается в двух идентичных в смысловом плане вариациях на средневерхненемецком языке: *insigel* и *ingesigel*, единожды упоминается булла конвента. В 19-й главе устава «О том, чтобы никто из братьев, кроме должностных лиц, не мог иметь печати» (*Daz diekein brüder insigele habe âne die ambehtlûte*) указывается: «Мы постановляем также, чтобы никто из братьев, кроме тех, кому это положено по должности, не мог иметь печати» (Perlbach 1890: 45)¹⁹. В описывающем приуготовления великого магистра к смерти (*Von des meisteres tôde*) первом параграфе раздела «Обычай» говорится о том, чтобы высший орденский официал в преддверие смертного часа передал свою печать на сохранение брату, ныне замещающему его, с тем, чтобы тот вручил ее избранному преемнику (Perlbach 1890: 90). Регламентирующий процедуру выборов великого магистра (Lückerath 1971) 6-й параграф (*In welcher wise die erwelunge geschê*) сообщает, что после избрания нового главы ордена старейший среди братьев-электоров должен был вручить ему кольцо (*vingerlîne*) и печать (Perlbach 1890: 95). Магистру, в свою очередь, надлежало поцеловать брата-священника и вручившего ему кольцо с печатью. Важнейшие сведения о сложении с себя должностных полномочий великого магистра в Монфоре Герхардом фон Мальбергом в 1244 г. приводятся в булле Иннокентия IV от 16 января 1245 г. (Strehlke 1869: 362–363). Во время процедуры рesignации он, согласно традиции (Schmid 1938: 63), вернул на алтарь “подлинную и вечную печать магистра” (*autenticum et perpetuum sigillum magistri*) (Strehlke 1869: 362). Приведенные примеры ясно показывают, что матрица печати воспринималась высшими орденскими официалами, прежде всего, в качестве регалии власти, потестарного символа.

О булле конвента сообщается в 18-м пункте обычаев: «булла конвента должна храниться под

¹² В ряде случаев они могли являться следствием отсутствия необходимых красителей, добавляемых в воско-масличную смесь при приготовлении пластичной массы. Кустодии орденских печатей изготавливались из воска коричневого или естественного цвета.

¹³ Черновосковые печати встречаются у комтуров Эллингена (Франкония), Руфаха и Фрайбурга (Эльзас-Бургундия).

¹⁴ Печати красного воска использовались ландкомтурами Австрии и Лотарингии.

¹⁵ Ландмейстер Ливонии, конвент ордена в Пруссии, комтуры Христбурга и Кёнигсберга. Ландмейстеры Пруссии использовали, главным образом, печати зеленого воска.

¹⁶ Это позволило исследовательнице прийти к выводу об отклонении от церковных традиций в сторону светских.

¹⁷ Наибольшее количество – у официалов Ливонии. В ряде случаев печати конного и пешего типов были остроовальной формы, а печати орденских священников – круглой.

¹⁸ Соответственно, устав тамплиеров тем или иным образом генетически восходил к уставу св. Бенедикта, а иоаннитов – к уставу св. Августина. Ранее тамплиеров и иоаннитов печатями пользовались каноники св. Гроба (Starnawska 1998: 96).

¹⁹ Об этом же говорится, в несколько расширенной формулировке, в 7-м параграфе более поздних законов великого магистра Дитриха фон Альтенбурга (1335–1341) (Perlbach 1890: 105).

трем замками о трех ключах, первый из которых должен находиться у магистра, второй у комтура, третий – у казначея» (*Des capiteles bullen, di sal man behalten under drin slozzen mit drin sluzelen, der sal den êrsten der meister, den anderen der commendûr, den dritten der trisêrere*) (Perlbach 1890: 103). Таким образом, она могла извлекаться для последующего использования лишь с коллективного согласия высших орденских официалов (Gumowski, Haisig, Mikucki 1960: 119)²⁰. Все это производилось под контролем хранителя печати (*daz insigel antwortet zu behaltene*), который и скреплял ей документ (Perlbach 1890: 103). Грамота 1251 г. визитатора Пруссии Эберхарда фон Зайна, доводящая до сведения братьев орденской провинции ряд положений принятого в Святой земле собрания Статутов, подтверждает данную процедуру и в отношении печати конвента в Пруссии, ссылаясь на «Обычай» (*Cui sigillo talis custodia est adhibenda, sicut in consuetudinibus est notata*) (Philippi, Wölky 1882: 182)²¹. О функции печати в тексте грамоты сказано: «...*possitis feodalium dominorum in Prusia privilegia confirmare et aliorum hominum annuum censum debencium*», а также воспроизводится ее легенда (*superscriptio*) (Philippi, Wölky 1882: 182).

Наиболее ранние печати ордена возникли в Святой земле. Вероятно, матрицы первых сохранившихся памятников, печатей великих магистров, были вырезаны по их заказу золотых дел мастерами в Акре. В пользу данного предположения свидетельствуют два факта. Во-первых, в Акре размещалась резиденция магистров и иных высших официалов ордена в Святой земле в 1198–1230 и 1271–1291 гг.²² Кроме того, любопытные данные дает искусствоведческий анализ печатей, позволивший выявить в ряде случаев сильное влияние традиций византийской иконографии (Kahsnitz 1990a: 374). Как известно, в XIII в. Акра являлась крупнейшим культурным центром латинского Востока (Folda 1976), местом переплетения художественных традиций различных школ, одной из наиболее влиятельных была византийская. По мере расширения орденских владений в Европе должностные лица могли зака-

зывать изготовление матриц в своей местности, т.е. у золотых дел мастеров ближайших крупных городов.

Имена золотых дел мастеров (*goldschmid, goltsmeyd, goltsmeid*) в Пруссии известны лишь со второй половины XIV в. (von Czihak 1908: 1), а расходные записи в Мариенбургской книге главного казначея, фиксирующие оплату за изготовление печатей, приводят данные за 1399–1409 гг. (Joachim 1896)²³. Известно, что в качестве материала для матриц иногда использовалось серебро²⁴, причем не только у высших официалов ордена²⁵. В большинстве случаев матрицы изготавливались, по-видимому, из обычного металла, что следует объяснять не только соображениями экономического порядка (стоимость работы варьировалась в зависимости от квалификации мастера и её сложности)²⁶, но и проявлением монашеской аскезы, хотя использование драгоценных металлов воспрещалось Статутами лишь в личном обиходе (Perlbach 1890: 101–102). Встречаются два оттиска, сделанные геммами (интальями) в металлических оправках. К сожалению, средневековых матриц орденских печатей практически не сохранилось, что возможно частично объяснить их уничтожением после прекращения должностных полномочий официала²⁷ во избежание злоупотреблений²⁸. Однако следует помнить, что в XIII–XV вв. печати орденских иерархов, в сравнении с печатями многих иных церковных учре-

²³ Данная хозяйственно-управленческая книга Немецкого ордена является важнейшим источником информации по орденской культуре, в частности, повседневности двора великого магистра данного периода.

²⁴ Так, в подотделе «Goldschmied» за 1407 г. приводится запись об изготовлении для великого магистра Ульриха фон Юнгингена серебряной печати (*ingisgil*) за 2 марки 4 скота (Joachim 1896: 430). Расцвет ювелирного дела в Мариенбурге связывается со временем правления Конрада фон Юнгингена (1393–1407) (Schmid 1938: 71).

²⁵ Приводится информация об изготовлении серебряной печати для фогта Жемайтии (von Czihak 1908: 2).

²⁶ Работа по изготовлению печати для фогта Новой Марки в 1400 г. стоила 1 марку (Joachim 1896: 54).

²⁷ Является доказанным факт уничтожения печати после смерти Конрада фон Юнгингена в 1407 г. (Schmid 1938: 71). Известны случаи изготовления новой печати из серебра старой (Joachim 1896: 430). Динамика смены матрицы вследствие износа неизвестна, более частая замена серебряных матриц относительно железных очевидна.

²⁸ Примеры подобных злоупотреблений известны уже в XIII в. Так, сложивший с себя обязанности великого магистра и перешедший в 1244 г. в орден тамплиеров Герхард фон Мальберг распорядился после этого изготовить новую печать магистра Немецкого ордена, с помощью которой делал долги на счет возглавляемой им в прошлом корпорации (Strehlke 1869: 362–363. № 486; Schmid 1938: 63). Сложивший с себя в 1302 г. обязанности великого магистра Готфрид фон Гогенлоэ позже пытался вернуться в должность и печатал грамоты вновь изготовленной печатью (Верховные магистры Тевтонского ордена 2015: 65).

²⁰ М. Гумовский приводит сведения о том, что в годы правления Конрада фон Юнгингена аналогичным образом хранилась в ларце печать великого магистра.

²¹ Документ наделенного великим магистром специальными полномочиями визитатора был призван урегулировать функционирование конвентуально-комтурской системы орденской провинции и механизм отношений возглавляющих ее должностных лиц с высшими официальными Немецкого ордена (Jóźwiak 2001: 55).

²² Возглавлявшие госпитальное братство должностные лица размещались в Акре и ранее, с момента ее отвоевания в 1190 г. В 1230–1271 гг. они резидировали в орденском замке Монфор (Штаркенберг) (Favreau-Lilie 1982: 272–284).

ждений и должностных лиц, как правило, были анонимны, что означало возможность их передачи преемнику²⁹. Из 155 известных нам сфрагистических памятников периода имя официала встречается лишь в легендах 6 из них (менее 4%), впервые в 1234–1239 гг. (печать Конрада Тюрингского)³⁰. В легендах указывались названия должностей владельцев печатей, их «портретные» изображения или родовые гербы не встречаются³¹. Примеры использования печатей братьями, не занимающими в ордене должностей, единичны³².

Личные печати раннего периода орденской истории известны как весьма редкие случаи (Kahsnitz 1990a: 368). Отказ от родовой геральдической репрезентации, значение которой было очень велико в повседневной жизни светского нобилитета, являлось следствием жесткого влияния аскезы и монашеского отречения от мира. Иная картина представлена печатями иоаннитов, где преобладают личные печати с изображениями родовых гербов официалов (Starnawska 1998: 103). Данная тенденция являлась следствием внутренней специфики ордена, не пресекавшего столь строго индивидуальное начало братьев-рыцарей вследствие куда более аристократического характера корпорации, нежели у иных орденов³³. Печати иоаннитов значительно чаще изображали также самого владельца, указывали как имя почитаемого им святого, так и его собственное (King 1932). Таким образом, отсутствие личных печатей в Немецком ордене подтверждает сравнительно невысокое социальное происхождение большинства его братии, отражает самосознание министералов и мелкого рыцарства.

Орденские Статуты и актовый материал не содержат положений, свидетельствующих о наличии рекомендаций или ограничений в избрании мотива или сюжета печати, что позволяет сделать вывод о соответствующих действиях самого официала. Не существовало также никаких предписаний³⁴ относительно иконографически предпочти-

тельных изображений. Они отсутствуют и в единственном известном сфрагистическом трактате средневековья «*Summa de arte prosandi*», написанном цюрихским каноником Конрадом фон Муре в 1275 г. (Konrad von Mure 1863)³⁵. Таким образом, избрание и иконографическое оформление *imago potestatis* осуществлялось в соответствии с существующими социокультурными традициями. Поскольку в сфрагистике духовных официалов абсолютно доминировали изображения различных патрональных святых, в том числе тех, чьи культы имели официальный характер, вероятно, единственным документальным свидетельством являются фиксирующие их Статуты корпорации.

По мнению Р. Кахсница, выбор предпочтительного изображения осуществлялся непосредственно самим официалом (Kahsnitz 1990a: 403)³⁶. Однако еще К. Гурским была доказана ведущая роль священников ордена в формировании духовной культуры корпорации и специфического спиритуалитета, проявлявшаяся, в частности, в церковной архитектуре и создании иконографической программы (Górski 1980: 329–330), что подчеркивалось позднее рядом исследователей в трудах по орденскому искусству (Domasłowski 1985: 169–184). В то же время влияние орденских священников на выбор сюжетов светского содержания, например, образов печатей конного и пешего типов, геральдические мотивы и др. представляется сомнительным. Печати всех администрируемых священниками владений ордена³⁷ демонстрируют исключительно сюжеты духовного содержания. В пользу данного предположения говорит также поддерживаемый большинством исследователей тезис о неграмотности и относительно невысокой духовной культуре большинст-

является 3-я книга «Педагога» Климента Александрийского (150–215 гг.) (Климент Александрийский 1996).

³⁵Трактат акцентирует внимание на правовом аспекте использования печатей. Интерес к практической стороне дела, прежде всего, борьбе с фальсификатами, проявляется уже в письмах Иннокентия III конца XII в. «*De crimine falsi*» и «*De fide instrumentorum*».

³⁶На проблеме алгоритма выбора изображения на печать специально останавливался З. Пех, пришедший к аналогичным выводам на основе анализа сфрагистики династии Пястов (Piech 1993: 38–41). Однако им исследовались печати лиц, связанных узами родства. Под «выбором» в данном случае имеется в виду первоначальное появление изображения на печати после возникновения соответствующей должности, а также случаи полной смены иконографического типа в дальнейшем. В случае воспроизведения последующим официалом иконографии печати предшественника можно констатировать наличие преемственности. Тем не менее, даже в рамках единого основного иконографического типа наблюдаются случаи как простого точного копирования, так и глубокой модификации сюжета.

³⁷Особенно много их находилось в балее Саксония-Тюрингия.

²⁹ Данная практика была широко распространена уже в монашеских орденах (Krejčík 1995: 526).

³⁰ Причины видятся в высоком происхождении данных официалов или значимости занимаемых ими должностей, как правило, довольно высоких.

³¹ Родовые гербы на «секретных» (малых) печатях орденских должностных лиц (великих магистров) встречаются с середины XIV в., а на официальных – в XV в.

³² Вследствие запрета 19-й главы устава (Perlbach 1890: 45).

³³ Следует помнить, что в ордене иоаннитов от вступающих в него рыцарей требовались значительно более существенные доказательства благородного происхождения, чем в иных духовно-рыцарских орденах.

³⁴ Нам не удалось найти свидетельств существования подобных предписаний и в документах иных церковных организаций средневековья. Наиболее ранним в христианской традиции памятником, указывающим рекомендуемые христианам для помещения на печати изображения,

ва орденских рыцарей вследствие стоящих перед ними задач военно-административного характера³⁸. Возможность совета со священниками представляется вполне очевидной, поскольку, согласно орденским Статутам, в идеале конвент должен был состоять из 12 рыцарей и 6 священников, возглавляемых комтуром.

Невозможность точного выяснения в ряде случаев специфики механизма выбора изображения не является доказательством подмены саморепрезентации официала-владельца печати миропониманием брата-священника. Сам факт осознанного соединения на печати легенды, указывающей должность орденского потентата, с определенным иконографическим образом уже свидетельствует, как минимум, о том, что избранная модель не противоречила представлениям официала о собственной власти. Знание им смысловой нагрузки изображения представляется очевидным.

Печати видятся нам наиболее важной группой источников, дающих представление о саморепрезентации ордена. Это связано, прежде всего, с тем, что они являлись одним из весьма немногих средств трансляции должностного самовосприятия орденской братии, а также с количеством сохранившихся экземпляров³⁹ и многообразием представляемых ими сюжетов.

Итак, следует отметить полное отсутствие регламентации использования изображений на печатях Статутами корпорации, не обнаруживаются ее и источники иных видов. Таким образом, избрание и иконографическое оформление сюжета осуществлялось в соответствии с традицией, как и у других церковных институций. Учитывая коллективный характер принятия решений, затрагивающих каждую административно-территориальную единицу ордена в целом, можно высказать предположение о совещательном характере процедуры, т.е. учете мнения конвента. Учитывая неграмотность большинства орденских братьев, наиболее вероятной представляется ведущая роль именно священников в процедуре определения сигиллярных сюжетов.

Анализ визуального ряда печатей наводит на мысль о тенденциях двоякого характера. С одной стороны, особенно в ранний период орденской истории, они были призваны подчеркнуть независимое, равноправное положение ордена относительно более старых корпораций тамплиеров и иоаннитов, его право на собственное место в иерархии духовно-рыцарских орденов, специфике осуществляемой им деятельности; с другой – посредством широко распространенных символов включить организацию в христианский универсум.

ЛИТЕРАТУРА

- Верховные магистры Тевтонского ордена. 2015. Москва: Ладомир.
- Климент Александрийский. 1996. Педагог. Москва: Учебно-информационный экуменический центр ап. Павла.
- Лихачёв Н. П. 1991. Моливдовулы греческого Востока / Шандровская В.П. (ред.-сост.). Москва: Наука.
- Рогачевский А. Л. 2002. Кульмская грамота – памятник права Пруссии XIII в. Санкт-Петербург: СПбГУ.
- Armgarth M. 1995. Die Handfesten des preußischen Oberlandes bis 1410 und ihre Aussteller. Beiträge zum Urkundenwesen des Deutschen Ordens in Preußen. Köln; Weimar; Wien: Böhlau.
- Böhm H.-G. (Hrsg.). 2002. Siegel des Deutschen Ordens von Akkon bis Mergentheim. Bad Mergentheim: Schriftenreihe.
- de Curzon H. (éd.). 1886. La Règle du Temple. Paris: Renouard.
- de Saint-Hilaire P. 1991. Les Sceaux templiers. Puiseaux: Pardès.
- de Visser M. 1942. I sigilli del sovrano militare ordine di Malta. Milano: Seimand.
- Domasłowski J. 1985. Die gotische Malerei im Dienste des Deutschen Ordens // Die Rolle der Ritterorden in der mittelalterlichen Kultur / von Nowak Z.H. (Hrsg.). Toruń: Uniwersytet Mikołaja Kopernika, 169–184.
- Ewald W. 1914. Siegelkunde. München: R. Oldenbourg.
- Favreau M.-L. 1972. Studien zur Frühgeschichte des Deutschen Ordens. Stuttgart: Klett 1975.
- Favreau-Lilie M.-L. 1982. The Teutonic Knight in Acre After the Fall of Montfort (1271): Some Reflections // Kedar B.Z., Mayer H.E., Smail R.C. (eds.). Outremer: Studies in the History of the Crusading Kingdom of Jerusalem. Jerusalem: Yad Izhak Ben-Zvi Publications, 272–284.
- Folda J. 1976. Crusader manuscript illumination at Saint-Jean d'Acre, 1275–1291. Princeton: Princeton University Press.

³⁸ Данная концепция имеет и уязвимые места, поскольку, в соответствии с обозначенными К. Гурским общими принципами исследования орденской культуры, необходимо дифференцировать орденских официалов по региону службы и времени. Таким образом, непосредственное участие в боевых действиях принимали лишь братья-рыцари Святой земли, комтурств Пруссии и Ливонии. Абсолютное большинство орденских комтурств располагалось в Германии, игравшей роль экономической и рекрутационной базы ордена.

³⁹ На 1300 г. ордену принадлежало ок. 300 различных административно-территориальных владений.

Górski K. 1980. Das Kulmer Domkapitel in den Zeiten des Deutschen Ordens. Zur Bedeutung der Priester im Deutschen Orden // von Fleckenstein J., Hellmann M. (Hrsg.). Die geistlichen Ritterorden Europas. Sigmaringen: Jan. Thorbecke, 529–557.

Gumowski M., Haisig M., Mikucki S. (opr.). 1960. Sfragistyka. Warszawa: PWN.

Hennes J. H. (Hrsg.). 1845. Codex diplomaticus ordinis Sanctae Mariae Teutonicorum. Bd. I. Mainz: Kirchheim, Schott und Theilmann.

Jakubowska B. 1992. *Malborska Ucieczka do Egiptu – motyw i funkcja* // Bielska-Lach. M. (red.). Sztuka i historia. Materiały sesji Stowarzyszenia Historyków Sztuki. Kraków, listopad 1988. Warszawa: PWN, 181–195.

Joachim E. (Hrsg.). 1896. Das Marienburger Tresslerbuch der Jahre 1399–1409. Königsberg: Thomas & Oppermann.

Józwiak S. 2001. Centralne i terytorialne organy władzy zakonu krzyżackiego w Prusach w latach 1228–1410. Rozwój – przekształcenia – kompetencje. Toruń: Uniwersytet Mikołaja Kopernika.

Kahsnitz R. 1990a. Siegel als Zeugnisse der Frömmigkeitsgeschichte // Bott G., Arnold U. (Hrsg.). 800 Jahre Deutscher Orden: Ausstellung des Germanischen Nationalmuseums Nürnberg in Zusammenarbeit mit der Internationalen Historischen Kommission zur Erforschung des deutschen Ordens. Gütersloh; München: Bertelsmann Lexikon Verlag, 368–405.

Kahsnitz R. 1990b. Siegel des Deutschen Ordens aus dem Heiligen Land und dem Reich. Das 13. Jahrhundert // Der Herold. Neue Folge. Bd. 13. Jg. 33, 69–81.

King E. J. 1932. The Seals of the Order of St. John of Jerusalem. London: Methuen & Co., Ltd.

Konrad von Mure. 1863. Summa de arte prosandi // Rockinger L. (Hrsg.). Briefsteller und Formelbücher des elften bis vierzehnten Jahrhunderts. München: Erscheinungsjahr, 403–482.

Krejčík T. 1995. Siegel im klösterlichen Leben des Mittelalters // Derwich M. (red.). La vie quotidienne des moines et chanoines réguliers au Moyen Age et Temps modernes. Wrocław: Institut d'histoire de l'Université, 523–532.

Lückerath C. A. 1971. De electione magistri. Ein Beitrag zum mittelalterlichen Wahlrecht im Deutschen Orden // Preußenland. Jg. 9. Marburg. № 3, 33–47.

Mayer H. E. 1978. Das Siegelwesen in den Kreuzfahrerstaaten. München: Abhandlungen.

Milützer K. 1970. Die Entstehung der Deutschordensballeien im Deutschen Reich. Bonn; Bad Godesberg: N.G. Elwert.

Perlbach M. (Hrsg.). 1890. Die Statuten des Deutschen Ordens nach den ältesten Handschriften. Halle a S.: Max Niemeyr.

Philippi R., Wölky C.P. (Hrsg.). 1882. Preussisches Urkundenbuch. Politische Abteilung. Bd. I. Königsberg: Historische Kommission für ost- und westpreußische Landesforschung.

Piech Z. 1993. Ikonografia pieczęci Piastów. Kraków: Universitas.

Pillich W. 1952. Die Typarsammlung des Deutschordensarchivs // Mitteilungen des Österreichischen Staatsarchivs. Bd. 5, 363–400.

Schlumberger G., Chaladon F., Blanchet A. 1943. Sigillographie de l'Orient latin. Paris: Geuthner.

Schmid B. 1937. Die Siegel des Deutschen Ordens in Preußen // Altpreußische Forschungen. Jg. 14, 179–186.

Schmid B. 1938. Die Siegel des Deutschen Ordens in Preußen // Altpreußische Forschungen. Jg. 15, 63–75.

Schöntag W. 1999. Amts-, Standesbezeichnungen und Titel in Siegellegenden im 12. und 13. Jahrhundert // Zeitschrift für die Geschichte des Oberrheins. Bd. 147, 145–169.

Starnawska M. 1998. Pieczęcie zakonów krzyżowych na ziemiach polskich w średniowieczu jako źródło do ich dziejów. Perspektywy badawcze // Dymnel P. (red.). Pieczęć w Polsce średniowiecznej i nowożytnej. Lublin: Polskie Towarzystwo Heraldyczne, 89–119.

Stieldorf A. 2004. Siegelkunde. Hannover: Hahn.

Strehlke E. (Hrsg.). 1869. Tabulae ordinis Theutonici. Berlin: Weidmannos.

Stróżyk P. 2006. Średniowieczne pieczęcie templariuszy i joannitów na ziemiach polskich // Piech Z., Pakulski J., Wroniszewski J. (red.). Pieczęcie w dawnej Rzeczypospolitej. Stan i perspektywy badań. Warszawa: DiG, 197–217.

Voigt J. 1827. Geschichte Preussens von den ältesten Zeiten bis zum Untergange der Herrschaft des Deutschen Ordens. Bd. II. Königsberg: Johannes Voig.

von Czihak E. 1908. Die Edelschmiedekunst früherer Zeiten in Preußen. Leipzig: Hiersemann.

REFERENCES

Verkhovnye magistrы Tevtonskogo ordena [Grand Masters of the Teutonic Order]. Moscow: Lodomir, 2015. (In Russian).

Clement of Alexandria Pedagog [Peadogogus]. Moscow: Educational and informational centre of st. Paul, 1996. (In Russian).

Likhachev N. P. Molivdovuly grecheskogo Vostoka [Molivdovuls of the Greek East]. Moscow: Nauka, 1991. (In Russian).

- Rogachevsky A. L. Kulmskaya gramota pamyatnik prava Prussii XIII v [Kulmsk decree – monument of Prussian law in XIII]. Sait Petersburg: St. Petersburg State University, 2002. (In Russian).
- Armgarth M. Die Handfösten des preußischen Oberlandes bis 1410 und ihre Aussteller. Beiträge zum Urkundenwesen des Deutschen Ordens in Preußen. Köln; Weimar; Wien: Böhlau, 1995.
- Böhm H.-G. (Hrsg.). Siegel des Deutschen Ordens von Akkon bis Mergentheim. Bad Mergentheim: Schriftenreihe, 2002.
- de Curzon H. (éd.). La Règle du Temple. Paris: Renouard, 1886.
- de Saint-Hilaire P. Les Sceaux templiers. Puiseaux: Pardès, 1991.
- de Visser M. I sigilli del sovrano militare ordine di Malta. Milano: Seimand, 1942.
- Domasłowski J. Die gotische Malerei im Dienste des Deutschen Ordens // Die Rolle der Ritterorden in der mittelalterlichen Kultur / von Nowak Z.H. (Hrsg.). Toruń: Uniwersytet Mikołaja Kopernika, 1985. Pp. 169–184.
- Ewald W. Siegelkunde. München: R. Oldenbourg, 1914.
- Favreau M.-L. Studien zur Frühgeschichte des Deutschen Ordens. Stuttgart: Klett 1975, 1972.
- Favreau-Lilie M.-L. The Teutonic Knight in Acre After the Fall of Montfort (1271): Some Reflections // Kedar B.Z., Mayer H.E., Smail R.C. (eds.). Outremer: Studies in the History of the Crusading Kingdom of Jerusalem. Jerusalem: Yad Izhak Ben-Zvi Publications, 1982. Pp. 272–284.
- Folda J. Crusader manuscript illumination at Saint-Jean d'Acre, 1275–1291. Princeton: Princeton University Press, 1976.
- Górski K. Das Kulmer Domkapitel in den Zeiten des Deutschen Ordens. Zur Bedeutung der Priester im Deutschen Orden // von Fleckenstein J., Hellmann M. (Hrsg.). Die geistlichen Ritterorden Europas. Sigmaringen: Jan. Thorbecke, 1980. Pp. 529–557.
- Gumowski M., Haisig M., Mikucki S. (opr.). 1960. Sfragistyka. Warszawa: PWN.
- Hennes J. H. (Hrsg.). Codex diplomaticus ordinis Sanctae Mariae Teutonicorum. Bd. I. Mainz: Kirchheim, Schott und Theilmann, 1845.
- Jakubowska B. Malborska Ucieczka do Egiptu – motyw i funkcja // Bielska-Łach. M. (red.). Sztuka i historia. Materiały sesji Stowarzyszenia Historyków Sztuki. Kraków, listopad 1988. Warszawa: PWN, 1992. Pp. 181–195.
- Joachim E. (Hrsg.). Das Marienburger Tresslerbuch der Jahre 1399–1409. Königsberg: Thomas & Oppermann, 1896.
- Jóźwiak S. Centralne i terytorialne organy władzy zakonu krzyżackiego w Prusach w latach 1228–1410. Rozwój – przekształcenia – kompetencje. Toruń: Uniwersytet Mikołaja Kopernika, 2001.
- Kahsnitz R. Siegel als Zeugnisse der Frömmigkeitsgeschichte // Bott G., Arnold U. (Hrsg.). 800 Jahre Deutscher Orden: Ausstellung des Germanischen Nationalmuseums Nürnberg in Zusammenarbeit mit der Internationalen Historischen Kommission zur Erforschung des deutschen Ordens. Gütersloh; München: Bertelsmann Lexikon Verlag, 1990a. Pp. 368–405.
- Kahsnitz R. Siegel des Deutschen Ordens aus dem Heiligen Land und dem Reich. Das 13. Jahrhundert // Der Herald. Neue Folge. Bd. 13. Jg. 33, 1990b. 69–81.
- King E. J. The Seals of the Order of St. John of Jerusalem. London: Methuen & Co., Ltd, 1932.
- Konrad von Mure. Summa de arte prosandi // Rockinger L. (Hrsg.). Briefsteller und Formelbücher des eilften bis vierzehnten Jahrhunderts. München: Erscheinungsjahr, 1863. Pp. 403–482.
- Krejčík T. Siegel im klösterlichen Leben des Mittelalters // Derwich M. (red.). La vie quotidienne des moines et chanoines réguliers au Moyen Age et Temps modernes. Wrocław: Institut d'histoire de l'Université, 1995. Pp. 523–532.
- Lückerath C. A. 1971. De electione magistri. Ein Beitrag zum mittelalterlichen Wahlrecht im Deutschen Orden // Preußenland. Jg. 9. Marburg. № 3, 33–47.
- Mayer H. E. Das Siegelwesen in den Kreuzfahrerstaaten. München: Abhandlungen, 1978.
- Militzer K. Die Entstehung der Deutschordensballeien im Deutschen Reich. Bonn; Bad Godesberg: N.G. Elwert, 1970.
- Perlbach M. (Hrsg.). Die Statuten des Deutschen Ordens nach den aeltesten Handschriften. Halle a S.: Max Niemeyr, 1890.
- Philippi R., Wölky C.P. (Hrsg.). Preussisches Urkundenbuch. Politische Abteilung. Bd. I. Königsberg: Historische Kommission für ost- und westpreußische Landesforschung, 1882.
- Piech Z. Ikonografia pieczęci Piastów. Kraków: Universitas, 1993.
- Pillich W. Die Typarsammlung des Deutschordensarchivs // Mitteilungen des Österreichischen Staatsarchivs. Bd. 5, 1952. pp. 363–400.
- Schlumberger G., Chaladon F., Blanchet A. Sigillographie de l'Orient latin. Paris: Geuthner, 1943.
- Schmid B. Die Siegel des Deutschen Ordens in Preußen // Altpreußische Forschungen. Jg. 14, 1937. Pp. 179–186.
- Schmid B. Die Siegel des Deutschen Ordens in Preußen // Altpreußische Forschungen. Jg. 15, 1938. Pp. 63–75.
- Schöntag W. Amts-, Standesbezeichnungen und Titel in Siegellegenden im 12. und 13. Jahrhundert // Zeitschrift für die Geschichte des Oberrheins. Bd. 147, 1999. Pp. 145–169.

Starnawska M. Pieczęcie zakonów krzyżowych na ziemiach polskich w średniowieczu jako źródło do ich dziejów. Perspektywy badawcze // Dymnel P. (red.). Pieczęć w Polsce średniowiecznej i nowożytnej. Lublin: Polskie Towarzystwo Heraldyczne, 1998. Pp. 89–119.

Stieldorf A. Siegelkunde. Hannover: Hahn, 2004.

Strehlke E. (Hrsg.). Tabulae ordinis Theutonici. Berlin: Weidmannos, 1869.

Stróżyk P. Średniowieczne pieczęcie templariuszy i joannitów na ziemiach polskich // Piech Z., Pakulski J., Wroniszewski J. (red.). Pieczęcie w dawnej Rzeczypospolitej. Stan i perspektywy badań. Warszawa: DiG, 2006. Pp. 197–217.

Voigt J. Geschichte Preussens von den ältesten Zeiten bis zum Untergange der Herrschaft des Deutschen Ordens. Bd. II. Königsberg: Johannes Voigt, 1827.

von Czihak E. Die Edelschmiedekunst früherer Zeiten in Preußen. Leipzig: Hiersemann, 1908.

D. V. Bayduzh
Tyumen, Russia

THE SEAL IN CULTURE OF THE TEUTONIC ORDER (THE END OF XII – THE BEGINNING OF XIV CENTURIES)

Abstract. This paper is about seals using in the Teutonic Order in a wide historical and cultural context, from their appearance in a corporation chanceries until transfer of the central administration in Marienburg (1309) and the followed administrative transformations. The paper analyzes a wide range of the problems connected to origin, use and perception of a sigillographic monuments. Appearance of the seals was caused by practical need of documents authentication in connection with growth of Order's possession. It is determined that corporate Statutes regulated some legal aspects of their using only: designation of a group of people having the right to use it, and also the special significance given to the seals of the Grand master and the Convent as carriers of the higher authority. The hypothesis about a possible influence on a choice of seal images by the Order chaplains that managed chanceries is stated. The short comparative analysis of external characteristics of the seals in different regions of Order activity with other military orders, first of all an Order of Saint John, showed dominance of the wax and anonymous seals in particular. Here is shown the informative potential of the sigillographic monuments as important and many-sided historical source. First of all it concerns a role of the seals as a most important tool of an official self-representation of the Teutonic Order's administration in the 13th century and emblematic system. It is confirmed by the number of the remained monuments and richness of their iconography.

Key words: sphragistics; Teutonic Order; law history; diplomatics; self-representation; identity.

About the author: Dmitry Valyerevich Bayduzh, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Archeology, Ancient and Medieval History

Place of employment: Tyumen State University.

Байдуж Д. В. Печать в культуре немецкого ордена (конец XII – начало XIV веков) // Вестник Нижневартовского государственного университета. 2017. № 2. С. 67–75.

Bayduzh D. V. The seal in culture of the teutonic order (the end of XII – the beginning of XIV centuries) // Bulletin of Nizhnevartovsk State University. 2017. No. 2. P. 67–75.

УДК 94(415).05

A. A. Бельцер
Самара, Россия

МИРОВЫЕ СУДЬИ АНГЛО-ШОТЛАНДСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ В 1528–1536 гг.

Аннотация. Статья посвящена деятельности местной администрации английских пограничных графств, Камберленда и Нортумберленда, в 1528–1536 гг. Цель данной работы – проанализировать состав мировой комиссии и выяснить, какие изменения происходили с ее численным и персональным составом. Источником для исследования служат в первую очередь списки мировых комиссий, сохранившиеся в государственных бумагах. Количество и численный состав мировых комиссий англо-шотландского пограничья за указанный период показывают, с одной стороны, рост численности мировых судей, с другой – продолжающуюся нерегулярность их обновления. Анализ состава магистратов показал, что в обоих графствах Корона опиралась не только на своих ставленников, но и на Генриха Перси, 6-го графа Нортумберленда, и его окружение. Уильям, барон Дакар, другой влиятельный северный барон, не получил такого же влияния даже в своем родном графстве Камберленд. Изучение списков мировых комиссий Камберленда и Нортумберленда позволяет сделать и некоторые заключения относительно судьбы Совета герцога Ричмонда. Традиционно считается, что

после возвращения к управлению пограничными марками Перси и Дакра деятельность Совета была ограничена исключительно Йоркширом. Однако то, что члены Совета продолжали автоматически включаться в число мировых судей, заставляет думать, что пограничные графства вовсе не были полностью исключены из его сферы ведения. Как показывает исследование, перемены в королевской политике и способах управления пограничными землями не изменили главные особенности местных мировых комиссий: нерегулярность обновления, малочисленность выходцев из местного дворянства и, соответственно, большое количество представителей других графств и королевской администрации.

Ключевые слова: Тюдоры; англо-шотландское пограничье; тюдоровская Англия; мировые судьи; местное управление.

Сведения об авторе: Александр Анатольевич Бельцер, кандидат исторических наук, доцент, проректор по научной работе.

Место работы: НОУ ВПО «Самарский институт – высшая школа приватизации и предпринимательства».

Контактная информация: 443090, г. Самара, ул. Антонова-Овсеенко, д. 53, тел. 8 (846) 27-90-043, e-mail: abelhist@yandex.ru.

Период с 1528 по 1536 гг. занимает особое место в истории англо-шотландского пограничья. Начавшись с реставрации власти аристократических фамилий Дакров и Перси, он закончился судебным процессом против Уильяма Дакра и смещением его со всех постов, а затем ослаблением власти Перси в результате болезни 6-го графа Нортумберленда и участия его братьев в Благодатном Паломничестве. Благодатное Паломничество, мощное религиозно-политическое движение, привело к возрождению Северного совета и возобновлению активного вмешательства Короны в дела пограничных графств. На период 1528–1536 гг. пришлось очередная война с Шотландией и начало Реформации, превратившей границу с Шотландией не только в политическую, но и в конфессиональную. Все эти события должны были так или иначе отразиться и на работе местной администрации, костяк которой традиционно составляли мировые судьи. Цель данной работы – проанализировать состав мировой комиссии и выяснить, какие изменения происходили с ее численным и персональным составом.

В первую очередь обратимся к составу мировой комиссии. В нашем распоряжении данные о пяти комиссиях за этот период – двух в Камберленде и трех в Нортумберленде. За предыдущие 20 лет, с 1509 г. для Нортумберленда было выпущено 4 комиссии, а для Камберленда – 5. Таким образом, состав мировых судей пограничных графств по-прежнему обновлялся реже, чем в других графствах, особенно в центральной Англии. Численность мировых судей Нортумберленда и Камберленда традиционно была небольшой. В Нортумберленде, например, за период 1510–1525 гг. она менялась от 21 судьи до 9 (Letters and papers 1862. № 717, 1048, 3553, 5506; Letters and papers 1864. № 249; Letters and papers 1867. № 1084). Только с созданием Совета герцога Ричмонда численность мировых судей возросла до 34 человек в Нортумберленде и 24 в Камберленде (Letters and papers 1875. № 1610). В 1528–1536 гг. численность мировых судей в пограничных графствах продолжала оставаться достаточно

высокой. В Камберленде по комиссии декабря 1530 г. числился 31 магистрат, спустя два года, в декабре 1532 г. – 25 мировых судей (Letters and papers 1875. № 6803; Letters and papers 1880. № 1694). В Нортумберленде численность мировой комиссии варьировалась от 39 человек (февраль 1531 г., март 1532 г.) до 36 (декабрь 1532 г.) (Letters and papers 1880. № 119, 909, 1694).

Создание Совета герцога Ричмонда сопровождалось изданием новой мировой комиссии для Нортумберленда и Камберленда в августе 1525 г. (Letters and papers 1875. № 1610). Численность мировых судей в соответствии с ней была значительно увеличена. В Нортумберленде обновленный список включал 34 персоны, в Камберленде – 24. Кто же входил в новый список мировых судей? Рассмотрим сначала комиссию Нортумберленда. Возглавил комиссию сам Томас, кардинал Уолси. В списке мировых судей присутствуют четыре аристократа – Томас, герцог Норфолк, Генрих, граф Нортумберленд, Генрих, граф Камберленд и Роберт, барон Огл. Герцог Норфолк был в недавнем прошлом наместником короля в северных землях, но к лету 1525 г. он уже вернулся в Лондон (Graves 2008). Граф Камберленд представлял семью Клиффордов, чьи владения располагались преимущественно в Уэстморленде и Йоркшире. Владений в Нортумберленде у Клиффордов не было. Местную аристократию представляли, таким образом, только граф Нортумберленд и барон Огл. Сэр Энтони ФицГерберт и Томас Фейрфакс были двумя судьями ассиз Северного округа, в который и были включены пограничные графства. Большую группу в составе мировых судей составили члены Совета герцога Ричмонда. В мировой комиссии Нортумберленда их насчитывалось 13 человек. В перечне, озаглавленном «Должностные лица и советники, назначенные присутствовать при Генрихе ФицРое, герцоге Ричмонде в Северных землях», перечисляются следующие персоны (Biographical Memoir 1855: XXII–XXIV). Канцлером являлся Брайан Хигдон, декан Йорка. Личным казначеем герцога (казначеем Палаты) стал Томас Далби, архидья-

кон Ричмонда. Томас Магнус, архидьякон Восточного райдинга Йоркшира, стал управляющим имуществом. Сэр Уильям Балмер занял пост стюарда хаусхолда герцога, сэр Годфри Энглхам (Фоджамб) – казначея хаусхолда, сэр Томас Темпест – ревизора. Роджер Рэдклифф получил пост чемберлена, Ричард Пэйдж – вице-чемберлена. В число советников герцога были включены Томас Фэйрфакс, барристер высшего ранга, Уильям Франклин, канцлер епископства Даремского, сэр Роберт Боус, Джон Ювдейл, Уолтер Льюк, генеральный атторней, учитель герцога Джон Палгрейв. В перечне упоминаются врач, доктор Уильям Баттс, и раздатчик милостыни, Уильям Тейт. К числу лиц, входящих в хаусхолд герцога, присоединены были также сэр Уильям Юр и Джордж Лоусон, казначей (*Biographical Memoir 1855: XXII–XXIV*). Из вышеупомянутых персон в мировую комиссию не были включены только Уильям Баттс, Джордж Лоусон и Роджер Рэдклифф. Дворяне Нортумберленда были представлены в мировой комиссии небольшой группой. В их число входили Уильям Хилтон, Уильям Херон оф Форд, Эдвард Рэтклифф, Джон Херон оф Чипчейз, Эдвард Грей оф Гиллингем, Томас Хорсли, Джордж Суинберн, Лайонел Грей, Роберт Клавиринг, Роберт Коллингвуд оф Эсслингтон, Томас Стренджуэйс, Кристофер Митфорд, Джон Бенгли (*Letters and papers 1875. № 1610; Ety 2006: 118*).

Мировая комиссия Камберленда была сформирована по такому же принципу. Около половины ее членов составляли представители Совета герцога Ричмонда, те же, что и в Нортумберленде. Из числа нобилитета в мировые судьи Камберленда были зачислены Томас, герцог Норфолк, Генрих, граф Камберленд и Кристофер, лорд Коньерс. Все они не обладали значительными земельными владениями в графстве. Из семьи Дакров, настоящих хозяев Камберленда, в комиссию был включен лишь Кристофер Дакр, брат бывшего генерального стража. Судьи Ассиз, Фицгерберт и Фэйрфакс, также были включены в состав мировых судей. Представительство местного дворянства в мировой комиссии Камберленда тоже было незначительным – Джеффри и Уильям Ланкастеры и Уильям Бенгли (*Letters and papers 1875. № 1610*). Включен в число мировых судей был и Джон, епископ Карлайла.

Состав мировых судей, определенный комиссией 1525 г., в следующие несколько лет практически не претерпел изменений. В Камберленде после восстановления Уильяма, лорда Дакра, в должности стража Западной марки он был включен в мировую комиссию, больше того, судья по его письмам, попал в кворум. Зимой 1526 г. умер Томас Далби, архидьякон Ричмондский, член Совета герцога Ричмонда и один из мировых судей Нортумберленда. В распоряжении от мая

1530 г., касающемся его имущества, перечисляется и состав мировой комиссии графства. В числе магистратов упоминаются Томас Ховард, герцог Норфолк, Генри Перси, граф Нортумберленд, Роберт Огл, барон Огл, Энтони ФицГерберт, Томас Фэйрфакс, Томас, приор Дарема, Брайан Хигден, Уильям Парр, Уильям Балмер, Уильям Тейт, Уильям Франклин, Уолтер Льюк, Ричард Пэйдж, Годфри Фоджамб, Уильям Юр, Томас Темпест и Роберт Боус, Уильям Хилтон, Уильям Херон оф Форд, Джон Херон оф Чипчейз, Томас Хорсли, Джордж Суинберн, Лайонел Грей, Роберт Клавиринг, Роберт Коллингвуд оф Эсслингтон, Томас Стренджуэйс, Кристофер Митфорд, Джон Бенгли (*Letters and papers 1875. № 6382*).

В списке мировых судей их состав традиционно возглавлял канцлер. Традицию эту заложил еще кардинал Уолси, который стал автоматически добавляться во все мировые комиссии Англии. Соответственно, в 1530 г. мировых судей Камберленда формально возглавлял Томас Мор (*Letters and papers 1875. № 6803*). Его имя мы найдем во главе списка судей и в феврале 1531, и в марте 1532 г. В мировой комиссии декабря 1532 г. место Мора занял Томас Одли, хранитель Большой печати королевства (*Letters and papers 1880. № 1694*). Кроме канцлера к спискам мировых судей по всей Англии были добавлены еще несколько представителей королевского двора: Томас Ховард, герцог Норфолк, Чарльз Брэндон, герцог Саффолк, Томас Болейн, граф Уилтшир, Уильям Фиц Уильям (казначей королевского хаусхолда). Большую группу в составе магистратов представляли титулованные аристократы. Мировыми судьями Камберленда в декабре 1530 г. были Генри Перси, граф Нортумберленд (страж Восточной и Средней марок), Генри Клиффорд, граф Камберленд, Уильям Дакр, барон Дакр оф Гилсленд (страж Западной марки) и Кристофер Коньерс, барон Коньерс (*Letters and papers 1875. № 6803*). Следующую группу составляли судьи ассиз Северного округа – Джон Спелман и Хамфри Браун. Значительную часть мировой комиссии Камберленда 1530 г. занимали лица, входящие в состав Совета герцога Ричмонда: Томас Магнус, Уильям Парр, Уильям Балмер, Уильям Юр, Томас Темпест, Роберт Боус и Уильям Тейт. Все они были выходцами из Йоркшира или епископства Даремского. Местное дворянство представляли 9 человек: Джон Лоутер, Уильям Пеннингтон, Уильям Масгрейв, Джеффри Ланкастер, Ричард Барвис, Уильям Бенгли, Джон Бристоу, Ричард Айртон и Уильям Ланкастер (*Letters and papers 1875. № 6803*). Особое место занимали Кристофер Дакр и Томас Клиффорд, родственники, соответственно, Уильяма, лорда Дакра, и Генри, графа Камберленда. Они принимали самое активное участие в работе пограничной админи-

страции, занимая различные должности. В число мировых судей входил и Джон, епископ Карлайла.

Мировая комиссия Камберленда от декабря 1532 г. в значительной степени совпадала по составу с предыдущей. Томас Мор был заменен на Томаса Одли. Хамфри Брауна заменили на Джона Болдуина. Из комиссии были удалены Кристофер Дакр, Уильям Пеннингтон, Джон Бристоу, Уильям Юр и Уильям Балмер. Добавлен в число мировых судей был Томас Уортон (*Letters and papers* 1880. № 1694).

Структура и пропорции мировой комиссии Нортумберленда в целом были такими же, как и в Камберленде.

Согласно комиссии февраля 1531 г. возглавлял список мировых судей Томас Мор, канцлер. Придворные были представлены все теми же людьми: Томасом Ховардом, герцогом Норфолком, Чарльзом Брэндоном, герцогом Саффолком, Томасом Болейном, графом Уилтширом, Уильямом ФицУильямом. Знать представляли 5 персон: Генри Перси, граф Нортумберленд, Генри Клиффорд, граф Камберленд, Ральф Невил, граф Уэстморленд, Уильям Дакр, барон Дакр оф Гилсленд, и Роберт Огл, барон Огл (*Letters and papers* 1880. № 119). Судьи были представлены все теми же Джоном Спелманом и Хамфри Брауном. Как и в Камберленде, значительная часть судей входила в Совет герцога Ричмонда: Томас Магнус, Уильям Парр, Уильям Балмер, Уильям Юр, Томас Темпест и Роберт Боус. Кристофер Дакр, Томас Клиффорд и два брата графа Нортумберленда, Инграм и Томас были призваны усилить позиции своих титулованных родственников. Местное дворянство представляли Уильям Херон, Уильям Хилтон, Эдвард Ратклифф, Ральф Фенвик, Джон Херон оф Чипчейз, Катберт Масгрейв, Томас Хорсли, Лайонел Грей, Роберт Менилл, Роберт Клаверинг, Роберт Коллингвуд оф Эсслингтон, Кристофер Митфорд, Томас Стренджуэйз, Джон Бентли (*Letters and papers* 1880. № 119). Джон Нортон, Джон Лампью, Роджер Ласселс были приближенными графа Нортумберленда, выходцами из Йоркшира (Ласселс, Нортон) и Камберленда (Лампью).

В марте 1532 г. был издан новый список мировых судей. Из состава комиссии были исключены лорд Огл, Кристофер Митфорд, Катберт Масгрейв, Эдвард Рэтклиф и Джон Лампью. Добавлены были Уильям Огл, Томас Уортон (еще один приближенный графа Нортумберленда), Джон Беднел, Уильям Карнаби и Уильям Данби (*Letters and papers* 1880. № 909).

В декабре 1532 г. из числа мировых судей были исключены Уильям Карнаби, Уильям Юр и Уильям Парр. Мор был заменен на Одли, а Хамфри Браун – на Джона Болдуина (*Letters and pa-*

pers 1880. № 1694). Во все комиссии входил Томас, приор Дарема.

Состав мировой комиссии Нортумберленда демонстрировал прочные позиции семьи Перси. Как уже говорилось, в число мировых судей входил сам Генри Перси, 6-й граф Нортумберленд, и два его брата. Роджер Ласселс был последовательно стюардом 5-го и 6-го графов Нортумберленда, Джон Нортон занимал пост казначея в хаусхолде 6-го графа, Джон Лампью входил в состав совета графа (Hoyle 1992: 187–189, 210–211). Томас Уортон был контролером хаусхолда 6-го графа Нортумберленда. В круг лиц, так или иначе связанных с графом, получивших от него или его отца владения или должности, входили Джон Херон оф Чипчейз, Уильям Херон оф Форд. Все дети Уильяма Карнаби, мирового судьи Нортумберленда, находились на службе у графа (Hoyle 1992: 187–189, 210–211).

Состав мировой комиссии Камберленда также демонстрирует прочные позиции Перси в регионе. Джон Лоутер, Уильям Пеннингтон, Ричард Барвис и Уильям Масгрейв также в значительной мере были связаны с графом Нортумберлендом. Томас Уортон, как уже упоминалось, был контролером хаусхолда графа. Уортон и Лоутер были связаны и с Клиффордами. Лоутер занимал должности помощника шерифа в Уэстморленде (эта должность была в наследственном владении у Клиффордов), был заместителем графа Камберленда как стража Западной марки. Томас Уортон начинал свою карьеру тоже на службе Клиффордам и поддерживал с ними связь даже во время пребывания в окружении 6-го графа Нортумберленда. Несмотря на то, что Уильям, барон Дакр, стал с 1528 г. стражем Западной марки, его влияние в графстве, видимо, не достигло той степени полноты, что была у его отца. Конечно, в мировой комиссии Камберленда оставались те, кто был так или иначе с ним связан. В число мировых судей входил дядя барона, сэр Кристофер. В родственных отношениях с Дакром были лорд Коньберс и Уильям Парр. В хаусхолде Дакров некогда служил Джефффри Ланкастер. Джон Лоутер и Уильям Масгрейв также пользовались покровительством семьи Дакр. Однако влиянию Дакров в мировой комиссии, а следовательно, и в графстве был брошен вызов со стороны Перси и Клиффордов. Помимо присутствия их самих и их родни в числе мировых судей, туда проникли и их клиенты. Более того, те, кто когда-то служил исключительно Дакрам, теперь были связаны и с их соперниками. Практически ни на кого из местных дворян, входящих в мировую комиссию, лорд Уильям не мог полностью опираться.

Анализ состава мировых комиссий Камберленда и Нортумберленда позволяет сделать и некоторые заключения относительно судьбы Со-

вета герцога Ричмонда. Традиционно считается, что после возвращения к управлению пограничными марками Перси и Дакра деятельность Совета была ограничена исключительно Йоркширом (Elton 1960: 197). Однако то, что члены Совета продолжали автоматически включаться в число мировых судей, заставляет думать, что пограничные графства вовсе не были полностью исключены из его сферы ведения.

Традиционной проблемой отправления правосудия в пограничных графствах с помощью мировых судей была малочисленность судей в целом и кворума в частности. Кворумом называли отдельную группу судей, наделенную особыми правами. Квартальные сессии могли проводиться только при участии членов кворума. Деятельность Совета герцога Ричмонда не смогла устранить этот недостаток. В конце 1520-х гг. Уильям, барон Дакр, жаловался на малочисленность мировых судей, проживающих непосредственно в Камберленде, из-за чего сложно проводить сессии (State Papers 1836a: 492). Граф Камберленд, в свою очередь, жаловался на то, что задержка на службе у Дакра Джеффри Ланкастера, мирового судьи, входящего в кворум, срывает проведение сессии (Letters and papers 1875. № 4790). Судя по

всему, заменить Ланкастера другим судьей из кворума не представлялось возможным. В мировых комиссиях 1530-х гг. количество местных дворян было увеличено, что, вероятно, позволило смягчить данную проблему. Показательно, однако, что когда в 1535 г. в Камберленд прибыл Ральф Невил, граф Уэстморленд, для выяснения обстоятельств беспорядков в северных графствах, то в Камберленде он смог воспользоваться помощью только двух мировых судей (State papers 1836b: 26–27).

Таким образом, перемены в королевской политике по отношению к способу управления пограничными землями не изменили главные особенности местных мировых комиссий: нерегулярность обновления, малочисленность выходцев из местного дворянства и, соответственно, большое количество представителей других графств и королевской администрации. Увеличение численности мировых судей в этот период произошло как раз вследствие увеличения этих компонентов. В то же время состав мировых судей четко отражал изменения в расстановке сил в пограничных землях и перемены в приоритетах королевской политики.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Letters and papers – Letters & papers, foreign & domestic, of the Reign of Henry VIII, preserved in the PRO, the BM & Elsewhere in England. 21 vols. London, 1862–1921

State papers – State Papers Henry VIII. 11 vols. London, 1830–1841

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

Biographical Memoir of Henry Fitzroy, Duke of Richmond. 1855// Camden Miscellany. Vol. III. London: J.B. Nichols and sons, X–XCIX.

Elton G. R. 1960. Local Councils // Elton G. (ed.). Tudor Constitution: Documents and Commentary. Cambridge: Cambridge University Press, 195–200.

Etty C. 2006. Tudor Revolution? Royal Control of the Anglo-Scottish Border, 1483–1530. PhD thesis. Durham: Durham University.

Graves M. 2008 Howard, Thomas, third duke of Norfolk (1473–1554) // Oxford Dictionary of National Biography. Oxford University Press, 2004. URL: <http://www.oxforddnb.com/view/article/13490> (дата обращения: 07.10.2016).

Hoyle R. 1992. Henry Percy, sixth earl of Northumberland and the fall of the House of Percy, 1527–1537 // Bernard G. (ed.). Tudor nobility. Manchester: Manchester University Press, 180–211.

Letters & papers, foreign & domestic, of the Reign of Henry VIII, preserved in the PRO, the BM & Elsewhere in England. 1862. Vol. 1. London: Her Majesty Stationery Office.

Letters & papers, foreign & domestic, of the Reign of Henry VIII, preserved in the PRO, the BM & Elsewhere in England. 1864. Vol. 2. London: Her Majesty Stationery Office.

Letters & papers, foreign & domestic, of the Reign of Henry VIII, preserved in the PRO, the BM & Elsewhere in England. 1867. Vol. 3. London: Her Majesty Stationery Office.

Letters & papers, foreign & domestic, of the Reign of Henry VIII, preserved in the PRO, the BM & Elsewhere in England. 1875. Vol. 4. London: Her Majesty Stationery Office.

Letters & papers, foreign & domestic, of the Reign of Henry VIII, preserved in the PRO, the BM & Elsewhere in England. 1880. Vol. 5. London: Her Majesty Stationery Office.

State Papers Henry VIII. 1836a. Vol. 4. London: John Murray.

State Papers Henry VIII. 1836b. Vol. 5. London: John Murray.

A. A. Beltser
Samara, Russia

THE JUSTICES OF PEACE OF ANGLO-SCOTTISH BORDER, 1528–1536

Abstract. The article is devoted to the work of Northumberland and Cumberland local government in 1528–1536. The period 1528–1536 was one of the richest of events in the history of the royal policy towards anglo-scottish borderlands. It included the restoration of aristocratic families of Percy and Dacre power, war with Scotland, removing of William, Lord Dacre from the post of Warden of the West Marches. These events must have had an influence on work of commission of peace, the backbone of Tudor local government. The subject of this article is to study changes in personnel and scope of commission of peace of Northumberland and Cumberland. As the analyses show, the number of justices of peace rose to 36–39 in Northumberland and 25–31 in Cumberland. There were some groups in peace commission: the officers of central and border administration, justices of assizes and local nobility and gentry. The members of Duke of Richmond's Council comprised a significant part of justices of peace. The personnel of peace commission demonstrate the strong positions of Henry Percy, the 6th Earl of Northumberland and his entourage not only in Northumberland, but also in Cumberland. William, Lord Dacre, didn't acquire the same degree of authority and influence as his father, Thomas, Lord Dacre of Gillsland. The predominance of strangers in the peace commissions of border shires lead to the scarcity of justices who could attend sessions and dealt with local problems regularly. So, as show this research the changes in royal policy towards methods of government of borderlands didn't modify the ultimate characteristics of local peace commissions: irregularity of renewal, scarcity of aborigine personnel of justices of peace, a lot of justices, derived from another shires and central administration.

Key words: Tudors; anglo-scottish border; Tudor England; justices of peace; local government.

About the author: Alexander Anatoljevich Beltser, Candidate of Historical Sciences, Professor, Vice-Rector of Science.

Place of employment: Samara Institute – Higher School of Privatisation and Business.

Бельцер А. А. Мировые судьи англо-шотландского пограничья в 1528–1536 гг. // Вестник Нижневартковского государственного университета. 2017. № 2. С. 75–80.

Beltser A. A. The justices of peace of anglo-scottish border, 1528–1536 // Bulletin of Nizhnevartovsk State University. 2017. No. 2. P. 75–80.

УДК 94 (4)

А. К. Гладков
Москва, Россия

ИРЛАНДСКИЙ ИНТЕЛЛЕКТУАЛ ВО ФРАНКСКОМ КОРОЛЕВСТВЕ IX в.: СЕДУЛИЙ СКОТ И ЕГО ТРАКТАТ «О ХРИСТИАНСКИХ ПРАВИТЕЛЯХ»

Аннотация. Статья посвящена проблеме развития каролингской политической мысли IX века, в связи с чем особое внимание уделено анализу оригинального латинского трактата «О христианских правителях» (“De gestoribus christianis”), написанного знаменитым ирландским мыслителем, интеллектуалом и поэтом Седулием Скотом в качестве призыва к миру и единству. Произведение, выдержанное в духе так называемых «зерцал короля», имеет несколько смысловых уровней, каждый из которых отвечает особым авторским целям. В частности, возникает вопрос о том, кому же было адресовано данное сочинение, и какова основная цель создания памятника. Исследователь высказывает гипотезу, согласно которой трактат «О христианских правителях», написанный в период острого противостояния Лотаря I, Карла I Лысого и Людовика II Немецкого, посвящен именно Лотарю. Более того, впервые в мировой историографии высказывается конкретная дата создания произведения – 853 г. Рассматривая трактат «О христианских правителях» в историческом и политическом контексте франкской действительности IX в., в свете сложных конфигураций церковно-государственных и потестарных отношений, автор статьи предлагает рассматривать сочинение Седулия Скота прежде всего как *призыв к миру*, интеллектуальный труд, насыщенный античными и раннесредневековыми образами и риторическими фигурами, проникнутый главным образом высоким пацифистическим пафосом.

Ключевые слова: Седулий Скот; «О христианских правителях»; «Каролингское Возрождение».

Сведения об авторе: Александр Константинович Гладков, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник.

Место работы: Институт всеобщей истории Российской академии наук.

Контактная информация: 119334, г. Москва, ул. Ленинский проспект, д. 32 а;
e-mail: gladkov2010@yandex.ru.

Если верить «Ульстерским Анналам», 840 г. можно считать началом планомерного скандинавского вторжения в Ирландию, которому предшествовала череда грабительских набегов и разорений. Под натиском «язычников», «чужеземцев», «галлов» (Михайлова 2012: 20–24), как нередко называли викингов местные жители, значительно усилился отток населения на континент. Бегством спасались не только представители знатных родов и церковные иерархи, но и те, кто посвятил себя ученым занятиям: философы, богословы, грамматики, астрономы, географы. Преодолевшие Ла-Манш ирландские эмигранты далеко не всегда находили теплый и благодушный прием во Франкском королевстве. Для большинства его жителей они были «пришельцами» (“advenaе”) и «бродягами» (“vagi”), язык, речь, манера поведения, быт и нравы которых производили странное, порой отталкивающее впечатление. До нас дошли некоторые шутки, демонстрирующие восприятие франками заморских гостей: в одной из них предлагалось отказаться от ненужной буквы “с” и таким образом обыграть якобы близкие по смыслу слова “Scottum” («ирландец») и “sotum” («глупец») (Шайтан 1925: 185). Впрочем, даже при столь прохладном отношении ирландцы чувствовали себя гораздо лучше и безопаснее на континенте, чем дома. С приходом к власти Карла Лысого (823–877) – представителя династии Каролингов и одного из крупнейших в Европе IX в. покровителей образованности – ирландские “advenaе” получили надежду обрести в его лице заступника и благодетеля, который предоставил бы им кров, пищу и возможность для ученых занятий. В 848 г. в специальном посольстве, направленном ко двору короля, приняли участие несколько видных книжников, в том числе Седулий Скот (лат. Sedulius Scot[t]us, ирл. Siadhal, Shiel) (Brunhölzl 1975: 449–466). Строго говоря, мы можем лишь предполагать, что интеллектуал входил в круг лиц, прибывших в курию от «короля ирландцев» (“rex Scottotum”). Было ли это посольство Маэлсехнайлла, короля Миде, или Олхобара, короля Кашеля – выяснить пока затруднительно (Бирн Ф. Дж. 2006: 297), однако цель его вполне понятна – сообщить франкскому государю об очередной победе над норманнами и заручиться его военной поддержкой. При этом группа книжников, задействованная в данной дипломатической миссии, вероятно, в качестве переводчиков имела свои планы. Подле себя Карл Лысый собрал наиболее известных и одаренных «людей знания» (среди которых особым положением обладал, например, Иоанн Скот Эриугена). Примкнуть к королевской «придворной акаде-

мии» мечтали многие, и Седулий Скот, вполне вероятно, не исключение. Он принадлежал к той «стае философов», если воспользоваться образным выражением Эйрика Оксерского (Шайтан 1925: 183), что достигла франкских пределов ради защиты и мирной жизни. Поэт, писатель, знаток грамматики и античной литературы, он родился, вырос и получил образование у себя на родине, там же изучил древнегреческий язык и преуспел в стихосложении. К числу его сильных сторон также следует отнести глубокие познания в философии и богословии, позволившие создать серию комментариев к Евангелиям и апостольским Посланиям, копировавшимся и переиздававшимся в Западной Европе вплоть до XVI–XVII вв.

К середине IX в. Седулий Скот, до этого не возникавший на континентальном ученом и литературном небосклоне, явился подлинной «звездой». Приблизительно на десять лет – с 848 по 858 гг. – Франкское королевство стало для Скота вторым домом, и за столь краткий срок ирландский интеллектуал успел внести значительный вклад в «Каролингское Возрождение». Каждый его из трудов – от антологии афоризмов античных и раннехристианских авторов “Collectaneum” (Sedulius Scotus 1988), поэтического сборника “Carmina” (Sedulius Scotus 1991) до перевода с греческого «Псалтири» (“De psalterio latine vertendo et emendando”) и обширных комментариев к вероучительным, богословским и грамматическим текстам (например, “Commentum in Maiorem Donatum Grammaticum”) – составил целую главу в истории западноевропейской книжной культуры эпохи раннего Средневековья.

Сведений о его жизни крайне мало, лишь собственные труды Седулия позволяют восстановить некоторые вехи биографии и творчества. Известно, что после посольства к королю, которое, судя по всему, не имело успеха, Скот нашел пристанище в Льеже. Вместе с соплеменниками – Фергусом, Марком, Беухельмом, Бландом и др. – он создал нечто вроде небольшой общины, которой покровительствовал местный епископ Хартгарий (Hartgarius). Иноземцам выделили сырое, темное и весьма худое жилье, из-за чего Седулию пришлось в отдельном послании просить благодетеля дать новые покои. И все же, как Скот замечал в своих поэтических работах, им повезло, ведь помимо прочего ирландцам разрешили преподавать в одной из школ диоцеза, что позволило не только найти применение собственной учености, но и получить средства к существованию. Отношения Седулия и Хартгария развивались в рамках модели «художник – меценат»: в творениях «нового Вергилия», как сам себя именовал

Скот, встречаются частые, выдержанные в античной стилистике, поэтические восхваления епископа, описывающие его достоинства, добродетели и заслуги. Однако интеллектуал никогда не ограничивался только Льежем, поддерживая переписку со многими церковными деятелями, представителями аристократических родов и даже потомками Карла Великого: сохранились послания, адресованные трем враждовавшим братьям: императору Лотарю I, Карлу I Лысому и Людовику II Немецкому. Седулий Скот искал внимания «сильных мира сего», и они благосклонно отвечали ему взаимностью. Благо, многогранный литературный талант ирландца, порождавший произведения разного жанра, от эклог и эпиграмм до гимнов и панегириков, отвечал интересам их собственного увековечения.

Преподавание в льежской школе и тесное общение с епископом Хартгарием способствовали вхождению Скота в местную духовную элиту; об этом косвенно может говорить тот факт, что Седулий, видимо, одним из немногих иноземцев сопровождал своего покровителя в путешествии по Италии. Позднее, около 858 г. он поступил на службу к Медиоланскому архиепископу Тадону.

Пребывание в постоянном диалоге с властью (а писал ирландец еще и супруге императора Лотаря I Ирмингарде), а также умение быстро и оригинально отозваться на современные события – все это, помноженное на ум, талант и легкость пера, естественным путем предопределили появление работы, снискавшей ему славу одного из крупнейших «политических» мыслителей Средневековья. Наряду с тем, что Седулий Скот в рамках небольшого творения умел мастерски превознести того или иного покровителя, он также мог создать и более пространное, глубокое в теоретическом плане сочинение, которое можно было бы сейчас назвать «программным».

Речь идет о трактате «О христианских правителях» (“De rectoribus christianis”) (Гладков. В печати; Sedulius Scotus 1857). Употребление в его названии лексемы “rector” («правитель»), а не “rex” или “princers” не является случайным, т.к., скорее всего, отсылает к известной этимологической выкладке Исидора Севильского (ок. 560–636), позднее ставшей афоризмом – “rex a recte regendo”. Седулию было важно увязать слова “rector” (правитель) и “recte” (право) в некую смысловую логическую линию, в самом сочинении подробно описав, при каких условиях (внутренних и внешних) и на основании какого права – божественного и человеческого – кто-либо удостоивается стать государем. Наконец, в титуле он заключил и другой очевидный подтекст. Рассуждая о сопоставимости “rector” и “rectus” («правильный»), Скот подошел к проблеме сравнения двух властителей – «правильного» («истинного»,

«справедливого») государя и его полной противоположности – «неправильного» («беззаконного», «несправедливого») тирана. По форме, сочетающей прозаические и поэтические части, трактат ирландца напоминает знаменитое сочинение Боэция «Об утешении философией» (“De consolatione philosophiae”). Впрочем, не только композиционное сходство, но и близость ряда тем (в частности, о фортуне) подтверждает данное наблюдение. Многие источники использовались при работе над трактатом: Священное Писание, труды Бл. Августина, Боэция, Беды Достопочтенного, Григория Великого, Исидора Севильского, Кассиодора.

Остается открытым вопрос о времени создания сочинения и его адресате. Упоминание на страницах «О христианских правителях» Людовика I Благочестивого (Sedulius Scotus 1857: 307), умершего в 840 г., дает некоторые основания допустить, что трактат был написан после этой даты. Однако не совсем понятно, когда именно. Позднейшая приписка к титулу “ad Carolum Magnum vel Ludovicum Pium”, отсутствующая в ранних рукописях и воспроизведенная при издании трактата в XIX в. аббатом Ж.-П. Минем, вносит лишь дополнительную путаницу. Скорее всего, эта приписка – итог чтения 9-й главы трактата, в которой в одном ряду помещены имена Карла Великого и Людовика I (Sedulius Scotus 1857: 307). Вероятно, Седулий задался целью в данном разделе изложить родословную благочестивой власти, наследованной от древних времен Карлом Великим («Августом»), а после него воспринятой «благочестивейшим» Людовиком I (“Ludovicum piissimum”) (Sedulius Scotus 1857: 307). Перед нами концептуальное изложение идеи «перенесения империи» (“translatio imperii”), правда, преподанное в специально завуалированном виде. Примечательно, что Седулий Скот при изложении истории передачи власти от отца к сыну ничего не сказал о трех наследниках Людовика I – Лотаре I, Карле I Лысом и Людовике II Немецком, и сделал он это сознательно. Умолчав о здравствовавших на момент написания трактата Каролингах-современниках, ирландец весьма подробно поведал о том, как важно государю сохранить терпение, избегать гнева и оставаться *миролюбивым* (“princeps pacificus”) даже под напором раздоров (“impetus discordiarum”) (Sedulius Scotus 1857: 307). Кому же было предназначено данное наставление? Полагаю, что адресовалось оно, в первую очередь, Лотарю I, обладавшему *правом* (отсюда связь с названием всего сочинения) *старшинства* на главенство в империи деда, но также и остальным братьям, которым следует прислушаться к гласу разума и прекратить раздоры. Собственно, именно поэтому Седулий избегает называть их по именам, дабы лишней раз своим веским словом не давать повода для усиления

обид или обмена претензиями. Тем не менее, в частных посланиях он обращается к каждому, как бы «компенсируя» недосказанное в трактате, пользуется особым расположением жены Лотаря I Ирменгарды, а также его дочери Берты.

И 9-я глава, и всё сочинение являются, по сути, произведением, логически выверенным и по дипломатически сдержанным призывом к миру. Написано оно было в период острой борьбы Лотаря I, Карла I Лысого и Людовика II Немецкого за власть и преследовало единственную задачу – продемонстрировать катастрофичность сложившейся ситуации, при которой некогда единая империя раскололась на три враждующие между собой части, а заодно показать путь выхода из сложившегося положения – ведение переговоров, мирное урегулирование с перспективой последующего объединения. Итак, следуя логике данного рассуждения, становится очевидно, что трактат написан не только после 840 г. (т.е. кончины Людовика I) и 843 г. (т.е. заключения «Верденского договора»), но и даже после всей последующей череды неудачных дипломатических съездов. Имеется достаточно оснований предложить более конкретную дату подготовки «О христианских правителях» – 853 г. В этот год Лотар I, Карл I и Людовик II в очередной раз сели за стол переговоров, выбрав для столь важной встречи именно Льеж. Ответить на вопрос, – исходила ли инициатива создания сочинения со стороны епископа Хартгария, благоволившего Седулию Скоту и высокого ценившего его литературные дарования, или от иных высокопоставленных иерархов, – затруднительно. Однако нет сомнений в том, что именно Церковь, особенно заинтересованная в прекращении междоусобных конфликтов, кровопролития и восстановлении собственного полноценного влияния на всей территории некогда значительной империи Карла Великого, дала импульс к составлению трактата, утверждающего принципы миролюбия, призывающего к единству и согласию.

«О христианских правителях» в жанровом отношении выдержан в духе т.н. «зеркала короля» (“*speculum regis*”) (Гладков. В печати) и вполне может быть сопоставим с не менее яркими произведениями, увидевшими свет в IX в. – трудами Смарагда Сен-Мишельского, Ионы Орлеанского, Хинкмара Реймского. Каждый из указанных авторов в рассуждениях о королевской власти и ее высоком предназначении, допуская расхождения в частности, расстановке акцентов и

раскрытии нюансов, сходилась в одном: путь государя (“*via regni*”) – это «служение» (“*ministerium*”). Соединение в данном понятии сразу нескольких смыслов – «служение» как исполнение обязанностей и «служение» как избранничество и миссия – делало его своеобразным «концептуальным ядром» всех построений каролингских интеллектуалов. И Седулий Скот, ирландец по рождению, продолжил в своем трактате общую для континентальной политической мысли линию. Наконец, он воспринял и развил характерную для подобной назидательной литературы модель разделения власти на “*auctoritas*” и “*potestas*”, что дало ему возможность на высоком теоретическом уровне обосновать необходимость подтверждения со стороны правителя исключительного значения Церкви и ее служителей в обретении им особых прерогатив. Подобное признание не означало формальную декларацию «принципа старшинства», при котором власть духовная автоматически ставилась выше власти светской, но предполагало практическое воплощение – отсюда следует идея Седулия, впрочем, не новая, о том, что король – это защитник Церкви, опора духовенства, храмоздатель и покровитель монашеской учености. В каждой главе трактата (а их всего 20) Скот последовательно рассматривает все компоненты того, что можно назвать «искусством государственного управления». И начинает он с обоснования значения «искусств» для, казалось бы, не связанной с ними непосредственно сферы – политического руководства. Всякое «искусство», несущее печать божественной мудрости (“*sapientia*”), транслирует из горнего мира в дольний (в «земное царство», по терминологии Бл. Августина) столь необходимое для неискаженного восприятия действительности и благочестивого образа жизни «знание» (“*scientia*”). Фактически, «знание», обретенное самостоятельно, или извлеченное из советов мудрецов, приобретает качества добродетели; оно стоит в одном ряду со «справедливостью», «умеренностью», «благоразумием», «милосердием», «силой», «терпением» и др. Все благие движения души государя в сочетании с соблюдением законов, охраной справедливости, опекой Церкви, вниманием к наставлениям друзей и ученых мужей, стремлением во всем соблности установленную свыше меру ведут к тому, что правитель – истинный, бого- и миролюбивый – интересы подданных ставит выше собственных, а в самом факте служения усматривает подлинное счастье.

ЛИТЕРАТУРА

Бирн Ф. Дж. 2006. Короли и верховные правители Ирландии. Санкт-Петербург: Евразия.

Гладков А. К. Король-пантера, страж закона и миротворец: образы власти в каролингской политической мысли IX века // Петров А.В. (отв. ред.). Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. Альманах. Вып. 5. К 80-летию И.Я. Фроянова. Санкт-Петербург: 2016, 489–499.

Михайлова Т. А. 2012. Ирландия от викингов до норманнов. Язык, культуры, история. Москва: Языки славянской культуры.

Шайтан М. 1925. Ирландские эмигранты в Средние века // Добиаш-Рождественская О.А., Хоментовская А.И., Федотов Г.П. Средневековый быт. Ленинград: Время, 179–205.

Brunhölzl F. 1975. Geschichte der lateinischen Literatur des Mittelalters. Bd. I. München: C.H. Beck, 449–466.

Sedulius Scotus. 1857. Liber de rectoribus Christianis ad Carolum Magnum vel Ludovicum Pium // Patrologiae cursus completus, series latina / Migne J.-P. (ed.). T. 103. Paris: J.-P. Migne, 291–332.

Sedulius Scotus. 1988. Collectaneum miscellaneum / Simpson D. (ed.). Turnhout: Brepols.

Sedulius Scotus. 1991. Carmina / Meyers J. (ed.). Turnhout: Brepols.

REFERENCES

Byrne F. J. Koroli I verhovnie praviteli Irlandii [Irish Kings and Hing-Kings]. Saint Petersburg: Eurasia, 2006. (In Russian).

Gladkov A. K. In: Drevnyaya Rus': vo vremeni, v lichnostyakh, v ideyakh. Almanah. Vyp. 5. K 80-letiyu I.Ya. Froyanova [Ancient Rus in time, in faces, in ideals. Almanakh. Issue 5. Dedicated to the 80th anniversary of I.Ya. Froyanov]. Ed. by A.V. Petrov. Saint Petersburg: Kostromin K.A. Publ. House, 2016. Pp. 489–499. (In Russian).

Mihajlova T. A. Irlandia ot vikingov do normannov. Yazik, cultura, istoria [Ireland from vikings to normans. Language, culture, history]. Moscow: Language of slavonic culture, 2012. (In Russian).

Shajtan M. 1925. Irlandskie emigranti v Srednije veka [Irish emigrants in the Middle Ages]. Edited by O. A. Dobiash-Rojdestvenskaja, A. I. Homentovskaja, G. P. Fedotov. Leningrad: Vremya, 1925. Pp. 179–205. (In Russian).

Brunhölzl F. Geschichte der lateinischen Literatur des Mittelalters. München, Bd. I. München: C.H. Beck, 1975. Pp. 449–466.

Sedulius Scotus. Liber de rectoribus Christianis ad Carolum Magnum vel Ludovicum Pium // Patrologiae cursus completus, series latina / J.-P. Migne (Ed.). Parisiis. T. 103. 1857. Pp. 291–332.

Sedulius Scotus. Collectaneum miscellaneum / D. Simpson (Ed.). Turnhout: Brepols, 1988.

Sedulius Scotus. Carmina / J. Meyers (Ed.). Turnhout: Brepols, 1991.

A. K. Gladkov
Moscow, Russia

IRISH INTELLECTUAL IN FRENCH KINGDOM OF THE IX-TH CENTURY: SEDULIUS SCOTUS AND HIS TREATISE «ON CHRISTIAN RULERS»

Abstract. The article discusses the development of Carolingian political thought of the IX century, that's why special attention is paid to the analysis of the original Latin treatise «On the Christian rulers» («De rectoribus christianis»), written by the famous Irish thinker, an intellectual and a poet Sedulius Scottus as a call for peace and unity. The work, in the spirit of so-called «King's Mirrors» has several levels of meaning, each of which corresponds to particular author's purposes. The question arises of whom this work was addressed to and what is the main purpose of creating the literary monument. The researcher hypothesizes that the treatise «On the Christian rulers», written in the period of the sharp confrontation between Lothar I, Charles I the Bald and Louis the German II, is dedicated to Lothar. Moreover, for the first time in world historiography the exact date of its creation is pronounced – 853. Considering the treatise «On the Christian rulers» in the historical and political context of the Frankish reality of the IX century, in the light of complex configurations of church-state and potestarian relations, Dr. A.K. Gladkov proposes to consider the work by Sedulius Scottus first of all as a call for peace, as an intellectual work, full of ancient and early medieval images and rhetorical figures, imbued mostly by high pacifistic paths.

Key words: Sedulius Scotus, «On christian rulers», «Carolingian Renaissance».

About the author: Alexander Konstantinovich Gladkov, Assistant Professor, Senior Scholar.

Place of employment: Institute of Universal History of the Russian Academy of Sciences.

Гладков А. К. Ирландский интеллектуал во франкском королевстве IX в.: седулий скот и его трактат «О христианских правителях» // Вестник Нижневартовского государственного университета. 2017. № 2. С. 80–84.

Gladkov A. K. Irish intellectual in french kingdom of the ix-th century: sedulius scotus and his treatise «On christian rulers» // Bulletin of Nizhnevartovsk State University. 2017. No. 2. P. 80–84.

**«К ПОДНАЧАЛЬСТВУ И ПРАВОСУДИЮ НЕЧУВСТВТЕЛЬНО
ПРИВЫКАТЬ БУДУТ»: УЧАСТИЕ КАЗАХОВ В РАБОТЕ
ОРЕНБУРГСКОЙ ПОГРАНИЧНОЙ КОМИССИИ (1799–1869 гг.)**

Аннотация. В статье рассматривается участие представителей казахов в деятельности Оренбургской пограничной комиссии – основного органа, ведавшего отношениями с казахами Младшего жуза в первой половине и середине XIX века.

Одним из путей включения национальных окраин в общеимперские структуры являлось косвенное управление, которое представляло собой синтез традиционных политических и правовых форм и собственно российских, с постепенным вытеснением первых последними. Его наиболее характерным проявлением можно считать систему пограничного управления.

Пограничные органы состояли из представителей вассально-зависимых территорий и российской администрации, которые на паритетных началах разбирали взаимные претензии и споры. В отношениях с казаками таким органом стала Оренбургская пограничная комиссия.

Представители казахов, привлекаемых к ответственности за преступления против «коренных» русских подданных, и участвовать в рассмотрении гражданских споров (торговых, земельных и т.д.), возникавших на российско-казахском пограничье. Со временем казахские депутаты эволюционировали в чиновников, назначаемых и смещаемых российскими властями, однако их основные функции были сохранены. С середины 20-х гг. XIX в. членами Оренбургской пограничной комиссии от казахов назначались преимущественно султаны. Принадлежа к верхушке степного социума, они могли работать уже на равных с русскими советниками позициях, чему способствовал и выросший уровень их образования: многие из них были выпускниками оренбургского Неплюевского военного училища.

Далеко не всегда и не все казахи-заседатели эффективно выполняли свои функции; встречались среди них и вымогатели, и сторонники мятежных султанов. Однако само присутствие представителей от казахов при рассмотрении спорных дел повышало значение Пограничной комиссии как арбитражного органа и органа, призванного защищать интересы казахов во всех конфликтных ситуациях с русскими пограничными жителями, казаками и башкирами.

Ключевые слова: присоединение Казахстана к России; Оренбургская пограничная комиссия; чиновники-казахи; султаны; Младший жуз.

Сведения об авторе: Светлана Витальевна Горбунова, кандидат исторических наук, доцент кафедры документоведения и всеобщей истории.

Место работы: Нижевартовский государственный университет.

Контактная информация: 628626, г. Нижевартовск, ул. Мира, д. 36; тел. +7(912) 934-32-86; e-mail: s.v.gorbunova@mail.ru.

С самого начала присоединения Младшего и Среднего жузов к России ее власти стремились создать арбитражный орган для разрешения пограничных споров с участием представителей казахов. Еще основателю Оренбургского края И.К. Кирилову предполагалось учредить «особые суды» и «в тех судах быть первыми из наших русских людей по два или по три человека, а с их сторон толикое ж число лучших людей». Споры должны были решаться на основе местных обычаев: «смотреть на обычай каждого народа, как и почему в коем народе правыя удовольствия получают, а виновных штрафуют, так и в помянутых судах установить» (Материалы по истории политического строя Казахской ССР 1960: 32).

В 1784 г. был образован Пограничный суд в составе 12 человек (по 6 представителей от русской и казахской стороны) во главе с председателем, обязанности которого исполнял Оренбургский обер-комендант. Однако в условиях уси-

лившихся в Младшем жузе междоусобиц этот орган оказался, как констатировал оренбургский военный губернатор Н.Н. Бахметев, «не только по бесполезным казне издержкам, ... но и по предметам, для коих он существует, совсем не нужен, поелику ... со времени учреждения онаго суда редко случалось, чтоб кто-либо [из казахов. – С.Г.] судился в нем» (Добросмыслов 1904: 15–16).

В 1799 г. на основе Пограничного суда и Пограничной экспедиции, через которую осуществлялась связь с казахскими ханами, султанами и старшинами, был создан новый орган управления – Оренбургская пограничная комиссия (в 1859 г. она была переименована в Оренбургское областное правление).

Пограничная комиссия состояла из председателя и двух чиновников с русской стороны и трех выборных заседателей (султана и двух старшин) от казахов, которые все вместе составляли общее присутствие, в котором принимались ре-

шения большинством голосов. Работу общего присутствия обеспечивали секретари, переводчики и канцелярские служащие. Являясь правопреемницей Пограничной экспедиции и Пограничного суда, Оренбургская пограничная комиссия сохранила их функции и вначале мало чем отличалась от упраздненных органов. Основными ее обязанностями оставались разрешение пограничных конфликтов и осуществление связи с ханом, султанами и старшинами Младшего жуза.

Заседатели-казахи должны были представлять каждое из трех поколений (родовых объединений) Младшего жуза: байулы, алимулы и жетеру. Формирование первого состава Пограничной комиссии осложнилось тем, что каждая политическая группировка в Степи (хан Айшуак, Ханский Совет, султан Каратай) предложила своих кандидатов. Комиссия разослала им предписание, чтобы депутаты были избраны «не иначе, как с общего согласия всех знаменитых и уважаемых в Орде людей» (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1. Л. 58 об.). Однако в обстановке междоусобной вражды родов и острой борьбы за власть между султанами-чингизидами сложно было рассчитывать на согласованное решение. Не дождавшись его, оренбургские власти в начале 1800 г. назначили заседающими от казахов избранников хана: от поколения жетеру – султана Тауке Айшуакова (ханского сына), от байулы и алимулы – старшин Баязыка Кучукбаева и Берназара Кунчиева (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1. Л. 193). В 1801 г. Кунчиев был заменен на Аманбая Мамырова, служившего в 1792–1799 гг. в Пограничном суде (ГАОО. Ф. 222. Оп. 1. Д. 1. Л. 4 об.).

Таким образом, мы видим изначальное стремление российских властей привлечь широкий круг султанов и старшин к выборам заседателей. Однако политическая раздробленность Младшего жуза и межродовые конфликты не позволили его реализовать, и заседатели назначались оренбургскими властями из числа кандидатов, предлагаемых только ханом.

Казахские заседатели включались в состав Пограничной комиссии на три года. В 1804 г. хан Айшуак предложил оставить на новый срок своего сына Тауке и старшину Байязыка Кучукбаева. Пограничная комиссия согласилась с этим, заявив, что следует оставить и Аманбая Мамырова, если поколение алимулы, которое он представлял, не будет настаивать на его смене (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 6. Л. 158–158 об.). В 1807 г. все трое заседающих были повышены чином «за усердным продолжением служения, сопровождаемого при похвальном поведении с точным исполнением всех делаемых поручений» (АВПРИ. СПб. ГА. Ф. 161. П-25. Оп. 70. 1786–1842. Д. 1. Ч. 2. Л. 54).

Несмотря на то, что в Пограничной комиссии для представителей казахов выделялось три

места, в 1802 г. в ее состав именованным указом Александра I был введен еще один «присутствующий» из казахов – Нурмухаммед Абзялимов. Он принадлежал к наследственной элите казахского общества – ак-суйек («белая кость»), но был не султаном, а ходжой. Нурмухаммед Абзялимов, как и Аманбай Мамыров, имел опыт работы в Пограничном суде, и к моменту назначения в Пограничную комиссию уже имел чин надворного советника. В 1789 г. в составе казахской делегации он побывал в Петербурге и был представлен Екатерине II (ГАОО. Ф. 222. Оп. 1. Д. 1. Л. 3 об. – 4).

В отличие от остальных заседателей от казахов, Нурмухаммед Абзялимов получал не только жалование, но и деньги на дрова и ремонт дома (построенного ему, кстати, за счет казны). Такое привилегированное положение этого ходжи, возможно, подтверждает убеждение дореволюционных исследователей в особой роли его жены – княгини Тайкары (Той-Кара) (Мейер 1865: 20). А.И. Добросмыслов утверждал, что генерал-губернатор О.И. Игельстром, управлявший краем в 1784–1792 и 1796–1798 гг., «пленился» дочерью хана Нуралы, женщиной умной и красивой. Тайкара вместе с мужем постоянно жила в Оренбурге, бывала и в столице, усвоила «светскость», но одевалась всегда в национальный костюм. По словам А.И. Добросмыслова, Игельстром «за ласки Той-Кары выхлопотал ей титул княгини, пастбищное место для ее стад в окрестностях Оренбурга и право, из уважения к ее породе, ездить цугом» (Добросмыслов 1901: 185). М.М. Терентьев объяснял непоследовательность политики О.А. Игельстрема влиянием на него Тайкары, которая действовала в интересах своего клана. «Старый селадон, – писал он, – принес ей в жертву и свои прежние убеждения, и свою честь, и интересы государства!» (Терентьев 1906: 71). Н. Абзялимов оставался в составе Пограничной комиссии вплоть до 1823 г. (Тайкара умерла в 1806 г.).

Казахские заседатели не только участвовали в рассмотрении судебных дел в Пограничной комиссии. Как правило, одного из них каждое лето и осень отправляли на оренбургский (редко – гурьевский или орский) меновой двор для «разбирательства взаимных претензий между киргизами и торговцами, а также для миролюбивого окончания на месте могущих возникнуть между ними споров и в особенности для ограждения киргиз от несправедливых притязаний и притеснений на меновых дворах» (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1. Д. 4957. Л. 42 об.).

Состав заседателей от казахов оставался неизменным до 1814 г., когда Байязык Кучукбаев был обвинен в причастности к убийству хана Джанторе, отдан под суд и сослан в Архангельскую губернию (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 12. Л. 81–81 об.). В 1815 г. вместо него был избран Глявлий

Байтереков (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 14. Л. 222 об.). В том же году Ширгазы обратился в Пограничную комиссию с предложением ввести в нее Ялпака Тайланова вместо старого и больного, который почти уже не работал, Аманбая Мамырова. Пограничная комиссия получила одобрение губернатора на эту замену, но так и не произвела ее, и Аманбай Мамыров остался заседателем еще на один срок (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 14. Л. 89–89 об., 311–312).

В 1817 г. вместо султана Тауке Айшуакова был назначен сын хана Нуралы султан Юсуп Нуралиев (в 30-е гг. XIX в. в качестве султана-правителя он возглавит одну из трех частей, на которые был разделен Младший жуз после упразднения ханской власти). В 1818 г. по личному распоряжению оренбургского военного губернатора П.К. Эссена в состав Пограничной комиссии четвертым заседателем, сверх штата, вновь был введен помилованный и возвращенный из ссылки Байязык Кучукбаев (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 18. Л. 275). Разбирая конфликты на Оренбургском меновом дворе, этот старшина вызывал возмущение поборами и взятками. В Пограничную комиссию и к военному губернатору посыпались жалобы, но Байязык Кучукбаев, будучи врагом хана Ширгазы, продолжал пользоваться расположением П.К. Эссена, который выступал за отстранение Ширгазы от власти. В 1820 г. на Байязыка Кучукбаева поступила жалоба в вымогательстве. Задержанный по обвинению в угоне казахских лошадей казах рода черкеш Быхытжан Кутлубаев был освобожден после возмещения ущерба. Вскоре в аул Кутлубаева прибыли посыльные, которые за «ходатайство» и «заступничество» Байязыка Кучукбаева забрали 5 верблюдов, лошадь, несколько кошм и халатов (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 16. Л. 195 об. – 196). В результате расследования этой жалобы Кучукбаев в 1821 г., наконец, был отстранен от должности. По утвержденному Александром I решению Азиатского комитета оренбургским властям было приказано не позволять Кучукбаеву возвращаться в степь и внимательно наблюдать за его связями и поведением (АВПРИ. СПб. ГА. Ф. 161. II-25. Оп. 70. 1786–1842. Д. 1. Ч. 2. Л. 104–105). В архивах сохранились письма Кучукбаева, в которых он просит российские власти о назначении ему пенсии и прилагает характеристики от султанов, ханского совета и даже губернатора Архангельской губернии, где он отбывал ссылку.

Эта просьба Кучукбаева «осталась без внимания», но в остальных случаях заседатели, прослужившие долгое время в Комиссии, получали пенсии или, чаще всего, единовременные пособия. Так, А. Мамырову, одному из первых чиновников-казахов, начавших службу еще в 1784 г., было выплачено пожалование в размере 1 500

руб. (АВПРИ. 161. II-25. Оп. 70. 1786–1842. Д. 1. Л. 402–405); Б. Кангазину, прослужившему 17 лет, – в размере годового жалования (АВПРИ. 161. II-25. Оп. 70. 1786–1842. Д. 1. Л. 112–112 об.). В случае смерти чиновников пособия выплачивались их вдовам. Так, после смерти в 1834 г. Кула Чикабаева пособие было выплачено его вдове (История Казахстана в русских источниках 2006: 402–405); еще раньше пожалования по 1 000 руб. получили две вдовы Нурмухаммеда Абзялимова (АВПРИ. 161. II-25. Оп. 70. 1786–1842. Д. 1. Л. 26–41).

Не все заседатели-казахи знали русский язык, на котором преимущественно велись дела Комиссии. Толмачи же не всегда верно переводили им содержание рассматриваемых вопросов. Нередко дела, касавшиеся казахов, рассматривались без участия казахских заседателей, которые довольно часто отлучались в Степь или командировались на меновые двory. Ханы Джанторе и Ширгазы несколько раз жаловались, что многие дела решаются русскими чиновниками втайне от заседателей-казахов (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 44а. Л. 459; Д. 18. Л. 179–181).

Назначенный в 1820 г. председателем Пограничной комиссии В.Ф. Тимковский, ознакомившись с положением дел в этом ведомстве, доложил Азиатскому комитету, что «присутствующие от киргизского народа донныне умножали только штат комиссии без всякой почти пользы и были безгласны, или их мнения и действия служили единственно прикрытием некоторых частных видов старших из российских чиновников» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 44а. Л. 115).

По выражению директора Азиатского департамента К.К. Родофиникина, заседатели от казахов были «или вовсе безгласные, или на все согласные», и «приносили до сих пор мало пользы своим единоплеменникам» (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 5457. Л. 17–17 об.).

Однако сложно согласиться с утверждением, что эти члены Пограничной комиссии совсем не выполняли своей основной цели – защиты казахов от «несправедливых решений». Судя по сохранившимся «мемориям» и журналам заседаний общего присутствия, казахские заседатели нередко заступались за подсудимых казахов (например, ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 14. Л. 333). Впрочем, следует отметить, что, вынося решения по делам казахов, задержанных на линии за простое «воровство» (кража скота и другого имущества) без насилия, Оренбургская пограничная комиссия мало доверяла казахским властям и чаще всего, не найдя неопровержимых доказательств, отпускала обвиняемых в Степь с предписанием, чтобы те «не шатались праздно вблизи крепостей» (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 12. Л. 9; Д. 15. Л. 323 и др.). Если же обвинение подтверждалось, то подсуди-

мого могли освободить при условии возмещения ущерба (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 14, 15, 16). Основаниями для освобождения от ответственности или смягчения наказания служили также старость, болезнь, «особые заслуги» (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 337. Л. 23, 35 об. – 37) или даже «дикость и невежество» (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 7176. Л. 54 об.).

В этом отношении Пограничная комиссия действовала строго в соответствии с позицией центральной российской власти, которая предписывала, что «самые наказания преступных ордынцев должны соизмеряться не столько со степенью вины, сколько с впечатлением, которое могут произвести на их единоплеменников. ... Самая польза дел наших требует, чтобы наказание виновных соответственно тому смягчилось, а иногда и вовсе отменилось» (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3725 б. Л. 21 – 21 об.).

Тем не менее, для усиления значения Пограничной комиссии как арбитражного органа в 1820 г. Азиатский комитет запретил ей рассматривать дела без заседателей от казахов (АВПРИ. СПб. ГА. Ф. 161. II-25. Оп. 70. 1786–1842. Д. 1. Ч. 2. Л. 399 об.).

В 1823 г. старшина Тлявли Байтерек был отстранен от должности в связи с его причастностью к действиям «неблагонамеренных ордынцев», коллежский асессор Аманбай Мамыров уволен по старости, «присутствующий» от казахского народа Нурмухаммед Абзялимов ушел в отставку, а единственный оставшийся заседатель султан Бердали Кангазин (он был избран в Комиссию в феврале 1823 г.) заболел. Работа Пограничной комиссии по разрешению судебных дел, учитывая запрет Азиатского комитета, была фактически парализована. Хан Ширгазы, которому российские власти неоднократно напоминали о необходимости скорейшего избрания заседателей, медлил, и оренбургский военный губернатор предписал Пограничной комиссии самостоятельно назначить «для присутствия в одной людей, уважаемых в Орде и известных с похвальной стороны». Пограничная комиссия назначила заседателем от жетеру старшину Кула Чикабаева; назначение заседателя от алимулы было отложено до лета (АВПРИ. СПб. ГА. Ф. 161. II-25. Оп. 70. 1786–1842. Д. 1. Ч. 2. Л. 400). С этого времени должности заседателей стали замещаться не по ханскому выбору, а по назначению российской администрации.

После упразднения в 1824 г. ханской власти в Младшем жузе заседателей от казахов стали назначать не от поколений, а от частей – Западной, Средней и Восточной, на которые был разделен жуз. Прежнее соотношение – султан и двое старшин – перестало быть обязательным, и заседателями стали назначать преимущественно сул-

танов. Их кандидатуры подбирались председателем Пограничной комиссии и утверждались военным губернатором. Иногда учитывались пожелания султанов-правителей. Так, в 1832 г. по просьбам Юсупа Нуралиева и Баймухамеда Айчувакова, возглавлявших, соответственно, Среднюю и Западную части Младшего жуза, председатель Пограничной комиссии Г.Ф. Генс был вынужден, вопреки своей воле, ввести в состав Комиссии сына Ширгазы Едыгея (Идигу) Ширгазиева (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3578е. Л. 6–7, 24–24 об.). Предубеждение председателя имело под собой основание: молодой султан, основываясь на своем ханском происхождении, начал с того, что стал оспаривать место старшего у более опытных заседателей, и Г.Ф. Генсу пришлось прикладывать усилия для урегулирования конфликтов между казахскими чиновниками его ведомства (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3905. Л. 8–9 об.).

Впрочем, несмотря на ориентацию российской администрации преимущественно на султанов, в Пограничную комиссию были назначены и влиятельные старшины и бии из кара-суйек («черной кости»). В 1857 г. заседателем от Западной части жуза стал Омар Казыев, бий рода байбакты (История Казахстана в русских источниках 2006: 261).

В 30–40-е гг. XIX в. в Пограничную комиссию старались назначать молодых, нигде прежде не служивших и, следовательно, не испорченных «мздоимством» казахов. Заседатель от Восточной части Тлеукабыл Абултаев (наделенный, как особо отмечено в его характеристике, «примечательным даром слова») был назначен на должность в 19 лет, заседатель от Западной части Джанмухаммед Туккуджин – в 21 год (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 5468. Л. 24 об. – 26, 34 об. – 36). Эти султаны не только участвовали в рассмотрении дел, касавшихся казахов, и разрешали конфликты на меновом дворе. По мере трансформации Пограничной комиссии из преимущественно арбитражно-судебного органа в орган управления казахами Младшего жуза менялись и функции казахских заседателей. С середины 30-х гг. XIX в. они контролировали кибиточный сбор, а иногда и сами посылались вглубь степи для его проведения, вели подсчет населения, организовывали набор казахов в русские военные экспедиции, поставку верблюдов и др. При необходимости заседатели могли выступить в качестве переводчиков. Так, в 1845 г. отряд Долгова, отправленный против Кенесары Касымова, сопровождал Тлеукабыл Абултаев, который переводил переговоры с мятежниками (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 5699. Л. 14).

Большинство заседателей-казахов к тому времени уже не только знали татарскую грамоту, но и умели читать и писать по-русски, или даже имели русское образование. По рекомендации

К.К. Родофиникина, преимуществом при приеме на службу должны были пользоваться выпускники открытого в 1825 г. в Оренбурге Неплюевского кадетского корпуса, в котором 30 казенных мест выделялось для детей султанов, старшин и других «почетных ордынцев» (Горбунова 2015: 88–89). Одним из них стал Салих Бабаджанов, сын Караул-ходжи Бабаджанова, одного из самых влиятельных людей Внутренней (Букеевской) Орды. После обучения в Неплюевском кадетском корпусе, в 1851 г. Салих Бабаджанов был принят «сверх штата» на службу в Пограничную комиссию. Он владел «изящной русской речью», был убежденным сторонником необходимости интеграции казахов в состав России и распространения русской культуры. В 1861 г. Салих Бабаджанов был избран членом-советником Русского географического общества, а через год стал первым казахом, получившим официальную награду за научные труды: его многочисленные публикации по этнографии казахов были удостоены серебряной медали РГО (Масанов 1966: 169–170).

Казахские заседатели, как и другие чиновники-казахи, представляли в казахском обществе немногочисленную прослойку, которая интегрировалась сама и способствовала тем самым интеграции Казахской степи в имперскую систему управления (Удербаетова 2014: 173). «Казах, – отмечает Г.С. Султангалиева, – находясь на службе, приобретал чиновничий стиль, определенные управленческие методы и приемы и был способен адаптировать свой опыт к местным реалиям» (Султангалиева 2009: 98). С другой стороны, российская власть, создавая арбитражные органы с участием казахов и привлекая их на государственную службу, действовала в русле общей политики «как можно менее входить во внутренний распорядок» степняков и управлять, «приноравливаясь к их обычаям» (Материалы по истории политического строя Казахстана 1960: 251). Такой подход, безусловно, замедлял процесс присоединения жузов к России, и он растянулся на более, чем столетие, но в то же время обеспечивал плавную и ненасильственную инкорпорацию казахов в общеимперское пространство.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВПРИ – Архив внешней политики Российской империи
ГАОО – Государственный архив Оренбургской области
РГИА – Российский государственный исторический архив
ЦГА РК – Центральный государственный архив Республики Казахстан

ЛИТЕРАТУРА

- АВПРИ. СПб. ГА. Ф. 161. П-25. Оп. 70. 1786–1842. Д. 1. Ч. 2.
 ГАОО. Ф. 222. Оп. 1. Д. 1.
 ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3445.
 ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3578е.
 ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3725б.
 ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3905.
 ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 5447.
 ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 5468.
 ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 7176.
 Горбунова С. В. 2015. Обучение казахов в Неплюевском военном училище (кадетском корпусе) (1825–1866 гг.) // Коричко А. В. (отв. ред.). Культура, наука, образование: проблемы и перспективы: Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции (г. Нижневартовск, 12–13 февраля 2015 года). Ч. I. Нижневартовск: НВГУ, 87–89.
 Добросмыслов А. И. 1901. Тургайская область. Исторический очерк // Известия Оренбургского отдела Императорского русского географического общества. Вып. 16. Оренбург: Типо-литография Тургайского областного правления.
 Добросмыслов А. И. 1904. Суд у киргиз Тургайской области в XVIII и XIX веках. Казань: Типо-литография Императорского Казанского университета.
 История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. Т. VIII. Ч. 2. О почетнейших и влиятельнейших ордынцах: алфавитные, формулярные и послужные списки. 2006. Алматы: Дайк-Пресс.
 Масанов Э. А. 1966. Очерк истории этнографического изучения казахского народа в СССР. Алма-Ата: Наука.
 Материалы по истории политического строя Казахстана (со времени присоединения к России до Великой октябрьской социалистической революции). 1960. Алма-Ата: Академия наук Казахской ССР.
 Мейер Л. 1865. Киргизская степь Оренбургского ведомства. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Санкт-Петербург: Типографии Э. Веймара и Ф. Негсона.
 РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 18.
 РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 44а.

Султангалиева Г. С. 2009. Казахское чиновничество оренбургского ведомства: формирование и направления деятельности (XIX) // Acta Slavica Iaponica 27, 77–101.

Терентьев М. А. 1906. История завоевания Средней Азии. Т. 1. Санкт-Петербург: Типо-литография В.В. Комарова.

Удербаетова С. К. 2014. Интеграция казахских чиновников в административный аппарат управления Российской империи (XIX–XX вв.) // Журинов М. Ж. (глав. ред.). Доклады Национальной академии наук Республики Казахстан 3, 171–175.

ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1. Журналы заседаний общего присутствия Пограничной Комиссии.

ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 12.

ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 14.

ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 15.

ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 16.

ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2.

ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 337.

ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4957.

ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 6.

REFERENCES

Archive of Foreign Policy of Russian Empire. Fund 161 II-25. Inventory 70. 1786–1842. Case 1. Part 2. (In Russian).

Public Record Office of Orenburg Region. Fund 222. Inventory 1. Case 1. (In Russian).

Public Record Office of Orenburg Region. Fund 6. Inventory 10. Case 3445. (In Russian).

Public Record Office of Orenburg Region. Fund 6. Inventory 10. Case 3578e. (In Russian).

Public Record Office of Orenburg Region. Fund 6. Inventory 10. Case 3725b. (In Russian).

Public Record Office of Orenburg Region. Fund 6. Inventory 10. Case 3905. (In Russian).

Public Record Office of Orenburg Region. Fund 6. Inventory 10. Case 5447. (In Russian).

Public Record Office of Orenburg Region. Fund 6. Inventory 10. Case 5468. (In Russian).

Public Record Office of Orenburg Region. Fund 6. Inventory 10. Case 7176. (In Russian).

Gorbunova S. V. In: Kultura, nauka, obrazovanie: problemy i perspektivy: Materialy IV Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferencii (g. Nizhnevartovsk, 12–13 fevralya 2015 goda) [Culture, science, education: issues and prospects: Proceedings of the Ivth National Conference (Nizhnevartovsk, 12–13 February 2015)]. Vol. 1(2015): 87–89. (In Russian).

Dobrosmyslov A. I. In: Izvestiya Orenburgskogo otdela Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva [News bulletin of Orenburg department of Imperial geographical community] Vol. 16. Orenburg: Tipo-litografiya Turgayskogo oblastnogo pravleniya, 1901. (In Russian).

Dobrosmyslov A. I. Sud u kirgiz Turgayskoy oblasti v XVIII i XIX vekakh [Court hearing fro Kyrgyz in XVIII and XIX]. Kazan: Tipo-litografiya Imperatorskogo Kazanskogo universiteta, 1904. (In Russian).

Istoriya Kazakhstana v russkikh istochnikakh XVI–XX vekov. T. VIII. Ch. 2. O pochetneyshikh i vlyatelnayshikh ordynczakh: alfavitnye, formulyarnye i posluzhnye spiski [History of Khazakhstan in Russian Sources XVI–XX. Volume VIII, Part 2. About influential and honorable members of the Golden Horde]. Almaty: Dayk-Press, 2006. (In Russian).

Masanov E. A. Ocherk istorii etnograficheskogo izucheniya kazakhskogo naroda v SSSR [Historical outlines of ethnographical studies of Khazakh people in USSR]. Alma-Ata: Nauka, 1966. (In Russian).

Materialy po istorii politicheskogo stroya Kazakhstana (so vremeni prisoedineniya k Rossii do Velikoy oktyabrskoy socialisticheskoy revolyucii) [Study Materials for political order of Khazakhstan]. Alma-Ata: Izd-vo Akademii nauk Kazakhskoy SSR, 1960.

Meyer L. Kirgizskaya step Orenburgskogo vedomstva. Materialy dlya geografii i statistiki Rossii, sobrannye oficerami Generalnogo shtaba [Kyrgyz plains of Orenburg rule. Materials for geography and statistics of Russia]. Saint Petersburg: Tipografii E. Veymara i F. Negsona, 1865. (In Russian).

Russian State Historical Archive. Fund 1291. Inventory 81. Case 18. (In Russian).

Russian State Historical Archive. Fund 1291. Inventory 81. Case 44a. (In Russian).

Sultangaliev G. S. In: Acta Slavica Iaponica. Vol. 27 (2009): 77–101. (In Russian).

Terentev M. A. Istoriya zavoevaniya Sredney Azii. T. 1. [History of the Conquer of Central Asia]. Saint Petersburg: Tipo-litografiya V.V. Komarova, 1906. (In Russian).

Uderbaeva S. K. In: Doklady Nacionalnoy akademii nauk Respubliki Kazakhstan [Reports of National Science Academy of Republic of Kazakhstan]. Vol. 3 (2014): 171–175. (In Russian).

Central state Archive of Khazakhstan Republic. Fund 4. Inventory 1. Case 1. (In Russian).

Central state Archive of Khazakhstan Republic. Fund 4. Inventory 1. Case 12. (In Russian).

Central state Archive of Khazakhstan Republic. Fund 4. Inventory 1. Case 14. (In Russian).

Central state Archive of Khazakhstan Republic. Fund 4. Inventory 1. Case 15. (In Russian).

Central state Archive of Khazakhstan Republic. Fund 4. Inventory 1. Case 16. (In Russian).

Central state Archive of Khazakhstan Republic. Fund 4. Inventory 1. Case 2. (In Russian).
Central state Archive of Khazakhstan Republic. Fund 4. Inventory 1. Case 337. (In Russian).
Central state Archive of Khazakhstan Republic. Fund 4. Inventory 1. Case 4957. (In Russian).
Central state Archive of Khazakhstan Republic. Fund 4. Inventory 1. Case 6. (In Russian).

S. V. Gorbunova
Nizhnevartovsk, Russia

«THEY WILL NOT SUFFER WHILE HABITUATING TO SUBORDINATION AND JUSTICE»: PARTICIPATION OF THE KAZAKHS IN THE ORENBURG BOUNDARY COMMISSION (1799–1869)

Abstract. This article debates the participation of the Kazakhs in the activities of the Orenburg Boundary Commission – the main authority in charge of relations with the Kazakhs Junior Horde in the first half and in the middle of the XIX century.

Indirect control and management was one of the ways to integrate the national remote regions in the Empire, and such control was a synthesis of the local traditional political and legal forms with the similar Russian forms, followed by a gradual displacement of the local laws and regulations. The system of border management is the most typical manifestation of such changes.

Border authorities consisted of the representatives of the vassal territories and the Russian administration, resolving mutual claims and disputes on a parity basis. The Orenburg Boundary Commission acted like this authority in relations with the Kazakhs.

The representatives of the Kazakhs, first chosen by the Khans and Khan's council, had to defend the interests of Kazakhs held liable for crimes against "native" Russian nationals, and to participate in the resolution of civil disputes (commercial, land-related, etc.) that used to arise at the Russian-Kazakh border. Over time, the Kazakh deputies evolved into officials, appointed and dismissed by the Russian authorities, but their main functions were anyway preserved. Since the middle of the 20-ies, only Kazakh Sultans were assigned as the officers of the Orenburg Boundary Commission, and being well-educated, and at the top of the steppe herders society, they now could work on a par with the Russian councilors – many of them were graduates of the Neplyuev Orenburg military school.

Not always, and not all Kazakh deputies could perform their functions effectively – some of them behaved as extortioners, some supported the rebel sultans. However, the mere presence of the Kazakh representatives increased the value of the Boundary Commission when resolving the disputes, and it could act as an arbitration body, and the authority protecting the interests of the Kazakhs in all conflicts with the Russian frontaliers, Cossacks and Bashkirs.

Key words: the accession of Kazakhstan to Russia; the Orenburg Boundary Commission; Kazakhs officials; sultans; Junior Horde.

About the author: Svetlana Vitalievna Gorbunova, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Document Science and General History.

Place of employment: Nizhnevartovsk State University.

Горбунова С. В. «К подначальству и правосудию нечувствительно привыкать будут»: участие казахов в работе Оренбургской пограничной комиссии (1799–1869 гг.) // Вестник Нижневартковского государственного университета. 2017. № 2. С. 85–91.

Gorbunova S. V. «They will not suffer while habituating to subordination and justice»: participation of the kazakhs in the Orenburg boundary commission (1799–1869) // Bulletin of Nizhnevartovsk State University. 2017. No. 2. P. 85–91.

УДК 94(477)

О. Н. Дроконова
Нижневартовск, Россия

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ НА ЭКСПОРТ: УКРАИНСКИЙ ОПЫТ

Аннотация. В статье анализируется феномен национальной украинской «истории на экспорт», возникшей в среде украинской диаспоры США, Канады и Западной Европы. Целью ее является выявление знаковых тем и характерных тенденций украинской истории, написанной в диаспоральной среде и влияющей на формирование национальной идентичности и траекторий последующего развития этнического сообщества. Проанализировав ряд источников, созданных за последние сто лет, автор приходит к выводу о наличии хронологических и географических закономерностей украинистики: «украинский вопрос», понимаемый как рост публикационной активности по теме, актуализировался в тех регионах, которые готовились к противостоянию с Российской империей или СССР. Поэтому до 1945 г. это были Германия, Австро-Венгрия и окку-

пированные Гитлером страны Центральной и Восточной Европы, во второй половине XX в. – страны анти-советского блока холодной войны.

Стремясь преподнести украинскую нацию и ее историю в самом выгодном и заслуживающем сочувствия свете, авторы украинской «истории на экспорт» пытались заместить историю Древней Руси историей Украины, демонизировали тему «Голодомора» 1932–1933 гг., отрицали участие ОУН и УПА в Холокосте и уничтожении поляков, мифологизировали героические заслуги сомнительных исторических персоналий и заявляли притязания на всемирно известных научных деятелей, объявляя их украинцами. Опыт полемики с украинской «историей на экспорт» в связи с переводом работ отечественных авторов на иностранные языки может быть использован для расширения влияния российской исторической науки на мировое сообщество.

Ключевые слова: украинская диаспора; «украинский вопрос»; украинская историография; украинская национальная история; «Голодомор» 1932–1933 гг.; крещение Руси; Организация украинских националистов; Украинская повстанческая армия; Н.Н. Миклухо-Маклай.

Сведения об авторе: Ольга Николаевна Дроконова, кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарно-экономических и естественнонаучных дисциплин.

Место работы: филиал Тюменского индустриального университета в г. Нижневартовске.

Контактная информация: 628600, г. Нижневартовск, ул. Ленина, д. 2П/9, тел.: +7 (912) 530-57-52, e-mail: oldrok@yandex.ru.

Национальная история – неотъемлемая часть культуры и самосознания, влияющая на формирование национальной идентичности, а также предопределяющая траектории последующего развития этнического сообщества. Концепция национальной истории каждого народа и государства уникальна, однако зачастую формируется в схожих условиях и ожидаемо не предполагает безоговорочного согласия в трактовке тех или иных событий, затрагивающих интересы соседних этносов и территорий. На общем фоне уникальным оказывается опыт Украины.

Так же, как и жители большинства республик СССР, украинцы в 1991 г. столкнулись с необходимостью государственного строительства. При этом одной из первоочередных задач оказывалось «формирование украинской политической нации» посредством «Новой национальной истории Украины», которую администрация президента В. Ющенко позаимствовала у западных специалистов (Агафонов 2014:15) – Канадского института украинских исследований и Украинского научного института Гарвардского университета.

В рамках общей для всего СССР логики общественного развития периода перестройки, Украина на официальном уровне без сожалений избавилась от советского прошлого и историографии. При этом трудоёмкую задачу написания новой истории «с чистого листа» перевесила заманчивая перспектива использовать весьма обширный «багаж» источников и исследований, созданных эмигрантской украинской диаспорой. Действительно, при ближайшем рассмотрении нетрудно удостовериться, что «украинскому вопросу», в различных его проявлениях, за рубежом посвящено наибольшее (в сравнении с другими народами Российской империи и СССР) число работ самого разного толка: от мемуаров и воспоминаний до публицистики и монографических исследований. Истории «на экспорт», создавав-

шейся в целях отвоения права украинцев на независимость – по крайней мере, в глазах западной общественности – была оказана честь ориентира для новой национальной истории суверенной Украины. Изучение этих материалов представляет сегодня безусловный интерес для целого ряда прикладных обществоведческих дисциплин в контексте выявления причин и анализа возможных последствий нынешнего украинского кризиса. В теоретическом плане проигнорировать тему не представляется возможным, так как перед российским обществом и академической средой сегодня стоит задача формирования собственной концепции национальной истории, и учёт чужих ошибок и достижений будет здесь совсем не лишним. Таким образом, целью нашей статьи будет краткий обзор знаковых тем и выявление характерных тенденций украинской истории, написанной в диаспоральной среде.

Динамика «украинского вопроса», понимаемая нами в данном случае как рост или спад публикационной активности по теме, имеет примечательные хронологические и географические закономерности. На рубеже XIX–XX вв. наибольший интерес к украинству проявляли Германия и Австро-Венгрия, а в 1918–1945 гг. – Германия и ряд стран Центральной и Восточной Европы (особенно из числа оккупированных нацистами, если иметь в виду период 1938–1944 гг.). После 1945 г. эпицентром украинской «истории на экспорт» становится Северная Америка и Западная Германия, т.е. «коллективный Запад». Таким образом, внимание «угнетаемому украинскому народу» уделялось там и тогда, когда велась подготовка к противостоянию с русскими, и необходимо было подорвать территориальную целостность и внутривнутриполитическое единство Российской империи или СССР. Забегая вперёд, укажем, что во втором случае даже сами представители эмигрантской среды были откровенны в своих истинных целях. По воспоминаниям лидера Украин-

ской ассоциации рабочих А. Батюка в 1950-е гг. в Госдепартаменте США «экспертом по царской России, СССР и другим странам Восточной Европы» считали бывшего зам. министра иностранных дел Директории Украинской народной республики (1918–1920 гг.) А.Д. Марголина. Во время своих визитов в Госдеп совместно с Батюком, а также редактором американского издания «Народная воля» М. Стаховым неоднократно, по полтора часа они дискутировали по украинскому вопросу с «мистером Дэвисом, советником по СССР». В ходе этих бесед участники соглашались с необходимостью выхода УССР из состава Советского Союза (Batyuk 1983: 8–9). А сам А.Д. Марголин убеждал своих единомышленников в еще более радикальных мерах. Он, как пишет А. Батюк, был уверен в 1950-х гг., что «Америка будет в безопасности только если Россию разделить на пять или шесть частей, пусть даже и управляемых фашистскими режимами, но угроза сохранится, если статус УССР оставить неизменным [курсив мой. – О.Д.]» (Batyuk 1983: 8).

Интерес к украинской проблематике возник во второй половине XIX в., когда в Европе полным ходом шло формирование наций. Однако, в отличие от постреволюционной Франции или германского и итальянского национальных государств, закономерность и даже правомерность выделения малороссов Российской империи и русинов австро-венгерских Карпат в отдельный народ даже в начале XX в. оценивались как неоднозначный «украинский вопрос» (Тоунбее 1916).

Русин и панславист Д.Н. Вергун, родившийся под Львовом, красноречиво характеризовал специфику немецкого «Drang nach Osten» в 1905 г., указывая, что «к немецким историческим племенам причисляются даже такие, которые в самом деле были не германского происхождения», например, древние обитатели Крыма – киммерийцы. Это, в формулировке Д.Н. Вергуна, «заставляло» немцев выставлять свои «законные права» на родину этих народов (Вергун 1905: 54). Аналогичную тактику переняли первые именитые борцы за украинскую независимость от науки. В частности, историк М. Грушевский, заявлявший о всех известных восточно-славянских племенах ПВЛ как «украинских племенах» или «украинских группах племён» (Грушевский 1916: 38, 47), отказывал ясам (предкам осетинов) в праве считать устье Кубани своими исконными территориями (Грушевский 1916: 51). В позднейших англоязычных изданиях «Истории Украины-Руси» он признавал, что летописцы не называли племён, селившихся по р. Дон и побережью Азовского моря, но «они также были украинскими племенами или юго-восточными славянскими племенами, из которых впоследствии сформировался украин-

ский народ» (Hrushevsky 1970: 24–25). Историческая этнография имела и географическое продолжение: С. Рудницкий значительно расширил пределы украинских территорий, указывая на Кубанскую и Черноморскую губернии как на, ни много ни мало, «кавказские колонии» Украины (Рудницкий 1916: 361). Англоязычные версия «Истории Украины-Руси» Грушевского знаково «опускали» слово «Русь» из названия (Hrushevsky 1941; 1970).

Если рассматривать основные темы древнейшего периода украинской истории, изучаемые в эмигрантской диаспоральной среде, то можно и вовсе прийти к выводу о многократных попытках «заместить» историю неугодной Западу Руси-России покладистой и «приемлемой» Русью-Украиной, или даже «Украиной-Русью» с потенциалом уничтожения самого этнонима «Русь» и «русские». На рубеже 1980–90-х гг. целый ряд канадских, американских и даже австралийских историков с украинскими и польскими корнями продолжили начинания М. Грушевского, заложив основу для новой традиции трактовать события 988 г. в Киеве как «крещение Украины».

Прошедший в Вашингтоне 3 ноября 1985 г. III Всемирный конгресс славянских и восточно-европейских исследований в рамках секции «Христианизация Руси» засвидетельствовал, что научному сообществу привычнее придерживаться классических трактовок. Тем не менее, шаги к изменению ситуации были предприняты тогда же. При этом инициатива исходила не только от представителей науки, но от Римской католической церкви.

Одной из первых, «пробных» работ такого толка стало исследование профессора В. Маркуса по вопросам религии и национализма в советской Украине после 1945 г. Не предоставляя никаких доказательств, автор рассуждал и о том, что переход Украинской Православной Церкви под покровительство Московского Патриархата в 1686 г. стал «реальной угрозой существования украинской нации» (Markus 1985: 60). В предисловии к изданию шла речь о подготовке диаспоры в 1988 г. «отметить тысячелетие крещения Руси-Украины» (Markus 1985: 57).

В то же самое время увидела свет брошюра кардинала М. Лубачивского, который пошёл еще дальше, озаглавив издание характерным вопросом: «Была ли именно Россия крещена в 988 г.?». Автор, ссылаясь на речь Папы Римского в Виннипеге в сентябре 1984 г., откровенно высмеивает «забавные» приготовления Москвы отметить тысячелетие крещения Руси, коль скоро Папа поздравлял украинскую диаспору с «тысячелетием христианства в Украине» (Lubachivsky 1985: 5).

За этим последовал целый ряд работ аналогичной тематики. Среди прочих в Канаде вышел

даже сборник исторических комиксов, где князь Владимир и его современники «розмовляли українською», а главными врагами веры были представлены большевики. Переменяя красочные картинки жителями *католических* украинских епископов, авторы оставляли за скобками тот факт, что в 988 г. в Киев пришла *православная* церковь. При этом подчеркивалась необходимость объединения католиков и православных под эгидой первых. А события после 1945 г., когда арестовывались священники вновь присоединённых территорий Западной Украины, трактовались не иначе, как арест 800 *греко-католических* священников, воспротивившихся объединяться с православными вопреки «инициативе русских и большевиков» (Тисячоліття Хрещення України 1988).

Не вполне успешная, как нам представляется, попытка разъяснить неудобное противоречие празднования тысячелетия православия католиками была предпринята в другом издании, где принесённое Владимиром в Киев христианство было названо «православным по вере, но католическим по единению» (Millenium of Christianity in Ukraine 1988: 93). Мягко обошёл «острые углы» австралийский исследователь, отмечавший «тысячелетие христианства в Киеве» (Balan 1988).

Весь выпуск «Harvard Ukrainian Studies» за 1988–1989 гг. был официально посвящен «тысячелетию крещения Руси» (HUS 1988–1989, Vol. XII/XIII: iii–vii). В своём вступительном слове, написанном на украинском языке, главный редактор О. Прицак описывал события 988 г. как момент, в который «Владимир Святославич решил в Киеве, столице Украины [курсив мой. – О.Д.], что киевляне и его Русь должны принять веру Спасителя» (HUS 1988–1989, Vol. XII/XIII: 1). Поставив два понятия, отстоящих друг от друга на девять столетий, в одно утверждение, профессор истории Гарварда допустил грубую ошибку. Характерно, что авторы редактируемых им статей на английском, немецком и французском языках были гораздо более корректны. В другом сборнике научных работ, посвященном юбилею христианства, принятого «Русью-Украиной», особо подчеркивалось, что событие это «отметила в 1988–1989 гг. вся украинская диаспора» (Баран, Герус 1991: ix).

Таким образом, как нам представляется, тысячелетие крещения Руси было использовано авторами украинской «истории на экспорт» для закрепления в обывательском сознании связи Украины с событиями тысячелетней давности. Другие его аспекты и, в частности, сам факт празднования 1000-летия крещения в СССР, как и связанные с ним послабления в вопросах веры, и смена атеистической риторики – были проигнорированы западной общественностью, научной средой и украинской диаспорой, как «неудобные». Они не

давали поводов для громкой критики и очередных обвинений в «притеснении украинского народа», а потому остались без серьёзного внимания.

Здесь проявилась одна из тенденций западной украинистики. Реалии жизни на Украине в XX в. возможно было либо агрессивно ругать, либо не замечать вовсе. Следствием такой логики стало формулирование и активное лоббирование темы «голодомора» как «целенаправленного геноцида украинского народа» большевиками и/или Москвой. Ни в коей мере не умаляя трагедии, разыгравшейся в 1932–1933 гг. в СССР, отметим, что трактовка её исключительно как попытки уничтожить как можно больше украинцев видится несостоятельной, поскольку голод не имел национальных предпочтений, и страдали от него представители разных регионов и этносов страны.

При всей противоречивости темы «Голодомора» в контексте украинской «истории на экспорт» она имела ряд важных особенностей. Первую попытку связать голод на Украине непосредственно с только что пришедшими к власти большевиками предприняли украинские эмигранты Германии, издавшие в 1923 г. небольшую брошюру на английском языке с целью «привлечь внимание рабочего класса всех стран к ужасным условиям, в которых, в связи с голодом на Украине, рабочие массы этой страны вынуждены жить под русской большевистской оккупацией». Подчеркивалась «несправедливость распределения» западной продовольственной помощи между Поволжьем и будущей УССР, а факт предварительных договорённостей о географии поставок замалчивался. Будучи уверенными, что Украина до конца Первой мировой войны «была „житницей“ Европы и никогда не знала голода» (The Famine in the Ukraine 1923: 4), издатели явно игнорировали данные о периодах неурожая, которые происходили в прошлом.

Голодомор 1932–1933 гг. был удивительным образом проигнорирован в 1930-х гг. украинской диаспорой, включая научную эмигрантскую общественность. Об этом свидетельствовала, к примеру, тематика опубликованных докладов членов Украинского историко-филологического товарищества в Праге (Річне справознання 1932: 14–15, 24; 1933: 10–11). Поразительно, но в 1933 г. его члены, находясь в непосредственной близости от большой человеческой трагедии и имея тесные связи с академической средой Варшавы, ни разу за 21 заседание, посвященное исторической украинской проблематике, не обсудили ситуацию на Украине (Річне справознання 1934: 3–7). В то же самое время профессор О.К. Мицюк издал в Праге монографию об аграризации евреев Украины, где большевистскому периоду был посвящен целый раздел, но речи о голоде начала 1920-х, а тем более, 1932 г. не шло.

Важнее были слухи о подготовке к созданию в 1924–1931 гг. «Еврейской ССР» на территории Юга Украины, а также подсчет процента евреев в руководстве СССР (Мицюк 1933: 168).

Во всеуслышание тема «Голодомора» звучала в работах представителей украинской диаспоры лишь после смерти И.В. Сталина. Автор предисловия к одной из первых брошюр такого рода – проф. Л. Мышуха – открыто указывал на цель публикации: «помочь американцам украинского происхождения заставить простых граждан и правительство США осознать угрозу русского империализма не только по отношению к Украине и другим поработанным русскими советским нациям, но и свободному миру, и самой Америке» (*The Golgotha of Ukraine* 1953: 7). Сумбурное повествование о жизни раскулаченного украинца, считавшего себя арестованным по политической статье, перемежалось ужасающими подробностями голода. Издание не позволяло судить о том, чем ситуация на Украине отличалась от Поволжья тех же лет, и почему опубликованные свидетельства должны были подтвердить целенаправленность действий советской власти (с привязкой к национальности «организаторов искусственного голода» и тех, против кого он был «организован»).

Аналогичное впечатление производила и самая масштабная работа по увековечиванию «Голодомора» 1950-х гг., где Декреты о хищении социалистической собственности и спекулянтах от августа 1932 г. были названы «подготовительной деятельностью по организации голода» на Украине (Pidhainy 1955: 29). Разглядеть в Законодательных актах, имевших равную силу на территории всего СССР, целенаправленную деятельность по уничтожению украинцев возможно было, только поставив задачу подорвать Советский Союз изнутри посредством межнациональных конфликтов. Чарльз Керстен в предисловии откровенно надеялся на то, что «историк XXI века, оглянувшись назад в поисках основополагающих причин крушения коммунистического империализма, сочтёт сопротивление Украины главным фактором» (Pidhainy 1955: viii). В 1959 г., перед визитом советского лидера в США, Палата представителей Конгресса, *после консультаций с украинской диаспорой*, дала голоду 1932–1933 гг. новое определение: «Преступления Хрущева». Сам Никита Сергеевич в ходе слушаний был назван «главным исполнителем рукотворного голода» (*The Crimes of Khrushchev* 1959: 3).

В дальнейшем, вплоть до 1984 г. (смерти Л.И. Брежнева и Ю.В. Андропова) о «Голодоморе» вспоминали в основном представители диаспоры, издававшие маленькие брошюры объёмом от 15 (*Commemorating 50th Anniversary of the Famine in Ukraine* 1983) до 20 с небольшим (Solovey

1963; Plyushch 1973), 40 с небольшим (Haliy 1963; Галій 1968; Woropay 1983) и 70–80 (Семенко 1963; Oleskiw 1983) страниц. Эти и другие публикации носили, в основном, пропагандистский характер. А их значительное количество при малом объёме и тираже необходимо было для того, чтобы получившийся солидный библиографический список можно было использовать как повод для расследования, которое в 1984 г. и инициировал Конгресс США. Созданная по этому случаю специальная Комиссия издала в 1988 г. объёмный доклад, признававший факты голода в Казахстане, Омске, Татарстане, Башкирии и Поволжье (*Commission on the Ukraine Famine Report to Congress* 1988: 136–138). Но *одного сообщения* «русского жителя» (!) Саратова о том, что в его семье летом 1933 г. было «четыре гроба», оказалось достаточно для вывода о «несопоставимо худшем положении на Кавказе и в Украине», поскольку «там не у многих были гробы» (*Commission on the Ukraine Famine Report to Congress* 1988: 139). Авторы доклада фактически объявили виновными русских (Москву). Это следовало даже из формулировки названия законопроекта о «создании Комиссии по изучению голодомора 1932–1933 гг., вызванного советским правительством [курсив мой. – О.Д.] на Украине» (*Hearing on S. 2456* 1984). Серьёзных доводов в пользу такого рода формулировок приведено не было, если не считать таковыми перепечатки из ряда пропагандистских брошюр (часть из которых упомянута нами ранее), а также мнения историков-эмигрантов украинской диаспоры США и Канады.

В целом же, с середины 1980-х гг. «Голодомор» был закреплён в западном общественном сознании в качестве преступления Кремля, совершенного в отношении Украины. Тот факт, что тема представляет собой не что иное, как «обман» или даже «миф украинского геноцида», прошедший замысловатый путь «от Гитлера к Гарварду», было очевидно еще 30 лет назад (Tottle 1987). Ведь фото-доказательства нередко оказывались фальсифицированными (Tottle 1987: 9), некоторые «свидетели» вовсе не бывали на Украине (Tottle 1987: 6–8), да и численность умерших от голода, если её считали профессиональные, политически не ангажированные демографы, а не украинские эмигранты или депутаты Рады, снижалась с 7–10 до 2,2 миллиона человек (Meslé, Vallin 2003).

Другая отличительная черта украинистики, выражающаяся в героизации противоречивых и сомнительных лиц, включая Г. Мазепу, С. Петлюру и коллаборационистов из Украинской повстанческой армии (УПА) и Организации украинских националистов (ОУН), сегодня широко известна (Агафонов 2014: 17). Не принято обсуждать мифологизацию биографий действительно

героических исторических личностей и, в частности, российского этнографа Н. Миклухо-Маклая. Его мать происходила из рода московских дворян (Родословная книга дворянства Московской губернии 1914: 108) со смешанными немецко-польскими корнями, а по отцовской линии имелся прадед – хорунжий казачьего полка (малоросс). Сам Николай Николаевич в автобиографии указывал на смесь «русского, германского и польского» элементов (Тумаркин 2011: 12). Украинская диаспора Австралии не согласилась с ним, заявив, что родился он не в Новгородской губернии, а «в 50 милях на запад от Киева» и «имел казацкое [украинское. – О.Д.] происхождение» (Ростек, Вакуленко 1996: 3). В 2001 г. его краткая биография стала частью энциклопедического справочника «Украинцы Австралии» (Українці Австралії 2001: 264). Характерно, что оба издания вышли исключительно на украинском языке.

Кроме попыток «национализировать» отдельных именитых исторических персоналий новая украинская история позаимствовала у своего «экспортного» первоисточника отрицание или «денационализацию» совершенных в прошлом преступлений, повышая вероятность их повторения. Проблема антисемитизма начала века и Холокоста 1941–1944 гг. при участии ОУН и УПА (Дюков 2009: 7), а также «старые счеты» в отношении поляков – заставляли украинскую диаспору обращаться к теме взаимоотношений украинцев с этими народами. Не случайно виновными в еврейских погромах на Украине начала XX в. А.Д. Марголин объявлял «российский режим» и лично Плеве (Марголин 1922: 13), что не объясняло аналогичных событий 1917–1921 гг.

С середины 1950-х утверждалась мысль о «дружественном отношении украинцев ко всем народам, включая евреев, угнетаемых русским империализмом» (Material Concerning Ukrainian-Jewish Relationships 1956: 7). Проводились и отдельные научные мероприятия, направленные на то, чтобы утвердить представления о «мифологизированности» украинского антисемитизма в XX в. А причиной смертей евреев в концлагерях на территории Украины назывались партизаны (Ukrainians and Jews 1966: 107, 65–74). Предпринимались попытки представить С. Петлюру человеком, с детства любившим евреев и потому не имевшим отношения к антисемитизму 1917–1921 (Hunczak 1969).

Сложные взаимоотношения УПА и поляков 1940-х гг. были порождены историческим противостоянием, отголоски которого можно найти в публикациях о «польских зверствах» (Polish Atrocities in Ukrainian Galicia 1919; Revyuk 1931), «не забытом польском рабстве» (Luciw 1961:38) и «дипломатической борьбе» 1918–1923 гг. (Ripetskij 1963). Вообще же уничтожение поляков и ев-

реев членами УПА старательно и закономерно обходится в эмигрантской среде молчанием. Зато тема эта неплохо раскрыта западными историками на основе рассекреченных документов ЦРУ, из которых следует, что «военизированная фашистская организация» ОУН массово и целенаправленно убивала евреев, а затем взялась за поляков, которых за один только день 11 июля 1943 г. убили около 10 тысяч (Breitman, Goda 2010: 74–75). Весьма показательно на это исследование отреагировал современный львовский историк В. Вятрович: он «не заметил» ссылок почти на сотню документов архивов разведки США, показаний и дневниковых записей свидетелей бандеровских зверств, приведенных в исследовании, и назвал работу «пропагандой советской эпохи», в которой «недостаточно проработаны европейские источники» (Viatrovych 2010).

Суммируя, отметим, что это далеко не полный перечень актуальных тем украинской «истории на экспорт», которую в течение последнего столетия писали представители диаспоры. Но и уже охарактеризованная проблематика позволяет выявить отличительные черты и тенденции диаспоральной украинистики, постепенно мигрирующей в учебную и научную литературу суверенной Украины. Это и попытка подменить историю древней Руси историей Украины, прибавив сравнительно молодому этносу более полутысячелетия истории. И стремление отрицать и замалчивать поражения и преступления отдельных персоналий и общественных украинских организаций прошлого, ставших причиной массовых жертв на почве национализма. И поиски новых штрихов к рукотворному образу русского врага, превращающих масштабный голод начала 1930-х гг. в СССР в исключительно антиукраинский «голодомор-геноцид».

Сегодня, когда в России на государственном уровне осознаётся необходимость расширения влияния российской исторической науки на мировое сообщество при одновременных сомнениях представителей научной среды в целесообразности такой популяризаторской работы (Корепанов 2016), опыт Украины свидетельствует о колоссальных масштабах воздействия «истории на экспорт» на «коллективный запад». В этом отношении концепция «русского мира» как условного единства носителей языка и культуры, традиционно не рассматривающего опцию активной целенаправленной ретрансляции своих идей и ценностей вовне, с использованием других языков – проигрывает агрессивной, бескомпромиссной и до крайности политизированной украинской национальной «истории на экспорт». Создаваемая с подачи Запада в целях раздела Российской империи и СССР в процессе отвоевания права украинского народа на обретение суверени-

тета, она стала фундаментом для понимания сути «украинского вопроса» «коллективным Западом». Чисто русская привычка превозносить западный «авторитет» и пренебрегать собственным мироощущением, подмеченная еще классиками русской литературы XIX в., и в равной мере свойственная и братскому украинскому народу, сыграла с Украиной злую шутку. Руками историков и общественных деятелей эмигрантской среды Ук-

раина становится оружием против России, но *не самодостаточным этносом, способным к созиданию*. Мировая история свидетельствует, что открытое и целенаправленное противостояние с русскими рано или поздно ведёт к победе последних. И этот опыт заставляет высказывать опасения относительно украинского будущего из-за нынешнего понимания Украиной своего прошлого.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ОУН – Организация украинских националистов

УПА – Украинская повстанческая армия

ЛИТЕРАТУРА

- Агафонов А. И.* 2014. Украина: Оценки истории (проблема развития) // Вестник Пермского национально-исследовательского политехнического университета. Культура. История. Философия. Право 1, 14–20.
- Баран О., Герус О. В.* 1991. Збірник тисячоліття християнства в Україні: 988-1988. Вінніпег: Українська Вільна Академія Наук в Канаді.
- Вергун Д. Н.* 1905. Немецкий Drang nach Osten в цифрах и фактах: С картою немецких захватов на славянской земле. Вена: Крац.
- Галій М.* 1968. Організований голод в Україні 1932–1933. Чикаго; Нью-Йорк: Український Публіцистично-Науковий Інститут.
- Дюков А. Р.* 2009. Второстепенный враг: ОУН, УПА и решение «еврейского вопроса». Москва.: Фонд «Историческая память».
- Корепанов Г.* История на экспорт // Полит.ру, 29.07.2016. URL: polit.ru/article/2016/07/29/history (дата обращения: 29.01.2017).
- Марголин А. Д.* 1922. Украина и политика Антанты: Записки еврея и гражданина. Берлин: С. Ефрон.
- Мицюк О. К.* 1933. Аграризація жидівства України на тлі загальної економіки. Прага: Legiografie.
- Річне справознання.* 1932. Прага: Видання Українського Історично-Філологічного Товариства.
- Річне справознання.* 1933. Прага: Видання Українського Історично-Філологічного Товариства.
- Річне справознання.* 1934. Прага: Видання Українського Історично-Філологічного Товариства.
- Родословная книга дворянства Московской губернии.* 1914. Т. I. Москва: Товарищество «Печатня С. П. Яковлева».
- Ростек Л., Вакуленко П.* 1996. Микола Миклуха-Маклай: 150 років з дня народження. Adelaide: Ukrainian Museum in Adelaide.
- Рудницький С.* 1916. Очерк географии Украины / Украинский народ в его прошлом и настоящем / Волков Ф., Грушевский М. и др. (ред.). Т. II. Петроград: Типография товарищества «Общественная Польза».
- Семенко Ю.* 1963. Голод 1933 року в Україні: свідчення про винищування Москвою українського селянства. Мюнхен: Український Селянин.
- Тисячоліття Хрещення України.* 1988. Stamford: Pierre Des Marais Inc.
- Тумаркин Д. Д.* 2011. Белый папуас: Миклуха-Маклай на фоне эпохи. М.: Восточная литература.
- Balan J.* 1988. 1000 years of Kievan Christianity. Sydney: Ukrainian Studies Centre.
- Batyuk A.* 1983. In Memory of Arnold Davydovych Margolin on His Centennial / In Memory of Arnold Margolin (1877–1956). New York: The Ukrainian Academy of Arts and Sciences in the USA.
- Breitman R., Goda N. J. W.* 2010. Hitler's Shadow: Nazi War Criminals, US Intelligence, and the Cold War. Washington: The National Archives.
- Commemorating 50th Anniversary of the Famine in Ukraine.* 1983. Detroit: Ukrainian Community Committee Metropolitan.
- Commission on the Ukraine Famine Report to Congress.* 1988. Washington: Government Printing Office.
- Haliy M.* 1963. Organized Famine in Ukraine 1932-1933. Chicago: Ukrainian Research and Information Institute Inc.
- Harvard Ukrainian Studies (HUS).* 1988/1989. Volume XII/XIII: Proceedings of the International Congress Commemorating of Millennium of Christianity in Rus'-Ukraine. Cambridge; Massachusetts: Ukrainian Research Institute Harvard University.
- Hearing on S.2456 A Bill to Establish a Commission to Study the 1932–33 Famine Caused by the Soviet Government in Ukraine.* August 1, 1984. Washington: Committee of Foreign Relations.
- Hrushevsky M.* 1941. A History of Ukraine. New Haven: Yell University Press.
- Hrushevsky M.* 1970. A History of Ukraine: История України-Руси. Archon Books.
- Hunczak T.* 1969. The Reappraisal of Symon Petliura and Ukrainian-Jewish Relations, 1917–1921 // Jewish Social Studies. Vol. 31. No. 3, 163–184.

- Hunczak T.* 2008. *Symon Petliura and the Jews. A Reappraisal.* Lviv; New York; Toronto: Ukrainian Historical Association.
- International Commission of Inquiry into the 1932–1933 Famine in Ukraine.* 1988. Brussels: [б.и.].
- Lubachivsky M.* 1986. *Was it Really Russia That Was Christianized in 988?* London; Roma: Ukrainian Publishers Ltd.
- Luciw W.* 1961. *Ukrainians and the Polish Revolt of 1863.* New Haven: Slavia Library.
- Markus V.* 1985. *Religion and Nationalism in Soviet Ukraine After 1945.* Harvard: Harvard University Ukrainian Studies Fund.
- Material Concerning Ukrainian-Jewish Relationships during the Years of the Revolution (1917–1921).* 1956. Munich: The Ukrainian Information Bureau.
- Meslé F., Vallin J.* 2003. *Mortalité et causes de décès en Ukraine au XX siècle.* No. 152. Paris: Institut National d'Études Démographiques; Les Cahiers de l'INED.
- Millenium of Christianity in Ukraine.* 1988. Roma: [б.и.].
- Oleskiw S.* 1983. *Agony of a Nation.* London: The National Committee to Commemorate the 50th Anniversary of the Artificial Famine in Ukraine 1932–1933.
- Pidhainy S. O.* 1955. *The Black Deeds of the Kremlin. A White Book.* Vol. 2. *The Great Famine in Ukraine in 1932–1933.* Detroit: Globe Press.
- Plyushch V.* 1973. *Genocide of the Ukrainian People.* Munchen: Ukrainisches Institut für Bildungspolitik.
- Polish Atrocities in Ukrainian Galicia.* 1919. New York: The Ukrainian National Committee of the USA.
- Revyuk E.* 1931. *Polish Atrocities in Ukraine.* Jersey City: United Ukrainian Organization of the USA.
- Ripetskyj S.* 1963. *Ukrainian-Polish Diplomatic Struggle 1918–1923.* Chicago: Ukrainian Research and Information Institute, Inc.
- Solovey D.* 1963. *On the 30th Anniversary of Great Man-made Famine in Ukraine.* Jersey City: Ukrainian Quarterly.
- The Crimes of Khrushchev.* 1959. Pt 2. Washington: Government Printing Office.
- The Famine in the Ukraine.* 1923. Berlin: J.H.W. Dietz.
- The Golgotha of Ukraine: Eye-Witness Accounts of the Famine in Ukraine Instigated and Fostered by the Kremlin in an Attempt to Quell Ukrainian Resistance to Soviet Russian National and Social Enslavement of the Ukrainian People.* 1953. New York: Ukrainian Congress Committee of America.
- Tottle D.* 1987. *Fraud, Famine and Fascism: The Ukrainian Genocide Myth From Hitler to Harvard.* Toronto: Progress Books.
- Toynbee A. J.* 1916. *British View of the Ukrainian Question.* New York: Ukrainian Federation of USA.
- Ukrainians and Jews.* 1966. *A Symposium.* New York: The Ukrainian Congress Committee of America Inc.
- Viatrovych V.* 2010. *How Hitler's Shadow Is Turning into the KGB's Shadow // ЦЕНТР ДОСЛІДЖЕНЬ ВИЗВОЛЬНОГО РУХУ.* URL: www.cdvr.org.ua/content/how-hitlers-shadow-turning-kgbs-shadow (дата обращения: 30.02.2017).
- Woropay O.* 1983. *The Ninth Circle In Commemoration of the Victims of the Famine of 1933.* Cambridge: Harvard University Ukrainian Studies Fund.

REFERENCES

- Agafonov A. I.* In: *Vestnik Permskogo natsionalnogo issledovatel'skogo politehnicheskogo universiteta. Kultura. Istoriya. Filosofiya. Pravo* [Bulletin of Perm national research university. Culture. History. Philosophy. Law]. Vol. 1 (2014): 14–20. (In Russian).
- Baran O., Gerus O. V.* *Zbirnik tisyacholittya hristiyanstva v Ukrainy: 988-1988* [The Anthology of 1000 Years of Christianity in Ukraine]. Vinnipeg: Ukrainska Vilna Akademiya Nauk v Kanadi, 1991. (In Ukrainian).
- Vergun D. N.* *Nemetskiy Drang nach Osten v tsifrakh i faktakh: S kartoyu nemetskiikh zakhvatov na slavyanskoy zemle.* [German «Drang nach Osten» in Numbers and Facts: The Map of German Annexations in Slavs' Territories Included]. Vena: Kratz, 1905. (In Russian).
- Galiy M.* *Organizovaniy golod v Ukrainy 1932–1933* [The Organized Famine in Ukraine 1932–1933]. Chicago-N.Y.: Ukrains'kiy Publicistichno-Naukoviy Institut, 1968. (In Ukrainian).
- Dyukov A.R.* *Vtorostepennyy vrag: OUN. UPA i resheniye «evreyskogo voprosa»* [A Secondary Enemy: OUN, UIA and the Decision of the «Jewish Question»]. Moscow: Fond «Istoricheskaya pamyat», 2009. (In Russian).
- Korepanov G.* *Istoria na eksport* [The History for Export]. Available at: polit.ru/article/2016/07/29/history. Accessed on: 29.01.2017. (In Russian).
- Margolin A. D.* *Ukraina i politika Antanty: Zapisky evreia i grazhdanina* [Ukraine and the Entente Policy: The Notes of a Jew and the Citizen]. Berlin: S. Efron', 1922. (In Russian).
- Mitsiuk O. K.* *Agrarizatsia zhidivstva Ukrainy na tly zagal'noy ekonomiky* [Ukrainian Jews Becoming Farmers]. Prague: «Legiografie», 1933. (In Ukrainian).
- Richne spravoznannia* [Annual Records]. Prague: Vidannia Ukrainc'kogo Istorychno-Filologichnogo Tovaristva, 1932. (In Ukrainian).

- Richne spravoznannia [Annual Records]. Prague: Vidannia Ukrainc'kogo Istorychno-Filologichnogo Tovaristva, 1933. (In Ukrainian).
- Richne spravoznannia [Annual Records]. Prague: Vidannia Ukrainc'kogo Istorychno-Filologichnogo Tovaristva, 1934. (In Ukrainian).
- Rodoslovnaia Kniga dvorianstva Moskovskoy guberniy [The genealogical book of the nobility of Moscow province]. Moscow: Ed. Of Moscow Nobility, 1914. (In Russian).
- Rostek L., Vakulenko P. Mykola Mykluha-Maclay: 150 rokov z dnia narodzhennia [Nikolas Miklouho-Maclay: 150 years from birthday]. Adelaide: Ukrainian Museum in Adelaide, 1996. (In Ukrainian).
- Rudnitsky S. Ocherk geografii Ukrainy / Ukrainsky narod v jeho proshlom i nastojaschem [An Essay on the Ukraine's Geography / Ukrainian people in its past and present]. – Ed. by F. Volkov, M. Hrushevsky. Volume II. Petrograd: Tipographia «Obschestvennaia Pol'za», 1916. (In Russian).
- Semenko Yu. Golod 1933 roku v Ukrainy: svidchennia pro vinischuvannia Moscovoyu ukrainc'kogo selianstva [Famine in Ukraine in 1933]. Munich: «Ukrains'kiy Selianin», 1963. (In Ukrainian).
- Tysiacholittia hreschennia Ukrainy [The Millennium of Christianization of Ukraine]. Stamford: Pierre Des Marais Inc., 1988. (In Ukrainian).
- Tumarkin D.D. Belyi papuas: N.N. Mikluho-Maclay na fone epohy [White Papuan: N.N. Miklouho-Maclay and his era]. Moscow: Vostochnaia literature, 2011. (In Russian).
- Balan J. 1000 years of Kievan Christianity. Sydney: Ukrainian Studies Centre, 1988.
- Batyuk A. In Memory of Arnold Davydovych Margolin on His Centennial / In Memory of Arnold Margolin (1877–1956). N.Y.: The Ukrainian Academy of Arts and Sciences in the USA 1983.
- Breitman R., Goda N.J.W. Hitler's Shadow: Nazi War Criminals, US Intelligence, and the Cold War. Washington: The National Archives, 2010.
- Commemorating 50th Anniversary of the Famine in Ukraine. Detroit: Ukrainian Community Committee Metropolitan, 1983.
- Commission on the Ukraine Famine Report to Congress. Washington D.C.: Government Printing Office, 1988.
- Haliy M. Organized Famine in Ukraine 1932–1933. Chicago: Ukrainian Research and Information Institute Inc., 1963.
- Harvard Ukrainian Studies (HUS). Volume XII/XIII: Proceedings of the International Congress Commemorating of Millennium of Christianity in Rus'-Ukraine. Cambridge, Massachusetts: Ukrainian Research Institute Harvard University, 1988/1989.
- Hearing on S.2456 A Bill to Establish a Commission to Study the 1932–33 Famine Caused by the Soviet Government in Ukraine. August 1. Washington D.C. Committee of Foreign Relations, 1984.
- Hrushevsky M. A History of Ukraine. New Haven: Yell University Press, 1941.
- Hrushevsky M. A History of Ukraine: История України-Руси. Archon Books, 1970.
- Hunczak T. In: Jewish Social Studies. Vol. 31(3) (1969): 163–184.
- Hunczak T. Symon Petliura and the Jews. A Reappraisal. Lviv-N.Y.-Toronto: Ukrainian Historical Association, 2008.
- International Commission of Inquiry into the 1932–1933 Famine in Ukraine. 1988. Brussels.
- Lubachivsky M. Was it Really Russia That Was Christianized in 988? London-Roma: Ukrainian Publishers Ltd., 1986.
- Luciw W. Ukrainians and the Polish Revolt of 1863. New Haven: «Slavia Library», 1961.
- Markus V. Religion and Nationalism in Soviet Ukraine After 1945. Harvard: Harvard University Ukrainian Studies Fund, 1985.
- Material Concerning Ukrainian-Jewish Relationships during the Years of the Revolution (1917–1921). 1956. Munich: The Ukrainian Information Bureau.
- Meslé F., Vallin J. Mortalité et causes de décès en Ukraine au XX siècle. Paris: Institut National d'Etudes Demographiques, Les Cahiers de l'INED No. 152., 2003.
- Millenium of Christianity in Ukraine. Roma, 1988.
- Oleskiw S. Agony of a Nation. London: The National Committee to Commemorate the 50th Anniversary of the Artificial Famine in Ukraine 1932–1933. 1983.
- Pidhainy S.O. The Black Deeds of the Kremlin. A White Book. Vol. 2.: The Great Famine in Ukraine in 1932–1933. Detroit: Globe Press, 1955.
- Plyushch V. Genocide of the Ukrainian People. Munchen: Ukrainisches Institut für Bildungspolitik, 1973.
- Polish Atrocities in Ukrainian Galicia. N.Y.: The Ukrainian National Committee of the USA, 1919.
- Revyuk E. Polish Atrocities in Ukraine. Jersey City: United Ukrainian Organization of the USA, 1931.
- Ripetskyj S. Ukrainian-Polish Diplomatic Struggle 1918–1923. Chicago: Ukrainian Research and Information Institute, Inc., 1963.
- Solovey D. On the 30th Anniversary of Great Man-made Famine in Ukraine. Jersey City: Ukrainian Quarterly, 1963.
- The Crimes of Khrushchev. Part 2. Washington D.C.: Government Printing Office, 1959.
- The Famine in the Ukraine. Berlin: J.H.W. Dietz, 1923.

The Golgotha of Ukraine: Eye-Witness Accounts of the Famine in Ukraine Instigated and Fostered by the Kremlin in an Attempt to Quell Ukrainian Resistance to Soviet Russian National and Social Enslavement of the Ukrainian People. N.Y.: Ukrainian Congress Committee of America, 1953.

Tottle D. Fraud, Famine and Fascism: The Ukrainian Genocide Myth From Hitler to Harvard. Toronto: Progress Books, 1987.

Toynbee A.J. British View of the Ukrainian Question. N.Y.: Ukrainian Federation of USA, 1916.

Ukrainians and Jews. A Symposium. N.Y.: The Ukrainian Congress Committee of America Inc., 1966.

Viatrovych V. How Hitler's Shadow Is Turning into the KGB's Shadow. Available at: www.cdvr.org.ua/content/how-hitlers-shadow-turning-kgbs-shadow. (Accessed on: 30.02.2017).

Woropay O. The Ninth Circle In Commemoration of the Victims of the Famine of 1933. Cambridge: Harvard University Ukrainian Studies Fund, 1983.

O. N. Drokonova
Nizhnevartovsk, Russia

NATIONAL HISTORY FOR EXPORT: THE CASE OF UKRAINE

Abstract. The article examines the phenomenon of Ukrainian national «history for export», emerged through the efforts of the representatives of the Ukrainian Diaspora in the United States, Canada and Western Europe. Its aim is to identify the key topics and trends of Ukrainian history, written in the Diaspora environment and influencing the formation of national identity and trajectories of further development of the ethnic community. After analyzing a number of sources created in the last hundred years, the author comes to the conclusion that the chronological and geographical regularities of Ukrainian studies are closely connected. «The Ukrainian question», understood as the growth of publication activity on the topic, actualized in those regions, which were preparing for confrontation with the Russian Empire or the Soviet Union. Therefore, until 1945 it was Germany, Austria-Hungary and the countries of Central and Eastern Europe occupied by Hitler. And in the second half of the XX century that were the countries of anti-Soviet bloc of the Cold war.

In an effort to present the Ukrainian nation and its history in the best, and, at the same time deserving of compassion light, the authors of Ukrainian «history for export» tried to replace the history of Ancient Rus' by the history of Ukraine, demonized the theme of «famine-genocide» of 1932–33, denied the involvement of the OUN and UIA in the Holocaust and the destruction of the poles, mythologized the heroic achievements of dubious historical personalities and stated claims for the world famous public figures and academics, declaring them to be Ukrainians.

Key words: Ukrainian Diaspora; «the Ukrainian question»; the Ukrainian historiography; the Ukrainian national history; «Famine-genocide» of 1932-1933; Christianizing of Rus'; Organization of Ukrainian Nationalists; Ukrainian Insurgent Army; N. Miklouho-Maclay.

About the author: Olga Nikolaevna Drokonova, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor.

Place of employment: Nizhnevartovsk Tyumen Industrial University Branch.

Дроконова О. Н. Национальная история на экспорт: украинский опыт // Вестник Нижневартовского государственного университета. 2017. № 2. С. 91–100.

Drokonova O. N. National history for export: the case of Ukraine // Bulletin of Nizhnevartovsk State University. 2017. No. 2. P. 91–100.

УДК 94(410) «1815/1867»

М. В. Жолудов
Рязань, Россия

РУСОФОБИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЛОРДА ПАЛЬМЕРСТОНА

Аннотация. В статье рассматривается российско-британское соперничество за преобладание на Балканах и в ближневосточном регионе накануне Крымской войны (1853–1856 гг.). Целью работы является показать то, что вступление Великобритании в войну на стороне Османской империи было продиктовано в первую очередь геополитическими торгово-промышленными интересами британского государства. Подчеркивается роль одного из видных государственных деятелей лорда Пальмерстона в формировании антирусской политики Великобритании в «Восточном вопросе». В отечественной историографии обычно рассматривалась дипломатическая деятельность лорда непосредственно в годы Крымской войны. В статье исследуется начальный период карьеры Пальмерстона и становление его взглядов по «Восточному вопросу» (30–40-е гг. XIX в.). Источниками исследования являются неопубликованные материалы Архива внешней политики

Российской империи, опубликованные отчеты о дебатах британского парламента, тексты выступлений дипломата, дипломатическая переписка, материалы британской печати.

Анализ источников привел автора работы к следующим выводам. Во-первых, лорд Пальмерстон оказал значительное личное влияние на формирование внешнеполитического курса Великобритании в «Восточном вопросе» в 30–50-х гг. XIX в. Благодаря его усилиям страна вступила в Крымскую войну на стороне Османской империи, что стало одной из главных причин поражения России в этой войне. Во-вторых, основы антирусской внешнеполитической доктрины Пальмерстона сформировались еще в 30-е гг. XIX в., когда он занимал пост министра иностранных дел Великобритании. Лорд видел непримиримость англо-русских геополитических противоречий в ближневосточном регионе, защищал интересы торгово-промышленных кругов Великобритании. В-третьих, в своей деятельности Пальмерстон активно использовал новые методы дипломатической работы, такие как опора на общественное мнение страны и широкое использование средств массовой информации в качестве мощного орудия для проведения в жизнь своей внешнеполитической линии. Он принял личное участие в организации русофобской кампании накануне и в годы Крымской войны. Его по праву можно считать одним из зачинателей информационных войн в истории мировой политики. В-четвертых, Пальмерстон активно возражал против вмешательства монарха в процесс формирования внешнеполитического курса Великобритании. Он проводил самостоятельную внешнюю политику. В те годы, когда лорд был министром иностранных дел, корона была почти полностью отстранена от участия во внешних делах страны.

Ключевые слова: история Великобритании; история России; лорд Пальмерстон; «Восточный вопрос»; XIX век; Крымская война.

Сведения об авторе: Михаил Валентинович Жолудов, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений.

Место работы: Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина.

Контактная информация: 390000, г. Рязань, ул. Свободы, д. 46, тел. 8 (4912) 28-05-10, e-mail: mikhailzhol@yandex.ru.

Лорд Пальмерстон (1784–1865) был одним из наиболее крупных британских государственных деятелей и дипломатов XIX в. Этот человек оставил яркий след в истории. На протяжении сорока восьми лет он занимал различные министерские посты, чего в Великобритании не удавалось сделать никому ни до него, ни после. Начав государственную карьеру с должности младшего лорда Адмиралтейства в 1807 г., он завершил ее со своей смертью, находясь на посту премьер-министра в 1865 г. Пальмерстон был министром иностранных дел (1830–1834, 1835–1841, 1846–1851), премьер-министром Великобритании (1855–1858, 1859–1865), имея возможность, таким образом, непосредственно влиять на формирование британского внешнеполитического курса на протяжении четверти века. Дипломатия воистину стала призванием его жизни. Даже находясь в оппозиции или занимая пост министра внутренних дел (1852–1855), он не переставал интересоваться проблемами внешней политики страны. Годы активной государственной деятельности лорда, совпавшие с периодом экономического и политического преобладания Великобритании в мире, вошли в анналы британской внешней политики под названием «пальмерстоновской эры». Его жизнь и политическая карьера нашли широкое освещение в зарубежной историографии (Partridge, Partridge 1994). Отечественные исследователи также не могли обойти своим вниманием столь крупную историческую фигуру, но они в своих работах обычно рассматривали деятельность лорда на завершающем этапе его карьеры (конец 40-х – начало 60-х гг. XIX в.), в основном

связанном с его отношением к европейским революциям 1848–1849 гг. и особенно к Крымской войне, одним из главных зачинателей которой обычно представляется в отечественной исторической науке (Асташова, Кирюхин 2011; Виноградов 2006; Виноградов, Сергеев 1990). Целью настоящей статьи является попытка дополнить новыми штрихами наше представление о Пальмерстоне как дипломате и государственном деятеле.

Генри Джон Темпл (в будущем – лорд Пальмерстон) родился 20 октября 1784 г. в Вестминстере в аристократической семье Генри Пальмерстона, виконта и ирландского пэра. Юный Пальмерстон получил блестящее образование в частной привилегированной школе Харроу и в университетах Эдинбурга и Кембриджа. Он рано потерял отца и мать, умерших, соответственно, в 1802 и 1805 гг. После смерти отца Генри Джон унаследовал его титул лорда и третьего виконта Пальмерстона, а также внушительное состояние.

Политическая карьера Пальмерстона началась в мае 1807 г., когда после трех неудачных попыток в других местах он был избран депутатом парламента от партии тори в городе Ньюпорт, расположенном на острове Уайт. К тому времени он уже получил свой первый государственный пост младшего лорда Адмиралтейства. Кстати, Пальмерстону удалось в течение 58 лет оставаться членом парламента, и по этому показателю в британской парламентарской истории он уступает лишь Гладстону и Черчиллю (Виноградов, Сергеев 1994: 154).

В октябре 1809 г., формируя торийское правительство, лорд Персиваль предложил ему пост канцлера казначейства [в то время эта должность была менее значима, чем сейчас, но все же давала место в правительстве. – М.Ж.]. Пальмерстон отказался от этого заманчивого предложения, согласившись, однако, стать военным министром без места в правительстве. Эту должность он и занимал в течение последующих восемнадцати лет, что было, по мнению многих современников, пределом бюрократических амбиций лорда.

Однако в 1827 г., после ухода лорда Ливерпуля с поста премьер-министра на британском политическом Олимпе случились серьезные изменения, которые значительно продвинули вперед карьеру лорда Пальмерстона. Сохраняя должность военного министра, он был введен в торийские правительственные кабинеты – сначала Каннинга (1827), затем – Годерича (1827–1828) и Веллингтона (1828–1830). В это время он сближается с группировкой «либеральных тори», возглавляемой будущим премьер-министром Джорджем Каннингом и отличавшейся более широкими либеральными взглядами по целому ряду проблем внутренней и внешней британской политики, чем основная (консервативная) часть партии тори. В 1828 г. из-за нежелания премьер-министра герцога Веллингтона обсуждать проблему частичного перераспределения парламентских мест Пальмерстон вместе с другими «либеральными тори» (еще их называли каннингитами, т.е. последователями Дж. Каннинга) в знак протеста вышел из торийского правительства. После этого начинается естественное сближение Пальмерстона с партией вигов.

В середине ноября 1830 г., после продолжительного кризиса, пал торийский кабинет герцога Веллингтона. 20 ноября было объявлено о создании лордом Греем нового вигского правительства, в котором Пальмерстон получил место министра иностранных дел. В правительственной декларации, изложенной 22 ноября в палате лордов, новый кабинет объявил главными принципами своей деятельности борьбу за избирательную реформу, усмирение народных волнений в стране, сокращение государственных расходов и мир с соседними государствами (Hansard's Parliamentary Debates 1830: 805). С тех пор либерально-популистский лозунг «поддержания мира в Европе» стал основным принципом внешней политики лорда Пальмерстона.

Пальмерстон довольно поздно начал заниматься внешнеполитическими проблемами. Он пришел в Форин оффис в 46-летнем возрасте, имея за плечами более чем 20-летний опыт парламентской и государственной деятельности. Лишь незадолго до этого произошло первое серь-

езное внешнеполитическое выступление Пальмерстона.

В конце 20-х гг. XIX в. резко обострился так называемый «восточный вопрос» в связи с русско-турецкой войной 1828–1829 гг. В феврале 1830 г., находясь в рядах парламентской оппозиции, Пальмерстон, выступая в палате общин, обвинил торийское правительство герцога Веллингтона в пассивности в восточном вопросе. По его мнению, Великобритания должна была смелее вмешаться в русско-турецкую войну 1828–1829 гг., что могло спасти Турцию от поражения. Пальмерстон заявил, что турецкое поражение и заключение выгодного для России Адрианопольского мира создавали опасность появления русских войск в Турции и расширения русской границы в южном направлении (Opinions and Policy of the right honourable viscount Palmerston 1852: 131). Очевидно, что уже тогда Пальмерстон рассматривал Россию как главного соперника Великобритании на Ближнем Востоке, явно опасаясь усиления российского влияния в этом регионе.

По мнению ряда британских историков, положительный резонанс от этого выступления среди британской общественности пробудил у Пальмерстона вкус к внешнеполитической деятельности (Judd 1976: 12). С тех пор дипломатия стала его любимым занятием. К тому же лорд обладал неплохими способностями к изучению иностранных языков, блестяще говорил на французском и итальянском.

Кабинет лорда Грея включил в себя многих видных политических деятелей страны, единомышленников по большинству вопросов государственной политики, весьма искушенных в делах управления государством. На эту особенность нового правительства обращала внимание весьма информированная газета «Таймс»: «Состав кабинета Грея настолько хорош, насколько ему позволяет таковым быть нынешнее состояние партий. Он был определен выбором общественных деятелей, которые скорее всего согласны по большинству политических вопросов и в особенности с теми великими принципами, объединяющими все мыслящие и бескорыстные умы в современном беспокойном мире» (Times 1830. 22 Nov.). Назначение нового министра иностранных дел газета оценивала следующим образом: «Лорд Пальмерстон имеет большой опыт в качестве главы трудного департамента [имелось в виду военное министерство Великобритании. – М.Ж.] и, как можно судить по его публичным заявлениям, является сторонником либеральной политики в отношениях с зарубежными государствами» (Times 1830. 22 Nov.).

Российские дипломаты в Лондоне в своих донесениях в Петербург дали детальную характеристику новому британскому кабинету и его чле-

нам. Так, посланник А.А. Матушевич в специальной депеше на имя вице-канцлера Российской империи графа К.В. Нессельроде отмечал, в частности, что «в отношении ораторских талантов, присутствие которых является одним из обязательных условий представительной формы правления, новое правительство – одно из замечательных, какие когда-либо существовали. Оно собрало почти всех из самых красноречивых представителей обеих палат» (АВПРИ. 1830. Ф. Канцелярия. Оп. 469. Д. 139. Л. 347). Однако такая характеристика вряд ли относилась к Пальмерстону, который обладал непривлекательным голосом и замедленными манерами при произнесении речей, с которыми он мог выступать лишь после тщательной подготовки. Его политическим оружием было не слово, а перо, которым он мастерски пользовался, составляя грозные дипломатические ноты и протесты.

Пальмерстон был прирожденным бюрократом. Лорд имел к этой работе и склонности, и желание. Он обладал прекрасной физической формой для тяжелой бюрократической работы, проводя по восемь часов ежедневно за письменным столом, а затем посещая многочисленные светские рауты и дипломатические приемы. А.И. Герцен, имевший возможность наблюдать лорда в начале 50-х гг. в Лондоне, восхищался его «сильным организмом» (хотя лорду в то время было далеко за шестьдесят) и неистощимой энергией: «А вечно юный Пальмерстон, скачущий верхом, являющийся на вечерах и обедах, везде любезный, везде болтливый и неистощимый, бросающий ученую пыль в глаза на экзаменах и раздача премий – и пыль либерализма, национальной гордости и благородных симпатий в застольных речах...» (Герцен 1958: 109).

Лорд много работал, глубоко вникая во все вопросы, которыми занимался. Это затрудняло его оппонентам споры с ним, будь то иностранные дипломаты либо коллеги по министерству. За свою бюрократическую вьедливость и педантизм он уже в первые годы работы в Форин оффис получил прозвище «Пальмерстон-протокол» («Protocol Palmerston»).

Однако Пальмерстон не был безликим бюрократом от дипломатии. Лорд проявил себя и как активно действующий парламентарий. Недостаток ораторского мастерства он заменял отличным знанием всех мелочей обсуждаемых проблем, что являлось результатом их тщательной кабинетной проработки. Его выступления в парламенте обычно вызывали широкий резонанс среди британской общественности.

В конце 1830 г. российские дипломаты в Лондоне, казалось, были удовлетворены назначением лорда Пальмерстона главой Форин оффис. Посол князь Х.А. Ливен дал ему блестящую ха-

рактеристику в своем донесении в Петербург: «...это человек достойный и честный в полном смысле слова, искренний, открытый, добросовестнейший исполнитель своего слова; он обладает живым умом, быстрым соображением, здравым рассудком. И так как он долгое время участвовал в министерстве лорда Ливерпуля, потом Каннинга и даже герцога Веллингтона, то дела ему нисколько не чужды и не затрудняют его. К несчастью, добросовестность далеко не была отличительной чертой прежнего министерства. В этом отношении мы не только ничего не потеряли, но, наверное, выиграли» (Мартенс 1895: 444).

Увы, радужным прогнозам царского посла не суждено было сбыться. Британский министр очень скоро показал себя активным противником русских интересов в Европе и на Ближнем Востоке. И уже в 1832 г. русский посол в Париже К.О. Поццо ди Борго, не скрывавший личной неприязни к Пальмерстону, утверждал: «Он (Пальмерстон) не останавливается ни перед какими средствами: пути кривые и извилистые, клевета, умолчание, запирательство – все он считает пригодным. Россию считает он главным тормозом для осуществления своих разрушительных и безрассудных проектов» (Мартенс 1895: 554).

Такая резкая смена оценок произошла из-за того, что Пальмерстон прекрасно видел непримиримость англо-русских геополитических интересов в различных частях мира, особенно в ближневосточном регионе. Россия стремилась закрепить успех своей восточной политики, достигнутой в результате победы в войне 1828–1829 гг., утвердить свое влияние на Балканах и в Османской империи, установить контроль над черноморскими проливами Босфор и Дарданеллы. Великобритания же, с подозрением наблюдавшая за постепенным усилением российских позиций на Ближнем Востоке, опасалась дальнейшего проникновения России на Ближний Восток, особенно в Индию, поэтому главной целью своей восточной политики Пальмерстон считал вытеснение России из ближневосточного региона. Выполнить такую задачу Великобритания могла лишь в случае осуществления контроля над черноморскими проливами, т.е. заперев русский флот в Черном море и не выпуская его в Средиземное море. От этого, по мнению Пальмерстона, во многом зависела безопасность британских торговых путей на Восток, в Индию – богатейшую колонию Великобритании.

Так получилось, что именно в противостоянии с Россией Пальмерстон шлифовал свое дипломатическое мастерство. Он был одним из первых, кто стал использовать общественное мнение в качестве мощного орудия для проведения в жизнь своей внешнеполитической линии. Более, чем какой-либо другой политический или

государственный деятель XIX в., он знал, как обратиться к простому «человеку с улицы», представителю среднего класса, удачно используя идею британского воинствующего патриотизма (в английской политической терминологии – джингоизма). Лорд часто обращался за поддержкой к британской общественности, минуя политический истеблишмент, что было весьма необычно в то время. По словам американского историка П. Хейза, «Пальмерстон, как и Каннинг до него, вовремя понял ценность общественной поддержки» (Hayes 1975: 103).

Любое ухудшение англо-русских отношений сопровождалось соответствующими изменениями общественного мнения, которое в то время уже играло значительную роль в политической жизни Великобритании. Газеты и журналы раздували русофобские настроения среди англичан, пропагандируя ставшую популярной концепцию «русской опасности» для Индии. Лорд Пальмерстон лично принимал активное участие в формировании британского общественного мнения, используя его в качестве идеологического прикрытия для своего внешнеполитического курса. Руководитель британской дипломатии имел тесные контакты с редакциями таких крупных изданий, как «Глоуб», «Курир», «Обсервер», «Морнинг Кроникл» и др., писал для них передовицы, иногда заказывал статьи нужного ему содержания, используя деньги из секретных фондов. Он пытался «приручить» владельцев и редакторов этих газет. Так, в 1841 г. Пальмерстон рекомендовал владельцу «Морнинг Кроникл» к баронскому титулу. Он даже использовал в своих интересах «Таймс», которая в те годы обычно ориентировалась на его политических противников.

Пальмерстона иногда называют либеральным политиком за его поддержку либеральных движений в различных странах Европы. Однако, на наш взгляд, внешнеполитический «либерализм» лорда носил показной, конъюнктурный характер, обычно направленный на успокоение общественного мнения Великобритании. Однажды, выступая в палате общин по вопросу о возможной поддержке польского восстания 1830–1831 гг., он открыто заявил: «Великобритания не вмешивается во внутренние дела стран, где имеют место гонения на либеральные принципы, так как не имеет смысла начинать войну из-за абстрактных принципов» (*Opinions and Policy of the right honourable viscount Palmerston 1852: 249*).

Вероятно, Пальмерстона можно назвать «бескорыстным националистом», всегда и везде борющимся за выгоды Великобритании. Он признавал лишь одну цель – всемерную защиту британских интересов. Его главным внешнеполитическим принципом были слова, сказанные в парламентской речи 1848 г.: «У нас нет вечных со-

юзников и постоянных врагов. Наши интересы вечны и постоянны, и наш долг следовать этим интересам» (*Международные отношения на Балканах 1990: 14*). Характерно для него и другое высказывание: «Моя доктрина заключается в том, что мы должны полагаться только на себя; проводить свою собственную политику; преследовать свои собственные цели и действовать исходя из своих собственных принципов; использовать правительства других стран, насколько это возможно... но никогда не идти на поводу у них. Быть впереди них всюду, где это возможно, но никогда не следовать за ними» (*Billy 1993: 16*).

Хотя Пальмерстон и входил в свое время в торийские и вигско-либеральные правительства, его вряд ли можно назвать «тори», «вигом» или «либералом». Он никогда не выпячивал своих партийных пристрастий. Лорд не зависел от клановых или партийных связей, он был политически самодостаточен. У него не было устойчивых политических идеалов, Пальмерстон был прагматиком в политике. Это отчетливо отразилось в чередовании его партийных пристрастий: тори, каннингит, виг и даже либерал.

Пальмерстон свято верил в то, что британский тип конституционной монархии является лучшей формой государственного управления. Он часто рекомендовал его европейским политикам, которые намеревались проводить реформы в своих странах. Умеренная, либеральная конституция была для лорда средством установления монархической стабильности и избежания народных волнений. В своей внешнеполитической деятельности Пальмерстон стремился поддерживать такие государства, но в своей стране он без особого энтузиазма относился к проведению углубленных социальных и политических реформ. Только с большими оговорками он поддержал компромиссный Великий билль о реформе 1832 г., который незначительно расширил избирательные права буржуазии. Он пошел на этот шаг лишь тогда, когда увидел, что дальнейшее откладывание проведения избирательной реформы может привести к широкомасштабным народным протестам и, возможно, даже к социальной революции в Великобритании.

Будучи по рождению аристократом, Пальмерстон считал свой социальный класс руководящим и управляющим в Великобритании. Он был твердо уверен в том, что аристократия должна править Британией, так как имела для этого специальные знания и опыт. В 1831 г. Пальмерстон заявил в парламенте: «Землевладельцы [аристократы. – М.Ж.] являются великой основой, на которой держится вся остальная часть общества и государственные институты страны. Я не умаляю значения промышленников и коммерсантов, но земля страны и есть сама страна, и владелец зем-

ли имеет самый глубокий интерес в ее благосостоянии; тесно связанный с землей, он должен разделять судьбу своей страны как во время ее успехов, так и во время неудач» (Billy 1993: 18). Такие взгляды Пальмерстона и его внешнеполитический курс вполне устраивали не только либералов, но и многих консерваторов в парламенте.

Во время своего руководства Форин оффис Пальмерстон ввел новые нормы взаимоотношений своего министерства с правительством и короной. Так, в 1840-х гг. Пальмерстон успешно боролся с попытками королевы Виктории, активно поддерживаемой ее мужем, принцем-консортом Альбертом, вмешиваться в деятельность МИДа. В 1846 и 1847 гг. она особенно настойчиво требовала предоставления ей возможности просматривать все дипломатические депеши, чем вызывала крайнее возмущение Пальмерстона. Например, королева стремилась заставить Пальмерстона знакомить ее, как это предписывала королевская прерогатива, со всеми дипломатическими документами и перепиской. Он серьезно возражал, ссылаясь на полную секретность документации. Пальмерстон умудрялся показывать королеве лишь немногие документы. Таким образом, в те годы, когда лорд был министром иностранных дел, корона была почти полностью отстранена от формирования внешнеполитического курса Великобритании.

По указанию Пальмерстона копии дипломатических депеш или отрывков из них распространялись среди членов правительства, так как по наиболее важным внешнеполитическим делам кабинет обычно выносил коллегиальные решения. Однако Пальмерстон в интересах своего видения пути решения вопроса часто скрывал от правительства некоторые документы либо давал их выборочно. Особенно тщателен он был в отборе документов для оглашения в парламенте, которые должны были оправдывать его внешнеполитический курс. Специально отобранные депеши тщательно редактировались и представлялись в виде так называемых «Синих книг» (отчетов министров, издававшихся с разрешения парламен-

та). Справедливости ради надо отметить, что дипломатическую информацию в то время в таком объеме не публиковало ни одно правительство мира. Пальмерстон также широко использовал возможности частной переписки, что позволяло ему скрывать дипломатические ходы и идеи.

В 30–40-е гг. XIX в. Пальмерстону пришлось серьезно заниматься решением «восточного вопроса» в связи с обострением турецко-египетского конфликта. Сначала восточная политика Пальмерстона завершилась полным провалом. Пальмерстон, да и весь кабинет Грея в целом, проявили недостаточное внимание к проблемам ближневосточного региона, увлекшись решением европейских дел (проблемы, возникшие в связи с французской и бельгийской революциями 1830 г., польским восстанием 1830–1831 гг.). Пальмерстон явно недооценил заинтересованность России в преобладании на Ближнем Востоке, ее способность сопротивляться британскому диктату. Россия благодаря умелым военным и дипломатическим маневрам (в частности, 8 июля 1833 г. был подписан Ункяр-Искелесийский мирный договор с Турцией) сумела на некоторое время получить выгодный для себя режим черноморских проливов. Британское влияние в ближневосточном регионе было подорвано. Однако под давлением торгово-промышленных кругов Великобритании Пальмерстону удалось довольно быстро скорректировать свою восточную политику. Активно вмешавшись во второй турецко-египетский конфликт (1838–1841), он добился отмены Ункяр-Искелесийского договора, восстановив авторитет Великобритании на Ближнем Востоке. Однако восточный вопрос был далек от завершения. В последующие несколько лет Пальмерстон проявлял максимум внимания к решению этой проблемы, стремясь всеми доступными ему средствами и путями не допустить восстановления российского влияния в ближневосточном регионе. Пиком его восточной политики было успешное вовлечение Великобритании в Крымскую войну в 1854 г., которая завершилась поражением Российской империи.

СПИСОК СОКОРАЩЕНИЙ

НИИ – Новая и новейшая история

ЛИТЕРАТУРА

- Times. 1830. Vol. 14. 22 Nov.
 Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. Канцелярия. Оп. 469. Д. 139. Л. 347.
 Асташова А. Н., Кирюхин Л. Н. 2011. Генри Джон Темпл третий виконт Пальмерстон. Воронеж: ИПЦ «Научная книга».
 Виноградов В. Н. 2006. Лорд Пальмерстон в европейской дипломатии // НИИ 5, 182–209.
 Виноградов К. Б., Сергеев В. В. 1990. Лорд Пальмерстон. Жизнь и политическая деятельность // НИИ 4, 154–176.
 Герцен А. И. 1958. Былое и думы. Ч. 6 // Сочинения. Т. 6. Москва: ГИХЛ.

Мартенс Ф. Ф. 1895. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т. 11. Трактаты с Англией. 1801–1831. Санкт-Петербург: Типография Министерства Путей Сообщения (А. Бенке).

Международные отношения на Балканах. 1830–1856. 1990. Москва: Наука.

Billy G. J. 1993. Palmerston's Foreign Policy, 1848. New York: Peter Lang Publishing Inc.

Hansard's Parliamentary Debates 1830. 3rd series. Vol. 1. London: Hansard.

Hayes P. 1975. The Nineteenth Century 1814–1880. New York: Madison House.

Judd D. 2015. Palmerston. London: I. B. Tauris.

Opinions and Policy of the right honourable viscount Palmerston 1852. London: Colburn and Co.

Partridge M., Partridge K. 1994. Lord Palmerston, 1784–1865: A Bibliography. Westport (Conn.): Greenwood Press.

REFERENCES

Times, 22 November. Vol. 14 (1830).

Archive of Internal Politics of Russian Empire. Inventory 469. Case 139. Page 347. (In Russian).

Astashova A. N., Kirjuhin L. N. 2011. Genri Dzhon Temp'l' tretij vikont Pal'merston [Henry John Temple, 3rd Viscount Palmerston]. Voronezh: IPC «Nauchnaja kniga», 2011. (In Russian)

Vinogradov V. N. In: Novaya I Novejshaya istoriya [New history]. Vol. 5 (2006): 182–209. (In Russian).

Vinogradov K. B., Sergeev V. V. In: Novaya I Novejshaya istoriya [New history]. Vol. 4 (1990): 154–176. (In Russian).

Gerzen A. I. Byloe i dumy. Ch. 6. Sochinenija. T. 6 [The Past and Thoughts. Part 6. Essays. Volume 6]. Moscow: GIHL, 1958. (In Russian).

Martens F. F. Sbranie traktatov i konvencij, zakljuchennyh Rossiej s inostrannymi derzhavami. T. 11. Traktaty s Anglij. 1801–1831 [Collection of treaties between Russia and foreign countries. Volume 11. Treaties with England. 1801–1831]. Saint-Petersburg: Tip. Min-va Putej Soobshhenija (A. Benke), 1895. (In Russian)

Mezhdunarodnye otnoshenija na Balkanah. 1830–1856. Moscow: Nauka, 1990. (In Russian).

Billy G. J. Palmerston's Foreign Policy, 1848. N.Y.: Peter Lang Publishing Inc, 1993.

Hansard's Parliamentary Debates 1830. 3rd series. Vol. 1. L.: Hansard, 668.

Hayes P. The Nineteenth Century 1814–1880. N.Y.: Madison House, 1975.

Judd D. Palmerston. L.: I. B. Tauris, 2015.

Opinions and Policy of the right honourable viscount Palmerston 1852. L.: Colburn and Co, 588.

Partridge M., Partridge K. Lord Palmerston, 1784–1865: A Bibliography. Westport (Conn.): Greenwood Press, 1994.

M. V. Zholudov
Ryazan, Russia

RUSSOPHOBIA IN LORD PALMERSTON'S POLITICAL ACTIVITIES

Abstract. The article discusses Russian-British rivalry for dominance in the Balkans and in the Middle East region just before the Crimean War (1853–1856). The purpose of the paper is to show that Britain's entry into the war on the side of the Ottoman Empire was primarily dictated by the geopolitical interests of the British commerce and industry. The article stresses the role of one of the most prominent statesmen, Lord Palmerston in shaping British anti-Russian policy in «Eastern question». In the Russian historiography was generally considered diplomatic activity of the Lord directly during the Crimean War. The article deals with the initial period of his career and the formation of Palmerston's views on «the Eastern question» (1830–1840-s). Sources of studies are unpublished material of the Archive of foreign policy of the Russian Empire, published reports on the debates of the British Parliament, speeches of a diplomat, diplomatic correspondence, the British press materials.

Analysis of the sources of the author's work led to the following conclusions. Firstly, Lord Palmerston had a considerable personal influence on the foreign policy of Great Britain in the «Eastern question» in the 1830–1850-s. Thanks to his efforts, the country entered into the Crimean War on the side of the Ottoman Empire, which was one of the main reasons for the defeat of Russia in the war. Secondly, the basis of the anti-Russian foreign policy doctrine of Palmerston formed back in the 1830-s., when he served as Foreign Minister of Great Britain. Lord saw the intransigence of the Anglo-Russian geopolitical conflicts in the Middle East region, defended the interests of trade and industry of Great Britain. Thirdly, Palmerston has used new methods of diplomatic work, such as reliance on public opinion of the country and the extensive use of the media as a powerful tool to implement its foreign policy. It took personal part in the organization of anti-Russian campaign in the run-up to and during the Crimean War. It can be considered one of the pioneers of information wars in the history of world politics. Fourthly, Palmerston has actively opposed the intervention of the monarch in the process of formation of the foreign policy of Great Britain. He pursued an independent foreign policy. In those years, when the Lord was Minister of Foreign Affairs, the Crown was almost completely excluded from participation in the external affairs of the country.

Key words: History of Great Britain; History of Russia; Lord Palmerston; Eastern Question; 19 century; the Crimean War.

About the author: Mikhail Valentinovich Zholudov, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Universal History and International Relations.

Place of employment: Ryazan State University named after S. A. Yesenin.

Жолудов М. В. Русофобия в политической деятельности Лорда Пальмерстона // Вестник Нижневартковского государственного университета. 2017. № 2. С. 100–107.

Zholudov M. V. Russophobia in lord palmerston's political activities // Bulletin of Nizhnevartovsk State University. 2017. No. 2. P. 100–107.

УДК 94(420).06

Т. Л. Лабутина
Москва, Россия

НАРОДНЫЕ ДВИЖЕНИЯ В АНГЛИИ В ПРАВЛЕНИЕ КАРЛА II СТЮАРТА (1660–1685 гг.)

Аннотация. Статья посвящена изучению народных движений в Англии в период реставрации Стюартов, главным образом в правление Карла II (1660–1685 гг.). Цель данной работы заключается в анализе причин, выявлении движущих сил выступлений народных масс. Автор задается также целью проследить динамику развития народных движений. Источниками для исследования послужили материалы, сохранившиеся в «Календарях государственных бумаг Англии», «Журналы Палаты лордов» XVII в., свидетельства венецианских послов, очевидцев событий, помещенные в «Календарях государственных бумаг и рукописей» из архивов Италии, а также мемуарная литература (Дж. Эвелин). В статье показывается, как проводимая правительством Карла II Стюарта социально-экономическая и религиозная политика, отвечавшая интересам власть имущих, вызывала недовольство народных масс Англии. Выявляются причины антиправительственных выступлений трудящихся (недостаток средств к существованию, высокие цены на провизию, тяжелые налоги, безработица, нищета, религиозные гонения). Обращается внимание на характерную особенность народных движений периода Реставрации, заключающуюся в том, что наряду с крестьянами все более значительную роль в них начинает играть предпролетариат Англии. Автор приходит к заключению о том, что хотя народные движения носили неорганизованный, стихийный и разрозненный характер, тем не менее, они постепенно расшатывали устой стюартовской монархии и ускорили события Славной революции 1688–1689 гг.

Ключевые слова: Англия; XVII век; Карл II Стюарт; народные выступления; крестьяне; предпролетариат; диссентеры.

Сведения об авторе: Татьяна Леонидовна Лабутина, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник.

Место работы: Институт всеобщей истории РАН.

Контактная информация: 109444 г. Москва, ул. Ферганская, д. 15, кор. 2, кв. 112; тел. 89161499785, e-mail: tlabutina2007@yandex.ru.

В постсоветский период одним из актуальных направлений в исторической науке становится социальная история. В ее рамках изучается история народных движений. Заметим, что в советской историографии данная тема являлась одной из магистральных в научных исследованиях. Ситуация кардинальным образом изменилась в постперестроечную эпоху, когда в силу ряда причин иные сюжеты стали занимать внимание ученых. На наш взгляд, подобный «перекос» в изучении исторического прошлого чреват негативными последствиями, в первую очередь, утратой должной степени объективности при исследовании истории того или иного государства. В своей статье мы хотели бы привлечь внимание к слабо изученной в современной российской исторической науке проблеме народных движений в Англии в постреволюционный период, а именно в правление Карла II Стюарта (1660–1685 гг.).

29 мая 1660 г. после 17-летней эмиграции сын казненного во время революции короля Карла I торжественно въехал в Лондон. Встреча новоиспеченного монарха напоминала хорошо отрепетированный спектакль. «Улицы украшены цветами, знаменами и гирляндами. Вино бьет из фонтанов. Лорды, знать – в одежде, расшитой золотом и серебром. Громкая музыка и радостные крики. Толпы народа заполнили улицы», – так описывал встречу Карла II очевидец событий Джон Эвелин. «Такого радостного дня нация не знала прежде», с пафосом восклицал он (Evelin 1955: 246). Между тем, далеко не все англичане восприняли возвращение короля с восторгом. Среди них было немало недовольных свершившейся реставрацией Стюартов. В парламент поступала информация о многочисленных беспорядках в различных частях королевства, о «возмутителях и подстрекателях общественного спо-

койствия», об «опасных речах» против короля. Особое беспокойство вызывала армия, в рядах которой было немало сторонников О. Кромвеля. Некоторые солдаты высказывались против возвращения короля, произносили «угрожающие» речи, к примеру, капитан Сауфвольд открыто изъявил желание «порезать Его Величество на такие мелкие куски, как режут траву в горшок» (Bryant 1946: 71). Недовольство реставрацией проявляли и сектанты. Во время торжественной церемонии восшествия короля на трон 20 вооруженных «людей пятой монархии» выбежали на улицы Лондона и с криками: «Никакого короля, кроме Христа», начали нападать на прохожих. Как видно, далеко не вся нация была единодушна в проявлении радости по поводу реставрации монарха. Во всяком случае, народные низы отнеслись к ней явно негативно.

В правление Карла II народные выступления заметно активизировались. Главной причиной тому являлось прежде всего тяжелое материальное положение народных низов. Изнурительный труд рабочих мануфактур оплачивался так низко, что их семьи едва могли обеспечить себя ячменным хлебом. Заработная плата не могла покрыть даже минимальных расходов труженика. Сельские рабочие получали еще меньше, чем ремесленники и промышленные рабочие. Наиболее жестокой эксплуатации подвергался женский и детский труд. Период реставрации был ознаменован также ростом безработицы. Переход от феодального способа производства к капиталистическому «неизбежно порождал массу лишних, ненужных ни в деревне, ни в городе рабочих рук» (Лавровский, Барг 1958: 105). Кроме того, упадок торговли, закрытие мануфактур, огораживания приводили к увеличению числа безработных, страдавших от невозможности найти применение своему труду. Ряды безработных в значительной мере пополнялись еще и за счет армии, подлежащей роспуску. Однако правительство было бессильно справиться с безработицей. Заметно усилился процесс обнищания народных низов. Бедность нации, по словам памфлетиста Р. Хейнса, превратилась «в вооруженного врага, угрожавшего поработить все королевство» (ED 1972: 89). Историк Л. Кларксон подчеркивал, что основным злом Англии была даже не безработица, а «хроническая бедность тех, кто работал» (Clarkson 1972: 234).

Социально-экономическая, а также религиозная политика правительства вызывала острое недовольство в стране, и хотя период реставрации не знал столь мощных массовых движений, какими была отмечена Английская буржуазная революция, антиправительственные выступления в правление Карла II были значительными. Признаки недовольства существующим режимом стали

заметными в народе уже в первые годы реставрации. Налоговая политика, проводимая правительством, становилась одной из причин возмущения народа. Особую ненависть у населения вызывал «каминный» налог, предусматривавший уплату 2 шил. в год с каждого очага в доме. Налог был настолько обременителен, что даже состоятельные люди предпочитали скорее ломать свои каминные, нежели платить его. «Каминный» налог явился причиной народных выступлений во многих районах страны. Сведения о волнениях и беспорядках поступали из Лимы, Бристолья, Банбери, Шропшира. В Дорсетшире сборщика налогов даже убили. Виновников и зачинщиков беспорядков арестовывали. Однако, несмотря на репрессивные меры правительства, выступления народных низов против существующей налоговой системы продолжались на протяжении всего правления Карла II.

Причинами народных выступлений становились также высокие цены на провизию, прежде всего на хлеб, являвшийся основной едой бедняков. В 1660–1664 гг. волнения на этой почве произошли в Шербонре, Саутгемптоне, Крайстчерче, Гемпшире и других районах страны (CSPD, 1894–1913: 233, 252, 450, 516, 522). Рост цен в конце 1660-х – начале 70-х гг. вызвал новые волнения.

Значительными и массовыми оказались крестьянские волнения. Их причинами чаще всего становились продолжавшиеся в стране огораживания, что объяснялось незавершенностью буржуазной революции, от которой крестьяне практически ничего не получили. Борьба крестьян за общинное землепользование велась во многих районах: Восточной Англии, Глостершире, Дебшире. 18 мая 1661 г. в палате лордов была зачитана петиция от графа У. Бедфорда, сообщавшего о «беспорядках», вызванных крестьянами, поломавшими изгороди. Палата немедленно отреагировала на это сообщение, приняв решение оставить в неприкосновенности владения графа, а незаконные выступления крестьян подавить (JNL 1660–1666: 258). Как отмечал С.И. Архангельский, защита палатой интересов землевладельцев привела к «открытому восстанию крестьян-общинников, которое из аграрного в своей основе движения перерастает в движение политическое, направленное против короля и палаты лордов как органов, игнорирующих интересы общинников» (Архангельский 1960: 296).

Несмотря на репрессии со стороны властей, крестьяне вновь и вновь «нарушали спокойствие и владения» собственников. В апреле 1662 г. в палату лордов поступила информация из Гентингдоршира о том, что «некоторые лица возмутительным образом... разгородили и оставили открытыми» земли, принадлежавшие матери короля. В июне 1663 г. местом столкновений между

сельским населением и огораживателями стало Вилдмурское болото, расположенное в Линкольншире. И даже тот факт, что за спиной огораживателей стоял сам король – владелец этой земли, не остановило крестьян, отстаивавших в неравной борьбе право на общинное землепользование.

Активную роль в народных движениях начинают играть городские рабочие. В июне 1661 г. углекопы Дербишира нарушили указ палаты лордов о запрете на разработку рудников. Несмотря на запрет, 200 жителей «мятежным и бунтовщическим образом» продолжали копать рудники «для получения свинцовой руды на названных землях к большому ущербу для графа и разрушали его владения» (Архангельский 1960: 299). Наибольшую активность в народных выступлениях предпринимали ткачи. Особенно враждебно настроенными к правительству оказались ткачи Лондона. Серьезные выступления ткачей и присоединившихся к ним мясников произошли летом 1664 г. в Морфилдсе. Очевидец событий государственный секретарь Уильямсон сообщал: «Многие из ткачей – фанатики; их 40 тысяч, и среди них очень немногие доброжелательно настроены. Они учинили прошлой ночью шум, который потревожил многих честных людей» (CSPD 1894–1913: 664).

Одной из причин волнений и беспорядков, в которых принимали участие ткачи, стало усиление безработицы. Введение механических ткацких станков вызвало безработицу и явилось причиной выступлений ткачей в Лондоне, Вестминстере, Саутуарке. В 1675 г. в Саутуарке, Бермондси и Ньюингтоне мужчины и женщины, свыше 100 человек, проникли в дома и поломали ткацкие станки. В августе того же года ткачи Лондона напали на ткачей французской компании, в которых усматривали своих конкурентов, «поломали их станки, разгромили несколько домов, в которых те проживали». Аналогичные волнения произошли в Мидлсексе, Эсексе, Сери и Кенте (CSPD 1894–1913: 253, 257). Весьма обеспокоенный случившимся государственный секретарь Уильямсон писал: «Неизвестно, чем могут кончиться эти беспорядки... Необходимо остановить их и не допускать возможных повторений в будущем» (CSPD 1894–1913: 257). Известия о «мятежных и незаконных сборищах» ткачей дошли до короля, который незамедлительно издал указ: бунтовщиков «разогнать по домам под угрозой ареста», а тех, кто будет настаивать на продолжении «беспорядков», задерживать и брать под стражу.

Активное участие в антиправительственных выступлениях принимали также подмастерья, ученики, слуги. В апреле 1664 г. в Лондоне произошел инцидент, о котором венецианский

посол Альвиз Сагрето поведал следующее: «Двое молодых людей, назвавшихся учениками, за избивание своего хозяина были приговорены магистратом к тюремному заключению и «позорному» столбу. Но молодежь не смирилась с таким несправедливым отношением к их товарищам. 4 тыс. учеников, вооружившись камнями и палками, набросились на чиновников и освободили своих друзей. Лорд-мэр... немедленно вызвал вооруженный отряд милиции... Беспорядок был прекращен, двух его главных виновников не только возвратили к «позорному» столбу, но и жестоко избивали. Это действие властей усилило гнев учеников и на следующий день они собрались в еще большем количестве и угрожали снести дома олдерменов и других должностных лиц, участвовавших в экзекуции. Шум достиг стен дворца, и генерал Монк отдал приказ солдатам навести порядок. Но и тогда ученики продолжали протестовать, заявляя, что если судьи не будут наказаны, то они им отомстят» (CSPM 1932–1939: 10). Выступления учеников достигло таких масштабов и такого накала, что правительству пришлось прибегнуть к вооруженным отрядам милиции и даже армии.

Особое недовольство народа вызывала религиозная политика правительства. После реставрации монархии англиканская церковь вновь сделалась господствующей, и диссентеры (религиозные сектанты) стали ее противниками. Они проповедовали отмену государственной церкви и десятины, свободу совести, выступали за невмешательство властей в дела религии. Опасаясь, как бы пуританизм не стал той могущественной силой, какой он являлся в годы революции, парламент принял в 1662 г. серию жестоких статутов (Свод Кларендона), направленных против пуритан, отказавшихся конформироваться. В результате принятых законов пуританизм превратился в одну из нонконформистских сект. И хотя пуритане представляли собой одну из многочисленных и могущественных сект, они подверглись в правление Карла II таким же жестоким гонениям, как и все другие диссентеры.

Естественно, что проводимая правительством религиозная политика была встречена большинством сектантов «в штыки». В январе 1661 г. в Лондоне выступили «люди пятой монархии» во главе с Томасом Веннером, планировавшие «оказание сопротивления новому режиму». Фактически, как полагал историк Б. Ковард, заговорщики «не представляли реальной угрозы» для правительства, поскольку ряды их были малочисленны и к ним не присоединились солдаты и офицеры армии Кромвеля, демобилизованные к этому времени (Coward 1980: 250). Однако правительство опасалось «мятежных действий» сектантов и поэтому направило отряд милиции на их подавление.

Венецианский посол Франческо Джаварини 15 сентября 1662 г. писал в своем дневнике: «Пресвитериане высказывают все возрастающее беспокойство. Не признавая закона о единообразии, они объединяются с другими недовольными и сектантами и только ждут случая, чтобы разжечь новый огонь в Англии. Различные заговоры, затеваемые ими в Лондоне и других городах королевства, удалось обнаружить со значительными трудностями. Многие преступники, среди которых немало квакеров, арестованы. Как правило, заговорщики – лица низкого сословия, богатых диссентеров среди них немного» (CSPM 1932–1939: 187).

Наиболее радикальной и многочисленной сектой среди диссентеров являлись квакеры. Официальные бумаги и мемуары, содержавшие сведения о выступлениях сектантов, показывают, что квакеры играли в них активную роль. Весной 1663 г. волнения сектантов прокатились по всему королевству. «Беспорядки удалось прекратить, арестовав сотни квакеров, анабаптистов и других фанатиков», – свидетельствовал венецианский посол Франческо Джаварини (CSPM 1932–1939: 209). В августе того же года новая угроза заговоров сектантов возникла на севере, в Йоркшире. Герцог Бэкингам сам лично отбыл в Йорк, «чтобы навести там порядок и предотвратить возможные выступления», – сообщал в своем письме во Францию другой венецианский посол – Альвиз Сагрето. Осенью 1663 г. «фанатики в Чичестере разрушили здание англиканской церкви». Появилась угроза нового восстания на севере, где отмечались серьезные выступления квакеров, анабаптистов, «людей пятой монархии» (CSPM 1932–1939: 209, 261, 265, 270).

Для подавления волнений в Йорке, Ланкастере, Ноттингеме, Честере, Лондоне привлекались войска. Крупное выступление квакеров произошло в начале марта 1664 г. в Колчестере. «Квакеры подняли восстание и были рассеяны с большим трудом отрядами вооруженной милиции, – свидетельствовал Альвиз Сагрето. – Их главарь, Карл Бейлей, самый известный в секте квакеров, был арестован и отправлен в Тауэр, как инициатор заговора» (CSPM 1932–1939: 267, 286–287).

В конце 1660-х гг. выступления сектантов вновь усилились в различных графствах Англии. Информатор Джон Бишоп из Дарема сообщал государственному секретарю о «бунтарских и мятежных сборищах» 500 членов секты «святых» в Ньюкасле. Другой информатор, Ф. Андерсон писал из Ньюкасла: «Фанатики открыто собираются, с какой целью – неизвестно. Но я слышал их разговоры о полномочиях короля и его Совета» (CSPD 1894–1913: 72–73, 77). Как видно из данного сообщения, диссентеров волновали не

только вопросы религии, но и политическое устройство страны.

Крупные волнения сектантов произошли в Дувре и Йорке. Доктор Ханд из Дувра ставил в известность государственного секретаря: «Мы задыхаемся от схизмы и фракций, открыто собирающихся под разными названиями. Среди них – квакеры и анабаптисты ... нарушители общественного спокойствия и подстрекатели подданных Его Величества» (CSPD 1894–1913: 94–95). Сборщик налогов в Йорке сообщал 4 октября 1669 г. о том, что в городе регулярно проводятся тайные моленные собрания сектантов. Их посещают многие горожане. «Эти противозаконные сборища, – отмечал он, – напоминают печальные события недавней гражданской войны, и я полагаю, что они должны быть подавлены прежде, чем достигнут своего апогея» (CSPD 1894–1913: 516).

Усиление активности квакеров и анабаптистов было отмечено в 1675 г. Информаторы сообщали о численном росте квакеров и их открытых массовых «сборищах», которые могли «привести к восстанию». В Ярмуте сектанты «учинили такие беспорядки», что даже вызвали удивление и беспокойство за возможные последствия у самого короля (CSPD 1894–1913: 532). Преследуемые правительством диссентеры нередко прибегали к насильственным мерам борьбы. Они разрушали здания англиканских церквей, избивали информаторов, проникавших на их моленные собрания. Один из агентов правительства, доносивший о собраниях сектантов, был разоблачен и застрелен.

Бесспорно, что выступления сектантов расширяли и углубляли движение народных масс, направленное против режима реставрации. Приведенные факты свидетельствовали о том, что борьба народных масс против власти имущих не затихала на протяжении всего периода правления Карла II. Накал борьбы порой достигал такой остроты, что даже сторонние наблюдатели отмечали в нации «готовность к революции» (CSPM 1932–1939: 29). Как правило, выступления народных масс являлись неорганизованными, стихийными и разрозненными по своему характеру. Требования их были нечетко выраженными и носили чаще всего экономический либо религиозный характер. Правительство пыталось найти причину «беспорядков» в подстрекательских петициях парламенту, в которых «вначале выражают гнев на некоторые незаконные требования, затем начинают протестовать, а потом и объединяться, чтобы выступить против законного правительства» (Beloff 1938: 91). Однако истинные причины выступлений чаще всего крылись в тяжелом материальном положении трудящихся масс.

Заметим, что правительство жестоко расправлялось с любыми проявлениями народного

возмущения, привлекая порой даже отряды милиции и армии. Штрафы, аресты, конфискация скота и имущества – все эти средства использовались властью предрежущими. Особенно сурово карались преступления, направленные против частной собственности. Иногда виновные в таких преступлениях подвергались смертной казни.

Подведем итоги. Проводимая правительством Карла II Стюарта социально-экономическая, а также религиозная политика, отвечавшая интересам власть имущих, вызывала недовольство народных масс. Бедственное положение, в котором находились трудящиеся, страдавшие от недостатка средств к существованию, высоких цен на провизию, бремени налогов и религиозных гонений, безработицы и нищеты, поднимало их

на борьбу с господствующими классами. Характерная особенность народных движений периода реставрации заключалась в том, что наряду с крестьянами все более значительную роль в них начинают играть предпролетариат Англии. Выступления трудящихся масс происходили в различных районах страны на протяжении всего периода правления Карла II. Характерно, что социальное недовольство низов нередко выливалось в движения, все еще рядившиеся в религиозные «уборы» (выступления диссентеров). Народные движения носили, как правило, неорганизованный, стихийный и разрозненный характер, тем не менее, они постепенно расшатывали устой стюартовской монархии и ускорили события Славной революции 1688–1689 гг.

ЛИТЕРАТУРА

Архангельский С. И. 1960. Крестьянские движения в Англии в 40-х – 50-х годах XVII в. Москва: АН СССР.

Лавровский В. М., Барг М. А. 1958. Английская буржуазная революция. Москва: Издательство социально-экономической литературы.

Beloff M. 1938. Public Order and Popular Disturbances. 1660–1714. London: Oxford University Press.

Bryant A. 1946. King Charles II. London; New York: Longmans, Green and Co.

Clarkson L.A. 1972. The Preindustrial Economy in England 1500–1750. London: Schocken Books.

Coward B. 1980. The Stuart Age. A History of England. 1603–1714. London; New York: Longman.

CSPD 1894–1913: Calendar of State Papers. Domestic Series. London. Vol. XI–XX.

CSPM 1932–1939: Calendar of State Papers and Manuscripts Relating to English Affairs, Existing in the Archives and Collections of Venice and in Other Libraries of Northern Italy. London. Vol. XXXIII–XXXVII.

ED 1972: Seventeenth-Century Economic Documents / Thirsk J, Cooper J. (eds.). Oxford: Oxford University Press.

Evelyn J. 1955. The Diary of John Evelyn. Vol. III. Oxford: Oxford University Press.

JHL 1660–1666: Great Britain. Parliament. House of Lords. Journals. Vol. XI. London.

REFERENCES

Arhangelskii S. I. Krestianskii dvijenia v Anglii v 40–50-h godah XVII v. [The peasant movement in England in the 40–50 years of the XVII century]. Moscow: AN SSSR Publ. house, 1960. (In Russian).

Lavrovskii V. M., Barg M.A. Angliiskay butjuaznaya revolyuzia [The English bourgeois revolution]. Moscow: Publishing House of Social – Economic Literature, 1958. (In Russian).

Beloff M. Public Order and Popular Disturbances. 1660–1714. London, 1938.

Bryant A. King Charles II. London – New York, 1946.

Clarkson L. A. The Preindustrial Economy in England 1500–1750. London, 1972.

Coward B. The Stuart Age. A History of England. 1603–1714. London – New York, 1980.

CSPD 1894–1913. Calendar of State Papers. Domestic Series. London, vv. XI–XX.

CSPM 1932–1939. Calendar of State Papers and Manuscripts Relating to English Affairs, Existing in the Archives and Collections of Venice and in Other Libraries of Northern Italy. London, vv. XXXIII–XXXVII.

Seventeenth-Century Economic Documents/Ed. by J.Thirsk, J.Cooper. Oxford: Oxford University Press, 1972.

Evelyn J. The Diary of John Evelyn. Oxford, Vol. III, 1955.

JHL 1660–1666. Great Britain. Parliament. House of Lords. Journals. London, Vol. XI.

T. L. Labutina
Moscow, Russia

THE POPULAR MOVEMENT IN ENGLAND IN THE REIGN OF CHARLES II STUART (1660–1685)

Abstract. Article is devoted to studying of people's movements in England during Stuarts' Restoration, mainly in Charles II's rule (1660–1685). The purpose of this work consists in the analysis of the reasons, identifications of driving forces of performances of a people at large. The author also aims to trace dynamics of development of people's movements. The materials remained in «Calendars of State Papers. Domestic Series», «Journals of House of Lords» of the 17th century, certificates of the Venetian ambassadors, eyewitnesses of the events placed in «Calendars of State Papers and Manuscripts» from archives of Italy and also memoirs literature (J. Evelyn) were sources

for the research. The article shows how the social, economic and religious policy which was carried out by Charles II Stuart's government being equitable to interests of the mighty of this world caused discontent of people at large in England. The reasons of anti-government protests of workers (a lack of means of livelihood, the high prices of provisions, heavy taxes, unemployment, poverty, religious persecutions) are ascertained. The attention is also paid to the characteristic of people's movements of the Restoration period. During that period the pre-proletariat of England along with peasants begins to play more and more significant role. The author comes to conclusion that though people's movements had unorganized, spontaneous and separate character, nevertheless, they gradually loosened foundations of the Stuart's monarchy and accelerated events of Glorious Revolution of 1688–1689.

Key words: England; XVIIIth century; Charles II Stuart; popular unrest; peasants; prepalatial; dysentery.

About the author: Tatiana Leonidovna Labutina, Doctor of Historical Sciences, Professor, leading researcher.

Place of employment: Institute of Universal History of Russian Academy of Sciences.

Лабутина Т. Л. Народные движения в Англии в правление Карла II Стюарта (1660–1685 гг.) // Вестник Нижегородского государственного университета. 2017. № 2. С. 107–112.

Labutina T. L. The popular movement in England in the reign of Charles II Stuart (1660–1685) // Bulletin of Nizhnevartovsk State University. 2017. No. 2. P. 107–112.

УДК 94(420) «1457/1485»

А. Г. Праздников
Киров, Россия

СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ УЧАСТНИКОВ БИТВЫ ПРИ МОРТИМЕР КРОСС 2 ФЕВРАЛЯ 1461 ГОДА

Аннотация. Целью статьи является изучение социального состава участников одной из битв периода Войн Роз в Англии. Хотя событийная сторона этого конфликта известна достаточно подробно, основной дискуссионной проблемой является степень влияния войн на общество и вовлеченность в них представителей различных социальных групп. Ее решение возможно в плоскости составления «коллективных биографий» с помощью метода просопографии.

Изучение социального состава участников отдельного сражения является одним из шагов в достижении данной цели. Информация об участниках битвы содержится в основном в нарративах («Краткая английская хроника», «Хроника Грегори», «Анналы» и «Итнерарий» Уильяма Уорчестера). Их сведения были сопоставлены с официальными источниками («Парламентские Свитки», материалы Канцелярии и казначейства). В результате было поименно установлено 35 человек, участвовавших в сражении, из них 20 сражались на стороне Ланкастеров и 15 – на стороне Йорков. Полученные выводы можно разделить на три направления. Во-первых, были установлены отношения, которые существовали между приверженцами каждой стороны конфликта. Три графа и два лорда – представители светского нобилитета, командовали армиями в сражении. Основную группу известных нам участников сражения представляли рыцари и сквайры (20 человек). В тех случаях, когда удалось реконструировать биографические данные этих людей, можно говорить об основных мотивах выбора стороны конфликта. Это прежде всего личные отношения с лордом, родственные и матримонические связи. Большинство дворян занимали значительное положение в своих графствах, поэтому в противоборствующих армиях они должны были играть роль офицеров среднего и младшего звена. Во-вторых, был рассмотрен территориальный состав данной группы по графствам. Вразрез с имеющимися в научных исследованиях утверждениями, нельзя говорить о четкой территориальной принадлежности дворянства. Хотя на стороне графа Пемброка и графа Уилтшира (ланкастерцы) преобладали выходцы из Уэльса, а среди сторонников графа Марча (Йорк) было много представителей Херефордшира, уроженцы этих регионов (или связанные с ними лица) были и в рядах противоположных армий. В-третьих, были изучены модели социально-политического участия дворян в предшествующие и последующие периоды Войн Роз. Среди этих людей большинство лишь единожды сделали выбор партии, на стороне которой они сражались, не изменяя ему.

Ключевые слова: Войны Роз; битва при Мортимер Кросс; Ланкастеры и Йорки; социальный состав участников.

Сведения об авторе: Андрей Геннадьевич Праздников, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории и философии.

Место работы: Вятская государственная сельскохозяйственная академия.

Контактная информация: 610017 г. Киров, ул. Октябрьский проспект, д. 133, тел. 8 (8332) 54-86-88, e-mail: andrei-selek@mail.ru.

В ноябре 1460 г. граф Эдуард Марч, сын герцога Йорка, отправился в Западный Мидлендс и уэльские марки собирать армию для противостояния силам Ланкастеров. Ему удалось установить контроль в регионе, заручившись поддержкой или дружеским нейтралитетом крупных городов (Глостер, Шрусбери, Бристоль, Ковентри), и создать преграду для Джаспера Тюдора, наступающего из Уэльса (Fleming 2015: 101–102). В первых числах января до него дошли сведения о гибели его отца и главы «партии» Белой Розы герцога Ричарда Йорка. Победившие ланкастерцы, лидером которых в тот момент стала королева Маргарита Анжуйская, начали свой марш на юг, а союзник графа Марча – Ричард Невилль, граф Уорик – собирал в Лондоне силы, готовые им противостоять. В этих условиях главной задачей Эдуарда было остановить уэльских сторонников Ланкастеров, не позволив им соединиться с основными силами Маргариты Анжуйской, и эта задача была им достигнута в битве при Мортимер Кросс 2 февраля 1461 г. (Grummitt 2013: 68–69).

В исторической литературе достаточно подробно рассмотрены события, как предшествовавшие битве, так и ставшие ее последствиями. То же самое можно сказать обо всех сражениях периода Войн Роз. Однако не событийная сторона этого конфликта является предметом современной историографической дискуссии, а его влияние на английское общество второй половины XV столетия. Существуют различные подходы к решению этой задачи. Степень влияния трудно измерить в конкретных показателях, однако там, где это возможно, стоит попытаться взглянуть на участие в борьбе представителей не гипотетических сословий, а реальных социальных групп. Как правило, в источниках содержится эпизодическая информация об участниках Войн, исключая главных действующих лиц – претендентов на трон и их сторонников – лордов. Тем не менее, привлечение максимально широкого круга источников может позволить расширить их круг, увидев представителей средних и даже низших слоев общества, принимавших участие в тех событиях. В некоторых случаях есть возможность проследить поведение этих людей на протяжении определенного времени, понять причины, побудившие их поддержать ту или иную «партию». В данной статье попытаемся решить эту задачу на примере одного из сражений, чтобы в дальнейшем, проведя аналогичные исследования других ключевых событий Войн Роз, иметь возможность для проведения сравнительного анализа. Впрочем, определенные выводы о степени и характере участия в них представителей различных социальных групп можно будет делать сразу.

Источниковая база по истории сражения при Мортимер Кросс невелика, даже по сравне-

нию с другими эпизодами Войн Роз. Наиболее близкой по времени написания к самой битве является «Краткая английская хроника», заканчивающаяся событиями 1465 г. (Short English Chronicle 1880: 76). В 1469 г. обрываются события в лондонской «Хронике Грегори», которая также содержит описание сражения при Мортимер Кросс (Gregory's Chronicle 1876: 211). Уильям Уорчестер (ок. 1415 – ок. 1482), уроженец Бристоля и выпускник Оксфордского университета, оставил два описания битвы: одно из них содержится в «Анналах королевства Англии» (Worcester 1864: 776), другое – в «Итинерарии» или описании путешествия, где упомянуто 28 участников битвы. (К сожалению, нам оказался недоступен текст последнего произведения, однако на него ссылается, называя имена всех участников, Х.Т. Иванс в книге «Уэльс и Войны Роз» (Evans 1915: 122–124, 128)). Еще восемь человек называет известный антиквар XVI в. Джон Стоу (Stow 1603: 685). Хотя его «Анналы» нельзя считать источником в полном смысле слова, но трудолюбие и тщательность, с которой автор производил отбор архивного материала, внушают уверенность, что эти имена не являются вымышленными. В других нарративах битва при Мортимер Кросс также упоминается, но в них не фигурируют имена участников, за исключением командующих лордов.

На основании хроник частично был реконструирован состав участников сражения при Мортимер Кросс. Значительная часть персональной информации была обнаружена в официальных документах: «Парламентских Свитках» и «Свитках» канцелярии и казначейства (Close Rolls, Patent Rolls, Fine Rolls).

Сведения источников относительно численности армий Йорков и Ланкастеров вряд ли могут считаться достоверными, что в целом характерно для средневековых хроник. Так, по данным «Краткой английской хроники» у Эдуарда Марча было 30 тыс. чел. (Short English Chronicle 1880: 76), а согласно Уильяму Уорчестеру – 50 тыс. чел. (Worcester 1864: 776): цифры совершенно нереалистичные ни в целом для английского общества XV в., ни для времени, в течение которого эта армия была мобилизована. Армия графа Пемброка, по сообщению того же Уорчестера, насчитывала 8 тыс. чел., а ее потери составляли 3 тыс. чел. (Gregory's Chronicle 1876: 211; Short English Chronicle 1880: 76) или 4 тыс. чел. (English Chronicle 1856: 110). Но даже если учесть, что в сражении принимало участие не несколько десятков тысяч, а лишь тысячи человек, мы знаем лишь малую толику из них.

Командующими войском ланкастерцев были Джаспер Тюдор, граф Пемброк, сводный брат Генриха VI (его матерью была Екатерина Валуа,

дочь французского короля Карла VI и вдова английского короля Генриха V), и Джеймс Батлер, граф Уилтшир, один из приближенных Генриха VI и Маргариты Анжуйской, женатый на Элеоноре, сестре герцога Сомерсета, возглавлявшего

идушую с севера армию. Других представителей высшей знати в рядах Алой Розы не было.

Сословная принадлежность участников битвы при Мортимер Кросс

Социальный статус	Ланкастеры	Йорки
Граф	2	1
Лорды	–	2
Рыцари	6	10
Сквайры	4	–
Камерарий	1	–
Не указан	7	2
ВСЕГО	20	15

Эдуарда Марча поддержали два лорда: Джеймс Туше, лорд Одли, перешедший на сторону йоркистов в 1460-м году и с тех пор всегда поддерживавший их; и лорд Реджинальд Грей Уилтон из Херефордшира, который не участвовал ни в одной битве ни до, ни после Мортимер Кросс, и вообще никак не проявлял активность в другие периоды Войн Роз, хотя (или благодаря этому) дожил до 1494 г. и умер в возрасте 74 лет.

Большинство известных участников сражения при Мортимер Кросс (как и в других битвах Войн Роз) составляют представители среднего и мелкого дворянства – рыцари и сквайры. Именно они, держатели земель и свитские лордов, составляли костяк армий, выполняя обязанность являться с вооруженными слугами по требованию своих сеньоров. Трое рыцарей, сражавшихся на стороне графа Марча, в дальнейшем будут вознаграждены за свою приверженность Йоркам титулами и пополнят ряды лордов. Это сэр Хамфри Стаффорд из Уилтшира, сын сэра Уильяма Стаффорда, погибшего в 1450 г. во время восстания Джека Кэда, ставший лордом во время коронации Эдуарда IV; сэр Уолтер Деверё, шериф Херефордшира в 1447 г. (Calendar of Fine Rolls 1939: 82), стюард герцога Ричарда Йорка в Уэльсе (Ross 1974: 31), подвергшийся конфискации имущества за поддержку герцога в 1459 г. (Rotuli Parliamentorum (Vol. 5) 1832: 348–349), – он также после коронации первого короля из династии Йорков станет лордом Феррерсом Чартли; и сэр Уильям Герберт из Монмутшира, женатый на Энн, сестре Уолтера Деверё, шериф Глэморгана и констебль Уска в 1460 г. (Calendar of the Patent Rolls (1452–1461) 1971: 549), также уже поддерживавший герцога Йорка в 1459 г. (Calendar of the Patent Rolls (1452–1461) 1971: 594), – будет пожалован титулом лорда Герберта в том же году и графа Пембрука (титул Джаспера Тюдора) в 1468 г. Рядом с сэром Уильямом Гербертом при Мортимер Кросс были его родной брат Ричард (женатый на дочери Томаса ап Гриффита ап Николаса, сражавшегося на стороне Джаспера Тюдора); единоутробный брат

– сэр Роджер Вогэн из Поуиса и его родственник Филип Вогэн из Херефордшира. В числе поддержавших графа Марча рыцарей встречаем сэра Ричарда Крофта из Херефордшира, в прошлом хранителя замка Ладлоу, принадлежавшего герцогу Ричарду Йорку (в 1459 г. также поддерживал герцога, но получил прощение (Calendar of the Patent Rolls (1452–1461) 1971: 539)); сэра Уильяма Нилла из Херефордшира; сэра Джона Линелла из Херефордшира; сэра Уильяма Двинна из Кармартеншира.

На стороне ланкастерцев был сэр Оуэн Тюдор, отец графа Пемброка, хранитель пяти парков в Денбишире (Calendar of the Patent Rolls (1452–1461) 1971: 494). Хотя основным силам Пемброка и Уилтшира удалось отступить, сэр Оуэн попал в плен и был казнен по приказу графа Марча с девятью другими капитанами-ланкастерцами (Worcester 1864: 776). Сторонником графа Пемброка был сэр Джон Скайдмор из Херефордшира с братьями Генри, Джеймсом и Уильямом. Все они – внуки по линии матери знаменитого Оуэна Глэндоуэра, их отец сэр Джон Скайдмор был шерифом Херефордшира в 1449 г. (Calendar of Fine Rolls 1939: 145) и констеблем многих королевских замков в Южном Уэльсе. Сэр Джон Скайдмор-младший в том же году был капитаном замка Пемброк и сдал его йоркистам при условии сохранения ему жизни и имущества; тем не менее в парламенте того года его имущество подверглось конфискации (Rotuli Parliamentorum (Vol. 6) 1832: 29). В рядах ланкастерцев также сражались сэр Томас Пирот, стюард лордства Пемброк в 1450 г. (Calendar of the Patent Rolls (1446–1452) 1971: 326), и сэр Томас ФицГенри из Херефордшира. Последний рыцарь был одним из наиболее преданных сторонников дома Ланкастеров: об этом говорит то, что 6 марта 1461 г. Эдуард Марч обещал 100 фунтов за его голову (Calendar of the Close Rolls 1949: 55–56). 20 февраля 1462 г. и 5 февраля 1465 г. его земли в Херефордшире были переданы Ричарду Герберту (Calendar of the Patent Rolls (1461–1467) 1897: 77, 372).

Итак, как мы видим, большинство дворян, упомянутых в хрониках, – это люди, имеющие определенный статус в Уэльсе или пограничных графствах. Таким образом, скорее всего, речь идет об офицерах младшего и среднего звена. Они сражались на одинажды выбранной стороне и не меняли ее ни в прошлом, ни в будущем. С лордами и друг с другом многих из них связывали не только личные отношения сеньориальной зависимости, но и родственные и матримониальные узы.

Необходимо внести коррективы и в территориальный состав армий. Энтони Гудмэн, изучавший военную составляющую социально-политического конфликта второй половины XV в., считал, что Эдуарда поддерживали дворяне англо-уэльского пограничья, опасавшиеся разорения своих земель, тогда как силы ланкастерцев состояли в основном из валлийцев (Goodman 2002: 49). У автора «Краткой английской хроники» имеется уточнение о том, что армия ланкастерцев состояла из валлийцев, французов, ирландцев и бретонцев (Short English Chronicle 1880: 77). Указание на французов и бретонцев могло быть связано с тем, что в дальнейшем (но уже после своего поражения в 1461 г.) многие ланкастерцы, в том числе и Джаспер Тюдор, эмигрировали на континент и занимались там вербовкой отрядов для вторжения в Англию. Зная об этом, автор мог предположить или ошибочно указать, что наемники с континента привлекались графом Пемброком уже в конце 1460 – начале 1461 г. Что же касается ирландцев, то их появление (в битве или же только в хронике) должно было быть связано с Джеймсом Батлером, графом Уилтширом, вторым командующим Ланкастеров, который также являлся графом Ормондом в Ирландии. Более достоверных свидетельств наличия в рядах ланкастерцев иностранцев нами обнаружено не было.

Однако территориальный анализ состава участников показывает, что выходцы из одних и

тех же графств сражались на противоположных сторонах. Так, 11 валлийцев действительно поддержали Джаспера Тюдора (Оуэн Тюдор, Хопкин Дэви, Хопкин ап Рис, Льюис ап Рис, Мэнсел Филип, Морган ап Риутиир, Оуэн ап Гриффит, Томас Пирот, Льюис Поуис, Томас ап Гриффит, и, вероятно, Ллойд Дэвид). Однако и на стороне Эдуарда Марча было шестеро человек, связанных с Уэльсом (Уильям Двинн, Генри ап Гриффит, Уильям и Ричард Герберты, Роджер Вогэн и неизвестный «комерарий Гринедда»). И в то же время, хотя многие дворяне из Херефордшира действительно были с представителем Йорков, род Скайдморов примкнул к сторонникам Ланкастеров.

Как социальный, так и территориальный анализ состава участников сражения показывает, что их поведение прежде всего определялось личными связями, сложившимися в предшествующее время, нежели соображениями политической целесообразности или даже желанием защитить свои поместья от возможного разорения. Среди них есть несколько человек, подвергавшихся объявлению государственными изменниками, лишению гражданских и имущественных прав, штрафам за год с лишним до рассматриваемых событий за поддержку герцога Йорка, а также те, кто испытает все это на себе через непродолжительное время, но уже за верность Ланкастерам. Однако столь суровые наказания, тем не менее, не заставили их изменять своим лордам. Среди участников сражения при Мортимер Кросс не было фактов предательства, которые встречались (хотя и не так часто) у других лиц, активно действовавших в период Войн Роз. На основании этого нужно признать, что идеалы рыцарского служения, ассоциирующиеся со средневековым этосом, в этой среде еще не изжили себя.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Calendar of Fine Rolls. 1939. Vol. 18. 1445–1452. London: His Majesty's Stationery Office.
- Calendar of the Close Rolls. 1949. Edward IV. Vol. 1. 1461–1468. London: His Majesty's Stationery Office, 599.
- Calendar of the Patent Rolls. 1897. Edward IV (1461–1467). London: Her Britannic Majesty's Stationery Office.
- Calendar of the Patent Rolls. 1971a. Henry VI. Vol. 5. 1446–1452. London: Her Britannic Majesty's Stationery Office.
- Calendar of the Patent Rolls. 1971b. Henry VI. Vol. 6. 1452–1461. London: Her Britannic Majesty's Stationery Office.
- English Chronicle of the reigns of Richard II, Henry IV, Henry V and Henry VI. 1856 / Davies J.S. (ed.). London: J.B. Nichols and sons.
- Evans H. T. 1915. Wales and the Wars of the Roses. Cambridge: Cambridge University Press.
- Fleming P. 2015 The battles of Mortimer's Cross and Second St. Albans: The regional dimension // Clark L. (ed.). The Fifteenth Century. Vol. XIV. Essays Presented to Michael Hicks. Woodbridge: Boydell & Brewer, 101–102.
- Goodman A. 2002. The Wars of the Roses: Military activity and English society (1452–1497). London; New York: Routledge.

Gregory's Chronicle 1876 // Gairdner J. (ed.). The Historical Collections of a Citizen of London in the Fifteenth Century. London: Nicholas and sons, 57–293.

Grummitt D. 2013. A Short History of the Wars of the Roses. London: I. B. Tauris & Co Ltd.

Ross C. 1974. Edward IV. Berkeley; Los Angeles: University of California Press.

Rotuli Parliamentorum. 1832. Vol. 5 / Strachey J. (ed.). London: Record Commission.

Rotuli Parliamentorum. 1832. Vol. 6 / Strachey J. (ed.). London: Record Commission.

Short English Chronicle 1880 // Gairdner J. (ed.) Three Fifteenth century Chronicles. London: J. B. Nichols and sons, 1–80.

Stow J. 1603 Annals of England to 1603. Available at: <http://www.archive.org/details/annalsofenglandt00stow> (Accessed on: 14.12.2016).

Worcester W. 1776. Annales rerum anglicanum // Stevenson J. (ed.) The Letters and Papers illustrative of the Wars of English in France during the Reign of Henry the Sixth. Vol. 2. Pt 2. London: James Parker and Co., 743–793.

A. G. Prazdnikov
Kirov, Russia

THE SOCIAL STRUCTURE OF THE PARTICIPANTS OF THE BATTLE OF MORTIMER'S CROSS 2 FEBRUARY 1461

Abstract. The study of the social composition of participants in one of the battles of the War of the Roses in England is the aim of the article. Although the events of this conflict is known in sufficient detail, the main discussion issue is the impact of wars on society and the involvement of representatives of different social groups. Its solution is possible by drawing up of the «collective biographies» using the method of prosopography.

The study of the social composition of participants in individual battle is one step in achieving this goal. Information about the participants of the battle contains mostly in narratives (Short English Chronicle, Gregory's Chronicle, Annales and Itinerarium of William Worcester). Their information was compared with official sources (Rotuli Parliamentorum, Close Rolls, Patent Rolls, Fine Rolls). The result was a set the names of 35 people who participated in the battle, 20 of them fought on the side of Lancaster and 15 on the side of York. The conclusions can be divided into three parts. First, the relationship that existed between the adherents of each side of the conflict were established. Three earls and two lords – the representatives of secular nobility, commanded armies in battle. A core group of known participants of the battle were represented by the knights and squires (20). We can talk about the basic motives of choice of the conflict parties, when it was possible to reconstruct the biographical information of these people. There are a personal relationship with the lords, kinship and marital ties. The majority of the gentry occupied a significant position in their counties, therefore, in opposing the armies they were supposed to play the role of middle and minor officers. Secondly, territorial structure of the group was considered. We cannot talk about a clear territorial belonging of the gentry groups in the Mortimer's Cross, contrary to the research propositions. Although representatives of Wales prevailed on the side of the Earl of Pembroke and the Earl of Wiltshire (Lancasters), and many representatives of Herefordshire were among the supporters of the Earl of March (York), natives of these regions (or related persons) were in the ranks of the opposing armies. Third, models of socio-political participation of gentry in the preceding and subsequent periods of the Wars of the Roses were studied. Among the majority of people only once made the choice of the party on which side they fought, not changing it.

Key words: the Wars of the Roses; battle of Mortimer's Cross; Lancaster and York; social structure of the participants.

About the author: Andrey Gennadievich Prazdnikov, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Head of Department of History and Philosophy.

Place of employment: Vyatka State Agricultural Academy.

Праздников А. Г. Социальный состав участников битвы при Мортимер Кросс 2 февраля 1461 года // Вестник Нижневартковского государственного университета. 2017. № 2. С. 112–116.

Prazdnikov A. G. The social structure of the participants of the battle of Mortimer's Cross 2 february 1461 // Bulletin of Nizhnevartovsk State University. 2017. No. 2. P. 112–116.

ЖЕНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ ЗА ГРАЖДАНСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРАВА В США (вторая половина XIX – начало XX вв.)

Аннотация. Статья посвящена одной из актуальных проблем в современной исторической науке – женскому движению за гражданские и политические права в США во второй половине XIX – начале XX в. Важность темы заключается в том, что в настоящее время значительно возрос интерес к женской истории. Отечественные и зарубежные историки занимаются исследованием разнообразных аспектов борьбы женщин за свои права. Это обусловлено тем, что положение женщин в обществе является острой социальной проблемой с позиции правовых норм и морально-нравственных принципов. При этом отдельный интерес вызывает американское женское движение, которое стало предметом данного исследования.

Настоящее исследование основано на документальных материалах, которые расположены на официальном сайте «Библиотеки Конгресса США» в сети Интернет и содержат информацию о лидерах женского движения в США, об их мировоззренческих взглядах, о методах борьбы американских женщин за гражданские и политические права и т.д. Отдельное внимание автор уделил анализу текстов документов, которые были разработаны в процессе проведения различных съездов участников женского движения (например, «Декларация чувств», резолюции и т.д.).

Работа с данными материалами осуществлялась при помощи общенаучных методов исследования: описания, анализа и сравнительно-сопоставительного метода, а также с использованием специальных методов исторического исследования: историко-сравнительного метода и культурно-семиотического подхода.

В ходе исследования было определено, что женское движение начало формироваться в США еще в первой половине XIX в. При этом на усиление борьбы женщин за свои права во второй половине XIX в. повлияли социально-экономические, этнокультурные и идеологические факторы. В работе также изучены причины активизации женского движения, проанализирована его социальная база и особенности мировоззрения американских активисток (Элизабет Кэди Стэнтон, Лукреция (Коффин) Мотт, Сьюзен Энтони, Люси Стоун и др.).

Результаты проведенного исследования позволяют реконструировать отдельные аспекты женского движения в США во второй половине XIX – начале XX в.

Ключевые слова: гражданские права; Декларация независимости Соединенных Штатов Америки; Декларация чувств, Лукреция (Коффин) Мотт; политические права; суфражизм; Сьюзен Энтони; Элизабет Кэди Стэнтон.

Сведения об авторе: Алена Владимировна Савельева, кандидат исторических наук, доцент кафедры документоведения и всеобщей истории.

Место работы: Нижевартовский государственный университет.

Контактная информация: 628605, г. Нижевартовск, ул. Ленина, д. 56, тел. 8(3466) 44-39-50, e-mail: saveleva_1984@mail.ru.

В настоящее время в отечественной и зарубежной исторической науке актуализировались вопросы, касающиеся гендерной истории. В рамках данной проблемы отдельный интерес представляет американская женская история. Это обусловлено тем, что, несмотря на причисление США к странам передовой западной демократии, американские женщины долгое время не обладали равными правами с мужчинами.

На рубеже XIX–XX вв. проблема женской эмансипации превратилась в одну из ведущих в американском обществе. Именно в это время многие женщины заявили о своих интересах, бросив вызов общепринятым представлениям о традиционном предназначении «слабого» пола как хранительницы домашнего очага. Они стали бороться за гражданские и политические свободы, преодолевая законодательные и идеологические барьеры. Стоит отметить, что в отличие от европейских женщин американки стремились к мир-

ным и цивилизованным формам защиты своих интересов. К ним относились массовые демонстрации протеста, зрелищные шествия и театрализованные парады, разъяснительные работы среди различных групп населения, публичные лекции, частные беседы, письменные обращения в редакции газет и журналов.

При проведении обозначенных форм защиты интересов американских женщин акцент делался на «Декларацию независимости Соединенных Штатов Америки» от 4 июля 1776 г., в которой определялось, что «все люди созданы равными» (“all men are created equal”). Во-первых, это было обусловлено тем, что данный документ стал основой и для организации аболиционистского движения, на почве которого, по мнению большинства историков, зародилось женское движение. Во-вторых, несмотря на то, что долгое время под словосочетанием «все люди» (all men) понималось только свободное мужское население Со-

единенных Штатов Америки, американские женщины стремились доказать, что в тексте «Декларации независимости» речь идет о представителях обоих полов.

Итак, женское движение – это достаточно широкое понятие, обозначающее совокупность женских организаций, деятельность которых направлена на повышение социально-политического статуса американок и достижение равных прав с мужчинами (Садовникова 2007). Стоит отметить, что начало женского движения в США связано с именами Элизабет Кэди Стэнтон и Лукреции (Коффин) Мотт.

Элизабет Кэди Стэнтон (1815–1902) вошла в американскую историю как «мать-основательница» суфражистского движения. Она родилась в семье адвоката и получила нетрадиционное для ее сверстниц образование. В 1830 г. под влиянием аболиционистских идей Элизабет Кэди Стэнтон уговорила своего отца отправить ее учиться в первое женское учебное заведение в Трое (штат Нью-Йорк), которое было приравнено по своему статусу к мужским высшим образовательным учреждениям. Здесь она изучала классическую римскую и греческую литературу, право, риторику, теологию. Помимо этого, участвовала в литературных и богословских обществах с целью овладения ораторским искусством. В свободное от учебы время изучала законодательство и наблюдала за адвокатской практикой своего отца.

В 1830–40-е гг. Элизабет Кэди Стэнтон начала изучать проблему религиозного оправдания института рабства и библейских предубеждений против женщин. По ее мнению, низкий социально-правовой статус американок стал следствием исторически сложившегося угнетения женщин, пропагандируемого Библией. Как и нормы обычного права, религиозные догматы лишали женщин права голоса, права на развод, права на владение и распоряжение имуществом, права на получение высшего образования. Элизабет Кэди Стэнтон была убеждена, что пока женщины не осознают тот факт, что правительство и религия являются изобретениями человеческой цивилизации, а Библия, молитвенники и катехизисы – плодами работы мужского мозга, они будут угнетаться предписанной Богом властью.

В 1840 г. вопреки желанию своего отца она вступила в брак с журналистом, известным борцом против рабства Генри Стэнтоном. Свой медовый месяц они провели в Лондоне, где приняли участие во Всемирном конгрессе против расового угнетения. На данном конгрессе Элизабет Кэди Стэнтон встретила свою будущую соратницу по борьбе за права женщин Лукрецию (Коффин) Мотт (1793–1880), квакерскую учительницу (Попкова, Антонова).

Лукреция (Коффин) Мотт родилась 3 января 1793 г. на острове Нантакет, располагавшемся в тридцати милях от побережья Кейп Кода. Ее отец, Томас Коффин-младший, будучи морским капитаном, проводил большую часть времени в море, охотясь за кашалотами. По этой причине у него не сложились доверительные отношения с дочерью. Однако именно от отца Лукреция унаследовала колоссальную физическую энергию и склонность к риску, которые стали неотъемлемыми чертами ее характера.

Мать Лукреции, Анна Фольгер Коффин, была дружелюбной женщиной с хорошим чувством юмора. Она держала лавку, доходы которой помогали обеспечивать себя и детей всем необходимым, пока муж находился в море. Огромное внимание мать уделяла воспитанию и обучению детей. Она учила дочерей шить, вязать и готовить нантакетские блюда, рецепты которых передавались из поколения в поколение (например, рецепт приготовления трески с луком по-вольеровски, рецепт приготовления телятины или свинины с мясным соусом, рецепт пудинга с ежевикой) (Бейкон 1999: 9).

Лукреция всегда считалась старшим ребенком в семье, несмотря на то, что имела старшую сестру Сару. Это связано с тем, что сестра, вероятно, была инвалидом. По этой причине ей никогда ничего не поручали делать, и она никогда не ходила в школу. Из-за проблем с Сарой Лукреция заняла положение старшей дочери в семье. Это обстоятельство способствовало укреплению ее уверенности в себе и формированию чувства собственного «я».

С четырех лет Лукреция проводила в школе по пять часов в день, где ее учили читать, писать красивым разборчивым почерком и считать. При этом необходимо отметить, что буквы и цифры она учила дома с матерью.

Когда Лукреции исполнилось одиннадцать лет, ее семья переехала на постоянное место жительства в Бостон. Первоначально родители отдали детей учиться в частную школу, а затем перевели в обычную, чтобы избежать «классового зазнайства». Лукреции это решение понравилось, так как, по ее воспоминаниям, именно «там она обрела чувство симпатии к беднякам» (Бейкон 1999: 16–17).

Окончив среднюю школу, Лукреция продолжила обучение в школе-пансионе, в которой занятия для мальчиков и девочек проводились отдельно. Здесь она изучала английскую грамматику и географию, заучивала наизусть много стихотворений. Два раза в неделю посещала квакерское собрание. Обучение в данной школе способствовало раскрытию сильных сторон ее мышления: цепкой памяти, глубокого ума, способности рассуждать логически. Именно в это время у

Лукреции начало складываться негативное отношение к рабству.

В 1808 г. она закончила обучение в школе. Однако Лукреции предложили остаться в учебном заведении в должности помощницы старшего преподавателя девочек. Ей полагался полный пансион, но без заработной платы. Лукреция приняла данное предложение. Уже будучи учительницей она узнала, что размер заработной платы работников не зависит от их возраста и опыта. В любом случае труд мужчин ценился больше, чем труд женщин.

В 1811 г. Лукреция вышла замуж за преподавателя квакерской школы Джеймса Мотта, в котором нашла единомышленника. Джеймс Мотт также выступал против института рабства (Бейкон 1999: 23).

На протяжении нескольких лет Лукреция участвовала в деятельности различных женских обществ, члены которых выступали против угнетения рабов. В 1837 г. она организовала и приняла участие в Первой аболиционистской конференции, в ходе работы которой было принято решение о развертывании кампании по сбору миллиона подписей под петицией с требованием положить конец рабству в округе Колумбия. Помимо этого было принято решение о печати двух памфлетов «Воззвание к женщинам условно свободных Штатов» (автор Ангелина Гримке) и «Обращение к освобожденным цветным американцам» (автор Сара Гримке) (Бейкон 1999: 56).

В 1840 г. Лукрецию и ее мужа Джеймса выбрали делегатами от Пенсильвании на Всемирный конгресс против расового угнетения, который должен был пройти в Лондоне. В Лондон они отправились на пакетботе «Роско» вместе с другими делегатами – Мэри Грю, Сарой Пью, Элизабет Нилл и Эбби Кимбер (Бейкон 1999: 67).

Всемирный конгресс открылся 12 июня. Делегаты разместились в основной части зала перед трибуной, посетители и наблюдатели – по обе стороны от центральной части. Однако Лукреция (Коффин) Мотт вместе с Элизабет Кэди Стэнтон, Лидией Марией Чайлд и другими женщинами, не получившими подтверждения своим мандатам, могли находиться только в галерее для публики (Бейкон 1999: 71). Именно этот инцидент способствовал началу совместной работы Лукреции (Коффин) Мотт и Элизабет Кэди Стэнтон в борьбе за права женщин.

В течение восьми лет после Лондонского конгресса Элизабет Кэди Стэнтон и Лукреция (Коффин) Мотт вели активную агитацию о необходимости борьбы американских женщин за свои права. Ее результатом стал созыв в 1848 г. первого собрания участников женского движения в Сенека-Фоллз (штат Нью-Йорк), на котором присутствовало более 200 женщин и около 40 мужчин из

ближайшей округи. Председательствовал на данном собрании Джеймс Мотт (Сиротинская 2008: 138).

В рамках работы данного собрания была опубликована «Декларация чувств», разработанная на основе «Декларации независимости Соединенных Штатов Америки». Она содержала ряд пунктов, основными из которых были требования предоставления женщинам избирательного права, права на образование, права на участие в делах церкви, введения имущественного равенства, одинаковой оплаты женского и мужского труда. Помимо этого, «Декларация чувств» включала обвинения мужчин в том, что женщин заставляют подчиняться законам, в разработке и принятии которых они не принимали участие, а также в том, что лишение женщин гражданских и избирательных прав способствует отсутствию их представительства в органах государственной и муниципальной власти, что является основой угнетения американских женщин во всех сферах жизнедеятельности (Declaration of Sentiments).

На данном собрании был разработан ряд резолюций. Некоторые из них были весьма дискуссионными. Например, двенадцатая резолюция, призывавшая женщин добиваться своего «священного права» – права голоса, – была одобрена незначительным большинством лишь после того, как Ф. Дуглас, ревностный аболиционист и бывший беглый раб, высказался в ее защиту.

С 1850 г. и до Гражданской войны 1861–1865 гг. подобные собрания проводились регулярно. Так, в октябре 1853 г. в Кливленде (штат Огайо) состоялся Национальный съезд участников борьбы за права женщин. Возглавляла работу съезда Фрэнсис Гейдж, которая прокомментировала сложившееся мнение о том, что женщина является хранительницей домашнего очага, и ей нет места на избирательном участке. Она заявила, что мужчинам не стоит опасаться изменения роли женщины после того, как общество предоставит ей возможность участвовать в выборах, быть избранной в Конгресс и т.д. Получив эти права, американская женщина не перестанет быть, прежде всего, матерью и женой (Voting Rights for Women).

Важно отметить, что после Гражданской войны 1861–1865 гг. в движении за права женщин наметился раскол. Это было связано с принятием XIV и XV поправок к американской Конституции. Так, Элизабет Кэди Стэнтон и Сьюзен Энтони боролись за принятие тех конституционных поправок, которые одновременно наделяли бы правами и афроамериканцев, и женщин. В результате совместной деятельности они создали достаточно радикальную Национальную женскую суфражистскую ассоциацию, члены которой выступали против XV поправки к Конституции,

предоставлявшей избирательные права только афроамериканцам. Они утверждали, что необходимо отказаться от данной поправки в пользу провозглашения всеобщего избирательного права (Voting Rights for Women).

В свою очередь Люси Стоун, ее муж Генри Блэквелл и Джулия Уорд Хау образовали более умеренную Американскую женскую суфражистскую ассоциацию, члены которой боролись за предоставление избирательного права женщинам на государственном уровне. В итоге им удалось добиться предоставления такого права американкам в нескольких североамериканских штатах (Voting Rights for Women).

В 1890 г. эти две соперничающие организации объединились в Национальную американскую женскую суфражистскую ассоциацию. К этому времени женщины получили право голоса в штатах Вайоминг, Юта, Айдахо, Колорадо и Вашингтон.

Стоит отметить, что в конце XIX – начале XX вв. американские женщины вели активную борьбу за права. Однако Первая мировая война внесла некоторые коррективы в женское движение, но не помешала американкам продолжать отстаивать статус полноправных и независимых членов американского общества. На протяжении нескольких лет они предлагали Конгрессу внести в американскую Конституцию поправку, предоставляющую женщинам избирательное право. В результате в 1919 г. была разработана XIX поправка, согласно которой право голоса граждан США не ограничивалось половым признаком (Voting Rights for Women).

Важно заметить, что женское движение в США активно обсуждалось в американской прессе на протяжении XIX–XX вв. Долгое время его участниц сравнивали с аболиционистами, рисуящими «красивую картину равенства и братской любви»; осуждали за то, что они бросили вызов «мужской сфере» (Сиротинская 2008: 152–153).

Однако американские женщины смогли добиться того, что некоторые газеты превратились в орган защиты их прав. Например, газета “Lily” первоначально задумывалась как издание в защиту трезвости, но потом сменила свои ориентиры. Она имела большой успех. По этой причине тираж газеты достиг более 4 тыс. экземпляров.

Редактором “Lily” была Амелия Блумер, которая пропагандировала на страницах газеты реформу женской одежды – укороченное платье поверх «турецких» шаровар, иногда в ансамбле с широкополой шляпкой. А. Блумер обращала вни-

мание на гигиеничность своего нового одеяния, не сковывавшего движений, и на его удобство.

В числе первых американских леди, одевших в начале 1851 г. «блумерсы», были Элизабет К. Стэнтон, ее двоюродная сестра Элизабет Смит Миллер и сама Амелия Блумер. Вскоре их примеру последовали Сьюзен Б. Энтони, Люси Стоун, Сара Мур Гримке и ее младшая сестра Ангелина Гримке Велд. Однако «блумерсы» вызвали негативную реакцию у большей части американского населения. По этой причине большинство американских реформисток вынуждены были отказаться от новой одежды, но Амелия Блумер продолжала ее носить до конца 1850-х гг. (Сиротинская 2008: 155–156).

Некоторые редакторы американских газет выступали за то, чтобы женщинам предоставили право быть парикмахерами, врачами и т.д. Например, в газете “Working Man’s Advocate” (редактором которой был один из лидеров рабочего движения Джордж Генри Эванс) говорилось о том, что в 1831 г. было очень необычным увидеть женщин в торговых фирмах Нью-Йорка. Выражалась надежда на то, что те «варварские и непросвещенные» дни, когда было распространено мнение, что женщинам в коммерции доверять нельзя, ушли в прошлое. Автор выдвигал следующий аргумент: «А разве это мужское занятие стоять за стойкой и показывать ткани и кружева, нахваливая шелка и атлас?» Он был уверен в том, что участие женщин будет способствовать совершенствованию коммерческого дела в США (Сиротинская 2008: 163).

В 1858 г. один из авторов “Harper’s New Monthly Magazine” сделал акцент на том, что женщины требуются для многих видов работ, которые они выполняют лучше мужчин. Например, они показали себя лучшими учителями начальной школы, талантливыми писательницами в определенных областях литературы, а также проявили себя в качестве дизайнеров и т.д. (Сиротинская 2008: 165).

Таким образом, женское движение в Соединенных Штатах Америки представляло достаточно сложное явление в жизни американского общества. Основные требования американских женщин сводились к предоставлению гражданских и политических прав представительницам слабого пола. Американкам удалось создать ряд организаций, члены которых объединенными усилиями смогли добиться ряда важных результатов, а самое главное – предоставления избирательного права американским женщинам.

ЛИТЕРАТУРА

- Бейкон М.* 1999. Достойный друг: жизнь Лукреции Мотт. Филадельфия: Всеобщая конфедерация друзей.
- Попкова Л. Н., Антонова Ю.А.* Элизабет Кэди Стэнтон: дискуссии о женской эмансипации. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/elizabet-kedi-stenton-diskussii-o-zhenskoy-emansipatsii> (дата обращения: 26.01.2017).
- Садовникова О. А.* 2007. Женское движение в борьбе за гражданские и политические свободы в США (начало XX в.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Москва.
- Сиротинская М. М.* 2008. Женское движение в США, 1840–1850-е гг. (по материалам американских периодических изданий) // Мифы и реалии Америки в периодике XVIII–XX вв. Т. 1. Москва: ИВИ РАН, 137–188.
- Declaration of Sentiments. Put forth at Seneca Falls, N.Y., July, 19th and 20th, 1848. URL: <https://memory.loc.gov> (дата обращения: 26.01.2017).
- Voting Rights for Women. URL: <https://memory.loc.gov> (дата обращения: 26.01.2017).

REFERENCES

- Bacon, Margaret H.* Valiant Friend: The Life of Lucretia Mott. Philadelphia: Friends General Conference, 1999.
- Popkova L. N., Antonova Ju. A.* Elizabet Kedi Stenton diskussii o zhenskoy emansipatsii [Elizabeth Cady Stanton: the debate about women's emancipation]. Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/elizabet-kedi-stenton-diskussii-o-zhenskoy-emansipatsii>. (Accessed on 26.01.2017). (In Russian).
- Sadovnikova O. A.* Zhenskoe dvizhenie v borbe za grazhdanskie i politicheskie svobody v SSHA (nachalo XX v): Avtoreferat dis. ... kand. ist. nauk [The women's movement in the struggle for civil and political liberties in the United States (beginning of XX century): abstract dis. cand. of hist. sciences].(In Russian).
- Sirovinskaya M. M.* In: Mify i realii Ameriki v periodike XVIII XX vv [Myths and realities in American periodicals of the 18th–20th centuries]. Vol. 1 (2008): 137–188. (In Russian).
- Declaration of Sentiments. Put forth at Seneca Falls, N.Y., July, 19th and 20th, 1848. Available at: <https://memory.loc.gov>. (Accessed on 26.01.2017).
- Voting Rights for Women. Available at: <https://memory.loc.gov>. (Accessed on 26.01.2017).

A. V. Savelyeva
Nizhnevartovsk, Russia

THE WOMEN'S MOVEMENT FOR CIVIL AND POLITICAL RIGHTS IN THE UNITED STATES OF AMERICA (second half of XIX – beginning of XX centuries)

Abstract. The article is devoted to one of the topical problems in modern historical scholarship – the women's movement for civil and political rights in the United States in the second half of the XIX century the importance of the topic lies in the fact that now greatly increased interest in women's history. Domestic and foreign historians doing research on various aspects of women's struggle for their rights. This is because the position of women in society is an acute social problem from the standpoint of legal norms and moral principles. The individual interest of the American women's movement, which was the subject of this study.

The present study is based on documentary materials which are located on the official website of «Library of Congress» and contain information about the leaders of the women's movement in the United States, their ideological views about the methods of struggle of American women for civil and political rights, etc. Separate attention is paid to the analysis of texts of documents that have been developed in the process of work of the various congresses of members of the women's movement («Declaration of Sentiments», etc.).

Work with these materials was carried out by using General scientific research methods: description, analysis and comparative method, as well as with the use of special methods of historical research: historical-comparative method and cultural-semiotic approach.

During the study, it was determined that the women's movement began in the U.S. in the first half of the XIX century with the strengthening of women's struggle for their rights in the second half of the XIX century, influenced by economic, ethno-cultural and ideological factors. The work also investigated the causes of the intensification of women's movements, analyzes the social basis and the nature of philosophy American activists (Elizabeth Cady Stanton, Lucretia Mott, Susan B. Anthony, Lucy Stone, etc.).

The results of the study enable us to reconstruct some aspects of the women's movement in the United States in the second half of the XIX century.

Key words: civil rights; United States Declaration of Independence; Declaration of Sentiments, Lucretia Mott; political rights; suffrage; Susan B. Anthony; Elizabeth Cady Stanton.

About the author: Alyona Vladimirovna Savelyeva, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Document Science and General History.

Place of employment: Nizhnevartovsk State University.

Савельева А. В. Женское движение за гражданские и политические права в США (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Вестник Нижневартовского государственного университета. 2017. № 2. С. 117–121.

Savelyeva A. V. The women's movement for civil and political rights in the United States of America (second half of XIX – beginning of XX centuries) // Bulletin of Nizhnevartovsk State University. 2017. No. 2. P. 117–121.

УДК 902

В. С. Сеника

Тирасполь, Республика Молдова; Нижневартовск, Россия

НОВЫЙ ПАМЯТНИК III–II вв. до н.э. НА ЛЕВОБЕРЕЖЬЕ НИЖНЕГО ДНЕСТРА

Аннотация. В статье публикуются и анализируются материалы III–II вв. до н.э., обнаруженные в 2015–2016 гг. на многослойном поселении Парканы-II на левобережье Нижнего Днестра. Публикуемое впервые синопское амфорное клеймо с именем астинома Ἰφίς τοῦ Ἐστιάσιου фиксирует греческий импорт, поступавший на памятник в последней четверти III в. до н.э. Литые бронзовые крестовидный крючок-застежка и поясной крючок однозначно свидетельствуют в пользу их принадлежности материальной культуре скифов. Эти предметы имеют достаточно аналогий в скифских памятниках не только Поднестровья, но и Побужья, Поднепровья, Крыма и Подонья. Связь этих находок и культурного слоя III–II вв. до н.э. поселения Парканы-II с синхронными скифскими погребальными комплексами, исследованными между сс. Парканы Слободзейского района и Бычок Григориопольского района более ста лет назад, очевидна. Об этом свидетельствуют материалы недавно опубликованного скифского могильника II–II вв. до н.э., изученного у с. Глиное Слободзейского района, где была обнаружена ближайшая аналогия крестовидному крючку-застежке с поселения Парканы-II. Кроме того, крючок аналогичной конструкции происходит из кургана 156, исследованного у с. Парканы в конце XIX в. Это позволяет констатировать, что на левобережье Нижнего Днестра выявлен, во-первых, новый поселенческий памятник, функционировавший в III–II вв. до н.э., а во-вторых, новый археологический макрокомплекс III–II вв. до н.э., который к настоящему моменту является не единственным в своём роде. Подобные макрокомплексы уже известны. Один из них расположен в 31,5 км к юго-востоку от поселения Парканы-II, возле с. Глиное Слободзейского района, и включает в себя могильник (изучался в 1995–2012 гг.) и поселение на р. Красная (стационарно не исследовалось). Второй аналогичный макрокомплекс находится в 25 км к юго-востоку от поселения Парканы-II, у с. Чобручи, и состоит из поселения со слоем III–II вв. до н.э. (раскопки 1993–2014 гг.) и синхронных скифских курганов. В совокупности материалы, полученные при раскопках и разведках этих памятников, не оставляют сомнений, что скифская степная культура в Поднестровье не только не прекратила свое существование в конце IV в. до н.э. или в первой трети III в. до н.э., как считалось ранее, но и продолжала развиваться, как минимум, до конца II в. до н.э.

Ключевые слова: Нижнее Поднестровье; скифы; III–II вв. до н.э.; погребения; поселения; синопское клеймо; крестовидный крючок-застежка; поясной крючок.

Сведения об авторе: Виталий Степанович Сеника, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Археология»; старший научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории историографии и полевых методов археологии.

Место работы: Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко; Нижневартовский государственный университет.

Контактная информация: 3300, г. Тирасполь, ул. 25 Октября, д. 107; тел.: +(373) 77-85-17-92, e-mail: sinica80@mail.ru.

Вышедшая из печати в 2016 г. монографическая публикация скифского могильника III–II вв. до н.э. у с. Глиное Слободзейского района на левобережье Нижнего Днестра подвела некоторые итоги многолетних дискуссий относительно существования в указанное время в Северном Причерноморье памятников варварского населения, а также об их культурной принадлежности (Тельнов и др. 2016: 1001–1002).

В частности, было показано, что на протяжении III–II вв. до н.э., как и в предшествующее время, на Нижнем Днестре постоянно проживало скифское население, оставившее и погребальные,

и поселенческие памятники. К первым, помимо 181 захоронения могильника у с. Глиное, относятся ещё 58 погребальных комплексов: Белгород-Днестровский – одно захоронение (Субботин 1975: 3); Глиное – пять захоронений (курганы № 275, 276, 277, 279, 378 из раскопок Стемповских 1896–1911 гг.) (Мелюкова 1962: табл. 8: 5–7, 10: 2, 5); Коротное – одно захоронение (курган № 294 из раскопок Стемповских) (Мелюкова 1962: табл. 9: 4); Николаевка – одно захоронение (курган «На горбах» – раскопки 1968–1969 гг.) (Мелюкова 1984: 90–91, 93); Никольское – одно захоронение (1/7) из раскопок 1987 г. (Агульни-

ков, Сава 2004: 11–12, рис. 4: 4, 6, 10); Парканы – 14 захоронений (курганы № 109, 114, 120, 121, 122, 131, 143, 153, 154, 156, 159, 172, 173, 174 из раскопок Стемповских) (Мелюкова 1962: табл. 4: 1, 5: 13–16, 7: 3–6, 8, 8: 1, 9: 6, 7, 10: 4, 5); Плоское – три захоронения (курганы № 218, 221, 377 из раскопок Стемповских) (Мелюкова 1962: табл. 5: 17, 7: 1, 2); Сербская земля – одно захоронение (курган № 260 из раскопок Стемповских) (Мелюкова 1962: табл. 8: 2); Слободзея – одно захоронение (обнаружено при строительных работах в 2013 г.) (Синика и др. 2014б: 215–216, рис. 1: 5); Сукля – одно захоронение (раскопки М. Шкадышека 1909 г.) (Шкадышек 1910: 92–94; Фабрициус 1951: 21); Терновка – три захоронения (курганы № 185, 186, 188 из раскопок Стемповских) (Мелюкова 1962: табл. 6: 1, 2, 10: 1); Тирасполь – два захоронения (обнаружены при строительных работах в 1980 г. и 2005 г.) (Синика и др. 2014а: 71, рис. 2: 7; Синика и др. 2014б: 214–215, рис. 1: 6); Троицкое – три захоронения (одно обнаружено в 1881 г., и два – в 1895 г.) (Фабрициус 1951: 14); Чобручи (Слободзея) – 20 погребений (захоронение 2/3 из раскопок 2000 г., а также курганы № 281, 282, 283, 288, 289, 290, 345, 399, 400, 401, 402, 403, 404, 405, 407, 408, 409, 411, 412 из раскопок Стемповских) (Мелюкова 1962: табл. 5: 1–12, 8: 3, 4, 9: 1–5; Четвериков, Синика 2009: 204–212).

Из поселений, функционировавших на левобережье Нижнего Днестра в III–II вв. до н.э., необходимо отметить памятники у с. Чобручи (Фидельский 2012) и на р. Красной (Синика и др. 2012). Последнее расположено в непосредственной близости возле могильника у с. Глиное III–II вв. до н.э. и составляет вместе с ним, равно как и со скифскими захоронениями второй половины IV в. до н.э., также исследованными неподалёку (Синика, Тельнов 2016а; 2016б), своеобразный археологический макрокомплекс. Аналогичный существовал у с. Чобручи, где были исследованы упомянутые выше 20 скифских погребений и слой поселения III–II вв. до н.э.

В настоящее время, с учётом новых материалов, у нас есть все основания констатировать, что эти археологические макрокомплексы III–II вв. до н.э. (синхронные погребальные и поселенческие скифские комплексы в одной микроразоне) не являются неординарным явлением.

Как оказалось, ещё один такой комплекс расположен у с. Парканы Слободзейского района на левобережье Днестра. В его состав входило как минимум одно поселение. Оно находится в 31,5 км к северо-западу от могильника у с. Глиное и в 25 км к северо-западу от поселения Чобручи. Местоположение памятника связано со второй надпойменной террасой Днестра, пересекаемой Комаровской балкой, к западу от дороги Парканы –

Бычок. Северная окраина поселения находится в 1,6 км, а южная – в 0,4 км к северу от северной оконечности с. Парканы. Памятник был открыт Н.А. Кетрару в 1956 г., и с тех пор и до недавнего времени считался поселением черняховской культуры (Рикман 1973).

В 2015–2016 гг. в Музей археологии Поднепровья Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко поступили различные находки, сделанные А.В. Носачем и А.В. Гуцулом на поселении Парканы-II. Среди них оказались артефакты различных культурно-хронологических горизонтов: скол подправки нуклеуса верхнепалеолитического времени; кремнёвый наконечник дротика катакомбной культуры среднего бронзового века; бронзовый рыболовный крючок позднего бронзового века; скифские бронзовые наконечники стрел, свинцовые ворворки, фрагмент серебряного перстня, бронзовая бляшка конской узды и фрагмент конского нащёчника, лепные керамические пряслица, фрагменты лепных и гончарных сосудов (VII–IV вв. до н.э.); фрагмент бронзовой фибулы и фрагменты гончарной сероглиняной керамики черняховской культуры; фрагменты бронзовых изделий и амулет эпохи раннего средневековья. Все эти материалы, без сомнения, указывают на то, что поселение Парканы-II является многослойным и функционировало на протяжении длительного времени.

В ракурсе настоящей работы наибольший интерес представляют находки двух синопских амфорных клейм¹, крестовидного крючка-застёжки и поясного крючка. Эти материалы однозначно свидетельствуют о том, что поселение функционировало и в III в. до н.э., и во II в. до н.э. Ниже приводится описание данных находок, а также их культурная и хронологическая атрибуция.

1. Четырёхстрочное клеймо на ручке синопской красноглиняной амфоры (рис. 1: 1) сохранилось частично. Легенда восстановлена полностью:

Ἀστυνό[μου]

[Γ]φίος τοῦ Голова сатира впрямь.

Ἐστιαίου

Κτήσων

Аналогии данному клейму известны в IOSPE III (Граков 1956: № 4647). В настоящее время деятельность астинома Ἰφίς τοῦ Ἐστιαίου относится к концу 220-х гг. до н.э. (Кац 2007: 436, прил. VII)².

¹ От одного из них сохранилась только часть рамки, поэтому в настоящей работе мы его не описываем и не приводим рисунок.

² Благодарю за консультацию М.В. Ивашенко (г. Саратов, РФ).

2. Литой бронзовый крестовидный крючок (рис. 1: 2). Его зооморфное (?) окончание утрачено в древности. Стержень полукруглый в сечении, пересечение крестовин – по центру изделия. Окончания перекалдин конически расширяются. Их пересечение орнаментировано косым крестом, переданным двойной линией. Сохранившаяся полностью часть вертикальной перекалдины покрыта тремя группами параллельных линий: две группы включают по три линии (первая группа под коническим расширением, вторая по центру); третья группа, примыкающая к пересечению крестовин, состоит из четырёх линий. Сохранившаяся не полностью часть вертикальной перекалдины (с утраченным окончанием) покрыта также тремя группами линий: в первой, примыкающей к пересечению крестовин, три линии, во второй, расположенной по центру, – четыре, в третьей, у несохранившегося изгиба, читаются три линии. Горизонтальная перекалдина орнаментирована симметрично. У оснований окончаний расположены по две линии, покрытые насечками, имитирующими перекрученную нить. Возле пересечения перекалдин находится по одной группе из трёх линий. Торцевые поверхности перекалдин орнаментированы параллельными линиями. Внутренняя сторона крючка гладкая. На пересечении крестовин с внутренней стороны находится Т-образный крепёжный выступ. Сохранившаяся длина вертикальной перекалдины 6,5 см, длина горизонтальной перекалдины 3,8 см, размеры выступа – 2,3х0,6 см, толщина выступа – 0,3–0,4 см, размеры сечения стержня – 0,7х0,8 см, размеры сечения окончаний – 0,8х0,9 см (Синика и др. 2016: 101, кат. № 102).

Подобные крестовидные крючки-застёжки известны среди материалов различных памятников Северного Причерноморья. В Поднестровье это погребения 18/1, 95/1 и 96/1 могильника у с. Глиное (Синика, Тельнов 2015: 182, рис. 1: 16, 17; Тельнов и др. 2016: 151–152, 566, 574, 777, рис. 68: 13, 318: 9, 322: 8, 408: 4, 5), курган 156 у с. Парканы (Мелюкова 1962: 127, 148, табл. 5: 15, рис. 1: 1) и находка из Тирасполя (Pósta 1905: 474, 476–477, rajs. 263: 24). В Побужье нам известен всего один такой крючок – из погребения 2/1995 усадьбы Широкая балка 6 (Папанова, Ляшко 2015: 207, 216, 218, рис. 5: 7). В Поднепровье крестовидные крючки были найдены в Черкассах (Pósta 1905: 477, rajs. 264), в погребениях 9/1 могильника у с. Кут (Березовец 1960: 58–60, рис. 17: 4) и 6/2 курганный группы I у с. Каменка (Мухопад, Андросов 1986: 15–16, рис. 30, 37) Апостоловского района Днепропетровской области, а также на Капуловском поселении (четыре наход-

ки)³. Единственный аналогичный крючок-застёжка из Крыма происходит из склепа № 853 некрополя Усть-Альма (Пуздровский 2007: 164–165, вклейка 16: 7). Наконец, в Подонье подобные крючки известны в курганах 15 у с. Дуровка (Пузикова 2001: 182, 196, рис. 45: 6; Савченко 2004: 241, рис. 28: 7) и 4 у хут. Сладковский (Смирнов 1982: 123, рис. 4: 6).

Однако более всего крючок из поселения Парканы-II схож с находкой из захоронения 95/1 могильника у с. Глиное. Этот комплекс, на основании бронзовой проволоочной фибулы с уплощённой спинкой, усложнённой декоративным элементом в виде двух «восьмёрок», и с двумя пружинами – функциональной и фальшивой (на ножке), датирован второй половиной III в. до н.э. (Тельнов и др. 2016: 566, 777, 955, рис. 318: 9, 319: 4, 408: 5). Указанная дата, как представляется, выглядит уместной и для крестовидного крючка-застёжки из поселения Парканы-II. Кроме того, она вполне коррелирует со временем изготовления амфоры с синопским клеймом, публикуемым в настоящей работе.

3. Литой бронзовый поясной крючок представляет собой согнутую фигурную пластину (рис. 1: 3). В наиболее широкой части, предназначенной для крепления на основу, находится округлое отверстие диаметром 3,5 мм. С другой стороны находится загнутое окончание в виде головы водоплавающей птицы. Окончание клюва птицы оформлено в виде секировидной лопасти, глаза птицы слабо намечены точками, голова птицы отделена от шеи, переходящей в «туловище», небольшим поперечным пояском. Оперение на сгибе крючка передано двумя линиями, расстояние между которыми увеличивается на оборотной стороне крючка. Габариты изделия: 39х12х10 мм. Толщина пластины до 2 мм. Длина головы птицы 19 мм, ширина 8,5 мм, ширина клюва 7 мм. Длина пояса, отделяющего голову от «туловища», 4,5 мм, ширина – 2 мм (Синика и др. 2016: 101, кат. № 103).

Прямые аналогии этому поясному крючку автору настоящей работы найти не удалось. При этом необходимо отметить, что ближайшей аналогией является находка из 1-го Тавельского кургана, исследованного Ю.А. Кулаковским в 1897 г. в 16 км от г. Симферополь (ОАК за 1897 год 1900: 36, рис. 116; Pósta 1905: 480, rajs. 265: 5; Дашевская 1991: 35, табл. 62: 1; Пуздровский 2007: 69–70, рис. 44: 3). По нашему мнению, этот поясной крючок с протомой животного на сгибе крепился на поясную бляху так же, как и крючок на поясной пластине из 2-го Тавельского кургана (Дашевская 1991: 35, табл. 62: 2). В 1994 г. в Пред-

³ Благодарю за информацию об этих находках О.В. Фатеева (г. Днепр, Украина).

горном Крыму в скифском захоронении у с. Чистенькое была обнаружена железная поясная бляха, конструктивно аналогичная находке из 2-го Тавельского кургана. На окончании этой бляхи, покрытой бронзовой накладной пластиной, находится крючок «в виде стилизованной головы хищной птицы». Погребение из Чистенького авторами публикации было датировано третьей четвертью – второй половиной II в. до н.э. (Зайцев, Колтухов 2004: 246, рис. 7: 23). В настоящее время, на основании родосской чашки и унгентария, время совершения этого захоронения определяется последней четвертью III – первой четвертью II в. до н.э. (Тельнов и др. 2016: 992–993). При этом для находки из поселения Парканы-II, равно как и для крючка из 1-го Тавельского и поясной пластины с крючком из 2-го Тавельского курганов, дата в рамках II в. до н.э. выглядит более предпочтительной⁴.

Таким образом, в настоящее время в нашем распоряжении находится, пусть и скромная, коллекция материалов III–II вв. до н.э. И если фрагменты амфор и синопское клеймо фиксируют греческий импорт на памятнике, то принадлежность крестовидного крючка-застёжки и поясного крючка материальной культуре скифов несомненна. Их связь с культурным слоем поселения также выглядит очевидной, даже несмотря на то, что памятник не исследовался стационарно.

В этой связи появляется необходимость указать, какие именно скифские погребальные памятники связаны с культурным слоем III–II вв. до н.э. поселения Парканы-II. Впрочем, эти памятники были указаны ранее: 14 курганов (№ 109, 114, 120, 121, 122, 131, 143, 153, 154, 156, 159, 172, 173, 174) у с. Парканы, и три кургана (№ 218, 221, 377) у с. Плоское из раскопок Стемповских 1896–1900 гг. (Тельнов и др. 2016: 13). Заметим, что точное расположение этих курганов относительно указанных населённых пунктов неизвестно. Однако идентичность погребального обряда могильника III–II вв. до н.э. у с. Глиное Слобод-

зейского района (Тельнов и др. 2016: 669–926) и того, что был задокументирован для 17 скифских курганов у с. Парканы и у с. Плоское (Мелюкова 1962: табл. 4: 1, 5: 13–17, 7: 3–6, 8, 7: 1, 2, 8: 1, 9: 6, 7, 10: 4, 5), очевидна. Этого вполне достаточно, чтобы, во-первых, утверждать, что курганы у с. Парканы и у с. Плоское также относятся к III–II вв. до н.э., а во-вторых, чтобы предполагать, что какие-то из них располагались либо в непосредственной близости, либо на каком-то удалении от поселения Парканы-II.

Весьма вероятно, что они располагались между нынешними сёлами Парканы Слободзейского района и Бычок Григориопольского района. Последнее было основано в 1916 г. на месте бывшего хутора Плосковский. В своё время И.В. Фабрициус отнесла курганы № 218, 221 и 377 из раскопок Стемповских 1898–1900 гг. к с. Великоплоское (Плоское)⁵, которое находится в 18,5 км по прямой линии к северо-востоку от поселения Парканы-II (Фабрициус 1951: 34–36). Позже при публикации скифских курганов Тираспольщины А.И. Мелюкова указала, что они расположены в «Тираспольском районе МССР» (Мелюкова 1962: 114, прим. 1), но название населённого пункта, у которого были исследованы курганы № 218, 221 и 377, у неё сохраняется прежнее – Плоское. Впервые «курганы у с. Плоское» были локализованы на месте хутора Плосковский спустя более чем 20 лет (Добролюбский 1984: 155, рис. 1). Нет сомнений, что подобная локализация является верной.

С учётом изложенного, у нас есть все основания констатировать, что на левобережье Нижнего Днестра выявлен новый археологический макрокомплекс III–II вв. до н.э. Он включает в себя поселение Парканы-II, расположенное между сс. Парканы Слободзейского района и Бычок Григориопольского района, а также синхронные скифские погребальные комплексы, исследованные в 1896–1900 гг. в окрестностях указанных населённых пунктов.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АП УРСР** – Археологічні пам'ятки Української Радянської Соціалістичної республіки. Київ
БИ – Боспорские исследования. Симферополь-Керчь
ЗООИД – Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса
МАСП – Материалы по археологии Северного Причерноморья. Одесса
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. Москва
САИ – Свод археологических источников. Москва
СА – Советская археология. Москва
СП – Стародавнє Причорномор'я. Одеса
ССПіК – Старожитності Степового Причорномор'я і Криму. Запоріжжя
IOSPE III – Inscriptiones orae septentrionalis ponti Euxini. T. III
RA – Revista arheologică. Chişinău

⁴ Благодарю за консультацию к.и.н. Ю.П. Зайцева (г. Симферополь, РФ).

⁵ В настоящее время это село находится в составе Великомихайловского района Одесской области Украины.

ЛИТЕРАТУРА

- Агульников С., Сава Е. 2004. Исследования курганов на левобережье Днестра. Кишинёв: СЕР USM.
- Березовец Д.Т. 1960. Розкопки курганного могильника эпохи бронзы та скіфського часу в с. Кут // АП УРСР. Т. IX, 39–87.
- Граков Б. Н. 1956. Синопа: клейма на пифосах, ручках и горлах амфор, на черепицах. (IOSPE, III). М. Архив ИА РАН. Ф. Р-2. № 2189. Л. 1–1947.
- Дашевская О. Д. 1991. Поздние скифы в Крыму. САИ. Вып. Д 1-7.
- Добролюбовский А. О. 1984. Древности средневековых кочевников в Нижнем Поднестровье (древности раскопок И.Я. Стемпковского) // Артёменко И.И. (отв. ред.). Курганы в зонах новостроек Молдавии. Кишинёв: Штиинца, 153–174.
- Зайцев Ю. П., Колтухов С. Г. 2004. Погребение воина эллинистического времени у с. Чистенькое в предгорном Крыму // БИ. Вып. VII, 242–259.
- Кац В. И. 2007. Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения). БИ. Вып. XVIII.
- Мелюкова А. И. 1962. Скифские курганы Тираспольщины (по материалам И.Я. и Л.П. Стемпковских) // МИА. Вып. 115, 114–166.
- Мелюкова А. И. 1984. Курганы скифских кочевников у с. Николаевка // Черняков И.Т. (отв. ред.) Ранний железный век Северо-Западного Причерноморья. Киев: Наукова думка, 90–103.
- Мухопад С. Е., Андросов А. В. 1986. Отчёт о научно-исследовательской работе «Археологические исследования в зоне строительства Куйбышевской оросительной системы Апостоловского района». Киев. Архив ИА НАНУ, № 1986/107.
- ОАК за 1897 год. 1900. Отчёт Императорской Археологической комиссии за 1897 год. Санкт-Петербург: Типография главного управления уделов.
- Папанова В. А., Ляшко С. Н. 2015. Находки оружия и конской сбруи на пригородных усадьбах Ольвии // МАСП. Вып. 13, 207–222.
- Пуздровский А. Е. 2007. Крымская Скифия II в. до н.э. – III в. н.э. Погребальные памятники. Симферополь: Бизнес-Информ.
- Пузикова А. И. 2001. Курганные могильники скифского времени Среднего Подонья (публикация комплексов) Москва: Индрик.
- Рикман Э. А. 1973. Памятники сарматов и племён черняховской культуры (Археологическая карта Молдавской ССР. Вып. 5). Кишинёв: Штиинца.
- Савченко Е. И. 2004. Вооружение и предметы снаряжения скифского времени на Среднем Дону // Гуляев В.И. (отв. ред.) Археология Среднего Дона в скифскую эпоху: труды Донской (б. Потуданской) археологической экспедиции ИА РАН. Москва: Гриф и К, 151–277.
- Синика В. С., Меньшикова В. А., Тельнов Н. П. 2014а. Лепные курительницы из памятников Северного Причерноморья IV-I вв. до н.э. // Stratum plus 3, 65–101.
- Синика В. С., Разумов С. Н., Тельнов Н.П. 2016. Археологическое наследие Приднестровья. Тирасполь: Полиграфист.
- Синика В. С., Тащи Е. Ф., Тельнов Н. П., Четвериков И. А. 2012. Поселение Красное на левобережье Нижнего Днестра // Stratum plus 3, 187–215.
- Синика В. С., Тельнов Н. П. 2015. Комплекс вооружения и предметов воинского снаряжения из скифского могильника конца IV – II вв. до н.э. у с. Глиное в Нижнем Поднестровье // Лукьяшко С.И. (отв. ред.) Война и военное дело в скифо-сарматском мире. Материалы Международной научной конференции, посвященной памяти А.И. Мелюковой (с. Кагальник, 26–29 апреля 2014 г.). Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН, 180–190.
- Синика В. С., Тельнов Н. П. 2016а. Скифское захоронение с тамгой рубежа IV-III вв. до н.э. с левобережья Нижнего Днестра // Новое прошлое 4, 258–272.
- Синика В. С., Тельнов Н. П. 2016б. Скифское погребение с литиком-скарабеоидом с левобережья Нижнего Днестра // СП XI, 488–499.
- Синика В. С., Четвериков И. А., Тельнов Н. П. 2014б. Материалы из разрушенных скифских погребальных комплексов IV–II вв. до н.э. на левобережье Нижнего Днестра // RA. S.n. Vol. X. nr. 1-2, 210–217.
- Смирнов К. Ф. 1982. «Амазонка» IV в. до н.э. на Дону // СА 1, 120–131.
- Субботин Л. В. 1975. Отчёт об охранных раскопках кургана в с. Орловка и г. Белгород-Днестровский в 1973–1974 гг. Киев. Архив ИА НАНУ. № 1973-74/53.
- Тельнов Н. П., Четвериков И. А., Синика В. С. 2016. Скифский могильник III–II вв. до н.э. у с. Глиное (Археологические памятники Приднестровья. III). Тирасполь: Stratum plus.
- Фабрициус И. В. 1951. Археологическая карта Причерноморья Украинской ССР. Вып. 1. Киев: АН СССР.
- Фидельский С. А. 2012. Поселение Чобручи на Нижнем Днестре в III-II вв. до н.э. // Тельнов Н.П. (отв. ред.) Древности Северного Причерноморья III–II вв. до н.э. Материалы Международной научной конференции, г. Тирасполь, 16–19 октября. Тирасполь: ПГУ, 16–20.
- Четвериков И. А., Синика В. С. 2009. Скифский курган конца III в. до н.э. у с. Чобручи на левобережье Нижнего Днестра // ССПіК. Мат-ли конф. «Проблеми скіфо-сарматської археології Північного Причорно-

мор'я» (до 110-річчя з дня народження Б.М. Гракова). XV, 204–212.

Шкадышек М. 1910. Описание раскопки кургана в окрестностях города Тирасполя, произведённой подполковником Шкадышек 18 июля 1909 г. // ЗООИД. Т. XXVIII, 92–94 (протоколы).

Pósta B. 1905. Régészeti tanulmányok az Oroszfüldön. Második resz. (Zichy Jenő Gróf. Harmadik ázsiai utazása. IV. Kötet) (Archäologische Studien auf Russischem Boden. Zweiter Theile. (Dritte Asiatische Forschungsreise des Grafen Eugen Zichy. Band IV). Budapest – Leipzig: Hornyánszky Victor – Karl W. Hiersemann.

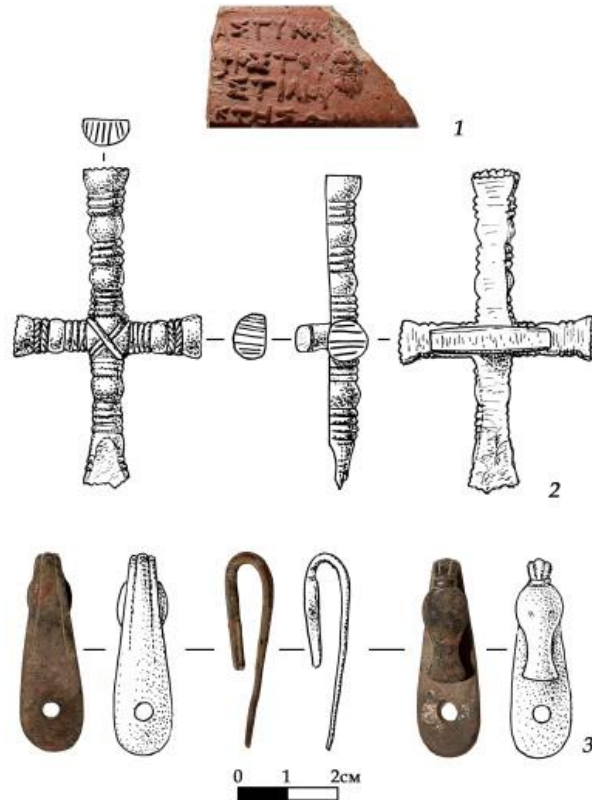

Рис. 1. Матеріали III-II вв. до н.э. с поселения Парканы-II на левобережье Нижнего Днестра: 1 – синопское клеймо; 2 – бронзовый крестовидный крючок застёжки; 3 – бронзовый поясной крючок

REFERENCES

- Agulnikov S., Sava E.* Issledovaniia kurganov na levoberezh'e Dnestra [Study of Barrows on the Left Bank of the Dniester]. Kishinev: CEP USM, 2004. (In Russian).
- Berezovets' D. T.* In: Arkheolohichni pam'yatky URSR [Archaeological Sites of the Ukrainian Soviet Socialist Republic] Vol. IX (1960): 39–87. (In Ukrainian).
- Grakov B. N.* Sinopa. Kleima na pifosah, ruchkah i gorlah amfor, na cherepitsah (IOSPE, III) [Sinopa. Stamps on Pithoi, Handles and Necks of Amphorae, on Tiles (IOSPE, III)]. Archive of the Institute for Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Fund R-2, no. 2189, 1956. (In Russian).
- Dashevskaiia O. D.* Pozdnie skify v Krymu [The Late Scythians of Crimea]. Svod Arkheologicheskikh Istochnikov [Corpus of Archaeological Sources] D1-7, 1991. (In Russian).
- Dobroliubskij A. O.* In: Kurgany v zonakh novostroek Moldavii. Pod red. Artemenko, I.I. [Barrows in the Zones of Recent Construction Activities in Moldavia ed. by Artemenko, I.I.]. Kishinev: "Știința" Publ., 1984. Pp. 143–152. (In Russian).
- Zaytsev Yu. P., Koltukhov, S. G.* In: Bosporskie issledovaniia [Bosporan Studies]. Vol. VII (2004): 242–259. (In Russian).
- Kats V. I.* Grecheskie keramicheskie kleima epokhi klassiki i ellinizma (opyt kompleksnogo izucheniia) [Greek Ceramic Classic and Hellenistic Stamps (a Complex Study)]. Series: Bosporskie issledovaniia [Bosporan Studies] XVIII, 2007. (In Russian).
- Melyukova A. I.* In: Pamiatniki skifo-sarmatskoi kul'tury [Scythian-Sarmatian Sites]. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii [Materials and Studies in the Archaeology] Vol. 115 (1962): 114–166. (In Russian).
- Melyukova A. I.* In: Rannii zheleznyi vek Severo-Zapadnogo Prichernomor'ia pod red Cherniakova I.T. [Early Iron Age of the Northeastern Black Sea Region. Ed. by Cherniakov, I.T.]. Kiev: «Naukova dumka» Publ., 1984. Pp. 90–103. (In Russian).

Muhopad S. E., Androsov A. V. Otchet o nauchno-issledovatel'skoj rabote «Arheologicheskie issledovaniia v zone stroitel'stva Kujbyshevskoj orositel'noj sistemy Apostolovskogo rajona» [Report on the Research project «Archaeological Research in the Area of the Construction of the Kujbyshev Irrigation System of the Apostolovo district»]. Kiev. Arkhiv Instituta arkheologii Natsional'noi Akademii nauk Ukrainy [Archive of the Archaeology Institute of the Ukraine National Academy of Sciences], №. 1986/107, 1986. (In Russian).

Otchet Imperatorskoj arkheologicheskoi komissii za 1897 god [Report of the Imperial Archaeological Commission for 1897]. Saint Petersburg: Typography of the Imperial Academy of Sciences, 1892. (In Russian).

Papanova V.A., Liashko S. N. In: Materialy i issledovaniia po arheologii Severnogo Prichernomor'ia [Materials and Studies in the Archaeology on North Black Sea Region]. Vol. 13 (2015): 207–222. (In Russian).

Puzdrovsky A. E. Krymskaia Skifiia II v. do n. e. – III v. n. e. Pogrebal'nye pamiatniki [Crimean Scythia into the 2nd Century BC – 3rd Century AD. Funerary Sites]. Simferopol: “Biznes-Inform” Publ., 2007. (In Russian).

Puzikova A. I. Kurgannye mogil'niki skifskogo vremeni Srednego Podon'ia. (Publikatsiia kompleksov) [Scythian Barrow Necropolises of the Middle Don Region (Publication of Complexes)]. Moscow: “Indrik” Publ., 2001. (In Russian).

Rikman Je. A. Pamiatniki sarmatov i plemion cherniahovskoj kul'tury [Sites of the Sarmatians and the Tribes of Cherniakhov Culture]. Arheologicheskaia karta Moldavskoj SSR [Archeological Map of Moldavian Soviet Socialist Republic] 5. Kishinev: Shtiintsa, 1973. (In Russian).

Savchenko E. I. In: Arkheologiiia Srednego Dona v skifskuiu epokhu: trudy Donskoi (b. Potudanskoi) arkheologicheskoi ekspeditsii Instituta arkheologii Rossiiskoi Akademii nauk [Archaeology of Middle Don in the Scythian Epoch: Proceedings of the Don (former Potudan') Archaeological Expedition, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences]. Moscow: “Grif i K” Publ., 2004. Pp. 151–277. (In Russian).

Sinika V. S., Menshikova V. A., Telnov N. P. In: Stratum plus. Arhiologiya i kulturnaya antropologiya [Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology]. Vol. 3 (2014a): 65–101. (In Russian).

Sinika V. S., Razumov S. N., Telnov N. P. Arheologicheskoe nasledie Pridnestrov'ia [Archaeological Heritage of Pridnestrovie]. Tiraspol: Poligrafist, 2016. (In Russian).

Sinika V. S., Tashchi E. F., Telnov N. P., Chetverikov I. A. In: Stratum plus. Arhiologiya i kulturnaya antropologiya [Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology]. Vol. 3 (2012): 187–215. (In Russian).

Sinika V. S., Telnov N. P. 2015. In: Voina i voennoe delo v skifo-sarmatskom mire [War and Warfare in the Scythian-Sarmatian World]. Rostov-on-Don: Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 2015. Pp. 180–190. (In Russian).

Sinika V. S., Telnov N. P. In: Novoe proshloe [New Past]. Vol. 4 (2016a): 258–272. (In Russian).

Sinika V. S., Telnov N. P. In: Starodavn'e Prichernomor'ja [Ancient Black Sea Region]. Vol. XI (2016b): 488–499. (In Russian).

Sinika V. S., Chetverikov I. A., Telnov N. P. In: Revista arheologică. Seria nouă. Vol. X (1-2) (2014b): 210–217. (In Russian).

Smirnov K. F. In: Sovetskaia Arkheologiiia [Soviet Archaeology] Vol. 1 (1982): 120–131. (In Russian).

Subbotin L. V. Otchet ob okhrannykh raskopkakh kurgana v s. Orlovka i g. Belgorod-Dnestrovskom v 1973–1974 gg. [Report on the Rescue Excavations of the Barrow in Orlovka Village and the Barrow in Belgorod-Dnestrovsky in 1973–1974]. Kiev. Arkhiv Instituta arkheologii Natsional'noi Akademii nauk Ukrainy [Archive of the Archaeology Institute of the Ukraine National Academy of Sciences], №. 1973-74/53, 1975. (In Russian).

Telnov N. P., Chetverikov I.A., Sinika V. S. Skifskij mogil'nik III-II vv. do n.e. u s. Glinoe [Scythian Cemetery of 3rd-2nd Centuries BC near Glinoe Village] Arkheologicheskie pamiatniki Pridnestrov'ia [Archaeological Sites of Pridnestrovie] Tiraspol: Stratum plus, 2016. (In Russian).

Fabritsius I. V. Arkheologicheskaia karta Prichernomor'ia Ukrainskoi SSR [Archaeological Map of the Pontic Region of the Ukrainian SSR]. Kiev: Academy of Sciences of the USSR, 1951. (In Russian).

Fidelschi S. A. In: Drevnosti Severnogo Prichernomor'ia III–II vv. do n. e. [Antiquities of the Northern Pontic Area from the 3rd-2nd Centuries BC]. Tiraspol: T. G. Shevchenko Pridnestrovian State University, 2012. Pp. 16–20. (In Russian).

Chetverikov I. A., Sinika V. S. In: Starozhytnosti stepovoho Prychernomoriya i Krymu [Antiquities of the Steppe Zone in Northern Pontic and Crimea]. Vol. XV (2009): 204–212. (In Russian).

Pósta B. 1905. Régészeti tanulmányok az Oroszföldön. Második resz. (Zichy Jenő Gróf. Harmadik ázsiai utazása. IV. Kötet) (Archäologische Studien auf Russischem Boden. Zweiter Theile. (Dritte Asiatische Forschungsreise des Grafen Eugen Zichy. Band IV). Budapest – Leipzig: Hornyánszky Victor – Karl W. Hiersemann.

Shkadyshek M. In: Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei [Proceedings of the Imperial Odessa Society for History and Antiquities]. Vol. XXVIII (1910): 92–94. (In Russian).

V. S. Sinika

Tiraspol, Republic of Moldova; Nizhneartovsk, Russia

NEW SITE OF THE IIIrd–IInd CENTURIES BC ON THE LEFT BANK OF THE LOWER DNIESTER REGION

Abstract. The article publishes and analyzes materials of the IIIrd–IInd centuries BC found in the 2015–2016 on the multilayered settlement Parkany–II on the left bank of the Lower Dniester. Published for the first time of Sino-pean amphora stamp the name of astynomos Ἰφις τοῦ Ἐστιαίου fixes the Greek imports coming at the monument in the last quarter of the IIIrd century BC. Cast in bronze hooked-clasp and belt hook clearly supports their affiliation to the material culture of the Scythians. These items have enough analogies in the Scythian monuments not only in Dniester Region, but also in Bug Region, Dnieper Region, in Crimea and in the Don Region. The relationship of these finds and the cultural layer of the IIIrd–IInd centuries BC of Parkany–II settlement and the synchronous Scythian burial complexes, studied between Parcani village, Slobozeya district, and Bychok village, Grigoriopol district, more than a hundred years ago, is obvious. This is evidenced by the recently published materials from the Scythian cemetery of the IIIrd–IInd centuries BC near Glinoe village, Slobodzeya district, where was found the closest analogy to the hooked-clasp from the settlement Parkany–II. In addition, a hook of similar construction comes from barrow 156, studied near Parkany at the end of the XIXth century. This allows us to conclude, firstly, that on the left bank of the Lower Dniester, new archaeological macrocomplex of the IIIrd–IInd centuries BC was revealed functioned in IIIrd–IInd centuries BC, and secondly, the new archaeological macrocomplex of the IIIrd–IInd centuries BC, which at the moment is not the only one of its kind. Similar macrocomplexes are already known. One of them is located 31,5 km south-east of the settlement Parkany–II, near the village Glinoe, Slobodzeya district, and includes a cemetery (studied in 1995–2012) and a settlement on the river Krasnaia (stationary has not been studied). A second similar macrocomplex is located 25 km south-east of the settlement Parkany–II, near Chobruchi village, and consists of a settlement with a layer of the IIIrd–IInd centuries BC (excavations of 1993–2014) and synchronous Scythian barrows. In total Materials obtained during the excavations and surveys of these sites do not make no doubt that the Scythian steppe culture in the Dniester region is not only not ceased to exist at the end of the IVth. Century BC or in the first third of the IIIrd century BC, as previously thought, but also continued to grow, at least until the end of the IInd century BC.

Key words: Lower Dniester Region; Scythians; III–II BC; burials; settlements; Sinopa stamp; hooked-clasp; belt hook.

About the author: Vitalij Stepanovich Sinika, Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher of the Scientific Laboratory «Archaeology»; Senior Researcher at the Laboratory for Historiography and Field Studies.

Place of employment: T.G. Shevchenko Pridnestrovian State University; Nizhneartovsk State University.

Синика В. С. Новый памятник III–II вв. до н.э. на левобережье нижнего Днестра // Вестник Нижнеартовского государственного университета. 2017. № 2. С. 122–129.

Sinika V. S. New site of the IIIrd–IInd centuries bc on the left bank of the lower Dniester region // Bulletin of Nizhneartovsk State University. 2017. No. 2. P. 122–129.

УДК 94(420).086

Л. А. Якубова, М. Ф. Бадалов
Нижнеартовск, Россия

МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА ВЕЛИКОБРИТАНИИ В 2010–2015 гг.¹

Аннотация. В статье исследованы основные положения миграционной политики Великобритании в 2010–2015 гг.; выявлены особенности межпартийной политической борьбы Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии относительно проблемы мигрантов. В течение 2010–2015 гг. в Великобритании, как и в большинстве государств Европейского Союза, был зафиксирован рост доли иммигрантов и их потомков в общем составе населения страны; в этой связи внимание политических и общественных институтов к этой проблеме неуклонно возрастало.

Иммиграционный кластер населения Великобритании в исследуемый хронологический период достаточно разнообразен и может быть представлен следующими группами: прибывающие из европейских государств, ставших полноправными членами Европейского Союза в 2004 г.; иностранные студенты; граждане,

---

¹ Статья подготовлена в рамках реализации проекта 574865-EPP-1-2016-1-RU-EPPJMO-MODULE, тема проекта «Социальная политика Европейского Союза» (Erasmus+ Programme, Jean Monnet Activities) по грантовому соглашению № 2016-2593/001-001.

спасающиеся от преследования на своей родине; прибывающие граждане не из Европейского Союза (Африка, Азия, Австралия и Новая Зеландия).

В 1997 г. с приходом к власти Лейбористской партии во главе с Тони Блэром чистая иммиграция составляла 107 тыс. человек в год, а в 2007 г. – уже 330 тыс. человек. В период с 1997 по 2007 гг. чистая иммиграция составила 3 млн человек, что эквивалентно 5% населения Великобритании. Около 2/3 из них не являются гражданами Европейского Союза.

Проблемы и трудности, связанные с интенсивным притоком мигрантов в Великобританию в течение 2010–2015 гг., обусловили курс на ужесточение государственной миграционной политики. Эти меры включали в себя серьезное ужесточение тестов на знание иммигрантами английского языка; отзыв около 300 лицензий у образовательных учреждений (в основном колледжей), выдававших приезжим фиктивные визы на обучение; снижение квот на проезд специалистов (в том числе высококвалифицированных); в течение 2010–2012 гг. около 500 языковых школ Великобритании утратили право спонсировать иностранных студентов, многие из которых приезжали на обучение, а потом старались остаться в стране, получить работу и впоследствии вид на жительство. Однако эти меры носили вторичный характер по отношению к первичной потребности британской экономики в постоянном притоке рабочей силы и никак не способствовали решению проблем с интеграцией иммигрантов и их потомков.

При этом в Великобритании существовали институты, заинтересованные в сохранении интенсивного иммиграционного потока. Местные органы власти в условиях ограниченного финансирования не могли привлечь местных жителей на низкооплачиваемые профессии и вынуждены были принимать на работу иммигрантов.

Исследование построено на анализе оригинальных англоязычных источников – предвыборных манифестов Консервативной и Лейбористской партий, материалов статистических сборников «United Kingdom: Migrants».

Ключевые слова: Великобритания; парламентские выборы; Лейбористская партия Великобритании; Консервативная партия Великобритании; социальная политика; миграционная политика; Тони Блэр; Гордон Браун; Дэвид Кэмерон; Тереза Мэй; мигранты; миграционное законодательство.

Сведения об авторах: Лала Алиевна Якубова¹, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой документоведения и всеобщей истории; Мехмедлы Фазиль оглы Бадалов², аспирант кафедры документоведения и всеобщей истории Нижневартковского государственного университета.

Место работы: ¹Нижневартковский государственный университет.

Контактная информация: ^{1,2}628615, г. Нижневартовск, ул. Ленина, д. 56, тел.: 8 (3466) 44-39-50, ¹e-mail: lalayakubova@gmail.com.

Начиная с первого десятилетия XXI в. миграционный вопрос занимал важное место в межпартийной политической борьбе Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии. В течение 2010–2015 гг. в Великобритании, как и в большинстве государств Европейского Союза, был зафиксирован рост доли иммигрантов и их потомков в общем составе населения страны; в этой связи внимание политических и общественных институтов к этой проблеме неуклонно возрастало.

В научной исторической и политологической литературе на русском языке миграционной проблеме в Великобритании на современном этапе уделено недостаточно внимания. Наибольший вклад в ее изучение внесли такие исследователи, как Т.А. Васильева (Васильева 2010), А.А. Нестерова (Нестерова 2012), А.Е. Шапаров (Шапаров 2010). Работы европейских авторов являются более многочисленными и глубокими по своей сути. Особого внимания заслуживают работы П. Крэйга (Craig 2015), С. Дугласа-Скотта (Douglas-Scott 2015), Дж. Найта (Knight 2012).

Вопросы миграционной политики и ее результатов неоднократно были предметом социологических опросов британского населения. Так, по данным опроса 2013 г., более 75% британцев

выступали за снижение иммиграции, за увеличение – менее 5%. При этом среди тех, кто считал, что иммиграция могла бы быть сколько-нибудь полезна Соединенному Королевству, более половины считала, что уровень иммиграции должен быть снижен. 75% опрошенных утверждали, что иммигранты затрудняют получение социальных услуг, 2/3 респондентов видели в присутствии иммигрантов угрозу рынку труда (UK: Migrants. Migration News, January 2013).

В 1997 г. с приходом к власти Лейбористской партии во главе с Тони Блэром чистая иммиграция составляла 107 тыс. человек в год, а в 2007 г. этот показатель составил уже 330 тыс. человек. В период с 1997 по 2007 гг. чистая иммиграция составила 3 млн, что эквивалентно составляет 5% населения Великобритании. Около 2/3 из них не являются гражданами Европейского Союза (UK: A8 Migrants. Migration News, July 2014).

Иммиграционный кластер населения Великобритании в исследуемый хронологический период достаточно разнообразен и может быть представлен следующими группами.

Первую группу иммигрантов составляли прибывающие из европейских государств, ставших полноправными членами Европейского Союза в 2004 г. 1 мая 2004 г. в состав Европейского

Союза вошли восемь стран Центральной и Восточной Европы. В официальных статистических отчетах эта группа стран обозначалась как А8 и включала такие страны как Польша, Болгария, Румыния, Чехия, Словакия, Словения, Венгрия и др. В соответствии с правилами Евросоюза, по истечении определенного срока граждане вновь вошедших стран получают право свободного передвижения внутри этого интеграционного объединения. Предполагалось, что миграция из этих стран в Великобританию не должна была превысить 15 тыс. человек. Однако прогнозы не оправдались: к началу 2015 г. в страну приехало свыше 1 млн мигрантов из новых государств – членов Европейского Союза. Всего, по данным на март 2014 г., в Великобритании проживало уже около 1,8 млн трудовых мигрантов из стран Европейского Союза (Britain Can Be Better. The Labour Party Manifesto 2015).

Усреднённый портрет мигранта из так называемой группы А8 представляет собой поляка в возрасте 30 лет, иногда с высшим образованием, с очень низким знанием английского языка, занимающегося низкоквалифицированным трудом в сфере услуг, строительстве и сельском хозяйстве. Средний заработок среди этих иммигрантов не превышал в 2010–2014 гг. 400 ф. ст. в неделю. Их образование и профессиональные навыки в условиях британского рынка труда оставались в данный период по большей части невостребованными.

Вторая группа мигрантов – это иностранные студенты. Численность иностранных студентов, приезжающих в Великобританию на обучение, увеличилась с 117 тыс. в 1998–1999 гг. до 230 тыс. в 2007–2008 гг., до 415 тыс. в 2009 г., а в 2011 г. составила около 300 тыс. человек.

Третья группа мигрантов была представлена гражданами, спасающимися от преследования на своей родине; Великобритания разрешает въезд таким гражданам в том случае, если они действительно конкурентоспособны в сфере своей деятельности и могут быть полезны принимающей их стране.

Четвертая, традиционная группа мигрантов, – это прибывающие граждане не из Европейского Союза. В эту группу включают граждан Африки, Азии, Австралии и Новой Зеландии.

Динамику присутствия мигрантов в этнической структуре британского общества позволяют проследить и переписи населения. По данным переписи 2001 г., из 57 млн населения каждый двенадцатый житель Великобритании принадлежал к тому или иному этническому меньшинству. Перепись 2011 г. показала, что при общей численности населения 63 млн уже каждый шестой житель представлял собой данное меньшинство.

Доля иностранных рабочих в Великобритании возросла с 7% в 1998 г. до 13% в 2008 г. За

период с 2002 г. по 2012 г. численность работающих британцев не увеличилась, и практически все новые рабочие места (1,7 млн мест), созданные британскими властями за этот период, заняли мигранты. Необходимо отметить, что по состоянию на 2012 г. в Великобритании насчитывалось около 500 тыс. вакантных мест при 2,5 млн безработных. Значительная часть безработных приходилась на молодёжь: среди молодых людей в возрасте от 16 до 25 лет около 1 млн безработных. Обещание Гордона Брауна в 2007 г. предоставлять рабочие места преимущественно британцам выполнено не было, свобода передвижения в рамках Европейского Союза предоставляла возможность мигрантам успешно конкурировать с местными трудовыми резервами (UK: Reducing Migration. Migration News, July 2012).

С приходом к власти в 2010 г. консервативно-либеральный блок обещал за пять лет, к маю 2015 г., снизить чистый приток иммигрантов до 100 тыс. в год. Однако, по состоянию на лето 2013 г. этот показатель составлял 182 тыс. человек в год.

25 марта 2013 г. Дэвид Кэмерон выступил с очередной речью о миграционной ситуации в стране. В основных принципах консерваторы остались верны тому, что уже было изложено в предвыборном манифесте Консервативной партии 2010 г. и речи Дэвида Кэмерона 14 апреля 2011 г. При этом наблюдалось смещение акцентов с мигрантов, прибывающих с Африканского континента и Южной Азии на мигрантов, приезжающих в Великобританию из присоединившихся в 2004 г. к Евросоюзу стран Восточной Европы.

Дэвид Кэмерон подтвердил прежнюю задачу снизить уровень ежегодной иммиграции с сотен тысяч до десятков тысяч человек. Мультикультурные установки на сохранение этнического и религиозного разнообразия также остались в силе. Общины иммигрантов по-прежнему были признаны фундаментальной и неотъемлемой частью британского общества. Курс на приём людей, спасающихся от преследования у себя на родине, не изменился. Консервативная риторика о стремлении разрешать въезд только тем, кто действительно нужен стране и поможет ей в глобальной международной конкуренции (высококвалифицированным специалистам, предпринимателям-новаторам), звучала и раньше, а в данном выступлении приобрела новое, еще более важное, значение в связи с мерами по ужесточению иммиграционного контроля (David Cameron's immigration speech 2014).

В октябре 2012 г. министр внутренних дел Великобритании Тереза Мэй выступила с критикой прежней миграционной политики лейбористов, указав на то, что приток мигрантов из новых государств – членов Европейского Союза позво-

лил британским работодателям сдерживать рост заработной платы внутри Соединенного Королевства. С подобными заявлениями в августе 2012 г. выступил глава управления по иммиграции Министерства внутренних дел Великобритании Дэмиан Грин (5 сентября 2014 г. его сменил Марк Гарпер). Иногда на этой почве случались публичные скандалы, подобные тому, что произошёл в феврале 2014 г.: уже сам Гарпер подал в отставку, когда стало известно, что в его доме трудился уборщиком нелегальный иммигрант.

В докладе 2012 г. Консультативного совета по миграции отмечалось, что с 1995 по 2010 гг. приезд каждые 100 иммигрантов не из стран Европейского Союза оставляет без работы 23 британца. При этом необходимо сделать уточнение, что реальная заработная плата в Великобритании за период с 2010 по 2013 гг. снизилась на 5%. Падение заработной платы было обусловлено тем, что мигрантам можно платить меньше. В марте 2014 г. Министерство труда Великобритании выявило, что после экономического спада 2008–2009 гг. приезжие вытеснили с рынка труда заметную долю британских неквалифицированных кадров. Например, за первые шесть месяцев 2010 г., несмотря на рост британской экономики, численность работающих британских граждан снизилась на 179 тыс., а численность занятых в экономике работников небританского происхождения увеличилась на 126 тыс.

В течение 2010–2014 гг. правительством Великобритании были предприняты следующие меры по ослаблению иммиграции:

- 1) серьезное ужесточение тестов на знание иммигрантами английского языка;
- 2) отзыв около 300 лицензий у образовательных учреждений (в основном колледжей), выдававших приезжим фиктивные визы на обучение;
- 3) снижение квот на приезд специалистов (в том числе высококвалифицированных);
- 4) в течение 2010–2012 гг. около 500 языковых школ Великобритании утратили право спонсировать иностранных студентов, многие из которых приезжали на обучение, а потом старались остаться в стране, устроиться на работу и получить вид на жительство.

Летом 2010 г. началась активная борьба с фиктивными браками, позволяющими приезжать в Великобританию на постоянное место жительства под предлогом воссоединения семьи. Так, в июне 2010 г. был осуждён священнослужитель А. Браун, которому инкриминировали освящение свыше 360 фиктивных браков в 2005–2009 гг. Наиболее часто подобного рода браки заключали иммигранты из Восточной Европы, имеющие право въезда в Великобританию, с приезжими из стран Западной Африки, такого права не имею-

щими (UK: Migrant Cap. Migration News, October 2010).

Усилилась борьба с нелегальной иммиграцией. Например, за использование труда нелегальных иммигрантов в 2012 г. было выписано 1 200 штрафов на сумму 11 млн ф. ст., а в 2013 г. уже 1 822 штрафа на сумму 14 млн ф. ст. (UK: Migrants. Migration News, April 2014).

В феврале 2010 г. вступили в силу новые правила въезда иностранных студентов. До прибытия они теперь обязаны подтвердить знание английского языка на уровне британской средней школы. Членов семей иностранных студентов лишили возможности сопровождать их. Если курс обучения не подразумевает присвоение степени или научного звания, то студенты могут работать не более 10 часов в неделю, что вдвое меньше разрешенного времени до 2010 г.

Ужесточение миграционной политики также получило свое выражение в таких предложениях британских парламентариев, как пересмотр практики предоставления приезжим социального жилья; увеличение вдвое штрафов для работодателей, использующих труд нелегальных мигрантов; ограничение финансовых услуг для нелегальных мигрантов по открытию банковских счетов, получению кредитных карт и кредитов; установление имущественных цензов для мигрантов, желающих привезти супругу или супруга (Strong Leadership. A Clear Economic Plan. A Brighter, More Secure Future. The Conservative Party Manifesto 2015).

Вместе с этим, эти меры носят вторичный характер по отношению к первичной потребности британской экономики в постоянном притоке рабочей силы, и никак не способствуют решению проблем с интеграцией иммигрантов и их потомков. По мнению ряда исследователей, эти меры были бы более эффективны в первые десятилетия после окончания Второй мировой войны в период массовой послевоенной иммиграции.

В Великобритании существуют институты, заинтересованные в сохранении интенсивного иммиграционного потока. Местные органы власти в условиях ограниченного финансирования не могут привлечь местных жителей на низкооплачиваемые профессии и вынуждены принимать на работу иммигрантов. В общей сложности на 2013 г. в сфере социального обеспечения (уход за инвалидами, больными и престарелыми) занято свыше 6,9 млн человек. Каждый пятый работник социальной службы – иммигрант. Их труд оплачивается из бюджета местных органов самоуправления, которые экономят на расходах, не повышая налоги.

В исследуемый нами период бюджет Великобритании нес достаточно высокую социальную нагрузку. Местные органы власти финансировали

частные фирмы, предоставлявшие помощь пожилым людям и инвалидам как на дому, так и в интернатах и домах престарелых. Например, по данным на 2010 г., Национальная служба здравоохранения Великобритании затратила свыше 160 млрд долл. США на услуги по уходу. Чем выше стоимость жизни (например, аренды жилья), тем сложнее местным советам найти квалифицированный персонал по приемлемой стоимости. Наибольшие трудности наблюдаются в Лондоне, где утвердились наиболее высокие цены на жильё (UK: Migrant Cap. Migration News, October 2010).

По данным на 2009 г., среди иммигрантов, приехавших в Великобританию не из стран Европейского Союза, приблизительно 60% составляли студенты. Некоторые студенты сразу приезжают с семьями и детьми и пытаются устроиться на неполный рабочий день. При этом около 20% из приехавших по студенческим визам остаются в стране не менее чем на 5 лет.

В 2010–2012 гг. до 40% иммигрантов приезжали в Великобританию как студенты, и образовательные учреждения страны выступали против снижения квот для иностранных студентов, видя в них источник дохода (UK: Migration, Tiers. Migration News, April 2012). Две трети иностранных студентов в Великобритании приезжают не из стран Евросоюза, при этом для них плата за обучение в несколько раз больше по сравнению с британскими студентами и студентами из стран Европейского Союза.

Подобная ситуация складывалась не только в социальной и образовательной сфере. Представители британских высокотехнологичных компаний не раз жаловались на трудности в получении трудовых виз для IT-специалистов из Индии. Исследование «Института персонала и развития» в марте 2013 г. показало, что английские работодатели нередко предпочитают брать на работу иммигрантов по причине их трудолюбия и более низкой текучести кадров. Из-за этого в частном секторе около 11% рабочих мест заняли приезжие, а каждая седьмая частная фирма имеет в штате свыше 20% рабочих-иммигрантов. Британские фермеры для сбора урожая 2014 г. попросили правительство привлекать трудовые ресурсы из России, Украины и Турции (UK: Migrants. Migration News, April 2013).

Национальный союз фермеров Великобритании ещё в 2009 г. сообщал, что в регионе Ист-Мидлендс на 12 тыс. сельскохозяйственных рабо-

чих-иммигрантов приходилось всего 2,3 тыс. рабочих-британцев. По мнению фермеров, у местных рабочих отсутствуют три ключевых качества, существенных для трудовой этики: энтузиазм, согласованность действий и способность работать в условиях жёсткого хронометража (UK: Reducing Migration. Migration News, July 2012). В 2011 г. после сокращения квот по ряду дефицитных профессий (в том числе стригалей) имели место даже выступления фермеров. До 20% стригалей приезжают в Великобританию из Австралии и Новой Зеландии (UK: Migrants, Multiculturalism. Migration News, April 2011).

Сети отелей «Malmaison» и «Hotel du Vin» в феврале 2012 г. сообщили о том, что из 2,3 тыс. их сотрудников только 40% являются британскими гражданами, потому что местное население не стремится занимать низкоквалифицированные вакансии, не хочет долго и упорно работать, чтобы строить карьеру с самых низов. Британская сеть ресторанов фаст-фуда «Pret a Manger» в 2011 г. прямо заявила, что охотно нанимает на работу иммигрантов из Восточной Европы, поскольку найти квалифицированных работников среди британской молодёжи весьма затруднительно (UK: Migrants, Tiers. Migration News, April 2012).

По данным на 2010 г., 3/4 приезжих из Южной Азии и Нигерии, значившихся по документам как высококвалифицированные рабочие, реально устроились работать в супермаркеты на низкоквалифицированные должности (UK: Migrants, Ireland. Migration News, January 2011).

Таким образом, накануне всеобщих парламентских выборов 2015 г. в британском обществе существовала достаточно серьёзная проблема, связанная с наличием в социальной структуре мигрантов различных групп с разной степенью социальной включенности. Можно заключить, что сосуществование политических и общественных сил, выступавших как за сохранение, так и за снижение высокого уровня иммиграции, заставляло ведущие политические партии маневрировать между этими двумя тенденциями, часто принимая половинчатые решения. Несмотря на это, в течение 2010–2015 гг. в государственной миграционной политике Великобритании весьма четко был обозначен курс на ужесточение миграционных требований и условий въезда в Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии.

ЛИТЕРАТУРА

Васильева Т. А. 2010. Миграционная политика, гражданство и статус иностранцев в странах западной демократии: сравнительно-правовое исследование: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Москва.

Нестерова А. А. 2012. Мобильность рабочей силы в Европейском союзе // Журнал международного права и международных отношений 4, 84–90.

Шапаров А. Е. 2010. Иммиграционная политика Великобритании: наследие прошлого – проблемы для будущего // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование 6, 104–116.

Britain Can Be Better. The Labour Party Manifesto 2015. URL: <http://www.labour.org.uk/blog/entry/the-labour-party-manifesto-2015> (дата обращения: 27.01.2017).

Craig P. 2015. Responsibility, Voice and Exit: Britain Alone? // Oxford Legal Studies Research Paper 22, 27–33.

David Cameron's immigration speech. URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/david-camerons-immigration-speech> (дата обращения: 27.01.2017).

Douglas-Scott S. 2015. UK Exit from the EU: The End of the United Kingdom or a New Constitutional Dawn? // Oxford Legal Studies Research Paper 25, 10–12.

Knight J. 2012. The Chatham House-YouGov Survey 2012: Hard Choices Ahead. British Attitudes Towards the UK's International Priorities // The Royal Institute of International Affairs 36 // https://www.chathamhouse.org/sites/files/chathamhouse/public/Research/Europe/0712ch_yougov_surveyanalysis.pdf. (27.01.2017)

Strong Leadership. A Clear Economic Plan. A Brighter, More Secure Future. The Conservative Party Manifesto 2015. URL: <https://www.conservatives.com/manifesto> (дата обращения: 27.01.2017).

UK: Migrant Cap. Migration News, October 2010. Vol. 17. № 4.

UK: Migrants, Ireland. Migration News, January 2011. Vol. 18. № 1.

UK: Migrants, Multiculturalism. Migration News, April 2011. Vol. 18. № 2.

UK: Migrants, Tiers. Migration News, April 2012. Vol. 19. № 2.

UK: Migrants. Migration News, April 2013. Vol. 20. № 2.

UK: Migrants. Migration News, April 2014. Vol. 21. № 2.

UK: Migrants. Migration News, January 2013. Vol. 20. № 1.

UK: Reducing Migration. Migration News, July 2012. Vol. 19. № 3.

UK: A8 Migrants. Migration News, July 2014. Vol. 21. № 3.

REFERENCES

Vasil'eva T. A. Migracionnaja politika, grazhdanstvo i status inostrancev v stranah zapadnoj demokratii: sravnitel'no-pravovoe issledovanie: Avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk [Migration policy of, citizenship and legal status of foreigners in western democratic countries: comparative study: An author's abstract of the thesis for the degree of Doctor of Jurisprudence]. Moscow, 2010. (In Russian).

Nesterova A. A. 2012. In: Zhurnal mezhdunarodnogo prava i mezhdunarodnyh otnoshenij [Journal of International Law and International Relations]. Vol 4 (2012): 84–90. (In Russian).

Shaparov A. E. In: Problemnyj analiz i gosudarstvenno-upravlencheskoe proektirovanie [Problem analysis and state planning]. Vol 6 (2010): 104–116. (In Russian).

Britain Can Be Better. The Labour Party Manifesto 2015. Available at: <http://www.labour.org.uk/blog/entry/the-labour-party-manifesto-2015>. (Accessed on 27.01.2017).

Craig P. In: Oxford Legal Studies Research Paper. Vol. 22 (2015): 27–33.

David Cameron's immigration speech. Available at: <https://www.gov.uk/government/speeches/david-camerons-immigration-speech>. (Accessed on 27.01.2017).

Douglas-Scott S. In: Oxford Legal Studies Research Paper. Vol. 25 (2015): 10–12.

Knight J. 2012. The Chatham House-YouGov Survey 2012: Hard Choices Ahead. British Attitudes Towards the UK's International Priorities. Available at: https://www.chathamhouse.org/sites/files/chathamhouse/public/Research/Europe/0712ch_yougov_surveyanalysis.pdf. (Accessed on 27.01.2017).

Strong Leadership. A Clear Economic Plan. A Brighter, More Secure Future. The Conservative Party Manifesto 2015. Available at: <https://www.conservatives.com/manifesto>. (Accessed on 27.01.2017).

UK: Migrant Cap. Migration News, October 2010. Vol. 17. № 4.

UK: Migrants, Ireland. Migration News, January 2011. Vol. 18. № 1.

UK: Migrants, Multiculturalism. Migration News, April 2011. Vol. 18. № 2.

UK: Migrants, Tiers. Migration News, April 2012. Vol. 19. № 2.

UK: Migrants. Migration News, April 2013. Vol. 20. № 2.

UK: Migrants. Migration News, April 2014. Vol. 21. № 2.

UK: Migrants. Migration News, January 2013. Vol. 20. № 1.

UK: Reducing Migration. Migration News, July 2012. Vol. 19. № 3.

UK: A8 Migrants. Migration News, July 2014. Vol. 21. № 3.

L.A. Yakubova, M.F. Badalov
Nizhnevartovsk, Russia

GREAT BRITAIN'S MIGRATION POLICY IN 2010–2015

Abstract. The given article touches upon the basic statements of the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland migration policy in 2010–2015 as well as the peculiarities of political struggle towards the migrant issues. During 2010–2015 in the UK, as in most European Union countries, the increase in the proportion of immi-

grants and their descendants in the total population of the country had been recorded; in this aspect, the attention of political and social institutions to this very issue has steadily increased.

The UK immigration cluster population in the period analyzed is quite diverse and can be represented by the following groups: people coming from European countries, which have become full-fledged members of the European Union in 2004; foreign students; people fleeing from persecution in their home country; people arriving from outside of the European Union (Africa, Asia, Australia and New Zealand).

In 1997, with the advent of the Labour Party led by Tony Blair to power, net immigration amounted to 107 thousand people a year, and in 2007 the figure was already 330 thousand. Man. In 1997–2007 net immigration was about 3 million, which was equivalent to 5% of the UK population. About 2/3 of them were not the European Union citizens.

Problems and difficulties associated with heavy influx of migrants to the UK during 2010–2015 led a course on tightening of the state migration policy. These measures included a significant tightening of tests on the English language skills by immigrants; review about 300 licenses of educational institutions (mainly colleges) issued bogus visitors visas to study; decline in the arrival of experts allowances (including qualified); during 2010–2012 500 UK language schools have lost the right to sponsor foreign students, many of whom came to the training, and then tried to stay in the country, get a job, and subsequently residence permits. However, these measures were of secondary nature in relation to the primary needs of the British economy in a constant inflow of labor force, and did not contribute to solving the problems with the integration of immigrants and their descendants.

In the UK there were institutions that were interested in preservation of intense immigration flow. Local authorities in the limited funding could attract local residents on low-paid occupations and were forced to hire immigrants.

The study is based on the analysis of the original English-language sources – the election manifesto of the Conservative and Labour parties, materials statistical compilations «United Kingdom: Migrants».

Key words: Great Britain; general elections; The Labour Party; the Conservative Party; social policy; migration policy; Tony Blair; Gordon Brown; David Cameron; Theresa May; migrants; migration legislation.

About the authors: Lala Alievna Yakubova¹, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Documentation Studies and General History, Mekhmedaly Fazil ogli Badalov², post-graduate student of the Department of Documentation Studies and General History of the Nizhnevartovsk State University.

Place of employment: ¹Nizhnevartovsk State University.

Якубова Л. А., Бадалов М. Ф. Миграционная политика Великобритании в 2010–2015 гг. // Вестник Нижневартовского государственного университета. 2017. № 2. С. 129–135.

Yakubova L.A., Badalov M.F. Great Britain's migration policy in 2010–2015 // Bulletin of Nizhnevartovsk State University. 2017. No. 2. P. 129–135.

Уважаемые коллеги!

Нижевартовский государственный университет приглашает ученых, преподавателей, сотрудников научно-исследовательских институтов и лабораторий, аспирантов опубликовать результаты своих исследований в области биологических, педагогических, гуманитарных наук.

«Вестник Нижевартовского государственного университета» – периодическое научное издание. Журнал выходит ежеквартально.

Журнал выходит в трех тематических выпусках, отражающих следующие научные направления:

- **Биологические науки.**
03.02.08 Экология.
- **Гуманитарные науки.**
07.00.02 Отечественная история.
07.00.03 Всеобщая история.
- **Педагогические науки**
13.00.04 Теория и методика физического воспитания, спортивной тренировки, оздоровительной и адаптивной физической культуры.
13.00.08 Теория и методика профессионального образования

Тематические выпуски скомплектованы в соответствии с Номенклатурой специальностей научных работников, утвержденной приказом Минобрнауки России от 25.02.2009 № 59 (в ред. Приказов Минобрнауки РФ от 11.08.2009 № 294, от 10.01.2012 № 5), и таблицей соответствия направлений (аспирантура), утвержденной приказом Минобрнауки России от 06.11.2013 № АК-2589/05.

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, утвержденный ВАК РФ.

«Вестник Нижевартовского государственного университета» зарегистрирован в ISSN реестре: ISSN 2311-1402 (печатная версия журнала); ISSN 2311-4444 (электронная версия журнала).

Публикация в журнале бесплатная.

В журнале публикуются результаты оригинальных научных исследований и обзорные статьи по наиболее актуальным проблемам гуманитарных, педагогических и биологических наук. Предоставляемые в журнал статьи должны излагать новые, еще не опубликованные результаты научных исследований; статьи не должны находиться на рассмотрении для публикации где-либо еще; публикации должны быть одобрены всеми соавторами.

Статья, регистрационная форма, договор на печать статьи в журнале¹ (в 2 экз.) и отзыв научного руководителя (для аспирантов и соискателей) направляются либо ответственному редактору соответствующего Вашей тематике выпуска журнала, либо по адресу vestnik@nvsu.ru (управление научных исследований НВГУ).

Статья направляется на рецензирование. При положительной рецензии работа публикуется в ближайшем выпуске, соответствующем тематике статьи. В случае отказа в публикации автору направляется мотивированный отказ.

Контактная информация

Адрес: 628600, Россия, г. Нижевартовск, ул. Ленина, д. 56, Нижевартовский государственный университет, управление научных исследований (каб. 219).

Телефон: 8 (3466) 451820

E-mail: uni@nvsu.ru

Web: www.nvsu.ru

Куратор: Чорев Михаил Михайлович, начальник управления научных исследований

---

¹ См. на сайте журнала: <http://vestnik.nvsu.ru/avtoram>.